

68-310/1
2122

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

В НОВОЕ
И НОВЕЙШЕЕ
ВРЕМЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории

И Майский

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

К 100-летию
со дня рождения
академика И. М. МАЙСКОГО

Ответственный редактор
академик А. М. САМСОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1984

Первый раздел сборника посвящен исследованию творческой биографии И. М. Майского, в нем приведены и воспоминания людей, знавших Ивана Михайловича, работавших с ним рядом.

Во втором разделе помещены статьи, касающиеся проблем, входящих в сферу научных интересов И. М. Майского,— международных отношений и внешней политики XX в., истории Англии и Испании в новое и новейшее время.

Академики М. В. Нечкина и Н. М. Дружинин почтили память своего коллеги статьями, посвященными сюжетам, занимающим значительное место в творчестве И. М. Майского,— отображению глубокого гуманизма, лежащего в основе демократического и революционного движения.

Редакционная коллегия:

академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,

академик А. М. САМСОНОВ,

академик С. Л. ТИХВИНСКИЙ,

А. А. МАЙСКАЯ,

доктор исторических наук Л. В. ПОЗДЕЕВА,

доктор исторических наук С. П. ПОЖАРСКАЯ,

доктор исторических наук Е. Б. ЧЕРНЯК

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

19 января 1984 г. исполнилось 100 лет со дня рождения академика Ивана Михайловича Майского.

При подготовке сборника статей, посвященного памяти ученого, редколлегия ставила перед собой задачу показать многообразие научных интересов Ивана Михайловича, что составляет отличительную черту его длительного пути, отмеченного творческим долголетием — первые работы его появились в печати в начале второго десятилетия XX в., а последние — незадолго до 3 сентября 1975 г., когда оборвалась его жизнь.

И. М. Майский был не только свидетелем, но зачастую и активным участником многих значительных событий и общественных явлений, которыми отмечено его время. Рано пробудившийся интерес к истории с годами окреп, и, чем бы Иван Михайлович ни занимался, он всегда был и оставался историком. Его творчеству постоянно были присущи чувство времени, желание раскрыть советским читателям смысл и суть событий и явлений, свидетелями и очевидцами которых они являлись. Написанные зачастую буквально по горячим следам событий, отмеченные остротой и злободневностью, его статьи и книги со временем не утратили своего значения.

С годами творческое горение Ивана Михайловича не угасало. Напротив, самые значительные произведения он создал, перешагнув 60-летний рубеж. Это были годы, когда И. М. Майский, избранный в 1946 г. действительным членом Академии наук СССР, весь свой богатый жизненный опыт, глубокий интерес к истории поставил на службу науке.

О чем бы ни писал И. М. Майский — о демократическом и революционном движении России и Западной Европы в начале XX в., об истории международных отношений, о борьбе за мир, против войны и фашизма, которую вела советская дипломатия в предвоенные годы, о незабываемых годах второй мировой войны, об истории Англии и Испании в новое и новейшее время, на всем лежит печать глубокой идейной убежденности автора.

Именно это и определяет в первую очередь неиссякаемый читательский интерес к работам И. М. Майского.

Отдавая дань памяти И. М. Майского, редколлегия сборника ставила перед собой задачу тематикой статей отобразить широту творческих интересов ученого и вместе с тем попытаться отразить богатый яркими наблюдениями его жизненный путь, который давал обильную пищу для произведений мемуарного характера.

В первый раздел сборника включены статьи, посвященные исследованию творческой биографии И. М. Майского как дипломата, историка и педагога, оставившего немало учеников и последователей. Сюда же входят воспоминания о нем людей, в сердцах и памяти которых его деятельность оставила глубокий след.

Вторая группа работ в большинстве своем касается тем и сюжетов, составляющих сферу научных интересов И. М. Майского. Поскольку И. М. Майский всегда уделял большое внимание воспитанию научной смены, в книгу наряду с работами известных ученых включены также и статьи молодых исследователей.

Редколлегия благодарит членов Отделения истории Академии наук СССР, участвующих в сборнике в качестве авторов, редакторов и рецензентов, и в первую очередь она хотела бы выразить признательность академикам Милице Васильевне Нечкиной и Николаю Михайловичу Дружинину, почтившим память И. М. Майского статьями, посвященными сюжетам, занимающим такое значительное место в его творчестве,— отображению глубокого гуманизма, лежащего в основе демократического и революционного движения, которым столь ярко отмечены история и культура нашей страны.

Научно-организационная работа выполнена А. Л. Эпштейн.

С. П. Пожарская

АКАДЕМИК

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ МАЙСКИЙ

(СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ)

Иван Михайлович Майский всецело посвятил себя науке только после 1946 г., будучи избранным действительным членом АН СССР по Отделению истории. Если в своей многообразной практической деятельности он никогда не переставал быть ученым, то и в науке он остался человеком, которому близки и понятны государственные задачи. Это сочетание придало особую остроту, политическую зрелость и проницательность его научным трудам.

Особое место в творчестве И. М. Майского занимает история Испании. Как уже неоднократно бывало, интерес к истории этой страны в свое время был вызван практической необходимостью. «В Лондоне я участвовал в „Комитете по невмешательству“ и оказался в трудном положении,— вспоминает Иван Михайлович.— Раньше я никогда серьезно не интересовался Испанией и поэтому был с ней мало знаком. Теперь срочно понадобились самые разнообразные сведения о ней, которые я стал собирать. Постепенно я увлекся и основательно заинтересовался Испанией»¹.

С годами этот интерес не пропал, и, когда И. М. Майский переключился на научную и педагогическую работу, история Испании заняла в ней весьма значительное место. В 1948 г. И. М. Майский в Московском государственном университете начал читать курс лекций по новой и новейшей истории Испании и одновременно вести спецсеминар, посвященный проблемам революции и национально-рево-

¹ Беседа с И. М. Майским: (К 85-летию).— Новая и новейшая история, 1969, № 4.

люционной войны 1936—1939 гг. Курс лекций, который Иван Михайлович читал на историческом факультете МГУ в 1948—1953 гг., впоследствии был положен в основу книги «Испания. 1808—1917»².

В предисловии к монографии, разъясняя читателю мотивы, побудившие его избрать данный сюжет для исследования, Иван Михайлович заметил, что «она является первым опытом марксистской истории Испании за период 1808—1917 гг.» и что «научно-исторических работ по крупным разделам новой истории Испании в советское время опубликовано не было»³.

Необходимо отметить, что и до настоящего времени эта работа остается единственным обобщающим марксистским исследованием важнейшего периода в истории Испании. «Моей целью,— писал И. М. Майский,— было создать книгу, доступную не только специалистам-историкам, но и широкому советскому читателю»⁴. Эта цель была достигнута автором, но не за счет снижения уровня исследования, а благодаря стилистическим достоинствам книги: ее образному языку, ярким и запоминающимся портретам действующих на исторической сцене лиц.

Как и другие работы И. М. Майского, «Испанию. 1808—1917» отличают богатство и разнообразие использованного материала, в том числе фондов Архива внешней политики России и испанских документальных публикаций. Историческая литература по Испании XIX в. на русском языке — как советского, так и досоветского периода — крайне скудна, но Иван Михайлович бережно, буквально по крупицам собрал и использовал все, что было создано по данной теме его предшественниками — русскими историками-испанистами А. Трачевским, В. Пискорским, С. Лозинским и др. Сосредоточив внимание на социально-экономическом аспекте темы, И. М. Майский дает ответ на вопрос, что же принес XIX век Испании, с чем она подошла к рубежу, с которого началась эпоха новейшего времени. В этом смысле книга весьма актуальна, поскольку остроту классовых конфликтов современной Испании во многом предопределили не решенные XIX в. проблемы буржуазно-демократической революции.

«Испания. 1808—1917» не единственная работа, где в исследовательском плане реализован глубокий интерес

² Майский И. М. Испания, 1808—1917. М., 1957.

³ Там же, с. 6.

⁴ Там же.

И. М. Майского к Испании и ее истории. В начале 60-х годов была опубликована его работа под названием «Испанские тетради»⁵, посвященная борцам за Испанскую республику. Книга вызвала большой интерес историков и широкой общественности. Написанная в излюбленном автором жанре воспоминаний, она вместе с тем представляет собой основанное на документах исследование, проливающее свет на один из слабоизученных в отечественной и зарубежной историографии аспектов борьбы на международной арене в преддверии второй мировой войны — деятельность лондонского Комитета по невмешательству в испанские дела, в котором И. М. Майский представлял Советский Союз.

В этой книге И. М. Майский не только разоблачает итало-германскую агрессию в Испании в 1936—1939 гг., но и обнажает дипломатические ухищрения других империалистических держав, способствовавших удушению Испанской республики. Особенно, на наш взгляд, удачны те разделы «Испанских тетрадей», где, основываясь на личных наблюдениях и богатом жизненном опыте, автор дает рельефные, порой решенные в остросатирическом плане портреты многих западноевропейских политических лидеров того периода, раскрывает механизм деятельности пресловутого Комитета по невмешательству в испанские дела.

Воспроизведенные автором в книге диалоги и эпизоды, не повторяя буквально официальных документов, содержат дополнительные штрихи, позволяющие исследователю полнее ощутить атмосферу эпохи.

В 19-м томе «Документов внешней политики СССР» была опубликована телеграмма от 1 ноября 1936 г. в которой советский полпред сообщал в НКВД о своей беседе с У. Черчиллем:

«По испанскому вопросу у нас произошла большая дискуссия. Начал Черчилль с того, что, мол, победа Франко с точки зрения британских интересов выгоднее, чем победа испанского правительства, так как-де „красная“ Испания слишком напугала бы английских консерваторов и вызвала бы большие пертурбации во Франции. На Франко же английское правительство могло бы надавить и таким образом обеспечить свои позиции на Средиземном море»⁶.

⁵ Майский И. М. Испанские тетради. М., 1962.

⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1974, т. 19, с. 531.

В «Испанских тетрадах» об этой же беседе читаем: «...мы много говорили о текущих политических проблемах, о важности единого фронта Англии, Франции и СССР против опасности германской агрессии. Потом речь перешла на испанские события. По этому вопросу наши мнения резко разошлись.

Черчилль был противником Испанской республики и явно сочувствовал Франко. Мы долго спорили с ним и даже разгорячились...

Черчилль затянулся сигарой и затем, выдохнув большой клуб дыма, примирительно добавил: „Да и к чему спорить? Пройдет неделя — и весь этот неприятный испанский вопрос исчезнет со сцены“⁷. Такого рода «параллельное чтение», иначе говоря, сопоставление документов и основанных в значительной мере на личных впечатлениях исследований И. М. Майского позволяют осветить многие детали, обогащая наше представление о психологическом климате, в котором проводилась политика «невмешательства». Эта книга, значение которой далеко выходит за рамки дипломатической истории национально-революционной войны в Испании, несомненно, вносит заметный вклад в идеологическую борьбу.

Плодотворной оказалась и педагогическая деятельность И. М. Майского по подготовке кадров историков-испанистов. Свою глубокую увлеченность историей Испании ему настолько удалось передать студентам, что для многих из них это тоже стало делом жизни. Его ученики ныне сами являются авторами серьезных и оригинальных монографических исследований, причем большинство из них избрали периодом своих исследований конец XIX—XX в., прежде всего проблемы рабочего движения, революцию и национально-революционную войну в Испании, т. е. круг проблем, которые они в свое время начали изучать в спецсеминаре И. М. Майского⁸.

⁷ Майский И. М. Испанские тетради, с. 65.

⁸ См., напр.: Гонсалес А. История испанских секций Международного Товарищества Рабочих, 1868—1873. М., 1964; Гарсиа Х. Испания Народного фронта. М., 1957; Он же. Диктатура Примо де Ривера. М., 1963; Он же. Испания XX века. М., 1967; Майданик К. Л. Испанский пролетариат в национально-революционной войне. М., 1960; Пожарская С. П. Социалистическая рабочая партия Испании, 1931—1939 гг. М., 1966; Она же. Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971; Она же. От 18 июля 1936 — долгий путь. М., 1977; Она же. Испания и США: Внешняя политика и общество, 1936—1976. М., 1982; Пономарева Л. В. Рабочее движение в Испании в годы революции (1931—1934). М., 1965; Рапп-Лантарон Э. Влияние Великой Октябрьской

Испанской проблематике посвятили себя и многие ученые И. М. Майского, работой над кандидатскими диссертациями которых он руководил в 60—70-е годы в Институте истории АН СССР⁹. В определенном смысле И. М. Майский является создателем школы советской испанистики послевоенного периода. По его инициативе в 1957 г. при Институте истории АН СССР была создана группа по изучению истории Испании, объединяющая не только профессиональных испанистов-историков и экономистов, но и многих людей, знающих и любящих Испанию, ее народ, историю, литературу и искусство. В работе группы принимали активное участие многие ветераны национально-революционной войны в Испании.

Сам И. М. Майский так характеризовал работу этой группы: «...в начале 1969 г. в связи с реорганизацией института [она] превратилась в самостоятельную группу по изучению истории Испании. Постепенно группа стала научным центром советской испанистики. Диапазон исследований членов группы очень широк. Она не замыкается в каких-либо определенных социально-хронологических рамках. В числе докладов, обсуждавшихся на ее собраниях, были такие, как „Феодальное землевладение в хозяйстве монастыря св. Торибия XIII—XIV вв.“ (С. В. Фрязинов), „Причины экономического упадка Испании в XVI—XVIII вв.“ (Э. Э. Литаврина). Но подавляющее большинство докладов было посвящено новой и новейшей истории»¹⁰.

Группа подготовила ряд сборников статей, изданных в разные годы под грифом Института истории и Института всеобщей истории АН СССР¹¹. Ответственным редактором почти всех из них неизменно являлся И. М. Майский, а среди членов редколлегии и авторов находилось немало его учеников. Эти сборники получили признание научной общественности в Советском Союзе и за рубе-

социалистической революции на революционный подъем в Испании в 1918—1920 гг.— В кн.: Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании. М., 1960.

⁹ См.: *Прыгов Д. Д. (Д. Пряхин). Внешняя политика Испании (1939—1967)*. М., 1968; *Он же. Тревожное партнерство*. М., 1972; *Кулешова В. В. СССР и Испания: Культурные связи, 1918—1939*. М., 1975.

¹⁰ См.: *Новая и новейшая история*, 1969, № 4.

¹¹ См.: *Из истории освободительной борьбы испанского народа*. М., 1959; *Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании; Испанский народ против фашизма*. М., 1963; *Социально-экономические проблемы истории Испании*. М., 1965; *Проблемы испанской истории*. М., 1971; 1975.

жом, о чем свидетельствуют не только положительные отклики в печати, но и присутствие в авторском коллективе сборников испанистов из многих городов нашей страны, а также историков Венгрии, Чехословакии, Франции.

Своеобразным итогом работы группы стал изданный в 1975 г. под редакцией И. М. Майского коллективный труд «Испания, 1918—1972. Исторический очерк».

Круг научных интересов И. М. Майского необычайно широк. Помимо трудов по истории стран Западной Европы, его перу принадлежат работы и по истории стран Востока: Японии, Монголии, Китая. Весьма примечательны сами обстоятельства, побудившие Майского заняться историей этих стран. «Весной 1919 г.,— рассказывал Иван Михайлович,— была снаряжена экспедиция в Монголию, с которой Иркутская контора Центросоюза начинала свои торговые операции. Нужны были сведения о возможности торговых отношений с Монголией, тогда еще феодальной, княжеско-ламской страной. Мне предложили возглавить эту экспедицию. Будучи в Монголии, мне захотелось создать комплексный труд о стране в целом, написанный с марксистских позиций. Экспедиция провела в Монголии 15 месяцев. Зимой я суммировал собранный материал и написал книгу около 35 печатных листов, опубликованную в 1921 г. Иркутским госиздатом под заглавием „Современная Монголия“»¹².

У этой книги, автор которой выступает не только как историк и экономист, но и как географ, археолог и этнограф, весьма примечательная судьба. Один из ее экземпляров находится в личной библиотеке Владимира Ильича Ленина.

Отвечая на вопрос, как попала эта книга в библиотеку Ленина, монгольский ученый и публицист Ц. Эрдэнэбилиг ссылается на следующее сообщение иркутской областной газеты «Восточносибирская правда»: «1 июня 1921 года Владимир Ильич Ленин написал письмо в редакцию газеты „Известия“: „Мне случилось в последнее время упоминать имя бывшего меньшевика И. Майского, который был министром при Колчаке. Тов. И. Майский в письме ко мне протестует против смещения его с Мартовыми и Черновыми и указывает, что он, Майский, теперь уже член РКП и работает на советской должности в Омске в качестве заведующего экономическим отделом Сибревкома. Считаю

¹² См.: Новая и новейшая история, 1969, № 4.

долгом довести до сведения читающей публики это указание тов. И. Майского»¹³.

«Тронутый теплым участием Ленина,— продолжает Эрдэнэбилиг,— Иван Михайлович тогда же, в августе 1921 года, послал ему свою книгу „Современная Монголия“ с такой дарственной надписью: „В. И. Ленину от автора. Н.-Николаевск. 31.VIII.21“»¹⁴.

Монография Майского выдержала испытание временем и до сих пор представляет интерес для тех, кто интересуется историей Монголии. Доказательством тому является издание в 1959 г. книги «Монголия накануне революции», которая в сущности представляет собой переработанный вариант книги «Современная Монголия»¹⁵.

В свое время внимание историков и широкой общественности привлекла работа И. М. Майского «Происхождение капиталистической Японии», где автор выступил с удачной попыткой дать марксистский анализ эпохи Токугавы и «революции Мейдзи». История создания этой книги весьма типична для автора, который и в практической работе никогда не переставал быть исследователем. «Став советником полпредства в Японии,— рассказывал Иван Михайлович,— я организовал кружок по изучению Японии. Этот кружок подготовил много рефератов, сводок. В результате появилась моя книга „Происхождение капиталистической Японии“, опубликованная в Москве в 1931 г. (второе издание вышло в 1934 г.) под псевдонимом В. С. Светлова»¹⁶.

Рецензенты неоднократно отмечали, что для «И. М. Майского чрезвычайно характерно острое ощущение современности, каким бы далеким историческим сюжетам ни были посвящены его работы»¹⁷. Показательна в этом отношении статья Ивана Михайловича в журнале «Вопросы истории» в связи с 800-летием со дня рождения Чингисхана¹⁸.

¹³ Эрдэнэбилиг Ц. Книга о Монголии из библиотеки Ленина: К 90-летию со дня рождения академика И. М. Майского.— Новости Монголии, 1974, 19 янв.; см. также: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 242.

¹⁴ Новости Монголии, 1974, 19 янв.

¹⁵ Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск, 1921; Он же. Монголия накануне революции. М., 1959.

¹⁶ Новая и новейшая история, 1969, № 4.

¹⁷ Академик Иван Михайлович Майский.— В кн.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964, с. 7.

¹⁸ Майский И. М. Чингисхан.— Вopr. истории, 1963, № 5.

Многоплановость научных интересов, огромная эрудиция, профессиональный опыт предопределили успешную работу И. М. Майского как ответственного редактора сборников документов и фундаментальных трудов его коллег-историков. Под его редакцией в 1961 г. было осуществлено 3-томное издание «Хрестоматии по новейшей истории»¹⁹. В издательстве «Наука» в течение ряда лет публиковались монографии, объединенные в серию «История английского рабочего движения в новое время», главным редактором которой являлся И. М. Майский²⁰.

Но наиболее весомый вклад в советскую историческую науку И. М. Майский внес своими трудами, посвященными разработке истории и теории внешней политики и международных отношений.

Наиболее плодотворным периодом научной деятельности И. М. Майского являются последние 15 лет его жизни. Именно в эти годы опубликованы его мемуары «Путешествие в прошлое», «Кто помогал Гитлеру», «Воспоминания советского посла» (в 3-х книгах), «Воспоминания советского дипломата», «Люди. События. Факты»²¹.

Публикация мемуаров И. М. Майского нередко вызывала замешательство в политических и дипломатических кругах ряда стран Западной Европы. Примером тому может служить выпущенная в 1962 г. издательством «Международные отношения» книга «Кто помогал Гитлеру». В 1964 г. она вышла в Англии в переводе Э. Ротштейна и стала доступной широкому кругу английских читателей. В предисловии И. М. Майский писал, что, хотя события, о которых пойдет речь, имеют более чем 20-летнюю давность, они живо перекликаются с событиями сегодняшнего дня, поэтому автор надеется, что его книга поможет более благоразумным элементам капиталистического мира усвоить уроки недавнего прошлого и тем самым облегчит победу сил мира над силами войны²².

¹⁹ Хрестоматия по новейшей истории. М., 1961. Т. 1—3.

²⁰ В этой серии вышли: *Карлинер М. М.* Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны, 1914—1918. М., 1961; *Черняк Е. Б.* Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII—начале XIX в. М., 1962; *Виноградов В. Н.* У истоков лейбористской партии (1889—1900). М., 1965; *Мадор Ю. П.* Подъем рабочего движения в Англии в 1910—1913 гг. М., 1966; *Ерофеев Н. А.* Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962.

²¹ *Майский И. М.* Путешествие в прошлое. М., 1960; *Он же.* Кто помогал Гитлеру. М., 1962; *Он же.* Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 1—3; *Он же.* Воспоминания советского дипломата. М., 1971; *Он же.* Люди. События. Факты. М., 1973.

²² См.: *Майский И. М.* Кто помогал Гитлеру, с. 7—8.

В основу книги «Кто помогал Гитлеру» положены воспоминания И. М. Майского о его пребывании в должности посла в Великобритании. Как правило, в воспоминаниях Иван Михайлович выступает одновременно и как мемуарист, и как исследователь. Книга делится примерно на две равные части: первая (до Мюнхена) написана как мемуары; вторая носит монографический характер и посвящена анализу английской внешней политики от Мюнхена до начала второй мировой войны. Работа И. М. Майского по достоинству была оценена прогрессивными силами в Англии. «Главная историческая ценность этой книги,— писала «Дейли уоркер» 20 февраля 1964 г.,— заключается в том, что впервые (в Англии.— С. П.) в ней изложена советская точка зрения по поводу тех благородных усилий, которые были предприняты, дабы заставить английское правительство отойти от умиротворения Гитлера и перейти к созданию могучей и монолитной коалиции против него». Высоко оценил книгу И. М. Майского и член парламента К. Зиллиакус: «Эта небольшая книга — почти рассказ, который так легко читать,— полна динамита»²³.

Буржуазная пресса встретила книгу яростными нападениями, причем именно вторую часть книги, где автор, выступая скорее как исследователь, приводит веские доказательства того, что вину за развязывание второй мировой войны несет не только Гитлер, но также и Чемберлен, и Даладье, и те силы буржуазного Запада, которые стояли за ними. Рецензент газеты «Таймс» не оставляет в этом сомнений: «Вторая часть книги Майского, вероятно, повергнет его читателей на Западе в безысходность при попытках понять немыслимую аргументацию автора»²⁴.

Поскольку автором книги являлся человек, хорошо известный в Англии, где он был длительное время послом в очень сложный период²⁵, то прибегнуть к излюбленному способу, применяемому буржуазной историографией в отношении «нежелательных» работ советских авторов, т. е. замолчать ее, не удалось. Пришлось как-то реагировать. Однако эта реакция на книгу И. М. Майского ряда буржуазных английских историков была весьма своеобразной. Представление о ней дает статья, опубликованная в

²³ Tribune, 1964, 14 Febr.

²⁴ Times, 1964, 17 Febr.

²⁵ О деятельности И. М. Майского в Англии в свое время было опубликовано немало материалов, в том числе специальное исследование. См.: *Biliankin G. Maisky. L., 1944.*

прогрессивном английском журнале «Лейбор мансли»: «После обстрела пулеметным огнем в рецензиях „Санди таймс“, „Обсервер“, „Дейли телеграф“ и т. д. была двинута тяжелая артиллерия „Таймс“ в разделах, отводимых письмам; их прислали университетские профессора и бывшие дипломаты. Редко анализ британской внешней политики вызывал столь бурную, а временами и истерическую реакцию»²⁶.

Вопреки ожиданиям И. М. Майского и его коллег, советских историков, после выступлений английских буржуазных газет не последовало откликов английских научных журналов, хотя естественно было ожидать на их страницах профессионального разбора книги. Как отмечал в свое время советский журнал «Вопросы истории», «внезапно наступившее молчание после шумной реакции со стороны ежедневной печати довольно знаменательно. По-видимому, не так-то просто выступить против книги И. М. Майского на страницах специальных исторических журналов, поскольку здесь окажется необходимой уже серьезная, научная аргументация, да и круг читателей будет в значительной степени иным, так что потребуются веские доказательства, а не субъективные рассуждения»²⁷.

Книга И. М. Майского «Кто помогал Гитлеру» стала оружием в борьбе с реакционной историографией. В еще большей степени это можно сказать о трех томах «Воспоминаний советского посла», которые объединили все ранее публиковавшиеся мемуарные произведения автора. «Мемуары,— замечает И. М. Майский,— это капризная запись памяти о людях и событиях прошлого, запись пестрая и отрывочная, субъективная и многогранная»²⁸. Это определение вполне уместно по отношению к мемуарам вообще. На «Воспоминаниях» же И. М. Майского лежит печать глубокого профессионализма, его мемуары — пример того, как следует сочетать глубокую научную разработку темы с ее политической популяризацией.

Значение мемуаров И. М. Майского трудно переоценить, поскольку он повествует о том, что видел и знает об «эпохе совершенно исключительного значения для человечества». Это относится в равной мере как к его рас-

²⁶ Labour Monthly, 1964, May, p. 218.

²⁷ Вopr. истории, 1965, № 10, с. 197.

²⁸ Майский И. М. Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 10.

сказу о первой русской революции, о начинающейся буре, об Англии и Германии в преддверии первой мировой войны, так и к последующим страницам, повествующим о более близких к нам годах второй мировой войны. Для историков, изучающих Англию кануна первой мировой войны, особый интерес представляют страницы, где речь идет о годах, проведенных автором в этой стране в качестве политического эмигранта. Сплав жизненных впечатлений и кропотливого изучения документов и иных материалов вплоть до последних работ советских и зарубежных историков позволил И. М. Майскому достоверно воспроизвести картины предвоенной Англии.

В исторической литературе немало писалось о политической осторожности и гибкости английской буржуазии, и тем не менее анализ И. М. Майским британского «культ-а компромисса» отличается новизной мысли и убедительностью деталей.

На заре своей научной деятельности И. М. Майский большое внимание уделял английскому рабочему движению. Этой теме он остался верен на протяжении всей его жизни; многолетний опыт исследователя, использование лучших достижений исторической мысли, и прежде всего работ представителей марксистской историографии, позволили ему по-новому осветить этот, казалось бы исследованный уже, круг проблем. Причем в его изложении сложнейшие проблемы благодаря особому, свойственному ему стилю доступны для самого широкого круга читателей.

К наиболее сильным чертам Майского и как мемуариста, и как исследователя, без всякого сомнения, относится умение создать точный и законченный портрет того или иного деятеля, друга или врага. «Вереницы лиц... Люди наполняли мое воображение, люди теснились в моем сознании», — писал Иван Михайлович. Память и сделанные в свое время записи — а этой похвальной привычке И. М. Майский оставался верен всю жизнь, — помогли ему эти «вереницы лиц» перенести на страницы своих произведений, сделать зримыми для всех. Нам особенно дороги страницы, повествующие о ветеранах Коммунистической партии, с которыми И. М. Майский встречался за время своей долгой деятельности советского дипломата: Г. В. Чичерине, М. М. Литвинове, А. М. Коллонтай, Ф. А. Ротштейне. Для историков, изучающих страны капиталистического Запада, большой интерес представляют созданные И. М. Майским портреты Сиднея и Беатрис

Вебб, Герберта Уэллса, Бернарда Шоу, английских буржуазных политических деятелей.

Особо ощутимый вклад в историю и теорию внешней политики и международных отношений новейшего времени вносят те главы «Воспоминаний» И. М. Майского, которые посвящены второй мировой войне и годам, непосредственно примыкающим к этому периоду. Историческим источником первостепенной важности являются те разделы книги, где автор, опираясь на свои записи, современные рассматриваемым событиям, рассказывает о встречах с руководителями советской внешней политики периода второй мировой войны. Много неизвестных до того, но очень важных для историка Англии и международных отношений фактов всплывают из записи бесед автора с Черчиллем, Иденом, Бивербруком, Батлером, Кадоганом и др. Вместе с тем мемуары И. М. Майского вносят существенный вклад в борьбу с реакционной буржуазной историографией, представители которой перепиывают историю второй мировой войны в соответствии с сиюминутными потребностями внешнеполитической линии своих стран.

Труды И. М. Майского, восстанавливающие историческую правду, внесли вклад в борьбу за мир и взаимопонимание между народами в самые напряженные годы «холодной войны». Еще большее значение они приобрели в период разрядки международной напряженности, поскольку автор повествовал и о тех временах, когда реалистически мыслящие буржуазные политики Англии, несмотря на свою вражду в отношении первого в мире социалистического государства, смогли трезво оценить суровую действительность и найти пути к спасению своей страны путем сотрудничества с Советским Союзом.

Достойный представитель и один из создателей советской школы мемуаристов, И. М. Майский вел свое повествование в большей степени «о времени», чем «о себе». Вместе с тем его труды примечательны и отличны от мемуаристов былых времен и в другом отношении.

«Воспоминания И. М. Майского,— писал известный советский публицист-международник Эрнст Генри,— обладают рядом достоинств: богатством исторического материала, живостью изложения, меткостью суждений и характеристик. Но современника еще больше, быть может, привлекает другое: несокрушимый оптимизм, неистощимое жизнелюбие автора. Свои последние книги Майский готовил, перешагнув за порог 80 лет. Он прошел через труд-

ную, временами очень трудную жизнь. Но, как видно, он ничуть от нее не устал. Сегодня, в 88 лет, он так же страстно верит в человечество и его будущее, как верил в двадцать. Может быть, поэтому его воспоминания действительно до конца читаются с неослабевающим интересом»²⁹.

Читатели с интересом приняли и опубликованную в 1973 г. книгу И. М. Майского «Люди. События. Факты».

Предисловие к своим «Воспоминаниям советского посла» Иван Михайлович закончил словами: «Когда на склоне лет я подвожу итог пережитому, то, несмотря на все трудности и опасности, окружающие сейчас человечество, я полон оптимизма и глубокой веры в будущее. Мне хочется воскликнуть: „Да здравствует жизнь! Да здравствует жизнь, идущая к коммунизму!“»³⁰.

В этих словах — весь Иван Михайлович Майский, коммунист и советский ученый, участник и очевидец столь крупных перемен в мире.

²⁹ Генри Э. Оптимистические воспоминания.— Звезда, 1973, № 3.

³⁰ Майский И. М. Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 10.

АКАДЕМИК И. М. МАЙСКИЙ— ДИПЛОМАТ, ИСТОРИК И МЕМУАРИСТ

Иван Михайлович Майский (Ляховецкий) родился 19 января 1884 г. в древнем русском городе Кириллове Новгородской губернии. Детство и юность его прошли в Омске, в семье военного врача, который в течение всей своей жизни испытывал, по словам И. М. Майского, «всепоглощающую страсть к науке» и придерживался либерально-народнических воззрений. Семья была большая, дружная, кроме Ивана Михайловича, в семье было еще четверо детей. Он навсегда сохранил любовь и признательность к родителям, немало сделавшим для его всестороннего развития. И. М. Майский вспоминал: «Мои родители с ранних лет привили мне любовь к таким писателям, как Некрасов, Салтыков-Щедрин, Добролюбов, Писарев... в нашей столовой на этажерке в красивых переплетах стояли полные собрания сочинений Гейне, Шиллера, Байрона, Шекспира. Недаром мой отец в детстве мне дарил такие книжки, как биография Галилея, история Джордано Бруно, жизнеописание Стефенсона и Фультона. Недаром, будучи от природы молчаливым человеком, он охотно и подолгу со мной беседовал, рассказывая о Пастере, Вирхове, Гельмгольце, знакомя меня с начатками биологии, медицины, физики»¹.

В годы учебы в Омской гимназии (1892—1901) И. М. Майский увлекался астрономией, литературной критикой, поэзией. Занятия поэзией были столь успешны, что его юношеская поэма-фантазия «Я хочу быть великой грозой» получила официальное признание и была опубликована в одной из сибирских газет².

Демократические традиции в семье, резкие социальные контрасты жизни и быта царской России уже в ранние

¹ Майский И. М. Воспоминания советского посла. М., 1964, кн. 1, с. 24.

² Сиб. жизнь, 1901, 1 марта.

юношеские годы развили у И. М. Майского чувство критического восприятия окружающей действительности.

Вместе с товарищами-одноклассниками он создал нелегальный кружок, где читали Д. И. Писарева и Н. А. Добролюбова. Особенно, по его словам, сильное впечатление произвела на гимназистов знаменитая статья Н. А. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?»³.

В конце января 1899 г. кружковцы отпечатали на гектографе и расклеили ночью по городу полсотни экземпляров прокламации следующего содержания: «Господа! Мы предлагаем Вам принять наш принцип: свобода, равенство! Просвещайте народ и помогите нам освободить Россию! Монархия есть деспотизм! Потрудитесь за угнетаемых!»⁴.

Эта мальчишеская акция вызвала переполох в Омске, «...город был полон шепотов, слухов, толков о „подметных письмах“ (слово „прокламация“ не существовало в лексиконе тогдашних омичей), а омский жандармский полковник находился в состоянии полного остолбенения. Он ездил к генерал-губернатору с докладом, нарядил следствие для поимки злоумышленников...»⁵.

В старших классах гимназии Майский увлекся изучением политэкономии. Этому способствовало знакомство с группой студентов, высланных из Петербурга в Омск за участие в студенческих волнениях. Среди первых прочитанных работ по политэкономии были «Политическая экономия» Шарля Жида, литографированный «Курс русской истории» В. О. Ключевского и «Рабочий вопрос» Альберта Ланге. Все это вызывало у него в те годы непреодолимое желание приобщиться «к тому широкому общественно-политическому движению против царизма, которое в то время сильно разливалось по стране и слабое эхо которого доносилось и до ... омского захолустья...»⁶.

После окончания гимназии с золотой медалью в 1901 г. И. М. Майский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где активно включился в революционное студенческое движение. Эта деятельность не прошла незамеченной для полиции, за ним устанавливается наблюдение. Из письма студентки Суворовских женских курсов в Петербурге Сарры Шапиро к

³ Майский И. М. Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 135.

⁴ Там же, с. 138.

⁵ Там же, с. 139.

⁶ Там же, с. 184, 194.

своей подруге Мишеневой от 28 января 1902 г., перехваченного полицией, явствует, что студент Иван Ляховецкий выступил 27 января 1902 г. на Надеждинских курсах с рефератом на тему «Социал-демократия во Франции, Германии, Англии и России»⁷. В этот период И. М. Майский не ограничивался только публичными выступлениями, он печатал прокламации, участвовал в студенческих сходках.

За революционную деятельность И. М. Майский в 1902 г. был арестован, исключен из университета и выслан в Омск под надзор полиции. С этого времени он целиком и полностью посвятил себя революционной борьбе. В 1902 г. он вступил в РСДРП⁸.

В предреволюционные 1903—1905 гг. Майский являлся членом Омской группы «Сибирского союза социал-демократов», Самарского и Саратовского комитетов РСДРП от меньшевистской фракции. Революцию 1905 г. И. М. Майский встретил в Саратове, где принимал активное участие в деятельности Саратовского Совета рабочих депутатов, в организации профессиональных союзов, в частности союза печатников; выступал на митингах и собраниях с призывом к вооруженному восстанию. За революционную деятельность в Саратове он был арестован в январе 1906 г. и приговорен к ссылке в Тобольскую губернию⁹.

Однако ни арест, ни тюремное заключение не сломили его духа. И. М. Майский по-прежнему остался верен революционным идеалам. В письме матери Надежде Ивановне из Саратовской тюрьмы от 21 февраля 1906 г. он писал: «...я твердо убежден, что старому режиму осталось жить немного и что скоро я снова буду на воле... Тюремный режим здесь сносный, и о будущем заботиться нечего: о нем позаботится революция. Да, матушка, революция. Да здравствует революция!»¹⁰.

Желание поскорее быть на свободе, вновь вернуться к революционной работе заставило Майского предпринять попытку побега из Тобольска, где он отбывал ссылку. Эта попытка окончилась неудачей, видимо по вине провокатора¹¹.

⁷ ЦГАОР, ф. 102, ДПОО, 1902, ед. хр. 930, л. 1, 6.

⁸ Майский И. М. Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 14.

⁹ ЦГАОР, ф. 102, ДПОО, 1905, ед. хр. 80, ч. 5, л. 25.

¹⁰ Там же, 1902, ед. хр. 930, л. 14.

¹¹ Там же, л. 19, 20.

Но и в тобольской ссылке И. М. Майский оставался крайне опасным для царских властей, вследствие чего за ним было установлено агентурное наблюдение¹². В Тобольске он изучал историю западноевропейского рабочего движения. Желание поближе познакомиться с опытом европейской социал-демократии привело его к мысли эмигрировать на Запад.

В 1908 г. И. М. Майский уехал в Швейцарию, но вскоре перебрался в Германию, в Мюнхен, где поступил на экономический факультет университета. Главное внимание в этот период он уделял работе в русской эмигрантской колонии и знакомству с деятельностью германских социал-демократических и профессиональных организаций. Царская охранка не выпускала из поля зрения молодого революционера в Мюнхене — за ним и здесь была установлена тайная слежка. Так, агент сообщал в департамент полиции: «...он (И. М. Майский.— В. Н.) часто разъезжает по всей Европе для свидания с другими высокими соц.-демократами. Кроме того, он поддерживает сношения с целым рядом лиц, проживающих в России. Одним словом, Ляховецкий является наиболее опасным и деятельным членом Мюнхенской революционной колонии»¹³.

Столь же активным было знакомство И. М. Майского с германским социал-демократическим и профессиональным движением. В Мюнхене он часто посещал секционные собрания местной социал-демократической организации, познакомился с некоторыми ее руководителями¹⁴. Он дважды побывал на съездах германской социал-демократической партии — в Лейпциге в 1909 г. и в Магдебурге в 1910 г., в качестве корреспондента одной из волжских газет. Здесь он познакомился с руководителями партии Карлом Либкнехтом и Августом Бебелем.

Важным этапом в изучении социал-демократического движения стала поездка И. М. Майского в Копенгаген на VIII Международный социалистический конгресс. Его внимание привлекла деятельность В. И. Ленина на конгрессе, в частности в кооперативной комиссии. Навсегда запечатлелся в его памяти ленинский стиль работы на конгрессе: «Сидя за столом комиссии, Ленин внимательно

¹² Там же, л. 15.

¹³ Там же, 1910, ед. хр. 5, ч. 1, л. 176.

¹⁴ *Майский И. М.* Из дальних лет (1908—1912 гг.: Воспоминания и размышления).— В кн.: Ежегодник германской истории, 1970. М., 1971, с. 359.

следил за ходом прений. От него не ускользала ни одна существенная деталь, ни один оттенок в высказываниях ораторов. Иногда он перегибался через стол и, приставив ладонь к уху, ловил каждое слово особо заинтересовавшего его выступления. Иногда с едкой усмешкой на лице он делал быструю запись в лежавшем перед ним блокноте... Ленин обладал редким умением найти слабое место в вооружении оппонента и, открыв его, уже бил сюда стремительно и беспощадно. В ходе прений комиссии он узнавал своих врагов и друзей. С друзьями или хотя бы потенциальными единомышленниками В. И. Ленин поддерживал тесный контакт»¹⁵.

Окончив в 1912 г. Мюнхенский университет, И. М. Майский переехал на жительство в Англию. Это было связано с желанием, отмечал он в своих мемуарах, «изучить британское рабочее движение и иметь сравнительный материал. Все, что мне необходимо было изучить в Германии, я изучил. Теперь я хочу понять британские методы»¹⁶.

По приезде в Англию И. М. Майский сразу же окунулся с головой в политическую и общественную жизнь. Он завязывает знакомства с представителями русской и иностранной эмиграции в Лондоне. Наиболее тесные отношения в этот период установились у него с представителями русской эмиграции — членами «Герценовского кружка» в Лондоне. Среди них находились такие видные деятели социал-демократии, как большевики М. М. Литвинов, Ф. А. Ротштейн, А. М. Коллонтай и др., с которыми он поддерживал самые дружеские отношения. О своем знакомстве с М. М. Литвиновым он вспоминал: «...в первые, наиболее трудные месяцы моей жизни в Англии Максим Максимович стал моим руководителем и патроном. Он оказывал мне содействие по изучению языка и страны, знакомил с людьми и учреждениями, давал полезные советы и указания. Эта дружба с Максимом Максимовичем сохранилась у меня и в дальнейшие годы»¹⁷. Такие же теплые воспоминания остались у И. М. Майского о его дружбе с другим политэмигрантом — Г. В. Чичериным, впоследствии народным комиссаром иностранных дел¹⁸.

И. М. Майский принимает деятельное участие в жизни русской политической эмиграции: помогает Г. В. Чичери-

¹⁵ *Майский И. М.* Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 347.

¹⁶ См.: *Biliankin G. Maisky: ten years ambassador.* L., 1944, p. 12.

¹⁷ *Майский И. М.* Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 249.

¹⁸ Там же, с. 271.

ну в организации кампании против привлечения русских политэмигрантов в английскую армию в 1915 г., участвует в деятельности лондонского Комитета по репатриации русских эмигрантов после Февральской революции 1917 г.

В центре внимания И. М. Майского в годы эмиграции в Англии по-прежнему оставалось английское рабочее и социалистическое движение. В течение 5 лет (1912—1917) в Британском музее он изучал историю рабочего движения Англии, Германии, Франции. «Помню,— писал он,— с каким трепетом я переворачивал пожелтевшие листы старых чартистских газет и воззваний»¹⁹.

Однако изучение английского рабочего движения не ограничивалось стенами Британского музея. И. М. Майский стремился узнать жизнь местных рабочих поближе, увидеть ее собственными глазами. Пешком он исходил главные индустриальные провинции страны: Ланкашир, Йоркшир и Шотландию.

В тот же период И. М. Майский знакомился с организацией профессионального движения в Англии, с деятельностью тред-юнионов. Присутствуя на 46-м конгрессе тред-юнионов, проходившем в Манчестере 1—6 сентября 1913 г., он с большим интересом слушал выступления лидеров тред-юнионов Джима Ларкина, Бена Тиллета и Смайли²⁰.

Значительное внимание в то время И. М. Майский уделял деятельности лейбористской партии, существовавшей тогда в виде «небольших социалистических организаций с такими ее лидерами, как Макдональд, Сноуден, Кейр Гарди, Ленсбери»²¹. В круг его знакомых лейбористских деятелей входили также Артур Гендерсон, Роберт Смайли и Джим Мидлтон. Мидлтон вспоминал, что И. М. Майский дважды в неделю посещал его и Макдональда в скромном помещении лейбористской партии по адресу Виктория стрит, 28, чтобы обсудить текущие вопросы и политические события²².

Эмиграция в Англии позволила Майскому повысить не только свой теоретический уровень как профессионального революционера социал-демократа, но и создала благоприятные предпосылки для его последующей дипломати-

¹⁹ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 179.

²⁰ См.: Майский И. М. Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 370—378.

²¹ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 179.

²² Biliankin G. Op. cit., p. 17.

ческой деятельности в этой стране. Он хорошо овладел английским языком, познакомился с характером и психологией англичан, изучил английскую политику и английское рабочее движение, установил связи с политическими и общественными деятелями.

Первая мировая война коренным образом изменила круг интересов И. М. Майского. «Сидя по-прежнему в Британском музее,—вспоминал он позднее,—я отложил в сторону книги о чартизме и тред-юнионизме и весь ушел в проблемы империализма, взаимоотношений между великими державами, германского милитаризма и британского маринизма»²³.

В мае 1917 г. И. М. Майский с группой других политэмигрантов возвратился на Родину.

После Октябрьской революции И. М. Майский вошел летом 1918 г. в состав эсеров-меньшевистского правительства в Самаре (Комуча). Однако практика этого правительства, вспоминал он позднее, «окончательно открыла мне глаза, и я понял, что в эпоху революции не может быть средних позиций, что надо выбирать между большевиками и лагерем самой черной реакции»²⁴. В письме в газету «Правда» в 1920 г. И. М. Майский «решительно порвал с меньшевизмом и перешел на позиции Советской власти»²⁵.

В феврале 1921 г. Сиббюро ЦК (в то время И. М. Майский находился в Сибири) приняло его в члены РКП(б), и вскоре он был назначен председателем Сибирского Госплана.

Особенный интерес представляют события, связанные с переходом И. М. Майского на дипломатическую работу. Он вспоминал об этом: «Вступление мое на дипломатическое поприще странным образом оказалось связанным с народнохозяйственным планом Сибири на 1922 г.»²⁶. В конце января 1922 г. И. М. Майский приехал в Москву для утверждения этого плана правительством. Воспользовавшись пребыванием в столице, он навестил своих старых друзей по эмиграции Г. В. Чичерина и М. М. Литвинова, которые в то время возглавляли Народный комиссариат иностранных дел (НКВД). Оба руководителя советского дипломатического ведомства пригласили его на

²³ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 180.

²⁴ Майский И. М. Воспоминания советского посла, кн. 1. с. 15.

²⁵ Там же, с. 16.

²⁶ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 180.

работу в НКВД, где вскоре он стал заведовать отделом печати.

Весной 1923 г. ЦК партии назначил И. М. Майского на должность заместителя главного редактора газеты «Петроградская правда» и поручил создать новый литературно-общественный журнал²⁷. Вскоре был создан журнал «Звезда». Работа его в «Звезде» продолжалась до 1925 г. За короткий срок «Звезда» превратилась в любимый и популярный в нашей стране журнал. Редакция во главе с Майским сумела сплотить талантливый коллектив авторов, среди которых были А. Н. Толстой, К. А. Федин, Н. С. Тихонов, А. М. Коллонтай, Л. Рейснер, Н. Никитин, С. Есенин, И. Садофьев, А. Крайский, Н. Браун, А. Безыменский, М. Шкапская и др.

Весной 1925 г. М. М. Литвинов, занимавший тогда пост заместителя наркома иностранных дел, предложил И. М. Майскому работу советника по вопросам печати в советском полпредстве в Лондоне. Более 20 лет, вплоть до 1946 г., Майский непрерывно работал в сфере советской дипломатии. Это назначение не было случайным. Напутствуя его перед отъездом в Лондон, М. М. Литвинов говорил: «Мы очень нуждаемся сейчас в дипломатических работниках в Англии. Думаю, Вы для этого подходите: провели в Лондоне пять лет в эмиграции, владеете английским языком, знаете англичан, знакомы с их историей, культурой, нравами, политикой, экономикой... Не хватает только практического опыта дипломатической работы в Англии. Пора Вам начинать обучаться этой науке»²⁸.

Первые шаги И. М. Майского на дипломатическом поприще совпали с напряженностью в англо-советских отношениях. Консервативное правительство С. Болдуина способствовало обострению взаимоотношений между двумя странами и открыто вело дело к разрыву с СССР. В британской прессе то и дело появлялись призывы государственных и политических деятелей, как можно скорее осуществить такой разрыв. Так, лорд Биркенхед, министр по делам Индии, лидер антисоветской кампании, задавал вопрос: «Почему британское правительство не арестует большевиков и не выдворит их из страны?»²⁹.

²⁷ Там же.

²⁸ *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата, 1925—1945. М., 1971, с. 11.

²⁹ *Biliankin G.* Op. cit., p. 43.

В связи с этим перед отделом печати советского полпредства стояла важная задача — «отбивать атаки вражеских разбойников пера, рассказывать правду о нашей стране, выискивать среди англичан людей, более трезвых или более разумных и дальновидных, которые способны были идти против течения»³⁰. Надо сказать, что возглавлявшийся И. М. Майским отдел успешно справлялся с этой задачей.

Наиболее тесные и дружественные связи установились с лейбористскими и тред-юнионистскими кругами, за что консервативные остряки называли советское полпредство «посольством при оппозиции его величества»³¹. И. М. Майский был хорошо знаком с такими деятелями лейбористской партии, как Артур Гендерсон и Джордж Ленсбери, а также с лидерами тред-юнионов Джорджем Хиксом — руководителем строительных рабочих, Свелсом — председателем генсовета тред-юнионов, Артуром Куком — лидером горняков, Беном Тиллетом — лидером транспортных рабочих, которые поддерживали идею сближения генсовета тред-юнионов с ВЦСПС.

И. М. Майский не ограничивался контактами с политическими и профсоюзными деятелями страны и стремился завязать дружеские отношения с представителями британской культуры. В числе его первых знакомых в сфере культуры можно отметить Клэр Шеридан — известного скульптора, приехавшую в 1920 г. в Москву, чтобы сделать бюст В. И. Ленина, и Герберта Уэллса — знаменитого писателя-фантаста и крупного общественного деятеля. Все эти контакты носили прочный и длительный характер и даже в трудные периоды советско-английских отношений оставались всегда дружественными.

В мае 1927 г. английской полицией под надуманным предлогом был совершен налет на советское торгпредство и АРКОС (совместное советско-английское акционерное общество). Эта акция была использована британским правительством для разрыва дипломатических отношений с СССР.

Отъезд из Лондона сотрудников советского посольства вызвал у многих англичан сочувствие к советским людям. «На вокзале Виктория,— вспоминал И. М. Майский,— нас провожала огромная толпа народа... При появлении со-

³⁰ *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата, с. 32.

³¹ Там же, с. 40.

ветских дипломатов на платформе раздались шумные рукоплескания и громкие возгласы: „Да здравствует Советская Республика!“. Потом кто-то запел „Интернационал“. Сотни голосов его подхватили, и звуки пролетарского гимна Советского Союза перекатывались под сводами вокзала капиталистической Англии»³².

Так закончился первый период дипломатической деятельности И. М. Майского в Англии, который явился важным этапом в становлении его как дипломата.

С отъездом из Лондона в июне 1927 г. дипломатическая деятельность Майского не прекратилась. Он был назначен советником советского посольства в Токио. 29 апреля 1929 г. И. М. Майский стал полпредом в Финляндии, где проработал до 1932 г.³³ Его деятельность в Хельсинки протекала в обстановке напряженности в отношениях между СССР и Финляндией, где в тот период, как отмечал он в своих мемуарах, «высоко стояла волна „лапуасского движения“ (финской разновидности фашизма); перед зданием советского полпредства в Хельсинки устраивались враждебные демонстрации; широко велась агитация за „Великую Финляндию“, включавшую в свой состав Ленинград и Карелию...»³⁴.

Советскому полпреду стоило большого труда и усилий предотвратить разрыв дипломатических отношений с Финляндией. Он стремился не только к сохранению советско-финских отношений, но и к их укреплению и развитию на основе взаимовыгодного сотрудничества. С этой целью И. М. Майский установил контакты с некоторыми видными государственными и политическими деятелями Финляндии, в частности с директором одного из крупнейших финских банков, лидером коалиционной партии Ю. Паасикиви, впоследствии президентом Финляндии.

Улучшение политической атмосферы в Хельсинки привело к подписанию И. М. Майским и финским министром иностранных дел А. С. Ирье Коскиненем 21 января 1932 г. первого в истории советско-финляндских отношений договора «О ненападении и о мирном улаживании конфликтов»³⁵.

³² Там же, с. 110.

³³ Карело-Мурманский край, 1929, № 6, с. 27.

³⁴ Майский И. М. Воспоминания советского посла: Война, 1939—1943. М., 1965, с. 45.

³⁵ Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза, 1928—1932 гг. М., 1968, с. 298.

В 1932 г. указом Президиума ЦИК СССР от 26 сентября И. М. Майский был назначен полномочным послом СССР в Англии ³⁶.

Так начался новый важный этап его дипломатической деятельности в Англии, продолжавшийся вплоть до 1943 г., когда он был переведен на работу в центральный аппарат НКВД.

Обстановка в Англии с момента отъезда Майского в июне 1927 г. мало в чем изменилась. Отношения с Англией осложнились еще одним обстоятельством. Накануне прибытия советского посла в Лондон английское правительство в одностороннем порядке денонсировало торговое соглашение 1930 г. между СССР и Англией. Это было расценено в Москве как акт открытой дискриминации в отношении Советского Союза ³⁷.

Примером открытой враждебности британских правящих кругов к СССР может служить первый визит советского посла к министру финансов Н. Чемберлену 16 ноября 1932 г. Когда разговор зашел о долгосрочных кредитах Советскому Союзу, вспоминал И. М. Майский, Н. Чемберлен «вдруг сразу разозлился, лицо его приняло ледяное выражение, он круто повернулся на кресле и каким-то зловещим голосом с расстановкой сказал: „Что же вы хотите, чтобы мы давали долгосрочные кредиты нашему врагу? Нет, уж лучше мы используем наши деньги в других направлениях“» ³⁸.

Первой и очень важной дипломатической акцией нового советского посла были торговые переговоры. На протяжении всей порой драматической истории переговоров (декабрь 1932 — февраль 1934 г.) советской делегации во главе с И. М. Майским пришлось столкнуться не только с целым комплексом трудных экономических вопросов, но и с многократными попытками противоположной стороны добиться для себя как торговых, так и политических преимуществ и навязать СССР чуть ли не капитуляционный режим. Многочисленные препоны: старые дореволюционные долги, компенсация английской компании «Лена Голдфилдс», имевшей концессию в СССР, установление в «Торгсине» цен на уровне мировых и др. — все это было в арсенале британской дипломатии. С целью добиться необходимых уступок британское правительство восполь-

³⁶ Известия, 1932, 27 сент.

³⁷ Майский И. М. Воспоминания советского посла. М., 1964, кн. 2, с. 45.

³⁸ Там же, с. 69.

зовалось инцидентом с английской фирмой «Метро-Виккерс», несколько служащих которой были арестованы в Москве за шпионаж, и объявило СССР 19 апреля 1933 г. торговую войну, продолжавшуюся более двух месяцев. Тем не менее советская торговая делегация, проявив терпение и настойчивость, а также отличное знание вопроса, сумела отбить все наскоки британской дипломатии и добиться заключения нового торгового соглашения 16 февраля 1934 г. на приемлемой для Советского Союза основе, которое, несмотря на свое название «временное», действует и сегодня.

И. М. Майский придавал исключительно важное значение расширению диапазона своей дипломатической деятельности, постоянному совершенствованию методов работы, поискам новых путей и возможностей для выполнения задач, поставленных перед ним Советским правительством.

Уже в первые годы своего пребывания в Англии на посту посла он не ограничивался только официальными контактами с государственными политическими деятелями, а стремился наладить с ними деловые отношения. В качестве примера можно привести многолетнее знакомство советского посла с Робертом Ванситартом, постоянным товарищем министра иностранных дел.

Хорошо зная, что Р. Ванситарт в 30-е годы был «вполне законченный германофоб, а отсюда франкофил и в дальнейшем до известной степени русофил», И. М. Майский сумел хорошо использовать это обстоятельство для установления с ним не только официальных, но и «дружественных дипломатических отношений»³⁹. Благодаря энергичному содействию Р. Ванситарта удалось сделать ряд конкретных шагов к улучшению взаимоотношений между СССР и Великобританией: принятие СССР в Лигу наций в сентябре 1934 г., визит А. Идена в Москву в марте 1935 г. и др.⁴⁰ Угроза Британской империи со стороны фашистской Германии содействовала знакомству И. М. Майского с двумя другими видными британскими консервативными деятелями: У. Черчиллем и лордом У. Бивербруком, газетным королем, владельцем «целого „куста“ органов печати, среди которых „Дейли экспресс“ имеет 2-миллионный тираж»⁴¹. Это знакомство сыграло важную роль в совместной борьбе в 30-е годы

³⁹ Там же, с. 74—75.

⁴⁰ Там же, с. 76.

⁴¹ Там же, с. 271.

против германской агрессии, а в годы второй мировой войны в создании антигитлеровской коалиции.

Несколько иной характер носили отношения с бывшим премьер-министром Великобритании Д. Ллойд Джорджем. Для советского посла было исключительно важно, чтобы этот видный политический деятель, с 1922 г. постоянно находившийся в оппозиции, своим высоким авторитетом содействовал сближению и сотрудничеству между двумя странами. Действительно, «в 1937 и следующих годах,— писал И. М. Майский,— Ллойд Джордж уже твердо держал курс против фашистских диктаторов и превратился в горячего сторонника англо-франко-советского фронта как барьера против их агрессивных устремлений»⁴².

Довольно широкий круг знакомых И. М. Майский имел среди общественных деятелей, представителей культуры. В их числе были видные теоретики лейбористской партии публицисты супруги Сидней и Беатрис Вебб; либеральный журналист из «Ньюс кроникл» А. Д. Каммингс; знаменитый карикатурист Д. Лоу; доктор Хьюлетт Джонсон, настоятель Кентерберийского собора, влиятельный сановник английской церкви; известный юрист, политик и общественный деятель Д. Н. Притт; писатель-драматург Б. Шоу и др.

За время работы в Англии в качестве советского посла И. М. Майскому приходилось довольно часто и небезуспешно участвовать в крупных дипломатических акциях международного характера: визитах А. Идена в Москву в марте 1935 г. и декабре 1941 г., в работе Комитета по невмешательству в испанские дела в Лондоне (1936—1939 гг.), заседаниях Совета Лиги наций в сентябре 1938 г. и мае 1939 г., англо-франко-советских переговорах о заключении пакта взаимопомощи летом 1939 г., в борьбе за ленд-лиз для СССР, за открытие второго фронта и др. Это создавало благоприятные условия для совершенствования его дипломатического опыта и повышало авторитет посла СССР на международной арене. Так, в частности, составители американского биографического словаря писали о нем следующее: «На посту посла в Англии он пережил немало трудных моментов, но даже его политические противники были вынуждены признать его умение выходить из создавшегося положения... Длительное пребывание в Англии позволяло изучить ему британское мышление, что давало большое преимущество как дипломату.

⁴² Там же, с. 92.

Он был общительным человеком и в разговорах с людьми на их родном языке, оставаясь при этом политически непроницаемым»⁴³.

С начала Великой Отечественной войны положение советских дипломатов в Англии резко изменилось — из страны, враждебно относившейся к СССР, она превратилась в его союзника по совместной борьбе против фашистской Германии. Советскому послу в этот период необходимо было активизировать усилия по созданию антигитлеровской коалиции и оказанию эффективной военной и материальной помощи Советскому Союзу со стороны Англии.

Стремясь помочь Родине, своему народу, И. М. Майский, не дожидаясь официальных инструкций, 26 августа 1941 г. по личной инициативе обратился к министру иностранных дел А. Идену. Посол решительно настаивал на оказании Советскому Союзу немедленной военной и материальной помощи в связи с тяжелым положением на советско-германском фронте. Результатом этого демарша явилась посылка в СССР по распоряжению Черчилля 200 истребителей типа «Харрикен» в качестве «подарка Красной Армии»⁴⁴. Однако такая эпизодическая помощь не удовлетворяла ни Советское правительство, ни его посла. Используя прецедент с американским ленд-лизом Англии, И. М. Майский добился 6 сентября 1941 г. от британского правительства согласия производить поставки в СССР вооружения и сырья на идентичных условиях⁴⁵.

Несмотря на широкий и разнообразный круг вопросов, которыми И. М. Майскому в то время приходилось заниматься, все-таки, вспоминал он, «в качестве основного доминирующего момента над всеми дипломатическими вопросами тех дней господствовала проблема второго фронта»⁴⁶. Этой проблеме посол постоянно уделял внимание начиная буквально с первых дней Великой Отечественной войны и вплоть до своего отъезда из страны в июле 1943 г.

Неоднократно обсуждал Майский возможность открытия второго фронта во Франции, на Балканах или в Арктике с британскими государственными деятелями У. Черчиллем, А. Иденом, У. Бивербруком и помощником прези-

⁴³ Current Biography: Who's News and Why, 1941. N. Y., 1941, N 4, p. 552.

⁴⁴ Майский И. М. Воспоминания советского посла: Война, 1939—1943, с. 167—168.

⁴⁵ Там же, с. 170, 172—175.

⁴⁶ Там же, с. 220.

дента США Г. Гопкинсом, а также высказывался по этому вопросу в своих публичных выступлениях. Так, 25 марта 1942 г. на церемонии вручения советских наград британским летчикам, участвовавшим в боях под Мурманском, И. М. Майский заявил: «Нельзя ждать, пока последняя пуговица будет пришита к куртке последнего солдата... Если союзники действительно хотят победы (а я в этом не сомневаюсь), то... вся работа штабов должна быть проникнута одной мыслью, одним лозунгом — 1942 год, а не 1943!» (имеется в виду год открытия второго фронта в Европе.— В. Н.)⁴⁷.

Активная дипломатическая борьба за скорейшее победоносное завершение войны снискала советскому послу признание и уважение не только в Великобритании, но и за ее пределами. Бывший пресс-атташе посольства США в Москве в годы войны Марвин Калб в своей статье «Во имя любви к России» писал: «И. М. Майский был искусным и опытным дипломатом, подлинным патриотом, сумевшим привлечь в тяжелый для Советского Союза период войны симпатии многих британских политических, государственных, общественных деятелей и организовать мощную кампанию по сбору денежных средств для помощи советскому народу»⁴⁸.

В связи с переводом на работу в центральный аппарат НКВД СССР советский посол 3 июля 1943 г. выехал в Москву. Так закончилась дипломатическая деятельность И. М. Майского в Англии.

По приезду в Москву Майский был назначен заместителем наркома иностранных дел и находился на этом посту до 1946 г.

Сообщая И. М. Майскому об этом назначении, нарком иностранных дел добавил: «Вам будет поручена проблема репарации, Вы станете во главе специальной правительственной комиссии по этому вопросу, которая будет учреждена, и вместе с комиссией подготовите программу репарационных требований, которые СССР выдвинет на мирной конференции»⁴⁹. Такая программа была действительно разработана И. М. Майским как председателем Межсоюзнической репарационной комиссии, и он изложил ее на Крымской и Берлинской конференциях.

⁴⁷ Там же, с. 250.

⁴⁸ Kalb M. Maiskii Ivan Mikhailovich: For the Love of the Soul of Russia.— Saturday Review, N. Y., 1968, vol. 51, 11 May, p. 43.

⁴⁹ Майский И. М. Воспоминания советского посла: Война, 1939—1943, с. 371.

Успешная дипломатическая работа И. М. Майского высоко оценена КПСС и Советским правительством. За выдающиеся заслуги перед Советским государством и в связи с 10-летием пребывания на посту посла СССР в Великобритании, а также за успешное выполнение заданий во время Отечественной войны он был награжден орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени. В 1935—1937 гг. он избирался членом ЦИК СССР, а в 1941—1947 гг. — кандидатом в члены ЦК КПСС.

В 1946 г. закончилась дипломатическая деятельность И. М. Майского, и он получил возможность всецело заняться научной работой. Этому способствовало также избрание его общим собранием Академии наук СССР 30 ноября 1946 г. действительным членом АН СССР. К моменту избрания академиком он уже был довольно известным исследователем и журналистом-публицистом, автором 12 научных работ. Некоторые из них получили известность не только в СССР, но и за рубежом⁵⁰.

И. М. Майский имел к тому времени и определенный опыт педагогической работы: в 1923—1925 гг. он читал лекции в Коммунистическом университете в Ленинграде, а с 1943 г. преподавал в Высшей дипломатической школе при НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР и Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Поэтому его переход в 1948—1953 гг. на педагогическую работу в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова на исторический факультет явился вполне логичным. Об этом периоде своей деятельности академик И. М. Майский вспоминал: «В 1948/49 учебном году я приступил к чтению курса лекций на истфаке МГУ по истории Испании XIX в. Основой курса явились сведения, которые я приобрел еще в годы работы в Комитете по невмешательству в испанские дела. Но теперь я многое добавил к ним из других источников. В последующие годы я продолжал совершенствование курса»⁵¹.

По инициативе И. М. Майского в июле 1957 г. при Институте истории АН СССР на общественных началах возникла группа по изучению истории Испании, которая в начале 1969 г. после создания Института всеобщей

⁵⁰ Вестник АН СССР, 1947, № 1, с. 80, 70.

⁵¹ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 182.

истории превратилась в самостоятельное структурное подразделение института ⁵².

Плодотворная научная деятельность этого подразделения позволила академику И. М. Майскому констатировать, что «самым важным достижением испанской группы является то, что она создала впервые в нашей стране серьезную испанистику» ⁵³. В Институте истории АН СССР он возглавил также группу по изучению истории Англии, которая под его руководством осуществила издание целой серии книг по истории английского рабочего движения.

В 1964 г. научная общественность нашей страны торжественно отметила 80-летие академика Ивана Михайловича Майского. 11 февраля в Московском Доме ученых, в фойе которого была развернута выставка научных и литературных работ юбиляра, состоялось совместное заседание Отделения истории АН СССР, академических институтов (истории, мировой экономики и международных отношений, народов Азии и Африки, славяноведения, этнографии, археологии) и Фундаментальной библиотеки общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР ⁵⁴.

За заслуги в области исторической науки академик И. М. Майский был награжден третьим орденом Трудового Красного Знамени, а в связи с 90-летием — орденом Дружбы народов.

Его научные заслуги получили признание и за рубежом. И. М. Майский был избран иностранным членом Академии наук Монгольской Народной Республики.

Подводя итог жизненного пути И. М. Майского, можно с уверенностью сказать, что глубокие и разносторонние знания, писательский талант, богатый жизненный опыт, впечатления о встречах с известными людьми своего времени, знакомство со странами, где ему приходилось работать,— все это послужило основой его литературного и научного творчества.

Способность к литературному творчеству, особенно поэтическому, проявилась у И. М. Майского довольно рано, еще в годы учебы в гимназии. Первые литературные успехи в юношеские годы позволили ему после окончания гимназии в 1901 г. с уверенностью заявить: «Кем именно я буду — публицистом, литературным критиком, беллетристом или поэтом, мне было не совсем ясно. Но что

⁵² Новая и новейшая история, 1974, № 2, с. 192.

⁵³ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 183.

⁵⁴ Вестн. АН СССР, 1964, № 4, с. 171.

мне на роду писано держать в руках перо,— в этом я не сомневался»⁵⁵. На протяжении долгой жизни ему не раз приходилось брать в руки перо, причем небезуспешно. В 1974 г. в связи с 90-летием со дня рождения И. М. Майского Институтом всеобщей истории АН СССР была опубликована полная научная библиография трудов ученого. Творческое наследие И. М. Майского насчитывает более 300 произведений⁵⁶.

Участие в революционном и рабочем движении в 1905—1907 гг., а также последующая эмиграция в Швейцарию, Германию и Англию, где он имел возможность близко познакомиться с профессиональным движением этих стран, надолго предопределили его интерес к рабочему вопросу в России и на Западе.

Первой его работой, посвященной этому вопросу, явилась небольшая книжка «Как пользоваться гражданской свободой рабочему классу? Задачи и цели профессионального союза и способы его организации»⁵⁷. Затем последовал целый ряд работ, темой которых было рабочее и профессиональное движение в странах Западной Европы. В 1909—1917 гг. в дореволюционных легальных русских журналах были опубликованы его статьи и корреспонденции: «Эволюция немецкого студенчества. (Письмо из Германии)»⁵⁸, «Из хроники социальной борьбы в Германии. (Локаут в строительной промышленности)»⁵⁹, «Магдебургский партейтаг. (Письмо из Германии)»⁶⁰, «Уравновешенная Англия (Англия во время войны)»⁶¹, «Германское рабочее движение во время войны. 1. Профессиональные союзы; 2. Кооперативное движение; 3. Партия»⁶², и др. Наиболее крупными исследовательскими работами этого периода были его книги: «Германия и война», «Политическая Германия», «В мире германского профессионального движения»⁶³. В этих ранних работах,

⁵⁵ *Майский И. М.* Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 194.

⁵⁶ Проблемы британской истории, 1974. М., 1974, с. 24—49.

⁵⁷ *Ляховецкий И.* Как пользоваться гражданской свободой рабочему классу?: Задачи и цели профессионального союза и способы его организации. Хвалынский, 1905. 20 с.

⁵⁸ Образование, 1909, № 5, с. 165—179.

⁵⁹ Рус. богатство, 1910, № 7, с. 79—105.

⁶⁰ Совр. мир, 1910, № 11, с. 71—82.

⁶¹ Вестн. Европы, 1915, № 5, с. 313—338.

⁶² Рус. записки, 1915, № 10, с. 193—221.

⁶³ *Майский И. М.* Германия и война. М., 1916. 250 с.; *Он же.* Политическая Германия. М., 1917. 215 с.; *Он же.* В мире германского профессионального движения. Пг., 1917. 96 с.

отмечали впоследствии критики, «проявляются наиболее характерные черты научного творчества И. М. Майского: четкость мысли, широкий охват событий, сочность и выразительность исторических персонажей»⁶⁴.

О своих трудах «Германия и война», «Политическая Германия» И. М. Майский писал, что они могут рассматриваться «как преддверие моей дипломатической деятельности уже в советское время»⁶⁵.

Следует отметить, что в работах этого периода мы впервые встречаемся с его литературным псевдонимом «Майский»⁶⁶. Под этим псевдонимом он печатал в основном все последующие свои литературные и научные работы. Более того, это литературное имя стало его официальной фамилией.

Между тем уже в советское время, находясь на дипломатической работе, И. М. Майский нередко издавал свои работы и под другими псевдонимами: М. Джемс, И. Тайгин, В. Крылов и В. Светлов.

Интерес к профессиональному движению на Западе не ослабевал у И. М. Майского и в послеоктябрьский период. В 1925 г. он опубликовал свое исследование «Профессиональное движение на Западе». Спустя год под псевдонимом М. Джемс вышла его книга «Всеобщая стачка и борьба углекопов в Англии», а в 1928 г. под псевдонимом И. Тайгин — «Как живет английский рабочий»⁶⁷.

О своей книге «Профессиональное движение на Западе» автор писал: «Непосредственное знакомство из первых рук с германским и английским движением легло в основу настоящей работы. Оно было дополнено и углублено литературой предмета, в особенности же новейшими статистическими данными о состоянии западноевропейских союзов после войны»⁶⁸.

Результатом непосредственных наблюдений за развернувшейся в Англии в 1926 г. классовой битвой явилась его книга «Всеобщая стачка и борьба углекопов в Англии». В этой книге И. М. Майский живо и убедительно

⁶⁴ Вопр. истории, 1964, № 2, с. 113.

⁶⁵ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 180.

⁶⁶ Майский В. Эволюция немецкого студенчества: (Письмо из Германии). — Образование, 1909, № 5, с. 165—179.

⁶⁷ Майский И. М. Профессиональное движение на Западе: Основные типы. Л., 1925. 322 с.; Джемс М. Всеобщая стачка и борьба углекопов в Англии. М., 1926. 105 с.; Тайгин И. Как живет английский рабочий. М., 1928. 138 с.

⁶⁸ Майский И. М. Профессиональное движение на Западе, с. 3.

рассказал об одной из героических страниц в истории английского рабочего класса — всеобщей стачке (3—13 мая 1926 г.) и семимесячной борьбе шахтеров за социальные права (май — ноябрь 1926 г.).

В это же время И. М. Майский выступает как мастер историко-биографического жанра. Результатом его впечатлений от встречи с Августом Бебелем во время эмиграции в Германии в 1908—1912 гг. явилась яркая публицистическая работа, посвященная вождю немецких рабочих⁶⁹.

Майского также интересовали и международные отношения того времени. Находясь на работе в аппарате НКВД и затем будучи советником по вопросам печати в советском посольстве в Лондоне, он в 1922—1926 гг. опубликовал целую серию книг и статей, посвященных этой тематике⁷⁰, из которых критика отметила небольшую монографию «Внешняя политика РСФСР. 1917—1922», которая, как указывали рецензенты, была одной из первых книг по истории внешней политики Советского государства⁷¹.

Публицистические произведения и исторические исследования И. М. Майского, изданные до революции и в первое послереволюционное десятилетие, получили довольно широкую известность в кругах общественности. Некоторые из них, что представляет особый интерес, привлекли внимание В. И. Ленина. Так, в фондах библиотеки В. И. Ленина в Кремле имеются следующие работы И. М. Майского: «Август Бебель», «Фердинанд Лассаль», «Внешняя политика РСФСР. 1917—1922», «Советская Россия и капиталистический мир (Гаагская конференция)», «Марксизм и вопросы войны и мира»⁷².

Интересна судьба книги «Внешняя политика РСФСР. 1917—1922». Она была подарена В. И. Ленину рабочими типографии «Мосгубсоюза», о чем свидетельствует монограмма на ее переплете⁷³. Примечательна история и другой книги И. М. Майского — «Марксизм и вопросы войны

⁶⁹ Майский И. М. Август Бебель. М., 1923. 60 с.

⁷⁰ Назовем некоторые из них: Майский И. М. Советская Россия и капиталистический мир: (Гаагская конференция). М., 1922. 53 с.; Он же. Внешняя политика РСФСР, 1917—1922. М., 1923. 195 с.; Тайгин И. Англия и СССР. Л., 1926. 94 с.

⁷¹ См.: Найда С. Ф., Наумов В. П. Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции. М., 1966, с. 87.

⁷² Библиотека В. И. Ленина в Кремле: (Каталог). М., 1961, с. 174, 201, 301, 420.

⁷³ Там же, с. 301.

и мира», в которой имеются пометки, сделанные рукой В. И. Ленина ⁷⁴.

Интерес ученого к истории, экономике, политике не ограничивался только европейскими государствами, его внимание привлекали и страны Востока. Непосредственное изучение восточной проблематики И. М. Майским было начато еще во время дипломатической работы в Японии в 1927—1929 гг. Об этом он впоследствии рассказывал: «Став советником полпредства в Токио, я организовал кружок по японоведению... который подготовил много серьезных рефератов, статистических сводок и иных материалов по истории, экономике и политике Японии. Они способствовали повышению квалификации наших полпредских и торгпредских работников тех лет» ⁷⁵. Эти исследования дали необходимый материал для его последующих работ, посвященных Японии ⁷⁶.

К этому времени относится и другая работа Майского, посвященная на этот раз Китаю ⁷⁷. Много десятилетий спустя критика отмечала, что «автор предстает перед нами как ученый, поставивший себе цель собрать и изучить возможно больше достоверных фактических данных, опираясь на которые он был бы в состоянии предложить читателям научно обоснованные выводы и обобщения. Вот почему в „Китайской революции“, как и в других его книгах, И. М. Майский так много места отвел цифрам и фактам. Нас сегодня поражает актуальность исторического прогноза, сделанного автором в результате анализа поражения „Китайской революции“» ⁷⁸.

Несколько обособленное место среди востоковедческих работ И. М. Майского занимает «Современная Монголия» ⁷⁹. Эта книга явилась результатом путешествия автора в Монголию в 1919 г. во главе экспедиции по экономическому обследованию этой страны, организованной Иркутской конторой Центросоюза. Непосредственные впечатления, собранный им во время экспедиции фактический и статистический материал — все это легло в основу монографии. Эта научная работа получила высокую оценку советской критики.

⁷⁴ Там же, с. 201.

⁷⁵ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 181.

⁷⁶ Тайгин И. Японские силуэты. М., 1931. 197 с.; Светлов В. Происхождение капиталистической Японии. М., 1931. 124 с.

⁷⁷ Тайгин И. Китайская революция. М., 1927. 173 с.

⁷⁸ Народы Азии и Африки, 1976, № 2, с. 246.

⁷⁹ Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. 128 с.

Труд И. М. Майского «Современная Монголия», по мнению специалистов, был, «бесспорно, первым в мировой монголоведческой литературе марксистским исследованием экономики, социальных отношений, государственного и общественного строя Монголии накануне народной революции»⁸⁰.

В связи с радикальными изменениями, происшедшими в Монголии за годы народной власти, И. М. Майский предпринял в 1959 г. новое издание, значительно дополнив и переработав его⁸¹. Книга «Монголия накануне революции» получила отклик за рубежом. Известный английский историк-коммунист Э. Ротштейн, в частности, писал: «Несмотря на то что в книгу „Монголия накануне революции“ вошла большая часть предыдущего издания, правдиво характеризующая дореволюционную Монголию, новая книга отличается от ранее изданной, как МНР от старой феодальной теократической Монголии накануне ее распада»⁸².

Однако заняться вплотную научными исследованиями И. М. Майский смог только в послевоенный период — в годы работы в Московском государственном университете (1948—1953), а в дальнейшем в Институте истории АН СССР. В этот период основной проблемой, над которой он работал, стала новая и новейшая история Испании. Так, прочитанный им в годы работы в МГУ курс лекций по истории Испании XIX в. лег в основу монографии «Испания. 1808—1917», опубликованной Издательством АН СССР в 1957 г. В этой работе, говорил автор, «я сделал попытку придать своему изложению такую форму, которая, на мой взгляд, диктуется интересами более легкого и прочного усвоения исторического материала. В частности, в книге помещено большое количество портретов видных политических, военных, хозяйственных и других деятелей Испании XIX столетия, отчего нарисованная картина оживилась»⁸³.

При этом простота изложения материала ни в коей мере не снижает высокого научного уровня исследования. Именно на эту сторону труда обратили внимание рецензенты, отметив, что «„Испания. 1808—1917“ — первое

⁸⁰ Народы Азии и Африки, 1976, № 2, с. 246.

⁸¹ Майский И. М. Монголия накануне революции. 2-е изд., перераб. М., 1959. 310 с.

⁸² Anglo-Soviet Journal, L., 1960, vol. 21, N 4, p. 36.

⁸³ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 182.

в советской историографии монографическое исследование основных проблем новой истории Испании»⁸⁴.

Высокий научный уровень книги вызвал интерес за границей. В монографии, писал Э. Ротштейн, «широко используется большое количество дипломатических документов из дореволюционных архивов царской России, ранее не использованных историками... Выбор периода испанской истории, рассматриваемого автором, не был случайным, так как именно эта эпоха подготовила те события, которые впоследствии привели к национально-революционной войне в Испании 1936—1939 гг.»⁸⁵.

Книга И. М. Майского «Испания. 1808—1917» в 1961 г. была издана в Германской Демократической Республике⁸⁶.

Наряду с изучением новой истории Испании академик И. М. Майский интересовался и новейшим периодом этой страны, в первую очередь историей национально-революционной войны 1936—1939 гг. Этой проблеме были посвящены его статьи: «Борьба за Мадрид», «Национально-революционная война испанского народа и Советский Союз», «Испания и СССР», повествующие об интернациональной помощи, оказанной нашей страной героическому испанскому народу⁸⁷.

Длительное и глубокое изучение испанской истории сделало академика И. М. Майского крупнейшим советским специалистом в этой области. Вот почему все работы по испанской тематике в 50—60-е годы издавались при его непосредственном участии. Он был неизменным ответственным редактором ряда сборников статей и монографий, подготовленных к печати его учениками — членами созданной им испанской группы.

Работая в Институте истории АН СССР, ученый занимался и другими вопросами новейшей истории стран Запада. Он внес большой вклад в изучение истории Великобритании. Этой проблемой академик И. М. Майский занимался как в годы своей дипломатической работы в Англии, так и будучи уже известным ученым-историком.

⁸⁴ Новая и новейшая история, 1976, № 1, с. 222.

⁸⁵ Anglo-Soviet Journal, L., 1960, vol. 21, N 4, p. 36.

⁸⁶ Maisky I. M. Neuere Geschichte Spaniens, 1808—1917. В., 1961.

⁸⁷ Из истории освободительной борьбы испанского народа. М., 1959, с. 123—156; Под знаменем Испанской республики, 1936—1939: Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании. М., 1965, с. 15—68; Проблемы испанской истории, 1971. М., 1971, с. 9—18.

Накопленные знания об этой стране позволили ему успешно выступить в роли ответственного редактора серии «История английского рабочего движения в новое время».

В 1957—1958 гг. академик И. М. Майский опубликовал две большие статьи: «Англо-советское торговое соглашение 1921 г.» и «Проблема второго фронта в англо-американской историографии»⁸⁸. На первый взгляд между событиями, которые рассматривались в статьях, лежал довольно длительный отрезок времени — два десятилетия. Тем не менее автору удалось убедительно доказать, что противодействие нормализации отношений между Великобританией и Советской Россией в начале 20-х годов и открытию второго фронта в 1941—1943 гг. оказывали одни и те же силы — британские империалисты, органически ненавидевшие Советский Союз и коммунизм.

Ученый по-прежнему продолжал уделять пристальное внимание изучению истории стран Востока. Как бы завершающим трудом в этой области явилась его статья «Чингисхан»⁸⁹.

Иван Михайлович Майский известен широкому кругу читателей и научной общественности и как автор многочисленных мемуаров, рассказывающих о событиях, свидетелем которых он являлся на протяжении долгого жизненного пути. Его перу принадлежит свыше 50 мемуарных произведений, вышедших отдельными изданиями и в журнальных публикациях.

Интерес к мемуарному творчеству у И. М. Майского появился довольно рано. «В юности,— вспоминал он,— я любил читать мемуары, считая, что каждый человек является в большей или меньшей степени отражением своей эпохи. Чем интереснее эта эпоха и чем активнее этот человек, тем ценнее его мемуары для будущего исследования нашего времени»⁹⁰.

И. М. Майский давно хотел попробовать свои силы в этом жанре литературы. Однако это намерение длительное время оставалось нереализованным. «...Сначала,— вспоминал он,— нужно накопить для этого достаточно жизненного материала. Сверх того, мысль об услуге будущему историку, гипотетическому и мне совершенно незнакомому, была слишком абстрактна для того, чтобы при-

⁸⁸ Вопр. истории, 1957, № 5, с. 60—77; 1958, № 1, с. 62—84.

⁸⁹ Вопр. истории, 1962, № 5, с. 74—83.

⁹⁰ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925—1945, с. 9.

давать подобной работе характер срочности. Поэтому до пятидесяти я увлекался другими жанрами литературной работы, особенно публицистикой и журналистикой»⁹¹.

Тем не менее следует отметить, что уже в ранних журналистских и публицистических работах, опубликованных в дореволюционный период, отчетливо виден мемуарный элемент. Многие из этих произведений написаны под непосредственным впечатлением о событиях, фактах и людях, с которыми ему приходилось встречаться в годы своей эмиграции в Германии и Англии (1908—1917 гг.)⁹².

Однако указанные работы не являлись мемуарными произведениями в подлинном смысле этого слова. Только начиная с 40-х годов И. М. Майский приступил к написанию и изданию своих воспоминаний.

Длительное пребывание за границей на дипломатической работе, в первую очередь в Англии, окончательно убедило его в необходимости более углубленного и систематического подхода к этому виду произведений, учитывая их идеологическую направленность. Вот как он сам оценивал значение мемуаров: «Воспоминания служат острым оружием в той идеологической борьбе, которую мы ведем в настоящее время с буржуазной идеологией... Ежегодно книжный рынок зарубежного Запада и Востока затопляется огромными потоками воспоминаний... А подавляющей массе таких мемуаров присуща в большей или меньшей степени антисоветская направленность...

Вот почему, как мне кажется, следует поддержать всякую попытку защитить пером позиции советской внешней политики»⁹³.

«Мысль о необходимости написать дипломатические мемуары,— вспоминал Майский,— возникла у меня впервые в 30-е годы, когда я был в Лондоне»⁹⁴. Однако непосредственно к написанию мемуаров он приступил на рубеже 1939/40 г., в период так называемой «странной войны». «В ту зиму,— по его словам,— настоящей войны еще не было, но в Лондоне „на всякий случай“ было уста-

⁹¹ Там же.

⁹² *Майский В.* Массы и вожди в германском рабочем движении: (Из личных впечатлений).— Рус. богатство, 1911, № 8, с. 31—59; № 9, с. 24—40; *Он же.* По деревенской Германии: (Из путевых впечатлений).— Рус. богатство, 1913, № 1, с. 243—274; *Он же.* В царстве угля и стали: (Из путевых впечатлений).— Вестн. Европы, 1914, № 6, с. 233—265.

⁹³ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 184.

⁹⁴ Там же.

новлено затемнение. В силу этого вечерняя дипломатическая жизнь, отнимающая у посла так много времени и нервов, прекратилась. В моем густо набитом различными делами рабочем дне внезапно образовалось „окно“. Меня невольно потянуло к письменному столу. Результатом явился первый камень в здании мемуаров, который в 1944 г. был опубликован у нас под заглавием „Перед бурей“»⁹⁵.

Эти воспоминания писались последовательно — хронологическим методом и были посвящены детским и юношеским годам мемуариста. Таким образом, воспоминания «Перед бурей» были первыми в серии автобиографических мемуаров. Однако автор отказался перенести этот метод на свои последующие мемуары, и на это, указывал он, были веские причины: «Если пользоваться таким методом, можно не успеть дойти до самого важного. Поэтому я сменил метод последовательно-хронологический на метод тематический и решил прежде всего написать о наиболее важных отрезках времени, с которыми была связана моя работа, а потом уже постепенно заполнять оставшиеся пробелы»⁹⁶.

К наиболее важным отрезкам времени относится период дипломатической службы И. М. Майского, и в первую очередь пребывание в качестве советского посла в Англии в 1932—1943 гг. Вот почему он решил посвятить этому периоду все последующие свои воспоминания. На осуществление этого замысла ему понадобилось значительное время. По этому поводу И. М. Майский вспоминал: «Только в 50-е годы возобновил, и на этот раз более основательно, прерванную работу...»⁹⁷. В начале 60-х годов И. М. Майским были опубликованы три небольших произведения: «Воспоминания советского посла в Англии», «Испанские тетради», «Кто помогал Гитлеру»⁹⁸. Первое повествовало об англо-советских торговых переговорах в Лондоне в 1932—1934 гг. Два последующих были посвящены дипломатической деятельности И. М. Майского в качестве советского посла в Англии в 1932—1939 гг. и работе Комитета по невмешательству в испанские дела (1936—1939 гг.), членом которого он яв-

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Майский И. М. Воспоминания советского посла в Англии. М., 1960. 144 с.; Он же. Кто помогал Гитлеру: (Из воспоминаний советского посла). М., 1962. 199 с.; Он же. Испанские тетради. М., 1962. 197 с.

лялся на протяжении всех трех лет существования комитета.

За первыми изданиями дипломатических мемуаров последовали и другие воспоминания И. М. Майского. В беседе с сотрудниками журнала «Новая и новейшая история» он рассказывал: «...в 1964 г. Издательство АН СССР опубликовало два тома мемуаров под общим заголовком „Воспоминания советского посла“. Годом позже вышел третий том под тем же заголовком, целиком посвященный моей работе в Лондоне в течение первых четырех лет войны. В 1967 г. я написал, а в 1968 г. частично опубликовал еще одну часть воспоминаний, охватывающих 1925—1927 гг., когда я работал в Лондоне в качестве советника полпредства. В общем эти мемуары составляют примерно 100 печатных листов, но еще не все хронологические „пробелы“ заполнены, и, если позволит здоровье, я рассчитываю сделать это в ближайшем будущем»⁹⁹.

И. М. Майский выполнил свое обещание, и в последующие годы им были написаны «Воспоминания советского дипломата. 1925—1945» и «Люди. События. Факты»¹⁰⁰.

Кроме того, на страницах журналов в 60-е годы неоднократно помещались фрагменты из мемуаров дипломатического характера¹⁰¹.

Немало страниц воспоминаний И. М. Майский посвятил своим коллегам — советским дипломатам, с которыми он поддерживал дружеские связи еще в годы дореволюционной эмиграции и на дипломатической работе: А. М. Коллонтай, Н. Н. Крестинскому, Г. В. Чичерину, Л. Б. Красину¹⁰².

Что касается автобиографических мемуаров, то после издания воспоминаний «Перед бурей» И. М. Майский подготовил и опубликовал ряд других работ об отдельных периодах своей жизни, в частности о пребывании в Германии (1908—1912 гг.)¹⁰³, о жизни в качестве русского

⁹⁹ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 184.

¹⁰⁰ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925—1945; Он же. Люди. События. Факты. М., 1973. 215 с.

¹⁰¹ См.: Проблемы британской истории, 1974. М., 1974, с. 41—44.

¹⁰² Майский И. М. А. М. Коллонтай: (Из воспоминаний).— Октябрь, 1962, № 7, с. 107—112; Он же. Дипломат ленинской школы: (К 80-летию со дня рождения Н. Н. Крестинского).— Известия, 1963, 27 окт.; Он же. Дипломаты ленинской школы: (Воспоминания о Г. В. Чичерине).— Новое время, 1967, № 44, с. 10—13; Он же. Полпред Красин: (Из воспоминаний о Л. Б. Красине).— Новое время, 1968, № 3, с. 23—26.

¹⁰³ Майский И. М. Из дальних лет (1908—1912 гг.: Воспоминания и размышления), с. 345—404.

политэмигранта в Англии (1912—1917 гг.)¹⁰⁴ и работе на посту редактора журнала «Звезда»¹⁰⁵.

Заметное место в публикации мемуаров И. М. Майского занимают воспоминания о встречах с советскими и английскими военными, общественными деятелями, писателями, учеными: М. Н. Тухачевским, И. П. Павловым, М. Е. Кольцовым, Б. Шоу, Г. Уэллсом, Х. Джонсоном¹⁰⁶.

Учитывая специфику жанра мемуарной литературы, И. М. Майский особо подчеркивал необходимость достоверности мемуаров, так как, по его словам, «всякие воспоминания имеют подлинную ценность, если они искренни и правдивы»¹⁰⁷. Вот почему, писал он в предисловии к воспоминаниям советского посла, «везде, где можно, я проверял показания памяти документами, протоколами, письмами, дневниками, газетными отчетами и другими источниками, относящимися к моменту совершения описываемых событий»¹⁰⁸.

Действительно, в мемуарах Майский использовал широкий и разнообразный круг источников и литературы. Основой воспоминаний стал его дневник, который он вел «с конца 1934 г. и в котором делал записи (не каждый день, но регулярно) о наиболее интересных событиях, разговорах, мыслях и прочем...»¹⁰⁹.

Майский пользовался не только дневниковыми записями. Среди других источников можно назвать публикации советских дипломатических документов, сборники документов из архивов МИДа Англии, Германии, США; протоко-

¹⁰⁴ *Майский И. М.* Из воспоминаний: (Отрывки из подготовляемой к печати книги воспоминаний о лондонской революционной эмиграции, 1912—1917 гг.).— Москва, 1958, № 1, с. 147—170; *Он же.* Путешествие в прошлое: Воспоминания о русской политической эмиграции в Лондоне, 1912—1917 гг. М., 1960. 326 с.

¹⁰⁵ *Майский И. М.* Из записок первого редактора.— Звезда, 1973, № 12, с. 159—164.

¹⁰⁶ *Майский И. М.* В Лондоне.— В кн.: Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 227—230; *Он же.* Павлов в Англии.— В кн.: И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967, с. 332—334; *Он же.* Михаил Кольцов, каким он был: Воспоминания. М., 1965, с. 17—23; *Он же.* Бернард Шоу: (Встречи и разговоры).— Новый мир, 1961, № 1, с. 208—223; *Он же.* Б. Шоу и другие: Воспоминания. М., 1967. 201 с.; *Он же.* Встречи с Гербертом Уэллсом.— Иностр. лит., 1963, № 1, с. 236—250; *Он же.* Слово к читателям.— В кн.: Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970, с. 3—14; *Он же.* Памяти Хьюлетта Джонсона.— Лит. газ., 1966, 27 окт.

¹⁰⁷ *Майский И. М.* Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 9.

¹⁰⁸ Там же, с. 10.

¹⁰⁹ Новая и новейшая история, 1969, № 4, с. 184.

лы заседаний палаты общин английского парламента и стенографические отчеты заседаний Комитета по неуместительству в испанские дела; мемуары английских политических и государственных деятелей У. Черчилля, Дж. Саймона, А. Идена, Э. Галифакса, Д. Ллойд Джорджа и др., а также советскую и английскую периодическую печать.

Как мы могли убедиться, в воспоминаниях академика И. М. Майского затрагивается самый разнообразный круг вопросов и проблем: это и личная жизнь мемуариста, и история, политика, экономика, а также нравы и обычаи различных стран и народов.

В автобиографических мемуарах «Перед бурей» и «Путешествие в прошлое» автор живо описал свои детские и юношеские годы, протекавшие в далеком омском захолустье, «богом и людьми» забытой глухой провинции, о которой говорили: «Три года скачи — не доскачешь»¹¹⁰.

Перед читателем проходят мрачные картины дореволюционной действительности, оказавшие сильное влияние на формирование мировоззрения молодого Майского: путешествие с отцом в Верный (Алма-Ата) и на арестантской барже по Оби, гимназический бунт, трагедия церковного органиста и др. Здесь мальчик мог воочию увидеть бесправное положение русских солдат, познакомиться с политзаключенными, узнать о произволе и беззаконии немецких баронов в Прибалтике при явном покровительстве царских властей. Здесь он имел возможность вместе со своими товарищами гимназистами впервые выступить с протестом против чиновничьих порядков, бытовавших тогда в омской гимназии.

Заслуживают внимания и страницы воспоминаний, посвященные эмиграции мемуариста в Англии. Автор знакомит нас с жизнью русской политической эмиграции в Лондоне и ее видными представителями: большевиками М. М. Литвиновым, Ф. А. Ротштейном, А. М. Коллонтай, Я. Янсоном, Я. Берзиным и Петро Заречным; народниками Ф. М. и С. М. Степняк-Кравчинскими, А. И. Зунделевичем, П. В. Карповичем; одним из основоположников русского анархизма, П. А. Кропоткиным, и др.

В этой части мемуаров И. М. Майский предстает перед нами и как мастер политической биографии. Подлинными образцами этого литературного жанра являются биогра-

¹¹⁰ Майский И. М. Воспоминания советского посла, кн. 1, с. 39.

фии С. М. Степняка-Кравчинского¹¹¹, А. И. Зунделевича¹¹² и П. А. Кропоткина¹¹³.

Не без волнения мы читаем рассказ, записанный мемуаристом со слов Ф. А. Ротштейна, в котором узнаем интересные подробности о жизни В. И. Ленина в Лондоне в 1902—1903 гг.¹¹⁴

Однако, несмотря на значительность событий и фактов, рассматриваемых в автобиографических воспоминаниях, они все-таки не дают полного представления о всей многогранной деятельности И. М. Майского и являются только частью его обширного мемуарного наследия. Более чем 20-летний период дипломатической службы И. М. Майского нашел свое отражение в таких его мемуарах, как «Воспоминания советского дипломата» и «Воспоминания советского посла».

В первой части «Воспоминаний советского дипломата» мемуарист повествует о событиях, связанных с его пребыванием в Лондоне в качестве советника по вопросам печати в 1925—1927 гг. В этот период И. М. Майский был свидетелем ряда важных событий, имевших серьезные последствия для англо-советских отношений, в частности шумных антисоветских кампаний, организованных правящей Англией, налета полиции на советско-английское акционерное общество АРКОС и, наконец, разрыва дипломатических отношений между двумя странами в мае 1927 г.

Более полное представление о работе И. М. Майского на посту советского посла в Англии (1932—1943 гг.) дает его фундаментальное мемуарное произведение «Воспоминания советского посла», в первую очередь книги вторая — «Мир или война?» — и третья — «Война». Этот период деятельности мемуариста совпал с рядом важных международных событий, которые нашли отражение на страницах этих воспоминаний.

Среди тем международного характера, получивших освещение в дипломатических мемуарах, можно назвать следующие: англо-советские торговые переговоры в Лондоне (1932—1934 гг.), визит А. Идена в Москву в 1935 г., мюнхенский сговор (1937—1938 гг.), деятельность лондонского Комитета по невмешательству в испанские дела в

¹¹¹ Там же, с. 295—298.

¹¹² Там же, с. 313—314.

¹¹³ Там же, с. 302—312.

¹¹⁴ Там же, с. 278—280.

1936—1939 гг., англо-франко-советские переговоры в Москве в 1939 г. о заключении пакта о взаимопомощи, создание антигитлеровской коалиции, борьба за второй фронт и др.

Непосредственное участие в указанных событиях, большой фактический материал, собранный мемуаристом, значительность и актуальность рассматриваемых проблем — все это делает дипломатические воспоминания И. М. Майского ценным источником по истории внешней политики СССР и международных отношений 30—40-х годов. Именно эта сторона мемуаров привлекает многих советских исследователей и позволяет успешно вводить их в научный оборот.

В настоящее время дипломатические мемуары И. М. Майского как исторический источник использовались более чем в 30 монографиях и научных статьях ¹¹⁵.

В ряде журналов и газет в 1960—1970 гг. на издания воспоминаний И. М. Майского, главным образом дипломатического характера, было опубликовано свыше 28 рецензий и критических статей ¹¹⁶.

¹¹⁵ См., напр.: *Нарочницкий А. Л.* Внешняя политика СССР и проблемы европейской безопасности между двумя войнами.—Новая и новейшая история, 1974, № 5, с. 16—24; *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.). М., 1962, с. 203, 204, 299; *Волков Ф. Д.* СССР — Англия, 1929—1945 гг.: Англо-советские отношения накануне и в период второй мировой войны. М., 1964, с. 59, 61, 78, 107, 201, 260, 261; *Иоффе А. Е.* Внешняя политика Советского Союза, 1928—1932 гг., с. 249, 250, 294, 295, 298, 342, 341; *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1939—1941 гг. М., 1964, с. 23, 109, 171, 339, 351; *Попов В. И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией, 1929—1939 гг. М., 1965, с. 130—131, 209, 249, 331—332, 336, 341, 343, 357—358, 367—368, 399, 405, 414, 420, 421, 459; *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979, с. 95, 161; *Фомин В. Т.* Фашистская Германия во второй мировой войне (сентябрь 1939 г.—июнь 1941 г.). М., 1978, с. 151; и др.

¹¹⁶ См. рец.: *Ермашев И.*—Новый мир, 1960, № 11, с. 278—282; *Ким М. П.*—История СССР, 1961, № 1, с. 186—187; *Заславский Д.*—Новое время, 1963, № 12, с. 29—31; *Майданик К.*—Новый мир, 1963, № 3, с. 273—275; *Нарочницкий А. Л.*—Новая и новейшая история, 1963, № 2, с. 150—152; *Яковлев Н. Н.*—Вопр. истории, 1965, № 10, с. 197—205; *Трухановский В. Г.*—Новая и новейшая история, 1965, № 3, с. 153—157; *Поздеева Л. В.*—Новая и новейшая история, 1966, № 1, с. 156—158; *Иоффе А. Е.*—Новая и новейшая история, 1972, № 6, с. 183—185; *Тур А., Тур П.*—Лит. газ., 1974, 16 янв., с. 12; *Пожарская С. П.* Действительный член Академии наук СССР Иван Михайлович Майский.—Новая и новейшая история, 1974, № 2, с. 189—195.

Такой обширный круг рецензий и статей на дипломатические мемуары И. М. Майского, опубликованных в 60—70-х годах в различных советских научных и общественно-политических журналах и газетах, убедительно свидетельствует о повышенном интересе к мемуарному творчеству этого автора со стороны широкого круга научной общественности.

Такой повышенный интерес к дипломатическим мемуарам И. М. Майского не был случайным. Прежде всего рецензентов привлекло актуальное звучание этих произведений. Они единодушно подчеркнули значение рассматриваемых мемуаров в деле борьбы с противниками разрядки и фальсификаторами истории международных отношений.

В то же время идеологическая направленность, большой фактический материал, характер международных событий, рассматриваемых в мемуарах,— все это вызвало желание не только советского, но и зарубежного читателя познакомиться с воспоминаниями академика И. М. Майского. В неменьшей степени этому способствовала и личность мемуариста. Имя видного советского дипломата, являвшегося в течение 11 лет послом в одной из ведущих стран капиталистического мира в один из самых ответственных исторических моментов, было хорошо известно широким кругам общественности на Западе, и в первую очередь на Британских островах.

Непосредственное участие И. М. Майского в описываемых событиях делало его мемуары еще более привлекательными и в то же время убедительными в свете восстановления исторической правды о советской внешней политике. Интерес к его воспоминаниям за рубежом в этом плане подчеркивал и сам мемуарист: «Поскольку одной из основных целей моих мемуаров является разоблачение западных фальсификаций советской внешней политики, большим удовлетворением для меня служит тот факт, что почти все мои дипломатические воспоминания полностью или частично переведены на 14 иностранных языков и изданы в США, Англии, Франции, ГДР, Италии, Японии и других странах»¹¹⁷.

Как и следовало ожидать, воспоминания И. М. Майского большой интерес вызвали в Англии. Все основные его мемуары: «Перед бурей», «Путешествие в прошлое», «Кто помогал Гитлеру», «Испанские тетради» и «Воспоминания советского посла» (3-я книга «Война») были переведены

¹¹⁷ *Майский И. М. Воспоминания советского дипломата*, с. 10.

Джерардом Шелли, Фредериком Холтом, Руфью Кисч и Эндрю Ротштейном и в разное время изданы в Англии издательством «Хатчинсон»¹¹⁸.

Издание дипломатических мемуаров И. М. Майского на Британских островах и ознакомление с ними английского читателя вызвали большой резонанс в политических и общественных кругах этой страны, правящие классы которой в большой степени были ответственны за подготовку и развязывание второй мировой войны.

Первым мемуарным произведением И. М. Майского, изданным в Англии в послевоенный период, была книга «Путешествие в прошлое». Из рецензий на эти воспоминания, опубликованных в английских журналах и газетах, следует отметить статью руководителя английских коммунистов Уильяма Галлахера в коммунистическом еженедельнике «Лейбор мансли»¹¹⁹.

Английского коммуниста и видного деятеля международного рабочего движения У. Галлахера в первую очередь интересовали события, связанные с рабочим движением в Англии накануне и в период первой мировой войны, свидетелем которых был автор воспоминаний. В связи с этим рецензент подчеркнул, что И. М. Майским в его мемуарах была дана «очень проницательная и умная оценка британских тред-юнионов и рабочего движения»¹²⁰. Страницы воспоминаний, посвященные тогдашней рабочей Англии, приводит к заключению У. Галлахер, будут полезными для современного английского читателя¹²¹.

Если первое издание автобиографических воспоминаний И. М. Майского не вызвало заметного отклика в Англии, то публикация его дипломатических мемуаров заставила английскую печать как правого, так и левого направления уделить им пристальное внимание.

Смятение в правящей Англии вызвало издание мемуаров И. М. Майского «Кто помогал Гитлеру». «Моя книга,— писал автор,— оказалась чем-то вроде лакмусовой бумажки, сразу обнаружившей настроение руководящих

¹¹⁸ *Maisky*. Before the Storm. L., 1943; *Idem*. Journey into the Past. L., 1962; *Idem*. Who Helped Hitler? L., 1964; *Idem*. Spanish Notebooks. L., 1966; *Idem*. Memoir of a Soviet Ambassador: The War, 1939—1943. L., 1967.

¹¹⁹ Labour Monthly, L., 1963, N 1, p. 44—45.

¹²⁰ Ibid., p. 44.

¹²¹ Ibid., p. 45.

кругов Англии»¹²². По его подсчетам, около 50 английских газет и журналов различного направления сочли необходимым откликнуться на это издание. Несколько радиопередач посвятила мемуарам лондонская Би-Би-Си¹²³. Причем необходимо отметить, что четыре десятка откликов были опубликованы в буржуазной печати, которые, по словам И. М. Майского, «делятся примерно пополам на две группы, из которых одну можно назвать „враждебной“, а другую „компромиссной“»¹²⁴.

Такой ажиотаж буржуазных органов печати был вызван прежде всего идеологическими и политическими аспектами мемуаров. Остановимся поначалу на враждебной критике, образцом которой являлась рецензия А. Бухана, помещенная в «Санди таймс»¹²⁵. О таких откликах И. М. Майский говорил, что они написаны «в стиле аляповатого детектива»¹²⁶. Действительно, рецензент, не утруждая себя источниковедческим анализом мемуаров, пытался убедить английского читателя в том, что отдельные большие фрагменты были написаны другим лицом, так как существует заметное расхождение между отдельными главами, «одни из которых точны, содержательны и даже вызывают восхищение читателя мастерством автора, в то время как другие наполнены избитыми штампами коммунистической демонологии»¹²⁷. Какие же «штампы» увидел А. Бухан в мемуарах? Оказывается, рецензента коробит от метких характеристик, данных И. М. Майским «творцам» политики «умиротворения» агрессора: Н. Чемберлену — «самая зловещая фигура на политическом горизонте», «кливденской клике» — «центр оголтелого антисоветизма»¹²⁸.

Среди больших фрагментов, написанных «другим лицом», рецензент выделил вторую часть мемуаров. Именно в этой части И. М. Майский провел научный анализ публикации государственного департамента США «Нацистско-советские отношения 1939—1941 гг.», убедительно доказав несостоятельность утверждений западной пропаганды о якобы «двойных переговорах», проводимых СССР летом 1939 г., и о «военно-политическом сотрудни-

¹²² Новое время, 1964, № 21, с. 25.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Sunday Times, 1964, 16 Febr.

¹²⁶ Новое время, 1964, № 21, с. 26.

¹²⁷ Sunday Times, 1964, 16 Febr.

¹²⁸ Ibid.

честве», предусматривавшемся советско-германским пактом о ненападении¹²⁹.

Большую подборку откликов на мемуары «Кто помогал Гитлеру» поместила в разное время «Таймс»¹³⁰. Она не отважилась, как это сделали наиболее реакционные органы печати, выдвигать смехотворное утверждение о мнимости авторства И. М. Майского. «Таймс» поставила перед собой задачи иного плана: по возможности сгладить впечатление, произведенное на английскую общественность мемуарами «Кто помогал Гитлеру», и попытаться на основе традиционного британского культа компромисса поставить знак равенства между политикой «умиротворения» западных держав и миролюбивой советской внешней политикой накануне второй мировой войны¹³¹.

Не рассчитывая на собственные силы в защите своих позиций, «Таймс» прибегла к помощи маститых английских историков: У. Медликотта, профессора лондонской школы экономики, и Л. Вудварда, профессора из Оксфорда. Как историк, У. Медликотт для большей убедительности своих аргументов использовал публикацию «Британские дипломатические документы». На основании этой тенденциозной публикации он утверждал, что все требования, выдвинутые СССР на тройственных переговорах в Москве, были приняты англо-французской стороной. Тогда Советский Союз выдвинул новое требование о «косвенной агрессии в отношении Прибалтийских стран и заключении военной конвенции до подписания политического соглашения, преследуя при этом одну цель — запугать Гитлера и тем самым заставить его пойти на соглашение». В этой связи Медликотт упрекнул советского посла в нежелании признать за Советским правительством ответственность за срыв англо-франко-советских переговоров в Москве и с досадой заметил: «Насколько сильнее была бы советская позиция, если бы не Запад, а Россия вступила в войну в сентябре 1939 г.»¹³².

Ознакомившись с буржуазной критикой в свой адрес, И. М. Майский обратился в «Таймс» с двумя письмами, в которых дал достойную отповедь попыткам фальсифицировать предвоенную историю международных отношений¹³³.

¹²⁹ Ibid.

¹³⁰ Times, 1964, 17 Febr.

¹³¹ Ibid., 17 March.

¹³² Ibid.

¹³³ См.: Ibid., 12 Mar., 7 apr.

Отвечая на рецензию в «Таймс» от 17 февраля 1964 г., мемуарист подчеркнул, что «он не может согласиться с таким вольным изложением исторических событий, как проведение аналогии между Мюнхеном и советско-германским пактом о ненападении». Между двумя этими событиями, писал И. М. Майский, была «дистанция в один год»¹³⁴. За этот период Советское правительство неоднократно предпринимало шаги по устранению «болезненных» последствий Мюнхена; главным из этих шагов было советское предложение о подписании тройственного пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией против нацистской агрессии. В качестве аргумента бывший советский посол привел факт, как он лично вручал 17 апреля 1939 г. тогдашнему британскому министру иностранных дел Э. Галифаксу советское предложение о заключении тройственного пакта, «Мудрость этого шага,— отмечал он,— была в свое время подтверждена У. Черчиллем в его мемуарах „Вторая мировая война“»¹³⁵. Далее бывший советский посол продолжал: «В своей книге я, непосредственный участник переговоров по этому вопросу, не только обвинил Чемберлена и Даладье в саботаже советского предложения, но убедительно доказал это обвинение точными фактами и документами»¹³⁶.

В заключение И. М. Майский писал: «...я хочу подчеркнуть, что политика „умиротворения“ фашистских агрессоров, которую Чемберлен и Даладье проводили до, во время и после Мюнхена, открыла дорогу второй мировой войне»¹³⁷.

В отличие от буржуазной прессы авторы рецензий из коммунистической и лейбористской печати отнеслись с пониманием к советской внешней политике накануне второй мировой войны. Правда, рецензии положительного характера не были столь уж многочисленными и, как указал мемуарист, «из полусотни печатных откликов они составляют примерно около десятка»¹³⁸. По мнению И. М. Майского, «наиболее интересны среди них статьи, появившиеся в „Дейли уоркер“ (В. Уорби), леволейбористской „Трибюн“ (Кони Зиллиакус), в коммунистическом ежемесячнике „Лейбор мансли“ (Квестор), в воскресной га-

¹³⁴ Ibid., 12 Mar.

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Новое время, 1964, № 21, с. 25.

зете левого толка „Санди ситизен“ (Том Драйберг)»¹³⁹.

Внимание Квестора из «Лейбор мансли» привлекли причины, вызвавшие ожесточенные нападки на автора «Кто помогал Гитлеру» в английской буржуазной печати. В этой связи рецензент отметил, что одной из главных причин «такой неистойой, а порой истерической реакции» было то, что И. М. Майский «последовательно и методично, с документами в руках проанализировал историю англо-франко-советских переговоров в 1939 г. о пакте взаимопомощи, который должен был остановить гитлеровскую агрессию на фоне предшествующего длительного сотрудничества тори с Гитлером. Майский был непосредственным участником лондонской части переговоров, имел преимущество в сравнении с другими использовать не только дипломатические документы и монографии и т. д., опубликованные после войны, но и собственные дипломатические записи тех лет»¹⁴⁰.

Третья книга «Воспоминаний советского посла» — «Война» — не в меньшей степени, чем мемуары «Кто помогал Гитлеру», привлекла внимание английской общественности. На страницах английских журналов и газет было помещено около 20 откликов, позволявших судить о характере английской критики рассматриваемых воспоминаний.

Такие солидные буржуазные органы печати, как «Спектейтор» и «Экономист», пытались создать видимость объективной критической оценки воспоминаний. «Спектейтор» для большей убедительности привел высказывания ряда крупных английских газет, которые в общем давали положительную оценку: «Мистер Майский находится вне конкуренции — его мемуары достойны, чтобы их читали и перечитывали» («Таймс»); «Его мемуары хорошо написаны и великолепно переведены» («Обсервер»); «Ободряющее чтение... жестокая, насмешливая прямота» («Санди таймс») ¹⁴¹. Сделав, таким образом, несколько комплиментов в адрес мемуариста, рецензент Д. Уатт высказал мнение, будто оценка И. М. Майским британской внешней политики «зачастую несправедлива и не соответствует действительности»¹⁴². По мнению рецензента, это в первую очередь относилось к характеристике И. М. Майским

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Labour Monthly, 1964, N 5, May, p. 218.

¹⁴¹ Spectator, 1967, N 7620, p. 189.

¹⁴² Ibid,

политики У. Черчилля в годы войны как политики «классового эгоизма», которая наглядно была продемонстрирована в вопросах арктических конвоев и открытия второго фронта¹⁴³.

Не устраивало Д. Уатта и объяснение мемуаристом причин такой обструкции У. Черчиллем указанных проблем, а именно его желание видеть Германию и Россию «обескровленными»¹⁴⁴.

Другую группу составили отклики, авторы которых всячески пытались принизить значение мемуаров «Война» в глазах английского читателя. Дуглас Гилл из лейбористского еженедельника «Нью стейтсмен», в частности, писал, что И. М. Майский в своих воспоминаниях подробно останавливается на обстановке в Лондоне в первые годы войны, на своих поездках по стране и встречах с рабочими. Однако, резюмировал рецензент, «все это может быть и развлекательно, но стоит ли этому посвящать 400 страниц?». И далее: «...в этой книге нет подлинной дипломатической истории войны»¹⁴⁵.

Более прямолинейно в отношении книги «Война» высказалась газета «Таймс литерари сапплмент»¹⁴⁶. Сравнивая эти воспоминания с предшествовавшими изданиями мемуаров И. М. Майского, она категорически заявила, что они «являются довольно банальным памфлетом»¹⁴⁷. Тот факт, что мемуарист придавал большое значение вопросу о втором фронте, газета сочла «скучной полемикой, занявшей большую часть книги»¹⁴⁸. Представляет интерес и редкое для английской буржуазной прессы признание, что «правдоподобным можно считать утверждение И. М. Майского о том, что враждебность Черчилля второму фронту была вызвана желанием увидеть ослабленными в конце войны как Германию, так и Россию»¹⁴⁹.

Книга И. М. Майского «Война» встретила в Англии не только противников, но и друзей. Коммунистический ежемесячник «Лейбор мансли» выступил в защиту мемуаров от нападок буржуазных оппонентов, в частности известного историка А. Тейлора, который высказал сомнения в реальности приводившегося в мемуарах высказывания У. Черчилля: «Идеальным... было бы, если бы и Герма-

¹⁴³ Ibid.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ New Statesman, 1967, N 1917, p. 818, 819.

¹⁴⁶ Times Literary Supplement, 1967, N 3420, p. 811.

¹⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Ibid.

ния, и СССР вышли из войны сильно потрепанными, обескровленными и на протяжении по крайней мере целого поколения бродили бы на костылях, в то время как Англия пришла бы к финишу с минимумом потерь и в доброй форме европейского боксера»¹⁵⁰. В отличие от представителей буржуазной печати рецензент Квестор, опираясь на факты, убедительно доказал, что руководители Великобритании в годы второй мировой войны не только высказывались в подобном духе, но и предпринимали практические шаги для претворения своих замыслов¹⁵¹.

Такая многочисленная и разнообразная, часто противоречивая критика мемуаров И. М. Майского в Англии лишний раз подтверждает, что его дипломатические мемуары являются не просто воспоминаниями современника описываемых событий, а носят ярко выраженный идеологический и политический характер. Именно этот аспект мемуаров Майского заставил апологетов британских кругов встретить его воспоминания в штыки. В то же время прогрессивная печать оценила огромное значение этих мемуаров в деле восстановления исторической правды о событиях 30—40-х годов. К этому следует добавить, что дипломатические мемуары Майского сохраняют актуальное значение и сегодня. В свете развития современной международной обстановки, когда некоторые круги Запада делают попытки столкнуть мир к новой мировой войне, предостерегающе звучат слова И. М. Майского: «Когда сейчас слышишь речи нынешних лидеров капитализма, часто думаешь: то же самое в 30-х годах говорили Чемберлен и Даладье — по-видимому, сыновья ничему не научились из опыта отцов»¹⁵².

Знакомство с деятельностью И. М. Майского, его обширным и многообразным научным и литературным наследием убеждает, что перед нами опытный дипломат, ученый, историк и талантливый писатель-публицист. Вся долгая жизнь И. М. Майского была подчинена одной цели — служению народу, Родине и советской науке. Многочисленные произведения И. М. Майского различны по тематике, объему и жанру, но их объединяет одно общее — вера в коммунистические идеалы, чувство глубокого интернационализма, несокрушимый оптимизм и жизнелюбие автора.

¹⁵⁰ Labour Mon/hly, 1967, N 11, p. 525.

¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² Майский И. М. Кто помогал Гитлеру, с. 7—8.

АКАДЕМИК И. М. МАЙСКИЙ И ГРУППА ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ АНГЛИИ

Прогрессирующая специализация исторического знания, ведущая к дроблению научных интересов, давно и настойчиво требовала в качестве противовеса объединения ученых, работающих по близкой тематике. Наиболее практической и доступной формой такого объединения было создание групп по истории отдельных стран. Такие группы в Институте истории АН СССР стали возникать в первой половине 50-х годов. Одной из первых по инициативе известного медиевиста академика Е. А. Косминского была создана группа по изучению истории Англии. Группа ставила своей целью объединение сил и координацию работы специалистов, обсуждение важнейших научных проблем, выявление малоизученных вопросов, сообщение о трудах, предназначенных для печати, контакты с зарубежными учеными и т. п. В работе группы принимали участие наряду с историками также ученые других специальностей — экономисты, философы, юристы, а также журналисты. О том, что эта форма координации научных усилий своевременна и полезна, говорит то, что почти одновременно по этому типу возникли и другие группы — по изучению истории Франции, Германии, Италии и Испании.

В первое время английская группа сосредоточила свое внимание на проблемах средневековой истории Англии. Однако постепенно тематика ее работы стала расширяться, охватывая также историю нового и новейшего времени. Большую роль в этом расширении сыграл И. М. Майский, который вскоре стал систематически принимать участие в ее работе. В группе возникли как бы две секции: по истории средних веков и по новой и новейшей истории. Заседания группы проходили по секциям, но наряду с секционными время от времени имели место и пле-

нарные заседания, собиравшие более широкую аудиторию.

Важную роль в деятельности группы играли зарубежные связи. История, как и другие отрасли научного знания, никогда не развивалась в изоляции: общение между учеными различных стран, обмен идеями и достижениями являются неперенным условием здорового развития науки. Однако капиталистический мир долго пытался игнорировать существование советской исторической науки, и на протяжении многих лет контакты между советскими и зарубежными историками ограничивались в основном личной перепиской.

Великая победа советского народа в Отечественной войне способствовала росту авторитета и влияния Советского государства и сделала невозможным дальнейшее замалчивание его достижений, в том числе и в области науки. Одновременно усиливалось влияние марксизма за рубежом. Прежние формы научных связей становились явно недостаточными. Само развитие науки — расширение ее интересов и проблематики, прогрессирующая специализация и другие процессы — побуждало к поискам более тесных форм связи. Страноведческие группы, и в том числе английская, способствовали росту таких контактов.

Выражением растущих контактов был приезд в Москву в 1953 г. группы английских историков прогрессивного направления в составе А. Л. Мортонa, К. Хилла и Р. Хилтона. Английские историки посетили Институт истории АН СССР, и на одном из заседаний Р. Хилтон сделал собравшимся сообщение о работе английской группы историков-марксистов. Это сообщение было выслушано с большим интересом и вниманием.

Связи с прогрессивными английскими историками продолжались и далее. Советские историки-англоведы неоднократно встречались с часто приезжавшим в нашу страну хорошо известным английским историком-марксистом и общественным деятелем Э. Ротштейном. Неоднократно Ротштейн выступал и на заседаниях английской группы. Он проявлял глубокий интерес к достижениям советской исторической науки вообще и к англоведению в особенности. Со своей стороны он знакомил советских ученых с состоянием исторической науки в Великобритании. На одном из заседаний английской группы он сделал подробный доклад о работе прогрессивных историков Лондона, Лидса и других городов, рассказал о тех многочисленных трудностях, с которыми они сталкиваются в своей преподавательской, научной и общественной работе.

Зарубежные контакты группы не ограничились прогрессивными историками. Так, в одном из заседаний принял участие известный английский историк Чарлз Вебстер. Он поделился с советскими историками опытом своей работы и ответил на многочисленные вопросы. В свою очередь, участники группы рассказали о своей работе и дальнейших планах.

Работа английской группы подготовила почву для возникновения еще одной формы научных контактов между учеными обеих стран в виде коллоквиумов: исследователи обеих стран поочередно собираются в Москве и Лондоне для обсуждения актуальных проблем науки. Такие совещания специалистов способствуют укреплению и углублению сотрудничества, улучшают взаимное знакомство, выявляют проблемы, ожидающие изучения, позволяют каждой стороне ознакомиться с состоянием исследований, выявить как совпадения, так и расхождения во взглядах, что не менее важно. Эти коллоквиумы стали уже традиционными.

На протяжении первых лет существования группы в ее работе, как уже отмечалось, преобладала средневековая тематика. Так, например, с большим и интересным докладом о природе абсолютизма Тюдоров выступил известный специалист по истории английского средневековья В. Ф. Семенов. Докладчик подверг детальному разбору и критике работы английских историков по этому вопросу и дал марксистский классовый анализ природы английского абсолютизма.

Важным и принципиальным вопросам был посвящен и другой доклад, сделанный известным англоведом В. М. Лавровским. В своем выступлении, посвященном проблеме первоначального накопления в Англии в трудах советских историков, он остановился на вкладе советских ученых в изучение вопросов генезиса капитализма. Московский историк и юрист Н. П. Дмитриевский выступил на группе с докладом «Проблема разделения властей в памфлетной литературе периода Английской буржуазной революции XVII в.». Он проанализировал ряд интересных материалов, содержащих политические концепции времен Английской революции, и сопоставил их с теориями идеологов нарождавшейся буржуазии в европейских странах периода позднего феодализма.

С середины 50-х годов, как уже говорилось, тематика работы английской группы заметно расширяется под влиянием И. М. Майского, который принимает все более

активное участие в ее работе. Под его председательством происходили нередко заседания секции, посвященные новой и новейшей истории Англии. После смерти Е. А. Косминского в 1959 г. И. М. Майский становится руководителем группы. На первую половину 60-х годов приходится период наибольшей активности в работе группы. В это время она насчитывала в своем составе свыше 60 специалистов по истории Англии, работающих в научно-исследовательских институтах, вузах, редакциях и других учреждениях. Кроме москвичей, в работе группы участвовали ученые из Ленинграда, Горького, Ярославля, Калинин, Перми, Томска, Челябинска и других городов. В руководстве группой И. М. Майскому помогали два известных специалиста и больших энтузиаста истории Англии: Я. А. Левицкий по медиевистике, Н. А. Ерофеев по новой и новейшей истории. Руководители группы намечали план работы на квартал или полугодие и на ближайшем заседании знакомили членов группы со своими предложениями. После обсуждения принимался окончательный план работы, отвечающий интересам всего коллектива.

С приходом И. М. Майского значительно расширилась и тематика докладов, которые заслушивались и обсуждались на заседаниях.

Одним из первых докладов, состоявшихся в этот новый период работы группы, было выступление Н. А. Ерофеева по вопросу о хронологических рамках промышленного переворота в Англии. В нем рассматривалась периодизация и была дана характеристика этапов экономической истории Англии XVIII—XIX вв. Если буржуазные историки, отождествляющие промышленный переворот с техническим, считают, что он завершился в конце XVIII в., то историки-марксисты подчеркивают социальную сторону промышленного переворота и доказывают, что его завершение относится к значительно более позднему периоду. Н. А. Ерофеев выдвинул аргументы в пользу того, что эта дата приходится на середину XIX в. Два заседания группы были посвящены вопросам экономического развития Великобритании в новейшее время. Сотрудник ИМЭМО Е. С. Хесин дал характеристику экономического развития страны после второй мировой войны. Особое внимание в его докладе было уделено роли страховых монополий в экономике Англии.

Челябинский историк В. М. Антропов выступил с сообщением на тему «Отказ Англии от золотого стандарта и валютная политика английского правительства в 1931—

1935 гг.». Обсуждение этого доклада на заседании группы было весьма полезным для молодого ученого. Особенно ценными были советы и указания И. М. Майского, который сам был свидетелем процессов и событий, упомянутых в докладе. Позднее Иван Михайлович стал научным руководителем В. М. Антропова, который успешно защитил кандидатскую диссертацию, полностью используя советы своего руководителя.

Одним из наиболее интересных заседаний английской группы было то, на котором выступил С. Мадзоевский с докладом «Современная колониальная политика Англии». Большой знаток внешней и колониальной политики Великобритании, докладчик подробно охарактеризовал социально-экономическое и политическое положение различных частей Британской империи после второй мировой войны, большое внимание было уделено проблеме взаимоотношений переселенцев из метрополии с коренными жителями доминионов и колоний.

Особым событием в работе английской группы были те ее заседания, на которых выступал сам И. М. Майский. Так, в начале 1961 г. он сделал доклад «Проблема второго фронта в англо-американской историографии». Опираясь на многочисленные произведения публицистического, мемуарного и других жанров, докладчик проследил отношение различных кругов в Англии и США к проблеме второго фронта и подверг резкой критике работы реакционных авторов и политических деятелей Запада, фальсифицирующих историческую действительность. Это был доклад не только ученого, но и работника дипломатического фронта, который лично встречался и хорошо знал многих из тех, кого он упомянул в своем выступлении. Настоящим событием становились те выступления И. М. Майского, когда он читал главы из своих воспоминаний. Следует учесть, что тогда только начали публиковаться первые работы Ивана Михайловича в этом жанре. Несколько лет спустя самые широкие читательские круги смогли ознакомиться и должным образом оценить воспоминания этого человека, прожившего большую, интересную жизнь. А в самом начале 60-х годов эти воспоминания были в новинку, появившись в печати сперва в виде отдельных глав и очерков. Поэтому выступления И. М. Майского с чтением еще не опубликованных разделов его будущих книг вызвали неизменный интерес. Так, в памяти слушателей на многие годы сохранились авторские чтения воспоминаний о работе лондонского Комитета по не-

вмешательству в испанские дела (1936—1939 гг.), борьбе советских дипломатов за открытие второго фронта, о целой галерее английских политиков и крупных деятелей культуры, с которыми И. М. Майский встречался на протяжении многих лет.

Важной особенностью воспоминаний И. М. Майского была их документальность. В частности, при рассказе о работе Комитета по невмешательству автор опирался на протоколы заседаний комитета, парламентские дебаты и прессу. Однако главным источником воспоминаний служили повседневные записи, которые он постоянно вел в годы дипломатической службы. Большое место в них занимали впечатления о встречах и беседах с политическими и общественными деятелями, образы которых им строго индивидуализированы. В памяти слушателей, к примеру, ярко запечатлелись красочные характеристики, данные И. М. Майским дипломатам, участвовавшим в работе Комитета по невмешательству. Причем это относится не только к тем, кто играл ведущую роль в работе комитета, но и ко второстепенным лицам.

Разумеется, такие чтения вызывали очень большой интерес, и на подобных собраниях группы, кроме англоведов, присутствовало много других слушателей. После того как мемуарист заканчивал чтения, отвечал на многочисленные вопросы и официальное заседание группы закрывалось, обычно еще довольно долго продолжалась свободная беседа, во время которой Иван Михайлович сообщал много интересных фактов и событий из своей жизни и делился творческими замыслами. Эти неофициальные беседы были, пожалуй, не менее интересны и ценны для присутствующих, чем сами доклады и сообщения. В ходе таких бесед сотрудники обсуждали с Иваном Михайловичем Майским свои планы и получали много ценных советов по работе.

В работе английской группы принимала участие и жена Ивана Михайловича А. А. Майская. Она часто дополняла рассказы мужа собственными, яркими и интересными впечатлениями. Всю жизнь помогавшая Ивану Михайловичу в нелегкой дипломатической и общественной деятельности, Агния Александровна осталась неизменной, верной помощницей его и в работе английской группы.

Во второй половине 60-х годов в связи с преклонным возрастом и ухудшавшимся здоровьем И. М. Майский не

мог уделять английской группе прежнего внимания. С другой стороны, после создания осенью 1968 г. Института всеобщей истории АН СССР там были образованы секторы, специально занимавшиеся историей крупнейших стран Западной Европы. Именно эти секторы, а не прежние группы стали основным центром страноведения. Последнее заседание английской группы в рамках Института истории состоялось в июле 1968 г. Сотрудница института М. Н. Соколова выступила с сообщением «Изучение проблемы разложения феодализма в Англии в работах советских историков», которое должно было лечь в основу доклада на аграрном симпозиуме во Франции. Выступившие в дискуссии Е. В. Гутнова, Я. А. Левицкий, А. А. Кирилова и др. затронули проблему аграрного кризиса в Англии в XIV—XV вв. Это заседание как бы завершило большой этап в жизни прежней английской группы.

Работа группы истории Англии, наиболее плодотворный период которой приходится на то время, когда ее возглавлял И. М. Майский, оказала серьезное влияние на советское англоведение. С работой группы связан выход в свет ряда известных книг. Это коллективный сборник «Чартизм», опубликованный в 1961 г., а также серия монографий по английскому рабочему движению, изданных в 1961—1966 гг., авторами которых были Е. Б. Черняк, Н. А. Ерофеев, М. М. Карлинер, В. Н. Виноградов, Ю. П. Мадор. Ряд работ был опубликован и специалистами по средневековой Англии, продолжившими традиции, заложенные их старшими коллегами. Позднее сектор истории Англии Института всеобщей истории АН СССР приступил к регулярным публикациям сборников «Проблемы британской истории». Замысел такого периодического издания относится ко времени активной деятельности английской группы в начале 60-х годов, и И. М. Майский был одним из активных сторонников такого издания. Памятуя об этом, редколлегия «Проблем» посвятила 3-й выпуск сборника, вышедший в 1974 г., 90-летию И. М. Майского.

Деятельность английской группы, в особенности в годы, когда ею руководил И. М. Майский, оставила заметный след в развитии советского англоведения, способствовала росту и укреплению живых и постоянных связей между исследователями в этой области. Заседания группы, посвященные обсуждению работ, находящихся на различных стадиях готовности, сопровождались, как правило, ожив-

ленным обменом мнений и не только давали ее участникам информацию о том, что делают коллеги в различных областях англоведения, но и предоставляли возможность обмена опытом исследования, помогали нащупать наиболее важные проблемы, ожидающие решения.

На протяжении полутора десятилетий своего существования английская группа успешно выполняла функции своеобразного координационного центра советского англоведения. В последующие годы эти функции перешли к сектору истории Великобритании.

Разумеется, формы и методы такой работы не могут оставаться неизменными, однако потребности науки диктуют необходимость ее продолжения в той или иной форме.

ПОСОЛ МАЙСКИЙ И ПИСАТЕЛИ

Известно, что лучшим представителям старой русской дипломатии была свойственна широта эрудиции. Знание истории соотносилось у них со знанием искусств, и прежде всего литературы. Постигание словесности отечественной сочеталось с познанием мировой литературы, что было естественным, если иметь в виду, что многие из них были полиглотами. Эту традицию не просто восприняли, но в какой-то мере обогатили дипломаты революции, в частности в столь значительной сфере, как история. Их эрудиция в этой важной для дипломата области была упрочена исследованием законов общественного развития, марксовых законов, что необыкновенно помогало им в умении дать точный и безошибочный анализ внешнеполитической ситуации.

Смею думать, что эту традицию восприняли многие из тех, кого мы относим к зачинателям нашей дипломатии, и прежде всего Чичерин, Красин, Воровский, Литвинов, Карахан. Очевидно, это качество было преемственным в какой-то мере и для тех, кто пришел в Наркоминдел в последующие годы. В соответствии с этим я хотел бы построить и свои воспоминания об Иване Михайловиче Майском, для которого подобная широта интересов, как мне кажется, была характерна. Материал, в который я пытался проникнуть, подсказал мне три главы — не претендуя на полноту характеристики, они, эти главы, быть может, отразят грани личности Ивана Михайловича, особенности его интересов, дипломата и литератора-ученого.

ТОВАРИЩИ ПО КУЗНЕЦКОМУ МОСТУ

В декабре сорок первого на одном из приволжских аэродромов, принимавших самолеты, идущие в нашу страну из-за рубежа, я встретил давнего своего приятеля, бригадного инженера Павла Яковлевича Федрови. Представитель не столь уж распространенной в наших воздушных силах профессии инженеров-летчиков, Федрови являл

в своем роде авиационную элиту. Даже на Щелковском аэродроме, который слыл в ту пору центром нашего авиационного поиска и стартовой площадкой больших советских перелетов, их было по пальцам перечесть. Собственно Щелковский аэродром меня впервые и свел с Федрови — когда надо было прокомментировать для «Красной звезды», где я в ту пору работал, крупное авиационное событие, знания и опыт Федрови были кстати. Однако вскоре после начала войны Федрови на Щелковском аэродроме не оказалось, хотя необходимость в нем у газеты была. И вот, как было сказано, декабрь сорок первого, тяжелейший декабрь, аэродром на Волге и неожиданная встреча с Федрови. Для меня эта встреча была тем неожиданнее, что я увидел Федрови, какого не видел прежде: так выглядели наши летчики, возвращавшиеся в тридцать восьмом из Испании, — пальто-реглан, мягкая фетровая шляпа, костюм, графленный едва приметной «елочкой». Все заметно новое, даже чуть-чуть модное, но явно не по русскому декабрю.

Видно, мое изумление было столь велико, что Федрови счел необходимым как-то объяснить происшедшее: командировка в Англию, вызванная закупкой для сражающейся России самолетов. Впрочем, отвечая на мои вопросы, все более настойчивые, Федрови не без воодушевления обратился к подробностям поездки. Он проехал страну, видел Лондон и Манчестер в огне ночных пожаров, был в авиационных и наземных частях, имел возможность наблюдать действия польского авиационного соединения, дислоцированного на островах, наблюдал морской флот в деле, поскольку вернулся на родину с конвоем.

И не только это.

В дни пребывания в Лондоне взял за правило бывать в посольстве, много раз говорил с послом. Однажды по приглашению посла присутствовал на открытии выставки нашей книги, а в другой раз ездил на танковый завод и был свидетелем большого рабочего митинга, посвященного передаче СССР партии танков, — как отметил мой собеседник, этот митинг явился одним из самых впечатляющих событий, свидетелем которых оказался он на Британских островах. Федрови говорил о круглосуточных вахтах в большом посольском доме, об атмосфере тревоги и вместе с тем энтузиазма, в которой жили дипломаты и их семьи.

Мне показалось, что встреча с Федрови могла бы представить интерес для газеты. Я тут же сообщил о беседе

с авиатором в «Красную звезду» и получил задание подготовить для газеты пять «подвалов». Щедрость, которую тут проявила газета, была объяснима.

Только что вступили в войну США, в Москве ожидался Иден. Создавался союз держав, направленный против фашистской Германии,— антигитлеровская коалиция.

О решении «Красной звезды» я сообщил Федрови, и тот с воодушевлением откликнулся на просьбу редакции. Мы работали едва ли не круглосуточно и главу за главой передавали по телеграфу в Москву. Иден был еще на пути из Архангельска в Москву, когда все пять «подвалов» газета уже напечатала. Все они имели одно название — «Англия в дни войны». Героями этого цикла являлись те, кого Павел Яковлевич встречал в дни своей командировки на острова: летчики, несущие ночную вахту в английском небе, солдаты противовоздушной обороны, командир конвоя, везущего оружие в СССР, рабочие танкового завода, о котором шла речь. Кстати, в главе о митинге на танковом заводе упоминалось и имя Ивана Михайловича: он выступал на этом митинге. Помню, Федрови говорил о нем как человеке деятельном, умеющем установить контакты с людьми разных социальных групп и обратить эти контакты на пользу сражающейся родине.

Но в этом первом рассказе Федрови об Англии в дни войны и о том, как эта военная Англия отразилась в буднях большого посольского дома, была подробность, которая вызвала свой интерес и отложилась в памяти.

— Как мне показалось, послу свойственна способность крепить отношения с литераторами,— заметил Федрови.— В Лондоне, как мне говорили, не столь уж много домов, где бывало бы столько писателей, сколько их бывает в нашем посольстве.

— Шоу? — спросил я. — Мне показалось, что великий старик со времени его поездки в СССР, которая у всех была на памяти, не порывал связей с нашей страной и ее посольством.

— Нет, не только,— возразил Федрови,— Уэллс тоже...

Не мог не подумать, что первые наши дипломаты, дипломаты революции, сами были незаурядными литераторами и умели наладить отношения с писателями, поэтому мне было симпатично то, что сказал Федрови о Майском.

В сорок третьем по возвращении на Кузнецкий мост с Воронежского фронта, где я представлял «Красную звезду», мне довелось видеть Ивана Михайловича. Мой друг Федрови был прав: и на Кузнецком Ивану Михайловичу

сопутствовала репутация посла-литератора. Говорили, что все одиннадцать лет пребывания на посту посла в Лондоне он был не чужд литературных интересов. Наверно, работа посла оставляла не столь уж много времени для работы над рукописью, но Иван Михайлович это время выкраивал. И вновь я поймал себя на мысли: необыкновенно заманчиво было поговорить с Майским о круге его писательских знакомств в Лондоне. Вспомнил реплику Федрови об отношениях Майского с Шоу и Уэллсом, понимал, как интересно было бы поговорить об этом с Майским, но в тот момент это казалось мне нереальным.

Он, этот всемогущий случай, безнадежно ускользнул бы, если бы не острая необходимость. Я работал над своими «Дипломатами» и беседовал со всеми, кто лично знал Чичерина. Тех, кто имел возможность наблюдать Георгия Васильевича в советское время, было немало, а вот знающих Чичерина по лондонской поре его жизни, которая пришлась на годы первой мировой войны, время вымело безжалостно. Майский был едва ли не единственным нашим современником, который, отвечая на мои вопросы, мог опереться на всемогущее «я это видел». А вопросы, которые я готовился задать Ивану Михайловичу, были не просты: человеческое и общественное положение Чичерина, его жилище, круг его знакомых и друзей, его отношения с британскими социалистами, как, впрочем, и с английскими властями, обстоятельства его заточения в Брикстонскую тюрьму, его конфликт с Набоковым, возглавившим российское посольство на Чешем-плейс после смерти посла Бенкендорфа.

Я позвонил Ивану Михайловичу, испытывая немалую робость,— я плохо знал Майского. Знаю я его лучше, я бы действовал увереннее. Как я заметил позже, Майский взял за правило не отказывать никому, кто обращался к нему за советом или помощью. С особым удовольствием он помогал тем, кто находился в начале пути,— именно они в этой помощи особенно нуждались. Я мог отнести себя к этой категории новых знакомых Майского с немалыми оговорками, но Иван Михайлович отозвался на мою просьбу с большой охотой.

Помню, как впервые пришел в дом Майских, в который приходил не раз позже, добрый для меня дом. Наша беседа продолжалась часа три. В эту первую нашу встречу Иван Михайлович рассказал о Чичерине многое из того, что потом вобрали «Дипломаты», в частности подробности холостяцкого житья-бытья Георгия Васильевича в Лондо-

не, его холодную мансарду в Ист-Энде, встречи с английскими друзьями в Марксхаузе, за которыми с такой пристальностью следило российское посольство в Лондоне, стараясь обратить гнев властей против Чичерина.

Впрочем, в рассказе о Чичерине Иван Михайлович не обошел и более поздних лет. Я говорю о 1922 годе, когда Майский возглавлял Отдел печати Наркоминдела. Помню, как живо Иван Михайлович нарисовал полуночную вахту, типично наркоминдельскую, когда оперативные дела повлекли Майского к Чичерину...— дело было в те первые годы, когда наркомат помещался уже на Кузнецком мосту... По словам Майского, вместе с ним был Михаил Ефимович Кольцов, известный писатель, редактор «Огонька». Час был настолько поздний, что даже неутомимый в своем полуночном бдении Чичерин почувствовал себя уставшим. Так или иначе, а нарком дал понять, что не прочь и отдохнуть. Последовало приглашение пройти в приемную, где стоял рояль — Майский знал о необыкновенном чичеринском даре и быстро проследовал вслед за Георгием Васильевичем, увлекая за собой и Кольцова.

— Он играл, конечно, профессионально, но дело было даже не в этом,— вспоминал Иван Михайлович этот полуночный концерт.— В его игре было нечто такое, что не всегда сопутствует игре профессионала: я говорю о настроении, которое ощутимо окрашивало его игру. ...Ну, разумеется, он импровизировал, но это была импровизация человека, чьему высокому артистизму вы доверяете... Вон сколько лет прошло с той поры, как мы слушали Чичерина, а я не могу забыть этого — не преувеличу, если скажу, что это было одно из самых сильных художественных впечатлений, которое я когда-либо пережил...

Зная, сколь симпатичен мне образ Чичерина, человека и дипломата, Иван Михайлович неизменно возвращался к личности Георгия Васильевича, если даже разговор имел к этому отношение не совсем прямое.

Один такой рассказ мне удалось записать на магнитофон — вот он:

— Я знал лично Чичерина, близко знал. Мы вместе пробыли около пяти лет в иммиграции в Лондоне. Я много работал вместе с ним в дальнейшем в Наркомате иностранных дел, когда наркомом иностранных дел был Чичерин. Все это дает мне достаточно материала, чтобы рассказать о Чичерине как о дипломате и человеке. Георгий Васильевич Чичерин, несомненно, был очень интересным и оригинальным человеком. По происхождению он был

выходцем из дворянских кругов. Его отец был довольно крупным дипломатом царской службы и готовил к этой работе и своего сына. Чичерин получил прекрасное образование, с детства говорил на нескольких языках, хорошо играл на рояле и на флейте и обладал большой эрудицией в области искусства, литературы, истории, внешней политики. Он даже начал свою карьеру дипломата в царском министерстве иностранных дел, но дыхание революции 1905 года, которая шла, приближалась, оказало сильное влияние на молодого Георгия Васильевича — он повернулся спиной к царской службе в министерстве иностранных дел и в 1904 г. стал членом Российской социал-демократической рабочей партии. Таким образом, Чичерин круто и резко порвал со своим прошлым, с тем классом, к которому он принадлежал и из которого вышел. Этот разрыв был полный и окончательный...

Я, естественно, воссоздал реплику Ивана Михайловича буквально, не опустив в ней ни единого слова — быть может, найдетсч читатель, которому эта реплика покажется элементарной, лишенной любопытных подробностей, но мне этот монолог Ивана Михайловича о Чичерине в высшей степени симпатичен — я вижу в этом высказывании Майского обаяние его речи, сохранившей особенности, свойственные живому говору современников, пришедших в наш век из века минувшего. Но в этой реплике не менее интересным был образ мыслей Ивана Михайловича, его взгляд на человека, его представление о его достоинствах. Впрочем, я имею возможность пояснить эту свою мысль, сославшись на способность Майского видеть социальную природу человека, в лице которого он старался рассмотреть не просто коллегу-дипломата, но и товарища по революционной страде, сподвижника Ленина, — по словам Ивана Михайловича, именно Ленину принадлежит мысль привлечь к нашим внешнеполитическим делам Чичерина, сделав его руководителем внешнеполитического ведомства.

— Я сам пережил те годы и многое видел, знаю о настроениях, обстановке и событиях тех дней... — отмечает Майский в этом же своем рассказе, записанном мной. — Девятьсот восемнадцатый год... был годом, когда закладывались основы современной дипломатии под руководством Ленина, когда вокруг Ленина собирались первые кадры нашей дипломатии, первые работники нашего внешнеполитического ведомства...

Вот эта мысль о товарищах-дипломатах как о подвижниках революции пронизывает воспоминания Ивана

Михайловича и о другом нашем дипломате, с которым пришлось Майскому работать рядом,— я говорю о Леониде Борисовиче Красине. Не могу забыть рассказ Майского, воссоздающий едва ли не последние часы Красина,— как известно, Леонид Борисович умер от тяжкого недуга в Лондоне.

— Помню, что в посольстве был Октябрьский прием и по традиции в посольский дом собрался едва ли не весь Лондон,— вспоминал Майский,— Леонид Борисович лежал у себя, дверь квартиры посла выходила на двухмаршевую лестницу, которая вела в зал посольства. Гости разъехались, и в большом зале посольского дома, как это бывает в подобных случаях, собрались свои. Можно представить наше состояние: где-то совсем рядом умирал посол. Дверь на маршевую лестницу раскрылась, и Красин попросил посольских подняться. «Спойте, как пели некогда, „Варшавянку“,— попросил Леонид Борисович.— Хочу ее услышать еще раз...» И все, кто был в большом посольском зале, взойшли на лестницу. Пели «Замучен тяжелой неволей», «Пыльной дорогой телега несется», «Смело, товарищи, в ногу», «Красное знамя», «Варшавянку»... Казалось, редко когда «Варшавянка» звучала так, как в эту ночь, в канун Октябрьской годовщины. Было в этом пении нечто от гимна мужеству революционера, который даже на пороге смерти готов был поклясться в верности прожитым годам...

По-своему запомнился и рассказ Ивана Михайловича о Коллонтай. Вернувшись из Швеции, я поведал Майскому, что побывал в стокгольмских домах, друживших с Александрой Михайловной,— тут был дом «отца шведской социал-демократии» Карла Брантинга, с дочерью которого Коллонтай связывало давнее и верное přátельство, дом профессора Нанны Сварц, опыту и вниманию которой Коллонтай была обязана тем, что в августе сорок второго года преодолела тяжелейший гипертонический криз, лишивший ее на некоторое время сознания, и другие дома. В каждой из этих семей хранились письма Александры Михайловны, впрочем, если быть точным, то письма эти хранились, как правило, в банке, но при необходимости могли быть срочно востребованы и даже скопированы— я привез на родину копии 300 таких писем, неизвестных у нас.

Мой рассказ растревожил Ивана Михайловича и обратил его память к мыслям о Коллонтай.

— Среди талантов, которые числились за Александрой Михайловной в кругу тех, кто ее знал, самым ярким, как мне казалось, был ораторский дар,— отметил Иван Михайлович.— Женщина-трибун? Да не необычно ли это? Пожалуй, необычно, но Коллонтай была именно трибуном. Способность зажечь сердца в ней сочеталась с умением убедить людей. Конечно, тут играло свою роль образование: Коллонтай отлично говорила едва ли не на всех европейских языках, она знала литературу и искусство. Но не только образование—у Александры Михайловны были редкие природные данные: она была хороша собой, женственна, обладала необыкновенным обаянием, что для человека, говорящего с трибуны, имело свое значение. К каждому выступлению Коллонтай готовилась тщательно—Александра Михайловна была трудолюбива и деятельно настойчива. Партия высоко ценила данные Коллонтай, организуя бесчисленные ее поездки с докладами по странам Европы и Америки—если графически изобразить маршруты пропагандистских турне Коллонтай по странам земного шара, они поразят наше воображение... Но вот что заслуживает внимания: как ни глобальны были интересы Александры Михайловны, она всегда держала в уме конкретного человека, готовая оказать ему полную меру внимания, прийти на помощь... Впрочем, это хранят письма Александры Михайловны людям. Вы сказали, что привезли на родину 300 неизвестных писем Коллонтай, а знаете, сколько писем написала она за свою жизнь? Цифра эта, насколько мне известно, не определена, но если мне скажут, что там многие и многие тысячи, я не удивлюсь...

Случилось так, что я председательствовал в Центральном Доме литераторов на вечере, посвященном 100-летию Александры Михайловны Коллонтай. Среди тех, кого пригласил Дом литераторов, был и Иван Михайлович—его место оказалось у самой сцены. Я решил воспользоваться привилегией председателя и сказать о нравственных достоинствах тех, кто пришел в нашу жизнь с революцией, об их чуткости, об их даре помогать людям. Нет, не только о Коллонтай, а обо всех, кому выпало счастье в 20-х и 30-х годах работать с Коллонтай. Я отнес к этим людям и Ивана Михайловича, ощутив необыкновенное удовлетворение от одного того, что он имеет возможность меня слышать, да при этом не с глазу на глаз, а в присутствии аудитории, которая заметно сочувствует сказанному.

Новый тур наших встреч с Иваном Михайловичем был связан с моей работой над «Кузнецким мостом».

Мне был интересен Иван Михайлович, когда он быстрым и верным штрихом рисовал портреты тех, кого имел возможность наблюдать в Лондоне в предвоенные и особенно в военные годы. Галерея лиц охватывала виднейших деятелей военного кабинета англичан: Бевин, Крипс, Иден, конечно, Бивербрук и Черчилль. Портреты эти были максимально приближены к строю жизни и своеобразно английского быта — рискну высказать предположение, что это объясняется тем, что многих из них Майский наблюдал в кругу близких, ухватив характер отношений. Тут категорические утверждения весьма рискованны, но постижению, например, Черчилля, возможно, во многом помогали беседы с близкими старого Уинни — женой, сыном.

Как я заметил, Иван Михайлович в ходе беседы редко обращался к своим записям — несмотря на то что был уже в возрасте почтенном, он доверял памяти — за много лет нашего общения с ним не припомню случая, чтобы он забыл имя, дату, деталь события. Но иногда у него возникало желание раздвинуть панораму события, и тогда он обращался к средству, которое как бы держал в резерве. Что я имею в виду? Беседа из японской комнаты переносилась в гостиную за чайный стол — подключение к беседе Агнии Александровны осуществлялось Иваном Михайловичем с той естественностью, какая была ему свойственна. Как я заметил, он поступал так каждый раз, когда надо было добыть дополнительные краски, чтобы описать английские дома, в которых Майским довелось бывать.

Вспоминается эпизод, чуть курьезный, который я хотел бы тут воссоздать. Согласен с теми, кто полагает, что абсолютных аналогий между образом, созданным писателем, и соответствующим лицом, которое писатель имел возможность наблюдать в жизни, нет и быть не может. Утверждения о прообразах следует делать с весьма существенными оговорками, и они не должны быть категоричны. Это относится к героям «Кузнецкого моста», в частности к одному из персонажей лондонских глав романа — я говорю об образе посла Михайлова. И все-таки беседы с Иваном Михайловичем многое дали мне, когда я писал образ посла. Поэтому, когда по ассоциации с послом Михайловым возникает имя Майского, мне как-то не очень хочется возражать. Так было и на чествовании Майского в Узком — один из гостей поднял тост за здоровье посла

Михайлова, поначалу озадачив, а затем немало развеселив гостей. Одним словом, в этом тосте была своя доля озорства, но он, как мне рассказывали, немало позабавил и именинника.

И тут мне хотелось бы сделать одно отступление. Иван Михайлович, конечно же, был человеком нашего ненастного века, но, по моему разумению, ему были присущи черты, которые он добыл в веке девятнадцатом. Одна из этих черт — рыцарственность. Да, рыцарственность и по отношению к женщине, которая навечно стала его другом. Всем, кто предал забвению это правило, для мужчин более чем обязательное, он мог напомнить его, открыв очередной свой труд трогательным посвящением, а в ином случае не остановившись перед тем, чтобы воздать хвалу многотерпению женщины, посвятив этому пространный пассаж в тексте своей новой книги или даже в публичном выступлении. Не могу забыть строк, которыми открывались «Воспоминания советского посла в Англии». Вот они, эти строки — их есть смысл воспроизвести в назидание потомкам: «Посвящается моему лучшему другу и верному товарищу, моей жене Агнии Александровне Майской». Ну что ж, Иван Михайлович имел основание написать: «верному товарищу». Кто не знает, что Агния Александровна была Ивану Михайловичу не только спутником жизни, но и сподвижником по самой сути его дел, товарищем по партии. Наркоминделка с 1920 г., имевшая честь прикоснуться к гегуэзским делам советской дипломатии, ветеран партии, она честно прошла свой путь, оставаясь рядом с Иваном Михайловичем, близко принимая к сердцу его радости и беды. Едва ли не до последних дней жизни Иван Михайлович не разучился писать стихи, у которых был все тот же адрес — его отношение к другу жизни я вижу и в этом...

Мне хотелось закончить эту часть своих воспоминаний именно на той мысли, какой я их начал, — я говорю о способности Майского приходить людям на помощь. Мои друзья, зная об этом качестве Майского, подчас обращались к нему через меня. Едва ли не последняя встреча с Иваном Михайловичем была вызвана обстоятельством такого рода и повлекла меня в неблизкую Мозжинку. Я не видел Ивана Михайловича года полтора и не мог не обратить внимания, как не пощадили его годы. Стол был накрыт на веранде, которой все так же, как и много лет назад, сообщал свой колорит и свои краски большой портрет Майского работы Петра Петровича Кончаловско-

го. Майский вышел к столу самостоятельно, но осторожные шаги его были рассчитаны — помню, что беседа ладилась не без участия Майского, мне даже показалось, что я вижу прежнего Ивана Михайловича. Жестокий недуг деформировал его физическое существо, но ему, этому недугу, не по силам было покорежить натуру человека: осталось живое внимание к беседе, реакция на шутку, способность понимать, чем живут люди, участие... Ну, разумеется, просьба, с которой обратились через меня друзья, была понята и исполнена без лишних слов — даже в нынешнем своем нелегком положении Иван Михайлович нес свою вахту добра...

Именно эта мысль, насколько помню, определила и мое слово на более чем горестной церемонии расставания в Доме ученых на Кропоткинской. В тот день об этом говорил не только я, но моя маленькая привилегия заключалась в том, что однажды я успел сказать это Ивану Михайловичу и при жизни.

А теперь я хотел бы исполнить желание, возникшее задолго до того, как состоялась моя первая встреча с Иваном Михайловичем, — коснуться отношений Майского с Шоу и Уэллсом; мне представляется, что у этой темы здесь есть свои преимущества не только потому, что представляется возможным сообщить нечто новое (я говорю о переписке посла с писателями). Важно самое существо темы: ведь речь идет о наших связях с виднейшими мастерами XX века, да к тому же с людьми, чья жизнь и творчество испытали свое воздействие столь мощного фактора, как русский Октябрь и возникновение СССР.

ШОУ: НЕ ПЕРЕЖИЛА ЛИ СЕБЯ БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ?

Итак, Джордж Бернард Шоу.

— Первая встреча с Шоу совпала у меня с событием по-своему знаменательным: осенью тридцать второго я был назначен послом в Лондон, — как это делал Майский и в иных обстоятельствах, рассказ был подчинен железному регистру хронологии. — В ряду дел, которые я хотел исполнить по прибытии в английскую столицу, был и визит к Шоу, но, видно, это намерение возникло в тот момент не только у меня: мы с женой получили приглашение от супругов Шоу посетить их в лондонском доме...

Как я понял, Майский видел писателя много раз и

позже, но с этим первым визитом отождествился в памяти Ивана Михайловича физический лик Шоу, как он отложился в сознании. Шоу перевалило в ту пору за семьдесят пять, но, как заметил Майский, он поразил его тем, что был бодр, подвижен, динамичен, в то время как его супруга выглядела полной противоположностью хозяину дома: рыхла, медлительна, даже чуть-чуть апатична — она была старше Шоу. Однако каким Иван Михайлович увидел в тот раз Шоу? По словам Майского, длинное и костистое тело старого ирландца напоминало складной нож — в зависимости от обстоятельств оно как бы укорачивалось. Лицо у Шоу хранило румянец такой первозданной яркости, что, казалось, за плотной завесой этого румянца можно было скрыть любые перепады настроения. Вместе с тем в глазах поместился огонь, который Шоу обращал то на одного своего собеседника, то на другого, подвергая его в немалое смущение.

В рассказе Майского о Шоу была своя последовательность, свой строгий порядок лет и фактов — Иван Михайлович, как я установил, готовился к беседам такого рода.

Как вспомнил Иван Михайлович, Шоу в тот раз доминировал за столом, завладев вниманием гостей в немалой мере, — разящие стрелы его иронии не щадили никого... Порядочно досталось и Америке, и Англии, при этом Шоу не преминул заметить, что он не англичанин, а ирландец. Все смеялись, за исключением, пожалуй, миссис Шоу; взгляд, который она обращала на мужа, был полон любви и чуть-чуть печали.

А между тем на столе, за которым происходил мой разговор с Иваном Михайловичем, появилась объемистая стопка машинописных листов, заключенная в зеленый ледерин. Судя по всему, рукопись пролежала в семейном бюваре Майских не один год: она успела потускнеть и напитаться теми особыми запахами, которыми дышит прошлое, — давно минули эти годы, а старая бумага хранит дыхание лет.

— Тебе удалось прочесть рукопись заново? — осведомился Иван Михайлович у жены: рукопись принесла Агния Александровна.

— Да, я успела прочесть и, как мне кажется, откорректировать перевод — это переводчику полезно делать время от времени, — улыбнулась она.

— Тогда разреши показать его нашему гостю, — спросил Иван Михайлович и пододвинул зеленую тетрадь — это была пьеса Шоу «Дилемма доктора», в свое время

переведенная, как гласила строка на титуле, Агнией Александровной на русский.

История, которую рассказал Иван Михайлович, обратившись к пьесе Шоу, немало заинтересовала меня. Вот она, эта история. Шоу не довелось знать лично Маркса, хотя это и было возможно: Маркс скончался, когда Шоу было двадцать семь лет. Зато драматург был знаком с Энгельсом. Две их встречи носили случайный характер и произошли в Гайд-парке, с трибуны которого довелось выступать и Шоу. Но вот младшую дочь Маркса Элеонору, чья красота, ум и образованность так завораживали Лондон, Шоу знал хорошо. Собственно, трагическая судьба младшей дочери Маркса, как признался в этом Шоу, послужила поводом к написанию пьесы, текст которой лежал сейчас перед нами. Элеонора, как выше отмечено, была человеком всесторонне образованным и одаренным: обладая даром слова, она великолепно выступала перед лондонской публикой с докладами, которые устраивали социалисты.

— Безупречное знание европейских языков позволяло ей говорить и перед интернациональной аудиторией,— заметил Иван Михайлович.— Успех сопутствовал молодой Элеоноре Маркс и давал ей силы — с каждым таким выступлением она определенно делалась красивее, иногда казалось, что она даже счастлива... Но всего лишь казалось. Как свидетельствовала молва, Элеонору, или, как звали ее друзья, Тусси, связывал гражданский брак с Эдуардом Эвелингом, ученым-естественником, последователем Дарвина, человеком, близким социалистам,— подчас на больших митингах социалистов лондонцы видели и его, при этом его выступлениям сопутствовал успех почти такой, как у Элеоноры... Как ни сложна была картина их отношений, была видимость благополучия. И вдруг... взрыв, который все перекорежил, все переиначил.

Эвелинг был женат — это был «законный брак». Казалось, что на пути супружества Тусси и Эвелинга стояло именно это препятствие — жена Эвелинга. Но еще при жизни этой женщины Тусси стала замечать, как изменился Эвелинг: у него возникали иные связи, он стал пить, запустил свои денежные дела. Как это бывает у людей пьющих, недостаток денег заставлял его обращаться за помощью к людям, к которым он во всех иных случаях никогда не обратился бы,— Эвелинг, по словам Шоу, приходил за деньгами и к нему... Видно, Тусси связывало с Эвелингом столь сильное чувство, что она готова была

прощать ему все это, надеясь, что судьба в конце концов не воспротивится их союзу, но получилось все иначе: смерть унесла жену Эвелинга, вслед за этим Эдуард покинул Тусси. Нетрудно понять, в какое положение этот шаг Эвелинга поставил Тусси,—она решила, что самоубийство в ее положении будет единственно правильным решением... Ну, разумеется, история Тусси была порядочно деформирована Шоу, прежде чем стать пьесой,—можно сказать, что эта история всего лишь явилась поводом к написанию пьесы. Осталось главное—трагедия высокоодаренной женщины, которая отдает себя во власть любви человеку, стоящему неизмеримо ниже ее, и гибнет... Пьеса пытается ответить на вопрос: где причины этого явления? И еще: в конфликт, о котором идет речь, вторгаются врачи, действующие по неписаному кодексу частного врачевания, у которого, как полагает Шоу, одна основа—произвол... В итоге конфликт усугубляется, его трагический исход предопределен... Очевидно, этот второй аспект пьесы несет у Шоу дополнительную нагрузку: нельзя отдавать жизнь людей во власть эскулапов, которыми руководят законы частного предпринимательства.

Рассказав историю пьесы Шоу, Иван Михайлович, немало смущаясь, обратился с просьбой и ко мне: нельзя ли прочесть «Дилемму доктора» и, быть может, заинтересовать ею «Иностранную литературу»? Я сказал, что беру рукопись в зеленом ледерине с собой, однако при одном условии: если вопрос о публикации «Дилеммы доктора» будет решен положительно, Иван Михайлович обещает написать предисловие, быть может воссоздав рассказ Шоу, относящийся к истории написания пьесы.

Майский обещал такое предисловие написать.

А между тем Н. Т. Федоренко, ставший редактором «Иностранной литературы», прочел пьесу Шоу и склонился к ее публикации. Просьбу о предисловии следовало реализовать, и я поехал в Мозжинку. Была осень, и большой участок мозжинского дома Майских был расцвечен цветами, по осени крупными и устойчиво яркими. Весть, которую я привез Майским, заметно воодушевила их—они ожидали, что решение должно было быть именно таким, но когда оно состоялось, было воспринято как приятная неожиданность. Как многократно было прежде, был накрыт стол, и тут же тезисно сымпровизировано предисловие, при этом Иван Михайлович обратился памятью к письмам Шоу, адресованным Майским. Я и прежде знал, что в архиве Ивана Михайловича есть письма Шоу,

но сейчас, когда они были помянуты, я решил попросить Ивана Михайловича показать мне их.

Признаться, получив согласие, я должен был подготовить себя к этому событию морально: в кои веки возникала возможность видеть подлинные письма Шоу? Допускаю, что это не письма-исповеди, но в них наверняка нашли отражение дела и дни великого драматурга, а заодно и хроника его контактов с советским послом и его семьей, а следовательно, и отношение к Советской стране, что при всех обстоятельствах важно. И вот все та же комната — светелка в городской квартире Майских на Советской площади, обставленная мебелью, рассчитанной на миниатюрных японцев и инкрустированной с чисто японским изяществом многоцветным камнем, и на столе стопка конвертов.

Письма Шоу — это в конечном счете календарь отношений драматурга с послом, и, как каждый календарь такого рода, он в меру событий, в меру личен. По словам Ивана Михайловича, к первой поездке Шоу в СССР был причастен и он, бывший тогда советником посольства. Как вспоминает Иван Михайлович, его запись беседы с Шоу, в которой были перечислены пожелания писателя в связи с поездкой, дала свои результаты. Отправляясь в СССР, Шоу дал понять, с кем бы хотел встретиться, с кем беседовать, — пожелание драматурга было исполнено... Москва готовилась к первому съезду писателей, и Майский, теперь в качестве посла, направил приглашение Шоу посетить советскую столицу. Весьма вероятно, что поездка в Москву не входила в планы Шоу, да и здоровье писателя, которому шел семьдесят девятый год, было не тем, но Шоу, верный себе, мотивировал свой отказ иными причинами, и это отразило его письмо послу. Во главу угла Шоу поставил вопрос о нетерпимом характере писателей вообще, даже характере склочном. Нет, Шоу не имел в виду писателей какой-либо одной страны, он говорил о натуре литератора, как она сложилась, так сказать, исторически. По этой причине он ставил под сомнение саму идею съезда.

А между тем отношения между писателем и послом развивались своим порядком — в том случае, когда не удавалось увидеть новой пьесы Шоу на сцене, посол просил прислать ее в рукописи, и обязательный Шоу, как правило, тут же выполнял просьбу посла. Как отмечал Майский, где-то в самом начале тридцать пятого Шоу прислал ему своего «Простака с неожиданных берегов» —

пьеса зло бичевала лицемерие тех, кто обжил английские коридоры власти. Обычно новая пьеса, прочитанная послом, сообщала свой смысл очередной беседе с драматургом. Так было и в этот раз. «Разве Британская империя не пережила себя? — спросил писатель и заметил, не тая возмущения: — В своем „Простак“ я указываю наиболее благородный и безболезненный способ ликвидации империи: Англия объявляет, что выходит из ее состава!..»

Не исключено, что этот диалог подготовил новую просьбу посла: газеты сообщили о постановке в Вене «Миллионерши», и он дал понять драматургу, что хотел бы ее прочесть.

«Книга еще не готова,— писал Шоу.— Все, что я могу сейчас послать Вам,— это первую корректуру... Прочитайте и затем бросьте ее в огонь. Когда выйдет весь том целиком, состоящий из трех пьес, Вы увидите, что в нем находятся два предисловия, оба относящиеся к России. Д. Бернард Шоу».

Нужно отдать должное Шоу, его внимание к отношениям с советским послом объяснялось интересом к «великому советскому эксперименту». У истоков этого интереса, как можно предположить, было послание Шоу Ленину, начертанное на титуле английского издания книги драматурга «Назад к Мафусаилу» и гласящее: «Ленину, который один среди государственных деятелей Европы обладает дарованиями, характером и знаниями, необходимыми человеку на столь ответственном посту. От Бернарда Шоу. 16 июня 1921 года». Не было крупного события в нашей истории, на которое бы драматург не отозвался. Одно из писем было своеобразным откликом писателя на проект нашей Конституции. Ну, разумеется, письмо Шоу было выдержано в свойственном писателю стиле и не лишено парадоксов — некоторые из замечаний Шоу казались неожиданными и были определены не столько стремлением обратиться к сути документа, сколько духом противоречия, который жил в Шоу.

Имея в виду статью, в которой говорится, что равенство всех граждан СССР является непреложным законом, Шоу неожиданно возразил: «В политике не может быть непреложных законов. СССР не должен цепляться за догмы». Вряд ли тут было уместно говорить о догмах — в самом деле, статья, которая, казалось бы, должна была встретить сочувственное отношение Шоу, ибо определяла демократическое, а следовательно, глубоко гуманное существо нашей конституции, вызвала возражение

Шоу — в системе его мышления, построенного на противоречиях, нередко возникающих внезапно, логика подчас отсутствовала.

Другая статья, гарантирующая равное право выбирать и быть избранными для всех граждан СССР не моложе восемнадцати лет, также явилась поводом для иного мнения на том основании, что деятельность депутата требует специальной подготовки и не может быть доверена, как можно понять Шоу, человеку, начинающему самостоятельный путь в жизни.

«Положение, что депутат не нуждается в определенной подготовке для общественной работы, не имеет значения в капиталистическом обществе... ибо целью его является предупреждение всякого государственного вмешательства в область частного предпринимательства, однако в коммунистическом управлении неподготовленный депутат может принести большой вред...» В ответ на то, что все, кто становятся депутатами, проходят немалую школу профессиональной и общественной деятельности, что само по себе весомо, Шоу замечал, что выдвижению в депутаты должны предшествовать своеобразные экзамены на зрелость, разумеется, не академические, но все-таки экзамены.

Ну, конечно же, со многим, что говорил Шоу, тут можно и не согласиться, но это, пожалуй, было и не самым главным. Более существенным было желание писателя отозваться на насущные проблемы СССР и помочь своим советом. Именно это свидетельствовало, что в лице Шоу мы видели доброжелателя. Наверно, было немного случаев в те годы, когда бы иностранец так близко принимал к сердцу дела Советской страны.

Но для отношений, сложившихся между писателем и советской стороной, которую в данном случае представлял посол, было характерно и иное: внимание к Шоу, к его житию-бытию, к его житейским бедам и недугам. Да, и к недугам. Старость подобралась и к Шоу, все чаще он занемогал.

— Я страшно встревожен: мои современники по XIX столетию уходят с такой быстротой, что мне становится стыдно моего долголетия,— говорил он Ивану Михайловичу.— Мне кажется, что молодежь с укоризной смотрит на нас, детей прошлого века, и думает: чего вы еще задерживаетесь?.. Пора, пора нам, реликвиям старины, исчезнуть!..

Вести о том, что старику неможется, подтверждались и друзьями Шоу. Беатрис Вебб переслала Майским письмо Шоу, в котором он достаточно откровенно писал о своих хворях: «Два патолога, которых Шарлотта обрушила на меня, поставили диагноз: анемия... Истина заключается в том, что я устал, как собака, и после того, как я окончил пьесу... послал к черту все, кроме отдыха... Моя голова в порядке, однако вся моя еще остающаяся энергия сосредоточена на том, чтобы ничего не делать...».

На письмо посла с выражением участия пришел ответ от Шарлотты Шоу на имя Агнии Александровны — мы воспроизводим его в отрывках:

«Д.Б.Ш. был сильно тронут любезным письмом Вашего мужа, спасибо Вам и ему за сочувствие! Да, мы пережили тяжелое время — были моменты, когда Д.Б.Ш. сильно болел и находился в большой опасности, но, к счастью, было найдено хорошее лекарство, и сейчас он фактически опять здоров. Это настоящее чудо! Он снова чувствует себя самым собой с той лишь оговоркой, что ему — увь! — уже восемьдесят два года...».

Не без труда Шоу возвращался к жизни, а следовательно, и к прежним отношениям с друзьями — вестниками выздоровления были книги Шоу, которым сопутствовали дарственные надписи, как всегда у Шоу, — исполненные сердечности. Пришел красивый том с пьесой Шоу «В золотые дни доброго короля Карла», талантливо иллюстрированный польским художником Феликсом Топольским: «Моим друзьям Майским. Д. Бернард Шоу. 2 декабря 1939 года».

Да, дата была именно этой: 2 декабря 1939 года — в Европе уже шла война, судя по всему, новая большая война... Вспомнился декабрь тридцать шестого и номер «Еженедельника Д. К. Честертона», в котором была статья Шоу «В защиту России».

Шоу корил еженедельник за «зверски антирусскую позицию» и при этом отмечал:

«Враги России являются врагами человеческого рода... Не надо быть особо проницательным дипломатом для понимания того, что, если Англия и Франция не бросят весь свой военный вес и всю свою моральную поддержку на чашу весов России, новый фашистский пояс вокруг средней Европы в союзе с Японией может организовать крестовый поход... для расчленения России... Результатом этого было бы не только расчленение СССР, но и Британской империи».

Стоит ли говорить, что вопрос, которого коснулся Шоу, был им поставлен правильно — впрочем, он был тут не просто прав, он был прозорлив.

Как бы между прочим Майский как-то заметил, что желание укрепить отношения с Шоу повлекло его к друзьям Шоу, среди которых в немалой степени тон задавали супруги Сидней и Беатрис Вебб, ученые-социологи, авторы широко популярных книг, посвященных насущным проблемам современности, основатели и в какой-то мере коноводы Фабианского общества, ратующего едва ли не за вращение старых социальных образований в новые... Обращение к глобальным проблемам не мешало супругам Вебб держать в поле зрения проблемы земные, не отказываясь даже от необходимости прийти в соответствующий момент на помощь к другу-фабианцу и устроить его судьбу, разумеется, в силу участия, а может, и сострадания. Не очень удобно назвать Веббов сватами, но, как свидетельствовал Иван Михайлович, именно благодаря их приятельской помощи и поруке был устроен брак Шоу и Шарлотты, нынешней хозяйки дома Шоу, а заодно и решены финансовые дела драматурга, состояние которых в тот момент было не лучшим. Можно допустить, что друзья Шоу учитывали и это — Шарлотта была женщиной состоятельной.

Но хорошие отношения с Шоу предполагали решение и иной задачи. Иван Михайлович знал драматургию Шоу, но отношения с писателем требовали иной степени этого знания. Многие годы дружбы с Шоу обязывали посла принять близко к сердцу творческие интересы драматурга. О чем тут могла идти речь? Со свойственной Шоу категоричностью было заявлено, что он не ставит Шекспира ни в грош по той причине, что пьесы его лишены большой мысли. Ну, разумеется, с этим можно было и не спорить, зная нелюбовь Шоу ко всему английскому — Шоу видел в Шекспире всего лишь англичанина, остальное было производным. Наверно, разумным было рассмотреть драматургию Шоу без ссылки и на Шекспира — это давало возможность сосредоточить внимание на творчестве Шоу, и при этом каждая из вступивших в спор сторон могла остаться при своем мнении. Надо отдать должное старому ирландцу, он был искусным спорщиком. Ниспровергая Шекспира, он противопоставлял ему не себя, а Ибсена, полагая, что именно норвежец подает пример драматургии, решающей жизненные проблемы, драматургии мысли. Кстати, все, что сказал Шоу в ту пору на театре, призвано

было явить именно драматургию мысли. Тут Шоу, надо отдать ему должное, был на редкость целеустремлен. «Дома вдовца» объявили войну английской респектабельности, показав, что у нее более чем неприглядная природа — то, что зовется этой респектабельностью. поддерживается примитивной эксплуатацией. Буржуазная пресса усмотрела в пьесе Шоу попытку обнажить дно современной английской действительности и объявила войну драматургу, но он оказался не из робких. Новая его пьеса «Профессия миссис Уоррен» вскрывала еще более мрачную явь — действие вторгается в быт публичных домов, — а «Майор Барбара» изобличал дельцов, спекулирующих на продаже оружия, в то время как «Пигмалион» явился сатирой на тех, кто был опорой социальной элиты, неодолимой в своей хищнической сути. Что было интересно Ивану Михайловичу в Шоу? Человек во многом аполитичный и в чем-то немало заблуждающийся, когда дело касалось конкретных событий нашего многосложного времени, для которого марксово учение было наукой за семью печатями, Шоу был точен в своих наблюдениях, называя носителей зла их истинными именами. Очевидно, играла свою роль способность художника видеть действительность, умение понимать жизнь людей, т. е. все то, что дает талантливому и умному художнику знание человека. Стоит ли говорить, что постижение драматургии Шоу было необыкновенно полезно Ивану Михайловичу, когда речь шла о контактах с писателем: без знания творчества Шоу эти контакты были бы невозможны.

УЭЛЛС: ПРИВИТЬ ЕВРОПУ К МОЛОДОМУ КОРНЮ

Когда большая тема Шоу была преодолена, для меня возник соблазн коснуться иного литературного имени, которое тоже занимало немалое место в лондонском житье-бытье Ивана Михайловича, — Уэллс. Знал, что в архиве Ивана Михайловича хранилась связка писем Уэллса, и было в высшей степени заманчиво проникнуть в их содержание, но как это сделать? По аналогии с Шоу был смысл склонить посла к рассказу об Уэллсе, выстроив рассказ хронологически, проникнув в логику развития отношений, в его психологию.

Помню, что поводом к первому разговору об Уэллсе послужил эпизод, о котором упомянул сам Иван Михай-

лович,— эпизод нес немалый драматический заряд и очевидно Майский обращался к нему не впервые.

— Тот, кто внимательно следил за развитием советско-английских отношений, наверняка заметил, что они всецело зависели от того, кто становился хозяином более чем скромного дома на Даунинг-стрит,— произнес Майский.— Когда на смену Ллойд Джорджу пришел консерватор Керзон, запахло едва ли не пороховым дымом, а когда лейбориста Макдональда сменил тори Болдуин, стали громить советские представительства в Лондоне... Газеты подливали масло в огонь: не было статьи, которую бы не отравил яд клеветы. И вот луч солнца, прорвавшийся в гущах: статья Уэллса в «Санди экспресс». Нет, нельзя сказать, что статья была безрешной во всем и не вызывала возражений, но многое в ней было справедливо, здраво, разумно в конце концов. Главная мысль: нельзя отдавать англо-советские отношения, жизненно важные для Великобритании, во власть истерии тори, есть смысл разобраться в фактах и проявить понимание проблемы — новая Россия выглядит иной, чем это стараются представить тори... Захотелось выразить признательность писателю, нашедшему в себе силы честно и мужественно разобраться в обстановке, и я тут же направил Уэллсу письмо...

— Последствия не заставили себя ждать,— продолжал свой рассказ Майский,— последовал звонок от писателя: супруги Уэллс приглашали нас с женой на завтрак. То ли потому, что я был почти на двадцать лет моложе Уэллса, то ли потому, что мое положение в посольстве было относительно скромно (я был тогда советником), Уэллс безраздельно взял бразды беседы в свои руки, оставив нам роль слушателей. Вспоминаю беседу и прихожу к выводу, что писатель в сущности подтвердил многое из того, что он высказал в своей статье в защиту СССР, и это нас должно было устроить — начало нашим отношениям было положено, встреча с Уэллсом имела свой добрый смысл... Наверно, по логике вещей должно было последовать приглашение писателю с нашей стороны, что было тут же сделано — Уэллс с супругой посетили посольство... Началась серия встреч: появилась возможность ближе узнать Уэллса, постичь мир его идей и интересов, а заодно понять, что он думает о положении дел в мире...

Итак, мир идей и интересов Уэллса? О чем тут могла идти речь и в какой мере все это могло помочь пониманию того, что хранила связка писем Уэллса, которую я, должен признаться, продолжал держать в памяти.

По мнению Ивана Михайловича, писателя продолжала увлекать едва ли не генеральная идея его жизни — все его беседы так или иначе сводились к тому, что он стремился убедить собеседника в действительности идеи некоего государственного образования, во главе которого стоит синклит интеллигентов: ученых, художников, банковских и государственных служащих, деловых людей. Обязательное требование: они могут быть и не состоятельны, хотя состоятельность, по мысли Уэллса, делу не мешает, но обязательно образованны. Не без ссылки на мысль о государственных ученых Уэллс, по словам Майского, пытался рассмотреть и некоторые аспекты своей беседы с Лениным, как он воспроизвел ее в своей книжке «Россия во мгле».

Я сказал Ивану Михайловичу, что книга Уэллса открылась мне с неожиданной стороны, когда я увидел пометки Ленина на полях и, главное, сопряг их с высказываниями Владимира Ильича, относящимися к моменту чтения этой книги, т. е. к декабрю 1921 года. Работа, сделанная мною, показала, сколь значительное место в раздумьях Ленина той поры занимали проблемы экономических отношений России с Западом — без риска ошибиться можно сказать, что пометки Владимира Ильича на книге Уэллса были едва ли не первым свидетельством советской стороны, имеющим отношение к Генуе. Иван Михайлович, помнится, с живым интересом реагировал на это мое замечание, подчеркнув, что ленинские пометы столь интересны, что должны быть приобщены к важнейшим материалам, относящимся к истории Генуи.

Но известная диалектика явления, о котором идет речь, сказалась в том, что внимание Уэллса к России определило интерес писателя к стране, которая поместилась на противоположном от России полюсе — речь шла об Америке, — в марте тридцать четвертого Уэллс побывал в США. Разумеется, это была не первая поездка англичанина за океан, но именно поездка тридцать четвертого года сообщила мыслям писателя об этой стране тот особый смысл, который его сейчас так интересовал — ведь это было время Франклина Рузвельта, время «нового курса» американского президента, который некоторые буржуазные историки даже нарекли «рузвельтовской революцией». Уэллс возвратился на родину, увлеченный всем, что отважился осуществить на американской земле новый президент, — кстати, находясь в США, Уэллс был принят Рузвельтом. Встреча с американским президентом

глубоко отзывалась в сознании писателя — Уэллсу привиделось, что Рузвельт, которого писатель теперь называл социалистом, повел Америку по тому самому пути, о котором мечтал писатель, говоря о государстве грядущего. Видно, Уэллс так уверовал в «рузвельтовскую революцию» и в «рузвельтовский социализм», что все попытки доказать ему, что речь может идти лишь о попытке спасти корабль капиталистической Америки, встречали решительное возражение писателя. Психологически Уэллса можно было понять: в системе его взглядов о всемирном государстве ученых, как нередко это государство называл он сам, тип руководителя-интеллектуала выступал на первый план, в то время как само государство, его социальный лик, строй его общественных отношений, система его организации, расстановка экономических сил занимали второе место. Поэтому, встретившись с Рузвельтом и отдав себя во власть его обаяния, Уэллс в личности президента хотел рассмотреть рузвельтовскую Америку, предав забвению главное — даже в рузвельтовские времена Америка далеко не во всем была с Рузвельтом... Таким образом, Уэллс воспринимал Америку через Рузвельта, а ему ее надо было постигать и независимо от президента — так картина того, что есть Америка, была бы объективнее, а значит, и правдивее.

Но вот что интересно: как ни упорствовал Уэллс в своих заблуждениях, его продолжали одолевать сомнения. Это выражалось весьма своеобразно: даже в пору своих увлечений рузвельтовской Америкой он продолжал думать об СССР. Так или иначе, а после поездки писателя в нашу страну прошло почти пятнадцать лет, пятнадцать необыкновенных лет и многое в России изменилось. Чтобы составить мнение о современной России, впечатлений двадцатого года было недостаточно. Короче, необходима была новая поездка в Россию, и Уэллс выехал в Москву. Поездка захватила его. Он видел Москву и Ленинград. Он встретился со Сталиным. У него были беседы с Горьким и Алексеем Толстым. Его принимал Литвинов. Он поестил академика Павлова.

Иван Михайлович Майский разговаривал с Уэллсом по возвращении из СССР. В двадцатом Уэллс не верил, что Россия может подняться из руин, теперь он увидел, что это произошло, хотя... в том, что совершилось в стране, с точки зрения писателя, было... что-то американское... Нет, Уэллс не оговорился. Он так и сказал: было что-то американское. Видно, в его сознании продолжался все

тот же процесс — стремясь представить себе тип всемирного государства, он объединил в его зримом лике Америку и Россию, так и не решив, кому отдать предпочтение.

Все это я высказал Ивану Михайловичу, заметив, что заблуждения Уэллса стойки.

— Уэллсу не просто сдать свои позиции,— сказал Иван Михайлович.— Если у истории Европы возникнут повороты, в какой-то мере крутые, Уэллс не преминет нарушить свою позицию...

Я тогда не знал, что этому предсказанию суждено сбыться и свидетельством этому явится та самая связка писем Уэллса советскому послу, о которой я упомянул в начале своего рассказа *. Однако о чем свидетельствуют эти письма? Они, как мне кажется, показывают, что у идеи Уэллса, относящейся к всемирному государству интеллигентов, были свои этапы. С неослабным интересом он следит за всеми стадиями развития СССР, обратив особое внимание на становление интеллекта советского человека, что, как мне казалось, имело прямое отношение к идее, занимающей писателя.

«Я — революционер без всяких оговорок в социальной области и не менее Вас хотел бы видеть скорейший конец того, что Вы называете капиталистической системой,— пишет Уэллс послу.— Но в Западной Европе нам приходится пользоваться словами и методами иными, чем в России... Мы исходили из весьма различных точек зрения, и наши пути не могут быть одинаковы. Они могут быть более или менее параллельными. Это уже кое-что, и над этим я хотел бы поработать. Я полагаю, что современная война неизбежно ведет к революционному завершению...»

Ну, разумеется, мнение Уэллса о войне, которая неизбежно ведет к революционному завершению, не следует переоценивать, но пристальный взгляд писателя на социальные метаморфозы и заверение, что это питает его любознательность и он хотел бы над этим поработать, кое-что значит.

«...Что, например, в настоящее время читает молодая Россия? Не могли бы Вы сообщить мне, какие произведения находят сейчас наиболее широкий спрос? Только, ради бога, не пичкайте меня пропагандой!..»

Как мне рассказывал Иван Михайлович, он выполнил просьбу Уэллса с той точностью и оперативностью, какая

* Письма Б. Шоу и Г. Уэллса И. М. Майскому хранятся в его домашнем архиве.

была в возможностях посольства: по запросу посла наркоминдел связался с соответствующими советскими органами, занимающимися нашими книжными делами, и Уэллсу была направлена обстоятельная справка, при этом комментарии были ограничены фактическими пояснениями — иначе говоря, элемент того, что писатель мог назвать пропагандой, был сведен к нулю, хотя сама по себе справка содержала данные, которые могли заставить задуматься и Уэллса. Колонки цифр, сопутствующие именам писателей, многое объяснили Уэллсу. Как заметил он, ознакомившись со справкой, в его положении грешно жаловаться на невнимание читателя, но ему и во сне не снились тиражи, какими издавался в Советской стране, например, Горький.

Как ни пристален был взгляд Уэллса, обращенный к СССР, он продолжал изучать Америку. «Год назад я объехал всю Америку, сделал 25 тыс. миль по воздуху — и кое-что понимаю в психологии ее населения», — писал он советскому послу в достопамятном ноябре 1941 года — его письму не чужда тревога, как Америка совладеет с военными испытаниями... И тут есть смысл сказать следующее: симпатии Уэллса к Америке определены в немалой степени тем, что он видел в ней классическую страну капиталистического Запада, — это не надо забывать. Но важно и иное: симпатии Уэллса к Америке относятся к рузвельтовской поре в истории этой страны. То обстоятельство, что Уэллс связывал свое отношение к Америке с именем Рузвельта, рассмотрев в личности президента, как и в его политике, нечто такое, что заслуживает поддержки, как нам представляется, делает честь способности Уэллса оценивать положение дел в мире, здраво смотреть на вещи.

Уэллс не считал себя деятельным фабианцем, но на его письменном столе, как вспоминал Иван Михайлович, нередко можно было рассмотреть книгу Сиднея и Беатрис Вебб «Советский коммунизм — новая цивилизация?». Книгу, как известно, пронизывала фабианская идея преодоления «ухабов» буржуазного общества средствами, исключаящими насилие. Иначе говоря, по Веббам, в природе существовали пути, позволяющие создать некое государственное образование, вобравшее в себя черты старого и нового мира. В той или иной форме эта идея продолжала занимать и Уэллса, при этом и после того, как его внимание к созданию всемирной республики, руководимой интеллектуалами, было не столь активным, как прежде.

Письмо, полученное Майским в июне сорок третьего года, отразило эти настроения писателя. Вместе с письмом Уэллс направил Ивану Михайловичу «Декларацию о правах человека». Как отмечал Уэллс, он посылал декларацию в надежде, что она будет рассмотрена и возвращена с критическими замечаниями: документ, о котором писал Уэллс, отразил взгляды писателя и его единомышленников, как они полагают, на коренные вопросы, волнующие человечество.

«Если вы найдете удобным,— отмечал Уэллс в письме,— буду очень благодарен за передачу этой декларации какой-либо организации пропагандистского характера, если такая возникнет, с целью привести русские дела в гармонию с либеральной и творческой мыслью Запада... Фактически названная декларация почти полностью совпадает с русской конституцией, как она воспроизведена в известной книге Веббов».

Мысль, которой сопровождал Уэллс эту свою реплику, своеобразна, однако проследим за нею — как нам кажется, есть резон в нее вникнуть.

«Я надеюсь на всемирную революцию (это в сущности является лишь восстановлением материалистического понимания истории), что, на мой взгляд, не требует каких-либо глубоких изменений во внешней, видимой структуре человеческой деятельности,— замечает Уэллс.— Девятьсот девяносто девять человек из тысячи только выиграют от революции, построенной на принципе равенства...»

Но Уэллс не был бы Уэллсом, если бы, коснувшись столь глобальных проблем, не возвратил бы наше внимание к своей любимой идее всемирного государства.

«Мировая революция вовсе не означает разрушения каких-либо материальных ценностей,— отмечает писатель.— Она означает только переход общего управления делами в руки лучше организованного мирового директора, действующего на основе современных научных принципов. Старый мир, мир, который умирает, пытается наложить лапу своих отживших притязаний на получение прибылей и ставить препятствия прогрессу. Он может причинить еще большие страдания в процессе рождения нового порядка вещей, он может еще искалечить и опустошить жизнь целых поколений — против этого мы должны бороться все вместе...»

Прозорливость, которую при этом обнаруживает Уэллс в оценке старого мира, выдает в нем человека наблюда-

тельного, однако запасемся терпением и дослушаем писателя — его мысль развивается не стандартно.

«Важным аспектом мировой проблемы является примирение индивидуальной инициативы, крайне необходимой для продолжения прогресса человечества, со все большим возрастанием коллективистского принципа в организации мировых дел...»

Уэллс, разумеется, приложил к своему письму текст декларации. Декларация провозглашала право на жизнь, заботу о детях, свободу труда, право на заработок, право на свободу мысли, свободу от насилия... — т. е. все то, что щедро декларирует в своих конституциях Запад, но, к сожалению, не столь щедро претворяет в жизнь; но Ивана Михайловича, как я понял, интересовала в данном случае не столько декларация, сколько письмо Уэллса, которым он эту декларацию сопровождал. А письмо это, как казалось Ивану Михайловичу, свидетельствовало, что в лице Уэллса мы имеем человека, в сознании которого две поездки в Советскую Россию оставили глубокий след, как, естественно, и встреча с Лениным, — он не переставал возвращаться к ней всю жизнь.

— Чтобы понять до конца, сколь глубоким было для Уэллса это впечатление, надо прочесть не только «Россию во мгле», но и иное, что имеет отношение к поездке писателя в Россию, — сказал мне в заключение Иван Михайлович. — Например, этюд Уэллса о Ленине, помеченный 1934 годом, а возможно, и письмо Горькому, датированное 1920 годом, и уж, конечно, ответ Уэллса Черчиллю, ответ, о котором Уэллс позднее скажет, имея в виду лицо, которому это адресовано: «Я убил его...».

Был смысл последовать совету Ивана Михайловича и, обратившись к комплектам старых газет, восстановить в памяти каждую из тех реликвий, о которых говорил посл, — без этого картина, которую мы хотели представить, явно была бы неполной.

Итак, этюд о Ленине. 1934 год.

«Когда я беседовал с Лениным, предмет нашего разговора интересовал меня куда больше, чем оба мы вместе взятые. Меня совершенно не занимало тогда, высокого мы роста или маленького, старые или молодые. Мне запомнилась лишь его эмоциональность и удивительная четкость мысли. Но сейчас, когда я просматриваю свою старую, четырнадцатилетней давности книгу, снова вижу его перед собой и сравниваю его с другими известными мне госу-

дарственными деятелями, я начинаю понимать, какой выдающейся исторической фигурой он был...»

Письмо Уэллса Горькому. 1920 год.

«Я кончил свою книжку о России. Я сделал все возможное, чтобы заставить общество понять, что Советское правительство — это правительство человеческое, а не какое-то исчадие ада, и мне кажется, что я много сделал, чтобы подготовить почву для культурных отношений между двумя половинами Европы».

И наконец, ответ Черчиллю, который попытался предать Уэллса и его книгу о России анафеме.

«Ему (Черчиллю.— С. Д.) кажется дерзостью, когда простой человек вроде меня берется судить о государственных делах, да еще осмеливается утверждать, что его, Черчилля, озверелая антирусская политика не сулит нам и нашим детям ничего, кроме гибели и краха надежд. К тому же, каково это слышать от человека, который знает о происходящем в России не больше самого Черчилля!..»

Но вот что интересно: как ни растревожила Уэллса полемика с его оппонентами, он не забыл в ходе этой полемики проблемы, которая все эти годы жила в его сознании.

«Возможно, что мои надежды и надежды всех, кто думает, как я, не оправдаются; возможно, Европу уже не спасешь, починив и подлатав ее, и надвигаются перемены, более решительные и важные, чем бы нам хотелось. Может, основу нашего общества слишком подточила корысть. Может быть, коммунисты... сумеют научить мир чему-то полезному — ну хотя бы дисциплине и бескорыстному служению идее. Может быть, вся Европа, подобно России, в конце концов нуждается в том, чтобы ее привили к молодому коммунистическому корню, и тогда она вступит в новую творческую фазу...»

Ну что тут можно сказать? Конечно, раздумьями Уэллса руководит разочарование в Европе, но значит ли это, что он хочет принять принципы нового мира? Нет, конечно. Однако какие же принципы он хочет принять — что его устраивает? Призову читателя внимательно прочесть высказывание Уэллса, которое я воспроизвожу ниже: «И все же Октябрьская революция не является конечной мировой революцией, творческим возрождением человечества,— утверждает Уэллс.— Это возрождение еще впереди. Оно произойдет на базе атлантической цивилизации и потребует не руководства и контроля со стороны

России, а понимания и сочувствия». В этой формуле есть для Уэллса свое понимание положения дел в мире: итак, идеал писателя, некая западная революция (он называет ее революцией на базе атлантической цивилизации), которая в такой мере будет отлична от Октябрьской революции, что потребует всего лишь сочувствия от страны Октября,— впрочем, Уэллс находит резоны, чтобы утешить и нас: «Перед Россией свои обширные проблемы, и, только разрешив их, она сумеет сыграть свою роль в окончательном объединении мира».

Именно в этом высказывании Уэллс говорит о своем политическом идеале. В чем же суть этого идеала? Как понимает читатель — в мировой буржуазной революции. Наше отношение к концепции Уэллса проистекает из этой формулы писателя. Оно, это отношение, резко отрицательно и иным не может быть.

Не думаю, что все воспроизведенное только что может деформировать наше отношение к Уэллсу: несмотря на своеобычие его позиции во всем, что касается будущего мира, главное в нашем отношении к нему остается нерушимым: мы имеем дело с великим гуманистом, который, не разделяя наших принципов, тем не менее настолько мудр и широк, чтобы видеть в них великие демократические устремления и считать себя другом СССР.

*

Кажется, Александра Михайловна Коллонтай сказала: «Дипломат, не давший своей стране друзей, не может считаться дипломатом». Многие из того, что делал Иван Михайлович Майский, действительно претворяло в жизнь эту формулу. Это относится, в частности, к контактам Майского с Шоу и Уэллсом, что имело немалое значение для нашей страны. Позиция, которую занимали эти писатели по отношению к СССР, оказала свое влияние на европейскую художественную интеллигенцию в период между двумя войнами. Для Шоу и Уэллса это было проявлением антифашизма и, конечно же, сказалось на развитии европейской общественной мысли, питавшей многие прогрессивные начинания нашего века, в том числе и столь значительное, как защиту мира. У того, что сделал Майский, мне видится и эта грань.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР

В августе 1978 г. мне представилась возможность отправиться на теплоходе «Тобол» в далекое путешествие — в город моего рождения Тобольск. Первой причиной желания побывать в тех краях были рассказы моего мужа Ивана Михайловича Майского, который бывал там дважды.

Впервые, будучи мальчиком, он плывал в 1896 г. с отцом, военным доктором, который за учебу в медицинской академии в Петербурге отрабатывал свою стипендию в Сибири. В данном случае он сопровождал арестантские баржи. Общение с политическими заключенными стало первым столкновением с общественной несправедливостью. «Мои первые университеты», — так говорил об этом Иван Михайлович. Второй раз Иван Михайлович проделал этот путь, будучи сам ссыльным в 1906 г., после революции 1905 г., на этот раз путь его пролегал до Обдорска, откуда он бежал в 1908 г.

Второй причиной, побудившей меня предпринять это путешествие, было желание повидать Тюмень, город, куда я попала в начале 1919 г. — в период черной реакции и колчаковского террора. Прожила в Тюмени я недолго, но с городом была кровно связана.

Сегодня Тюмень — большой и красивый город со многими музеями, галереями, памятниками, большими домами, с прекрасной архитектурой старинных церквей и очень хорошо организованной жизнью.

Согласно туристическому плану, осмотр музеев начинается с Ялуторовска — места ссылки декабристов. В прошлом веке это был глухой неустроенный край, отрезанный от центра отсутствием дорог и почтовой связи. История декабристов достаточно известна, перечислю только имена, которые бережно хранит этот край (об этом говорили и музейные экспонаты Тюмени и Ялуторовска, и захоронения на Тюменском кладбище): М. И. Муравьев-Апостол, Е. П. Оболенский, И. И. Пущин, И. Д. Якушкин, И. В. Басаргин и др.

Живя в этих краях, декабристы сближались с передовыми людьми Тобольска. Тесная связь у них была с семьей Менделеевых. Одна из сестер Д. И. Менделеева, Ольга, вышла замуж за декабриста Басаргина. Дружба и трогательная забота о тяжело больном поэте В. К. Кюхельбекере со стороны П. П. Ершова, автора «Конька-Горбунка», широко известны.

В 1856 г. ссылка декабристов кончилась, но немногие из них вернулись домой. Семь декабристов похоронены на Завальном кладбище в Тобольске.

Во втором потоке ссыльных были лучшие люди своего времени — революционеры-разночинцы, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Короленко, Ф. М. Достоевский и многие другие. Остается сказать о третьем потоке ссыльных — социал-демократах.

Большинство социал-демократов вели большую работу. Весной 1918 г. в Тобольске был создан городской Совет, который продержался, правда, всего два месяца. В июне 1918 г. в город ворвались белогвардейцы, их вскоре сменили колчаковцы. Осенью 1919 г. Тобольск был освобожден 51-й дивизией под командованием В. К. Блюхера, но, увы, ненадолго. В 1921 г. город пережил ужасы кулацко-эсеровского мятежа.

Тоболяки воздвигли героям, павшим в борьбе за Советскую власть, мемориальный комплекс.

Мою память в связи с этими местами Сибири тревожит еще одно имя — имя Леонида Борисовича Красина. Красин жил в Тюмени (на доме № 9 по улице Семакова есть мемориальная доска, там учился Красин-реалист). В Тюмени имеется улица имени Л. Б. Красина (бывшая Телеграфная).

Я встретила Леонида Борисовича в 1925 г. Сначала мимолетно в Париже, а потом в конце 1926 г. в Лондоне, куда он был переведен из Парижа послом, а я тогда работала в Лондоне в нашем торгпредстве.

*

Первым приметным городом после Тобольска был Демьянск. Для меня этот город был интересен тем, что Иван Михайлович, будучи в 1906 г. выслан в Тобольскую губернию, жил в Демьянске, в доме Ф. П. Доронина.

После возвращения из поездки в архиве мужа я нашла письмо Н. П. Доронина, автора книги «Семья Дорониных». В одном из туристических справочников говорится:

«Демьянское — родина и место деятельности Ф. П. Доронина (1888—1920), борца за установление Советской власти на Тобольском севере».

В Москве я встретила с автором книги «Семья Дорониных» — братом Ф. П. Доронина, Нилом Петровичем, который рассказывал мне, что, работая над книгой, он пользовался документами из архивов жандармского управления тех лет, и среди материалов о сосланных в Тобольскую губернию встретил имя моего мужа Ивана Михайловича Ляховецкого (Майского). Я попросила Нила Петровича рассказать об этом. Он это сделал, и я с большой благодарностью привожу его записи, касающиеся Ивана Михайловича.

ВОСПОМИНАНИЯ Н. П. ДОРОНИНА (ЗАПИСЬ А. МАЙСКОЙ)

В 1962—1964 гг. я работал в Тобольском архиве, выявляя материал о революционном прошлом села Демьянского, об участии в революционном движении и гражданской войне семьи Дорониных и других жителей этого села.

Зная, что в Демьянском до революции было много политических ссыльных, которые, безусловно, оказали большое революционизирующее влияние на моего отца, Доронина Петра Степановича, моего брата Федора, сестер Степаниду, Клавдию, Дарью, я в архиве интересовался документами и перепиской политических ссыльных.

Лично я помню политссыльных Голощекова Филиппа Исаевича, Смирнова Михаила Васильевича, Виноградова Степана Егоровича, Чудновского Самуила Гдольевича, Иоффе Адольфа Абрамовича. Сестра Клавдия назвала также Ляховецкого Ивана Михайловича, который жил на квартире в нашем доме.

Все эти фамилии и интересовали меня при просмотре материалов Тобольского архива. О Ляховецком Иване Михайловиче я сделал записи.

В село Демьянское (ныне Уватского района Тюменской области) Ляховецкий прибыл из Бронникова (село севернее Тобольска, на р. Иртыше) в апреле 1906 г. 30 декабря 1906 г. ему было разрешено выехать из Демьянского в Тобольск.

Начальник Саратовского охранного отделения 7 апреля 1906 г. за № 826 совершенно секретно сообщил Тобольскому жандармскому управлению: «Видный активный

деятель местной социал-демократической организации, сотрудник газеты „Приволжский край“ Ляховецкий Иван Михайлович, с ним следует его жена Ольга Никитична. По сведениям, супруги по прибытии на место ссылки [намерены] скрыться за границу, для чего запаслись подложными паспортами».

19 апреля 1906 г. начальник Тобольского губернского управления сообщает о прибытии Ляховецких из Тюмени этапом.

Департамент полиции 20 июля 1906 г. обращает внимание на деятельность Ляховецкого...

Есть в делах Тобольского архива и другие упоминания об Иване Михайловиче Ляховецком, о его «сомнительной политической благонадежности» и др.

В Москве с собранным мною материалом в Тобольском архиве я познакомил Николая Никандровича Накорякова (его воспоминания «Из далекого прошлого» опубликованы в моей книге «Семья Дорониных». Свердловск, 1966, с. 5—11). Н. Н. Накоряков сказал мне, что И. М. Ляховецкий — это академик-историк Иван Михайлович Майский.

Узнав об этом, я немедленно написал И. М. Майскому об обнаруженных мною документах о нем в делах Тобольского архива. При встрече Иван Михайлович с интересом выслушал меня и рассказал, что при аресте его в Саратове и высылке в Тобольскую губернию были изготовлены паспорта и скрыты в переплете книги. В Тобольск прибыла вместе с ним этапом большая группа политссыльных.

При распределении политссыльных по назначенным им волостям и селам большинство из них были направлены в ссылку в южные села Тобольской губернии, И. М. Майский был последним. В его присутствии перетрясли все его вещи и обнаружили книгу, в переплете которой были спрятаны паспорта. Переплет был вспорот, и паспорта изъяты. Местом ссылки И. М. Майскому было назначено село Демьянское (в 300 км от Тобольска) на Иртыше. Помня о словах моей сестры Клавдии, что Ляховецкий жил на квартире в нашем доме, я спросил его об этом. Иван Михайлович подробно обрисовал внешний вид нашего дома, горницу, где он жил, холодные сени, откуда был вход в горницу. Точно описал внешность моего отца, а также привел некоторые подробности о своей ссылке.

Я рассказал о подготовленной мною к печати книге «Семья Дорониных» и попросил И. М. Майского написать для издательства рецензию, что он и сделал.

Позднее я работал над любительским кинофильмом «Семья Дорониных» и попросил И. М. Майского дать мне фотокарточку периода 1905—1907 гг. Эта фотография была мною снята в моем кинофильме, получившем название «Федор Доронин».

С благодарностью я вспоминаю об Иване Михайловиче Майском.

Н.П.Д.

А. И. Кондратович

И. М. МАЙСКИЙ В «НОВОМ МИРЕ»

Я зашел в кабинет Александра Трифоновича Твардовского, когда там за столом, перпендикулярно представленным к старомодному массивному столу главного редактора, сидел незнакомый мне человек, которого, однако, я явно где-то и когда-то видел. Небольшого роста, крупная шаровидная голова, поседевшие усики, по-видимому, заведенные давным-давно, вообще в обличье его было что-то устойчивое, я бы даже сказал, много лет неизменное. Пожилой, пожалуй, даже очень пожилой, но на меня, случайно зашедшего, блеснули вдруг такие молодые улыбчивые глаза...

— Вот, на ловца и зверь бежит,— весело сказал Александр Трифонович, и по его тону я, знавший его много лет, сразу же понял, что собеседник ему очень нравится, и беседа, которая у них была, ему как масло по сердцу.— Знакомьтесь, это академик Иван Михайлович Майский...

Майский поднялся из-за столика и с легким, изящным движением («отработанным», как я тогда подумал и как же я тогда ошибся!) протянул мне руку, глаза его стали еще моложе и лучистее, хотя меня-то он, конечно же, видел впервые, а я мгновенно понял, что его лицо я несомненно встречал на разных фотографиях. Имя Майского мне тотчас же о многом сказала.

— Ну вот, Иван Михайлович,— без всякого перехода сказал Твардовский,— вот Алексей Иванович и будет редактором вашей работы.

Майский еще раз улыбнулся, и опять я подумал: «Дипломат. Отработано»,— и снова ошибся: лишь потом

я узнал, что в нем постоянно жила расположенность к людям, даже совсем незнакомым, даже впервые встреченным.

Потом я вообще узнал, какой это замечательный, во всех смыслах редкий человек.

Твардовский протянул мне небольшую папку с рукописью, но кто-то у него уже толпился в приемной, и деликатнейший Иван Михайлович, тонко почувствовавший это, сказал:

— Ну, мы пойдем, обговорим с Алексеем Ивановичем детали нашей дальнейшей работы...

По тому, как они прощались, я заметил, что Твардовскому не очень-то хочется расставаться с Иваном Михайловичем, но тут действительно дела, люди ждут, а так посидел бы еще, поговорил... И он не в порядке вежливости, а как нечто такое, что, несомненно, будет иметь продолжение, сказал:

— Ну, Иван Михайлович, я очень рад, очень рад, что познакомился с Вами, и мы еще, верю, с Вами еще не раз встретимся.— И засмеялся:— Теперь же Вы в наших лапах, куда денетесь, Вы—наш автор.— И, уже стоя, спросил:— Вы в «Звезде» тоже авторов сразу же закабальи!

Ба, да я же забыл, что когда-то, еще в двадцать четвертом году, когда я, как говорят, под стол пешком ходил, Иван Михайлович Майский был уже редактором одного из самых первых советских литературно-художественных журналов, «Звезда». Боже, кого мне придется редактировать!

Уже в своем кабинете я развернул папку и прочел на первой странице:

АКАДЕМИК И. М. МАЙСКИЙ
ПЕРВЫЕ ШАГИ ПОСЛА

(Из воспоминаний)

И сразу все понял: и как дорога Ивану Михайловичу эта работа о его начальной деятельности в роли посла, и как мне, редактору, следует максимально бережно отнестись к написанному. Но тут же по не сходящей с лица Ивана Михайловича улыбке я почувствовал, что это за человек и как мне будет легко с ним.

Как все-таки прекрасно, что я ни в чем не ошибся. По своему уже тогда немалому редакторскому опыту я знал, что есть интересные авторы двух, если так можно выразиться, сортов: сами по себе занятные, но мало что

тебе дающие, и те, от которых ты можешь многое почерпнуть, у которых сам научишься, непременно научишься тому, что не умел, чего не знал, что для тебя было ларцом за семью печатями.

Вот это ценнейший для любого редактора вид авторов. Не могу сказать, что частый, даже среди талантливых, но потому особенно и дорогой. К ним ты уже невольно привязываешься на всю жизнь. Они невольно становятся частичкой самого тебя.

И вот, когда в процессе подготовки к столетию со дня рождения Ивана Михайловича большой друг и почитатель его Савва Артемович Дангулов предложил мне написать для сборника, посвященного памяти Майского, я с искренней радостью согласился сделать это. Об Иване Михайловиче-то — да в любой час дня и ночи!

«Был серо-туманный осенний день, когда я переехал пролив Па-де-Кале, направляясь в Лондон, к месту моего нового назначения. Я точно запомнил эту дату: четверг, 27 октября 1932 года».

Я прочитал эту начальную фразу рукописи уже дома, в спокойной нередакционной обстановке, и сразу почувствовал по одной фразе, что имею дело с серьезным не только историческим, но и литературно-художественным документом. Позже, уже после смерти Ивана Михайловича, мне попались его собственно литературно-критические работы еще той поры, когда он редактировал «Звезду», и по ним я понял, что он давно был незаурядным литератором, отлично знавшим литературу, широко начитанным, с тонким вкусом и точным ощущением стиля. Деловой и вместе с тем живой, без тени какого-либо кокетства, «красивостей» стиль его «Первых шагов посла» сразу же обнаруживал точнейшее понимание автором самого жанра исторических, мемуарных записок, не терпящих ни суесловия, ни тем более докладной сухости. Чтобы все как было и чтобы я, читатель, все увидел и представил.

Майский был, безусловно, художником. Посмотрите, как деловито, чуть ли не аскетично написано пушкинское «Путешествие в Арзрум» и как дотошен, скуп на «художественность» Чехов в своем «Сахалине». Они чувствовали жанр, который должен прежде всего вызывать полнейшее доверие любого читателя и нести максимум информации, но не засушенной, а такой, чтобы все читалось по возможности безотрывно.

Иван Михайлович работал в этой освященной великими именами традиции. Да, забыл упомянуть еще Гончарова

с его «Фрегатом „Паллада“», Короленко с его «Историей моего современника», и как же, если на то пошло, забыть «Былое и думы» великого мемуариста и публициста Герцена. В общем, если подумать, какая традиция в нашей литературе!

Иван Михайлович шел за великими. И я читал его рукопись, не отрываясь, я переходил от главы к главе — «Первые впечатления», «Посольство», «Советская колония», «„Частный визит“ к дуайену дипломатического корпуса»... Начало жизни в Лондоне в весьма сложной роли советского посла среди людей и доброжелательных к Советскому Союзу и, мягко говоря, не очень.

Но вот любопытно, как с самого же начала повел себя посол. *Советский посол*, я это подчеркиваю. Типичен первый разговор с тогдашним премьер-министром Англии Рамсеем Макдональдом. Стиль разговора Майского с главой правительства не вежливо-уклончивая дипломатия, напротив, стиль честной и прямой правды, когда все без утайки, хитрых намеков, многозначительных недомолвок, «игры». Стиль честности. Цель — ясность, определенность.

«Прежде всего я поставил общий вопрос об англо-советских отношениях и указал, что на протяжении предшествовавших одиннадцати лет они не раз подвергались острым потрясениям, и притом не по нашей вине. Я напомнил об ультиматуме Керзона (1927 год) и, наконец, сейчас, в 1932 году, об одностороннем денонсировании торгового соглашения». (Ловлю себя на мысли, что имена и события, понятно, теперь полузабытые, но сама-то обстановка спустя более чем пятьдесят лет, чуть ли не та же, что сейчас, словно разговор советского посла происходит не с давно почившим в бозе Макдональдом, а с «железной леди» Маргарет Тетчер.) И дальше вот что говорит советский посол главе правительства британской могущественной в ту пору колониалистской империи, вы только послушайте, как это и сейчас актуально:

«— Не думаете ли Вы, господин премьер,— продолжал я,— что пора бы покончить с этой странной политикой? Ведь Советское государство существует уже пятнадцать лет. Все предсказания о его крахе лопнули как мыльный пузырь. Оно крепнет, усиливается. Оно стало постоянным фактором международной политики и экономики. А ведь англичане славятся своим умением считать с фактами. В данном случае они делают какое-то странное исключение. Не следует ли вернуться к правилу?.. Советская сторона стоит целиком на базе „здорового

смысла“. Она хочет жить с Англией в мире и дружбе. Но вот хочет ли того же британская сторона? Я был бы рад услышать ответ на свой вопрос от Вас, премьер-министр Великобритании. Ибо от этого зависит многое: не только благо наших обеих стран, но и благо Европы, больше того, благо всего мира».

Это, безусловно, новый язык большевистской ленинской школы дипломатии, основанной на ясности принципов, которые не от кого и незачем скрывать, поскольку за ними историческая логика и сила общенародных помыслов и убеждений в необходимости мира и дружбы на земле. И как неожиданен был такой ясный, спокойный и неотразимый тон и ход мысли советского посла для увертливого и вовсе не бесталанного Макдональда, пришедшего, однако, совсем к иным речам...

Я не буду пересказывать всего дальнейшего разговора Майского с главой английского правительства, а лучше отошлю читателей к ставшей в своем роде классической книге И. М. Майского «Воспоминания советского посла», вышедшей в 1964 г. в издательстве «Наука» и имевшей продолжение, к которому я имел честь иметь отношение все в том же «Новом мире». В продолжении уже писалось о войне. Воспоминания эти составили значительный по объему двухтомник, и я все думаю: а почему бы не переиздать его сейчас: ведь то, что я только что процитировал, словно сегодня написано! А какой это имело читательский резонанс после того, как работа Ивана Михайловича появилась в 10-м номере «Нового мира» за 1962 г.! Вот всего лишь одно письмо из полученных редакцией вскоре же после появления записок. Писал рабкор из Иркутска Петр Павлович Павлов:

«Уважаемые товарищи!

С величайшим интересом прочел воспоминания тов. Майского „Первые шаги посла“. Главы написаны так интересно, так живо, образным литературным языком! Автор их обладает тончайшей наблюдательностью и незаурядным литературным талантом гораздо в большей степени, чем многие писатели. Особенно интересны его портреты Ллойд Джорджа и членов дипломатического корпуса. Будем надеяться, что тов. И. М. Майский продолжит публикацию своих мемуаров на страницах Вашего журнала и, кроме того, конечно, желательно издание целиком их отдельной книгой...»

Я цитирую в сокращении лишь одно письмо из многих подобных, и понятно, что между журналом и превосход-

ным автором довольно быстро завязалась крепкая дружба (а следует заметить, что у Ивана Михайловича была редкая способность, я даже назвал бы это человеческим талантом, располагать к себе демократичностью поведения, серьезной заинтересованностью не только в своих, но и в чужих делах). И уже стало если не привычным, то несколько не неожиданным появление Ивана Михайловича в редакции без рукописи, а просто так, из интереса к нам, к нашим порой довольно сложным и непростым делам. Твардовскому он очень нравился. «Ах, какой старик, какая умница!..» — не раз слышал я от него, когда Майский выходил из редакторского кабинета, где они разговаривали порой часами. Заходил он и ко мне, я стал чем-то вроде его постоянного журнального редактора. Узкие монголовидные глаза его всегда светились добротой и сердечной заинтересованностью. Это были трогательные посещения, бывали даже умилительно-трогательные. Заходит однажды, тихо открывая дверь, и вежливо: «Я Вам не помешаю?» — «Да помилуйте, дорогой Иван Михайлович, как Вы можете помешать?» — «А я зашел узнать, что у Вас новенького».

Было ему тогда за семьдесят. Поражала его жажда узнавания нового, желание быть в курсе всех событий. Привычка дипломата? Не думаю. Скорее, врожденная потребность знать, всегда знать все, что ему интересно, что он ночами обдумывает; без новостей он не мыслил себя, с ними ощущал себя полноценным человеком, сбрасывающим груз лет.

И сколько он работал, как неутомимо работал! Естественно, что после первой публикации мы включили его в список своих ближайших сотрудников и авторов и объявляли не раз его фамилию в очередном проспекте на будущий год. А он с неизменной обязательностью отвечал, например, так:

«Редакционной коллегии „Нового мира“.

Сердечно благодарю за поздравления редакционной коллегии с Новым годом и за приглашение быть активным участником журнала в 1965 г.

Поздравляю Вас также с Новым годом и охотно иду навстречу Вашему пожеланию. Одновременно посылаю IV и V части 3-го тома „Воспоминаний советского посла“ для возможного использования в журнале. (Заметьте, какая деликатность, это ведь после успеха, и все-таки „возможного“! — А. К.) Они очень подошли бы к 20-летию

Победы, которое будет праздноваться в наступающем году. IV и V части охватывают события 1942—1943 гг.

С искренним приветом. И. Майский».

Конечно же, все было с радостью принято и напечатано.

И еще одну особенность Ивана Михайловича хочется отметить: при всей своей именитости он был лишен малейшего самомнения, какое, увы, так часто встречается среди пишущих. Как однажды сказал мне один вполне посредственный писатель: «Меня править нельзя. Я все оттачиваю». — «Так уж все?» — спросил я. — «Все!» — и безапелляционно. А его со скандалами чуть ли не переписывали, а то и с большим шумом отвергали.

Иван Михайлович не только не сопротивлялся, слыша советы, он их ждал, он их почти выпрашивал: «Ну, что Вы думаете, может, мне эту главу снять?» — «Да зачем же, Иван Михайлович?» — «А не утяжеляет она текст для журнала? Может, я ее в книгу включу, а у вас уж и без нее?» Он напоминал мне в этом отношении Михаила Васильевича Исаковского, который иногда настаивал на снятии отдельных кусков — причем превосходных! — и приходилось с ним бороться, чтобы он (а не редакция) восстановил их. Вот письмо Майского от 21 марта 1968 г.: «Глубокоуважаемый Алексей Иванович! Возвращаю верстку. Прошу обратить внимание на поправку на с. 211. Большую часть советов внес в текст. Привет. И. Майский».

Не было случая, чтобы он, человек чуть ли не в два раза старше меня, обиделся на какое-нибудь замечание или соображение. Это вовсе не значило, что он со всем соглашался. Он ко всему прислушивался и что-то аргументированно отвергал, и соглашались уже мы, а что-то и принимал. Работать с ним было одно удовольствие. Интеллигент до мозга костей, да еще революционной закваски.

Последний раз я увидел его осенью 1969 г. Сколько ему было тогда лет? 85! Он только что перенес инсульт. Он пришел в редакцию, как часто приходил, просто так. Лицо исхудавшее. «Иван Михайлович, дорогой! Ну зачем же Вы сразу после болезни пришли, позвонили бы лучше!» А он слабо улыбнулся: «А мне лучше так. Ну, что у Вас новенького?» Словно не было и болезни. И сколько ему лет? Старый, конечно. Но разве дашь восемьдесят пять, если своим ходом, пешочком, пусть с улицы Горького на Пушкинскую в Малый Путинковский переулок, для восьмидесяти-то пяти — расстояние!

Это был большой человек, замечательный советский дипломат, ученый, писатель (он, кстати, автор и беллетристических и даже фантастических произведений, они тоже выходили и имели успех). Это был человек широкой души, и я счастлив, что прикоснулся к ней.

В квартире его вдовы Агнии Александровны я несколько лет назад увидел бюст Ивана Михайловича, исполненный английским скульптором... На лице играла добрая улыбка Ивана Михайловича, и на какое-то мгновение я подумал: а что если он сейчас выйдет из соседней комнаты?..

Е. А. Таратута

ДОМИКИ ИЗ СПИЧЕК

Драгоценна строчка не только великого писателя... А если он ваш современник... И к тому же ваш друг... И если эта строчка начертана им на своей книге или в письме... Ценю и берегу книги, подаренные мне авторами. Дарственные надписи — шуточные и торжественные, многословные и лаконичные — очень дороги мне. Они достоверно воскрешают события, людей, чувства и настроения...

Знакомство мое с академиком Иваном Михайловичем Майским началось, как и многие мои знакомства, — с «Овода»!

Конечно, я читала интереснейшие книги Майского о советской дипломатии, читала его статьи о советской литературе, знала, что он был первым редактором журнала «Звезда». Его незаурядная личность давно привлекала мое внимание. И именно поэтому я обратилась к нему с просьбой рассказать, когда он впервые прочитал роман «Овод». Он с готовностью откликнулся на мою просьбу и 23 мая 1958 г. послал мне письмо, в котором рассказал:

«Впервые я прочитал „Овод“ еще гимназистом, около 1900 г. Если память мне не изменяет, роман был напечатан в виде приложения к журналу „Мир божий“. На меня он сразу произвел громадное впечатление, и в дальнейшем я его неоднократно перечитывал, — и всегда с большим удовольствием. Мои сверстники и товарищи относились к „Оводу“ так же, как я. Очень скоро „Овод“ вошел в железный фонд той литературы, на которой воспитыва-

лось мое революционное поколение. Тогдашние пропагандисты в кружках рабочих и интеллигенции всегда рекомендовали их участникам ознакомление с этим произведением, тем более что оно появилось легально и достать его было проще, чем различные подпольные издания».

Далее И. М. Майский писал, что популярность романа «Овод» в России, по его мнению, можно объяснить «двумя главными причинами: во-первых, моментом, когда он появился на русском языке,— то была эпоха, предшествовавшая 1905 г.; вся общественная атмосфера России была накалена предреволюционными настроениями; в такой обстановке книга об итальянских революционерах периода Рисорджименто находила особенно большой отклик в сердцах русских революционеров. Во-вторых, популярность „Овода“ вытекала из художественных достоинств этого произведения. Роман действительно очень хорошо написан. Революционеры изображены в нем не как голые схемы, а как живые люди, которым ничто человеческое не чуждо. Больше того, ничто романтическое не чуждо. В книге Войнич много красивой и вдохновенной романтики».

Это письмо Ивана Михайловича я бережно храню вместе с письмами Г. М. Кржижановского, Е. Д. Стасовой и многих других общественных и литературных деятелей о том, какую огромную роль сыграл роман «Овод» в их жизни.

Еще в начале 1958 г. я прочитала в журнале «Москва» воспоминания И. М. Майского о его встречах в Лондоне с вдовой Степняка-Кравчинского Фанни Марковной и о том, что с ее слов он вместе с женой Агнией Александровной записал рассказ о Фридрихе Энгельсе, у которого Фанни Марковна бывала со Степняком.

По телефону я уточнила ряд деталей. Иван Михайлович всегда с большой готовностью отвечал на мои вопросы и интересовался моей работой.

В конце 1965 г. я тяжело заболела и попала в больницу Академии наук СССР. Я знала, что Иван Михайлович тоже находится здесь. Оказалось, в одной из соседних палат. У него инсульт, ему еще трудно двигаться, но уже поправляется. Через медсестру я послала ему записочку, и он пригласил меня к себе в палату.

Иван Михайлович сидел за столом и перед ним лежали спички, много спичек — несколько коробок. Он встретил меня крепким рукопожатием, а затем продолжал свое занятие: складывал домики из спичек. Домики то и дело

разваливались, но он терпеливо строил их снова и снова. Пальцы не совсем ему повиновались, и он неутомимо тренировал их. Ходить он не мог и ежедневно упорно занимался лечебной гимнастикой. А голова была ясной: почти каждый день через медсестру он приглашал меня к себе и рассказывал о разных событиях и людях, больше всего про Англию.

К сожалению, с Войнич Майский знаком не был, но в Лондоне, и во время эмиграции, а затем будучи советским послом в Великобритании, он встречался со множеством интересных людей, начиная с русских политических эмигрантов и кончая всесильными министрами.

Рассказывая, Иван Михайлович легко переходил с русского языка на английский, французский, немецкий. Память его сохранила множество ярких эпизодов и деталей.

Особенно я любила слушать его рассказы о встречах с Гербертом Уэллсом и его женой Марией Игнатьевной Закревской.

Во время первого визита к Уэллсу Майские не знали, кто такая жена Уэллса. Беседа, естественно, шла по-английски. Когда после обеда переходили из столовой в гостиную по мало освещенному коридорчику, жена Уэллса обернулась к гостям и на чистейшем русском языке произнесла:

— Осторожнее — здесь приступочка!

Эта «приступочка» каждый раз вызывала громкий хохот Ивана Михайловича — а он любил повторять этот рассказ — и Агнии Александровны.

Майский подарил мне свою книгу «Путешествие в прошлое» с такой надписью: «Е. А. Таратута в знак уважения и на память об интересных разговорах в больнице АН СССР. И. Майский. 5.XII.65 г.»

Буквы не очень ровные, но вполне разборчиво. Складывание домиков из спичек помогало ему.

Раздосадованный медленным, как ему казалось, выздоровлением, Иван Михайлович однажды, когда медсестры не было поблизости, решил сам пройти от стола к стене. Мы услышали страшный грохот и звон разбитого стекла. Едва сделав три шага, Иван Михайлович упал и головой разбил стеклянную дверь, ведущую из палаты в коридор... Его сразу увезли в хирургическое отделение, наложили швы, велели лежать. Но уже на следующий день Иван Михайлович снова сидел за столом, снова упорно складывал домики из спичек, читал, принимал друзей...

Мужественное упорство Ивана Михайловича помогало и моему выздоровлению.

В Издательстве Академии наук СССР вышла новая книга Ивана Михайловича «Воспоминания советского посла». Агния Александровна привезла ему несколько экземпляров. Один он подарил мне, написав: «Е. А. Таруту на добрую память. И. Майский. 22.XII.65 г. Больница АН СССР».

Буквы уже стали гораздо ровнее. Ежедневная тренировка приносила успех...

*

В ноябре 1966 г. Московский государственный университет присвоил звание почетного доктора известному английскому общественному деятелю, историку, публицисту, одному из организаторов Коммунистической партии Великобритании, Эндрю Ротштейну. Я горжусь дружеским расположением Андрея Федоровича Ротштейна (так я зову его на русский лад), он постоянно помогает мне в работе по изучению и Войнич, и Степняка.

На церемонию вручения диплома почетного доктора Андрей Федорович пригласил и меня. С большой речью на этой церемонии выступил академик И. М. Майский. Он хорошо знал Андрея Федоровича еще ребенком, хорошо знал его отца — сначала политического эмигранта, затем известного советского ученого, академика Федора Ароновича Ротштейна.

Речь И. М. Майского была необычайно содержательной — связь времен, связь разных стран, единство борьбы рабочего класса обретали в словах Ивана Михайловича видимую конкретность. В его речи сплавился огромный жизненный опыт, глубокие знания, проникновенный ум...

Иван Михайлович постоянно следил за моей работой, интересовался деталями, плодотворно помогал мне советами, делился знаниями. Встречи с ним и Агнией Александровной всегда неизмеримо обогащали меня. Бывала я у них и на городской квартире, и на даче. Книги на всех языках мира, сувениры из разных стран света, приветливая доброжелательность хозяев встречали меня в этом доме. Уютно было и на их даче, под Звенигородом. Тишина, цветы. Иван Михайлович, несмотря на нездоровье, много и напряженно работал.

Как-то в начале 1971 г., когда Майские пригласили меня к себе. Иван Михайлович с большой радостью пока-

зал мне книгу — Герберт Уэллс «Россия во мгле», только что выпущенную издательством «Прогресс».

Книга была издана весьма нарядно — с суперобложкой, с интересными фотографиями. Начиналась она предисловием И. М. Майского, в котором он рассказывал о своем знакомстве с Уэллсом, приводил его письма, давал характеристику отношения Уэллса к нашей стране.

«Дорогой Е. А. Таратута на добрую память. 17.II.71 г. И. Майский», — написал Иван Михайлович на подаренной мне книге.

Мы пили чай, и Майские снова рассказывали любопытные детали их знакомства с Уэллсом. Помню такую историю. Во время второй мировой войны, когда Майский был нашим послом в Англии и деятельно боролся за открытие второго фронта, Уэллс всячески выражал свое сочувствие Советскому Союзу. Мария Игнатьевна предложила тогда поставить в Лондоне пьесу Горького «На дне» и очень рьяно отстаивала свою идею, считая, что эта постановка привлечет симпатии к СССР. Но Иван Михайлович считал, что показ «дна» старой дореволюционной России будет непонятен английскому зрителю, который может принять старую Россию за современную. И это может вызвать совсем другой эффект. Майский объяснил все это Уэллсу и просил его уговорить Марию Игнатьевну не настаивать на постановке.

Снова вспомнили «приступочку», и Иван Михайлович смеялся своим веселым раскатистым смехом.

...Помог Иван Михайлович и опубликованию моей книги о Степняке-Кравчинском, объем которой получился слишком большим. Хлопотал за нее в Госкомиздате. С какою радостью вручила я Майским весной 1973 г. солидный том в 545 страниц — «С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель». С радостью и благодарностью.

Руки уже плохо слушались Ивана Михайловича, когда он перелистывал книгу. А голова была абсолютно ясной. Могучей волей обладал этот человек.

Через полгода я получила от Ивана Михайловича его новую книгу «Люди. События. Факты». Там я нашла знакомый мне рассказ о вдове Степняка-Кравчинского, знакомое предисловие о Герберте Уэллсе, а также много нового. На титульном листе было написано только: «Академик И. Майский, 14.XII.73».

Эти неровные буквы, написанные дрожащей рукой, дороже мне многих длинных надписей...

Люди. История. Литература. Это наполняло судьбу Ивана Михайловича Майского. Он всегда был окружен людьми — они интересовали его, он помогал им. Историю и литературу он не только изучал, но и творил. Он ушел от нас в 91 год, сохранив до последнего дня ясность мысли и непреклонность духа.

Александр Казанцев

И ОН ЛЮБИЛ ФАНТАСТИКУ

Иван Михайлович Майский был для меня человеком легенды: участник многих исторических встреч, он представлял в Великобритании в самое трудное для нас время Советское государство как чрезвычайный и полномочный посол, вынужденный добираться до места своей службы из Москвы через Иран и дальше вокруг Африки, что впоследствии послужило будащим его творчество воспоминанием, легшим в основу его приключенческого романа «Близкое — далекое», который я храню как реликвию вместе с составляющими внушительный ряд другими книгами И. М. Майского. Эта книга — с особо значимой для меня надписью как ее «крестному отцу». Почему «крестному отцу»?

И. М. Майский, видный ученый, политический деятель, академик, историк и дипломат, по-юношески увлекался приключенческой и фантастической литературой. Помню, вместе со своей супругой Агнией Александровной он сидел в первом ряду в комнате с камином писательского клуба на улице Воровского, когда я, начинающий фантаст, прочитал там свой рассказ «Взрыв», положивший начало дискуссионной эпопее о том, что же взорвалось в 1908 г. на Тунгуске — метеорит или космический корабль, эпопее, в которой принимали участие десятки человек, отправившие после этого в тайгу экспедиции в надежде найти «кусочек марсианского корабля». (К сожалению, это не удалось, хотя научный спор по этому поводу продолжается до сих пор.)

Иван Михайлович, знакомством с которым я обязан наркому просвещения РСФСР В. П. Потемкину, которого объединяло с Майским внимание к фантастической литературе, предстал передо мной как человек высочайшей

культуры, разнообразных интересов и неослабной активности. Именно Майский способствовал моему сближению с замечательным нашим фантастом и ученым Иваном Антоновичем Ефремовым, с которым я впервые встретился в кабинете главного редактора издательства «Молодая гвардия» М. И. Тюрин.

А вот ближе познакомился я с ним на квартире у Майских, которые собирали у себя обычно творчески ищущих, нешаблонно мыслящих, как им представлялось, людей. Среди приглашенных был у них тогда замечательный наш художник Кончаловский, был Ефремов, доктор наук, профессор, палеонтолог, горный инженер, моряк и писатель-фантаст. Попал туда, на свое счастье, и я.

Помню квартиру Майских, выходящую окнами на Советскую площадь против Моссовета, где теперь высится памятник Юрию Долгорукому.

Помню, как Иван Михайлович, беседуя с виднейшим художником и двумя фантастами, стал фантазировать сам. Он говорил о том, что современность обладает фотографией, дающей плоскостное изображение и предметов, и человеческих лиц. Он понимал толк в скульптуре и живописи. И вот он спросил художника, который умел мастерски создавать ощущение объемности на своих картинах, как он мыслит себе возможности грядущего, будут ли люди делать объемную фотографию, получать сразу статуетку любимой девушки, родных и близких?

Художник ответил, что он не скульптор, палеонтолог же сказал, что он вполне представляет себе возникновение объемного изображения и даже собирается написать о том, как сама Природа создала такой эффект (впоследствии Ефремовым был создан рассказ «Тень минувшего»), послуживший, по словам члена-корреспондента Академии наук СССР Денисюка, толчком для изобретения им метода голографии! Я же как инженер стал фантазировать о создании такого механизма, который воспроизводил бы объемный оригинал (скажем, человека, фотостатую которого мы хотим получить, или копию Венеры Милосской или Аполлона Бельведерского). Ведь скульптуры прошлого погружали в ванну, постепенно наполняя ее водой и получая «сечения» оригинала, которые и воспроизводили точно в материале «копии». Для фотоскульптуры вместо погружения в воду можно обойтись лучом света, пропущенным через щель, окружающую оригинал. По мере движения щелевидного светового пучка фотоаппарат (или кинокамера) зафиксировывает последовательно

сечения, которые потом механическим способом могут быть воспроизведены из любого материала. Признаюсь, что в реализации этой идеи я не пошел дальше вызванного академиком Майским разговора, но Кончаловский тогда указал мне на одну, с его точки зрения, выгодную особенность такого метода. Полученные таким образом копии скульптур будут иметь свой «стиль» — некоторую ребристость, вызванную скачкообразными перемещениями щелевидного пучка света, которые не стоит потом заглаживать.

Иван Михайлович был очень тогда доволен этой беседой и был бы сейчас вдвойне доволен, узнав, что ее косвенным результатом стало появление если не фотоскульптурного механизма, до которого у меня так и не дошли руки, то голографии.

Я делился с Иваном Михайловичем своими замыслами, а так как мои романы всегда были острополитическими, то именно ему в ту пору я обязан правильной постановкой вопросов идеологической борьбы.

Так Иван Михайлович Майский незримо присутствует и в моих произведениях, и в произведениях Ивана Антоновича Ефремова, и даже в какой-то мере в новом этапе развития мировой науки, начавшейся с создания голографии.

Никогда не сотрется у меня воспоминание об этом удивительном человеке, память которого сосредоточена для меня в его книгах.

Академик *М. В. Нечкина*

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Гуманистические традиции — не лучшая ли драгоценность в культурной сокровищнице каждого народа?

Гуманный — это человеческий. Тот круг действий, идей, художественных образов, который защищает *человека* — его свободу и честь, его достоинство и право на счастье, его творчество и борьбу за лучшую жизнь, — и есть сфера возникновения гуманистических традиций. На заре национальной истории они прорастают слабыми ростками — часто среди голода и холода, звона мечей и кровавых битв седой древности. Казалось бы, где им тут возникнуть на холодной и ранней заре? Но все же упрямые стебельки пробивают землю. Видно что-то очень дорогое несут они в себе, если среди жестокой борьбы за существование растут дальше, бережно охраняются памятью народа и передаются от поколения к поколению. Чудесное богатство не уменьшается, а растет, если один народ делится им с другим народом.

Неповторимую индивидуальную печать своей нации всегда несут на себе гуманистические традиции национальной культуры. Нельзя заглянуть в душу народа, не заметив их. Я хочу рассказать о гуманистических традициях в культуре моего народа.

Культура огромного народа имеет многовековое развитие. Полный обзор не входит в мою задачу. Хочется напомнить о начале русского национального развития.

Нелегко протекала жизнь древних славян — предков русского народа. В бескрайних ли степях Причерноморья, на днепровских ли берегах, или в березовых зарослях у медленно текущей Оки — природа ничего не давала даром.

Она не приготовила ни обильных, готовых для пищи плодов, ни щедрого и долгого летнего тепла, ни простых возможностей соорудить жилище. Мы видим тяжелый труд земледельца, то поднимающего непаханные просторы целины, то корчующего вековые деревья, чтобы «вытерпеть» из-под леса драгоценную пашню. Веют огненные суховеи, сжигающие посевы, трещат морозы холодных зим. Но суровая борьба с природой еще не все, труднее было другое. Веками через населенные славянами степи и перелески волнами катились набеги кочевников — чаще с востока, через широкие ворота народов между Каспием и южными отрогами Уральского хребта. Они заливали кровью славянские деревни, оставляя после себя дым и пепел пожарищ. Сначала гунны обрушились на славянский мир. Авары повторили их путь огня и разрушения. Орды печенегов нагрянули на южнорусские степи, докатившись до берегов Дуная. Половцы ринулись на славянские селения из-за Заволжья и Дона. Мудрено ли, что славянский пахарь стал одновременно воином? Упорно и смело отстаивая свои жилища и пашни, он все-таки в конце концов остался тут же, никому не уступив родной земли. Приходилось пахать ее — эту землю, — держа одну руку на сохе, а другую — на мече, чутко прислушиваясь и зорко вглядываясь вдаль: не показался ли враг на горизонте? Не топот ли чужих коней доносит гулкая земля? В славянском жилище строилось несколько выходов, чтобы успеть увести семью от врага. И тут — в этом доме — славянская мать рожала и растила детей, пела им песни и сказывала сказки.

Да, конечно, она хотела, чтобы дети выросли богатырями. Но русские Илья Муромец и Добрыня Никитич не только разбивали наголову врагов — они еще защищали слабого от сильного, правого от неправого. Они были справедливы — эти невиданные силачи на могучих конях, под их кольчугой билось сердце человека. До лирики ли тут в этой трудной жизни? Но в протяжной славянской песне, пришедшей к нам из глубины веков, было столько глубоких человеческих чувств: мечты девушки о «суженом», любви матери к своему «дитятке», грусти и тоски, которая падает на человека «как туман на сине море», радости жизни, широкой как половодье славянских рек. Славянская лирика проникнута глубоким, волнующим гуманизмом.

А сказки славян? Они отражали справедливую и устремленную вперед мечту человека об овладении сила-

ми природы, об облегчении человеческого труда. Сказка о «ковре-самолете», на котором Иван-царевич спасает царевну, лелеяла мечту летать по воздуху. «Скатерть-самобранка» отражала человеческую веру в овладение изобилием. Славянские былины создали образ богатыря-пахаря Микулы Селяниновича, который пашет сказочно-тяжелой «сошкой». Десяткам «могучих молодцов» не под силу ее поднять, как ни наваливаются они на нее, а сам Микула Селянинович подъехал «на своей кобылке соловенькой» — взял-то он сошку одной рукой, из земельки ее повыдернул и бросил сошку за ракитов куст. Вот какая сила у пахаря! Голос человека еле слышен по ту сторону реки, а голос былинного героя покоряет любое пространство — он крикнул и даже «темны лесушки к земле преклонились»... Мечты о невиданной силе работающего человека, о сказочно-производительном труде, о полете по воздуху и о многом другом — как глубоко они гуманны. Не они ли, передаваясь из поколения в поколение, вложили какую-то свою долю в достижения людей нашего времени?

Гуманистичны образы знаменитого древнеславянского эпоса «Слово о полку Игореве». Нет, в нем не идет речь о торжестве чьей-то победы. Половцы, напавшие на русскую землю, встретили себе на радость разрозненных русских князей. Княжества не объединились для борьбы — князь Игорь один повел на врага свои отряды, был разбит в неравном бою и взят в плен. Эпос проникнут человечностью и высоким гражданским чувством. В нем сияет лирическая жемчужина — «плач Ярославны». Жена Игоря Ярославна рано утром плачет на стене в Путивле, полная тревоги за судьбу мужа и его полков. Она хочет птицею полететь по Дунаю, омочить бобровый рукав в реке Каяле, утереть кровь с кровавых ран на могучем теле князя. Она заклинает ветер, Днепр и солнце помочь ее любимому. И не только заклинает! Она вступает в спор с ними, она противопоставляет свою бескрайнюю любовь могуществу сил природы. Зачем ветер несет вражеские стрелы на воинов Игоря? Разве ветру мало веять под облаками, качать корабли на синем море? Зачем же ветер развеял по ковылю ее веселие?

Древний язык этих памятников русского творчества сложился очень рано. Замечательно, что он, отличаясь, разумеется, от современной русской речи, тем не менее понятен и сейчас русским людям. Раннее возникновение родного языка, общего для обширной славянской террито-

рии, было могущественным основанием единства русского народа. Стабилизация основной национальной территории, издревле включавшей в себя Поднепровье, Приильменье и Окский бассейн,— другая прочная основа национальной общности. Древнерусское государство надежно защищало свою землю вплоть до страшных ударов татарского нашествия, но не погибло и после первого поражения от татарских орд. Порабощенная татарами и обязанная им данью, Русь сохранила все же свой политический строй, своих князей в их феодальном соподчинении, хотя и плативших дань Золотой Орде. Под пеплом сожженных городов и деревень русская культура все же оказалась живой.

Но как ни значительно было дорогое наследство гуманистических традиций древности, пробивших себе путь через угнетение и тяжелую борьбу феодального времени,— оно сильно обогатилось на следующем историческом этапе, когда феодализм стал стареть и разрушаться. В это время созревает русская нация. Постепенно готовится новая — капиталистическая — эпоха. Разрушение старого освобождает элементы нового.

Со второй половины XVIII в. этот процесс отчетливо виден в истории России. Крепостное право стареет, крестьянин жаждет свободы. Ремесленная мастерская отступает перед мануфактурой. Вместо мастера с подручными в маленькой светелке — сотни рабочих в большом помещении, дробно поделившие между собой отдельные операции производства, трудятся над продуктом мануфактуры. Наконец, машина вторгается в производственный процесс, рождается фабрика, требующая свободного человека,— феодального раба не приставишь к сложному механизму. Машина требует понимания и умелых забот, ей нужен внимательный ум человека. Там, где рушится феодальное крепостное право и ведущей фигурой становится вольнонаемный рабочий, там, где падает власть феодала, сменяемого буржуазией, национальность уже сменялась нацией.

Созревание русской нации было связано с бурным развитием национальных гуманистических традиций. Это и понятно! Человек — его права, понятие о личности — занимает большое место в идеологии буржуазной революции. Право человека на свободу противопоставлено феодальному угнетению. Против старого положения о приви-

легированных сословиях выдвигается новая идея — о природном равенстве всех людей. Феодалному принуждению противопоставлено право на свободный договор. Неограниченной власти монарха, абсолютизму противостоит идея о власти, принадлежащей народу. На феодальную религию и суеверие движется сила идеи о верховенстве разума и просвещения.

Необходимость перехода к новому строю органически вырастала в русском историческом процессе и формировала новую идеологию. Этому формированию могущественно помогала работа ранее возникшей западной просветительной философии. Радищев и первые русские революционеры — декабристы хорошо знали нужды своей Родины и глубоко задумывались над книгами западных философов: Вольтера и Мабли, Руссо и Монтескье и многих других. Однако русские идеологи не были робкими учениками, твердящими чужие тексты. Они создали свою оригинальную систему революционных идей, хорошо отражавшую жизнь родной страны, приспособленную именно к ее нуждам и служившую ей. Конец XVIII и первые десятилетия XIX в. были временем нового расцвета русской гуманистической традиции, насыщения ее новым содержанием.

Сколько самоотверженности было в этих молодых русских дворянах-революционерах, начертавших на своих знаменах требование об уничтожении собственных дворянских привилегий! Они требовали отмены крепостного права. Они требовали уничтожения самодержавия. Долой сословия! «Человек рождается в мир, равен один другому» (Радищев). Им предстояло делать блестящую карьеру при дворе, получать тысячные доходы с крепостных, но их волновало другое. «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? Только то, что отнять от него не можем,—воздух»,— говорил дворянин А. Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву», обращаясь к дворянам. «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние»,— утверждал он в другой работе. Его тревожила судьба простого трудового народа. Он уже понимал его творческую роль в истории — он думал, что простой избитый бурлак, обгаренный кровью, «многое может решить доселе гадательное в истории российской».

Ученики Радищева — декабристы — создатели первых русских (пока еще конспиративных) государственных конституций — были носителями гуманистических традиций.

Источником верховной власти был для них народ. Крепостное право отменялось. «Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным»,— писал офицер-дворянин декабрист Никита Муравьев в своем конституционном проекте. Человек не может быть собственностью другого. Право собственности, включающее в себя одни вещи,— а не человека!— священо и неприкосновенно. Идеология дворянских революционеров имела свои ограничительные черты. Никита Муравьев допускал императора — главу конституционной монархии. Однако император совсем не походил на самодержавного царя — он был лишь верховным чиновником на жалованье, и служившая ему придворная клика лишалась избирательных прав. Впервые под конституционным пером декабристов прозвучало требование основных свобод — свободы слова, печати, религии, передвижения, выбора занятий. Декабрист полковник Пестель, пошедший дальше Муравьева, не только был республиканцем, но и требовал для всех людей права на землю: человек только на земле может жить и только от земли пропитание получать, полагал он,— следовательно, земля есть общее достояние человеческого рода. Права человека, полагал он, по-настоящему может обеспечить только республика. «Я сделался в душе республиканец,— смело показывал он на следствии,— и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении».

Вопрос о связях Грибоедова и декабристов я изучала специально. Эта тема необыкновенно увлекательна. Вам удастся шаг за шагом проследить, как дружеские связи писателя с будущими декабристами, иной раз возникшие с детских лет, превращаются в интеллектуальную близость; идейное общение, встречи и споры помогают понять смысл сложной русской жизни, которая движется через «грозу двенадцатого года» к восстанию 14 декабря на Сенатской площади. Недавно родившееся тайное революционное общество объединяет кипящие молодые умы. Нельзя жить в стране, где люди торгуют людьми, где прихоть абсолютного монарха, в чье божественное помазание уже никто не верит, бесконтрольно распоряжается миллионами разумных существ. Жить свободной жизнью — такова цель. Сотни юных новаторов, не открывая конспиративной связи между собой, обрушиваются на надутых стариков, генералов — фрунтоманов, гасителей просвещения, защитников старины. Молодой герой комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкий бросается в жаркий словес-

ный бой с целым сонмом «старух зловещих, стариков» в гостинной Фамусова. Он воспроизводит с художественной точностью реальную картину борьбы молодого общества против хранителей косной старины. Он борется один на один — это придает особую остроту его схватке. Он как бы посрамлен и потерпел поражение — осмеянный, объявленный сумасшедшим, обманутый любимой девушкой, он покидает последним сумрачный вестибюль дома Фамусова под возмущенные крики хозяина. Но вся пьеса построена так, что герой морально оправдан и нет сомнений в конечной победе его правого дела. Декабристы в десятки рук списывали живые страницы пьесы, сотни других молодых патриотов присоединились к ним — и комедия, назло запретившей ее царской цензуре, разлетелась по России в тысячах рукописных копий.

Восстание декабристов было подавлено. На рассвете 13 июля 1826 г. свершилась казнь пятерых, свыше 120 человек было сослано в Сибирь. Но дело декабристов не пропало. Тысячи взволнованных умов сохранили память об их подвиге, вдумывались в их идейное наследие и гуманистические традиции.

Россия конца 1826 г. Еще свежо воспоминание о черном июльском утре, когда казнили пятерых. Рассказ об этом все еще передается шепотом из уст в уста. Сибирская каторга и ссылка поглотила более сотни осужденных. Еще все помнят лавину арестов начала года, появление жандармов на пороге родного дома, исчезновение дорогих людей. Улицы, театры, клубы наводнены шпионами, соглядатаи просочились в семьи. Одно неверное движение — и вы в застенках III отделения. Пушкин в Москве, он под бдительным надзором — «прощенный» императором поэт. Каждую свою строку он обязан предъявлять высочайшему цензору. Кажется, осторожность и покорность должны бы стать его правилом. Но, пренебрегая личной безопасностью, ставя на карту все, он пишет стихи в Сибирь сосланным «друзьям, братьям, товарищам». Смелая женщина — жена декабриста Никиты Муравьева — отправляется к мужу в Сибирь, и тонкий листок пушкинского послания следует вместе с ней по тысячеверстному Сибирскому тракту... Если бы только Николай I знал это, прочел эти строки! Стихи проникнуты духом высокого гуманизма, верой в победу правого дела. Поэт заклинал друзей хранить гордое терпенье во глубине сибирских руд. Он заверял их, что не пропадет ни их скорбный труд, ни высокое стремление их дум. Он пред-

рекал победу их дела. Народ соберется под святое знамя победы, темницы рухнут, меч, отнятый царем у героев, будет возвращен им их братьями.

Можно представить себе страшную судьбу Пушкина и кары, которые обрушились бы на молодую женщину, если бы жандармы захватили послание поэта. Но оно было передано и вызвало ликование заточенных. Поэт-декабрист Одоевский ответил Пушкину вдохновенными стихами: Будь покоен, поэт! Мы гордимся своими цепями! Мы смеемся над царем даже за затвором нашей тюрьмы. Наш труд не пропадет — свобода будет добыта. Это писала рука, закованная в цепи. Два листка — послание и ответ — разлетелись по всей России, их переписали тысячи рук.

Культура русской нации, созревавшая в XIX в., носит на себе печать глубокой внутренней борьбы. Эта борьба расщепляет культуру на два стана. Мы говорим даже о «двух культурах» в единой национальной русской культуре. Прогрессивная передовая культура борется за новую жизнь против охранительной реакционной культуры, защищающей старые устои.

Глубокий гуманизм звал на борьбу со злом. Надо было пренебречь опасностью. Русское общественное движение воспитывало не пассивных мечтателей и не одиночек-филантропов. Оно воспитывало активных борцов за народное счастье. В XIX в. возрастающая *активность* гуманистических традиций — примечательная черта русской культуры.

Другая черта, еще более приметная, — это вопрос о *народе*. Добыть человеческие права *для народа* — вот что все более и более завоевывало души. Простой человек из народа прежде всего *человек*. Отсюда родилось столь характерное для русского революционного движения понятие о долге перед народом. Жить надо не лично для себя, но для завоевания прав народу. Это и было личным счастьем борцов. Благородное решение вырастало не из филантропии и не из сентиментальной жалости к бедному мужику. Замечательной чертой лучших русских людей того времени — Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова — было убеждение, что простой трудовой народ — основной двигатель истории, ее главная сила. Поэтому характерной чертой гуманистической традиции было твердое убеждение, что, ратуя за народные права, за честь и достоинство угнетенных людей, общественный деятель борется за подлинную справедливость:

ведь народ — основной двигатель истории; как же может он оставаться лишенным человеческих прав? Не просто «по доброте», а в силу глубокой исторической правды ему надо дать всю полноту человеческих прав, добиться всеобщего уважения к его труду, поднять его человеческое достоинство, завоевать необходимый уровень его жизни.

Но для *действенной* гуманистической традиции мало гуманного слова — нужно гуманное дело. Конфликт между широким гуманным воззрением и русской действительностью порождал драму общественно активного передового человека. Действительность была скована крепостничеством, российским самодержавием, коростой равнодушной, косной бюрократии, устаревшими царскими законами. То там, то тут массы приходили в движение, потом опять замирали. А по новому убеждению передового русского человека, действовать надо было вместе с народом. Отсюда — драма русского активного гуманизма 1840-х годов; И. Тургенев воплотил ее в Рудине. Герою романа — человеку, полному творческих сил, только слово оставалось на долю. В империи Николая I он ощутил себя «лишним человеком». Мечтая о деятельности, он не мог осуществить ее. Тургенев дал своему герою возможность умереть в Париже во время революции — на чужих баррикадах, не оправдав его и не разрешив его конфликта.

Лишь нараставшая борьба самого народа глубоко изменила обстановку. Ее подъем начался с Крымской войны — столь неудачной для России. Тяжелый Парижский мир оказался кануном внутренних реформ. Проигрыш войны показал устарелость царского строя. В исходе 1850-х годов в России складывается революционная ситуация. Мы полагаем, что реформы — побочный продукт революционной борьбы. Реформа 1861 г. в России не была исключением. Падение крепостного права послужило важной исторической вехой между феодализмом и капитализмом. Гуманистические идеи русской национальной культуры приобретают новое содержание на этом большом историческом переломе.

К тому времени в России давно уже распространились идеи утопического социализма. Хотя русские утопические социалисты (Герцен, Чернышевский и многие другие) прекрасно знали западноевропейскую литературу, с глубоким интересом и уважением относились к Томасу Морю, Сен-Симону, Фурье и другим утопистам, они разработали свой оригинальный вариант социалистического учения. Нет возможности перечислить все черты различия и сходства, но,

говоря кратко, русское учение соединяло уже тогда социализм с необходимостью революционной борьбы и стремились привлечь сам народ к борьбе за лучшее будущее. Русские революционные демократы не надеялись, подобно Сен-Симону, что в один прекрасный день внезапно явится миллионер, убежденный логикой социалистической проповеди, и пожертвует свои богатства для мирного осуществления нового строя. Нет, полагаться надо только на себя и на народ, который должен проснуться! Преобразователь, лишенный поддержки народа, обречен на поражение. «Декабристам на Сенатской площади не хватало народа», — глубоко заметил Герцен. Таким образом, русская гуманистическая традиция середины XIX в. глубоко сосредоточена на судьбе народа, и в этом одно из ее отличительных качеств.

За отвоевание прав народа придется идти на борьбу — ни бог, ни царь, ни добрый богач — никто не даст человеческих прав народу. Революционный демократ Н. Г. Чернышевский понял, что борьба будет жестокой и потребует самоотверженности. В его романе «Что делать?», написанном в тюрьме, выведен профессиональный революционер Рахметов. Идя на борьбу за счастье народа, он предвидит возможность ареста, допросов, даже пыток... Он заранее готовит себя к ним — вот он ложится на всю ночь на войлок, утыканный гвоздями — остриями вверх. «Что это такое?» — с ужасом восклицает врач Кирсанов, входя к нему утром и видя своего друга залитым кровью. — «Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно, однако же, на всякий случай нужно. Вижу — могу», — лаконично отвечает Рахметов.

Как рассказать народу о его светлом будущем, о цели его борьбы? Ведь роман Чернышевского выходил в свет в царское время, нужна была осторожность — еще какая! И Чернышевский рассказал народу о его светлом будущем... в «снах» героини Веры Павловны. Она видит сон: золотые поля, невиданные, сказочные, тяжелые от зерна колосья пшеницы. Люди радостно трудятся с песнями. Мощные машины убирают урожай — все делают машины, умело управляемые человеком. Проклятие подневольной работы отошло в прошлое. Неумолкаемо звенят песни над полями. Люди живут в хрустальных дворцах — дружные, веселые, отдающие душу радостному труду. «Неужели это мы? Неужели это наша земля?..» «Да, ты видишь невдалеке реку, это Ока; эти люди — мы, русские...»

Гигантская фигура Льва Толстого — особенно яркого представителя идей русского гуманизма — вырастает в середине века. Да, он видел все это — и Крымскую войну, и осаду Севастополя, и умирающих солдат, крестьян, не желавших отдать родную землю. Сложная, бурная, противоречивая эпоха падения крепостного права, колебания почвы под ногами дворянства, борьба крестьян за землю, начало капиталистического развития, бросившего в бездну нищеты миллионы освобожденных мужиков и создавшая богатство для немногих, — все это как в зеркале отразилось в его творческих образах. «Совесть земли русской», великий писатель не был сторонником революции, не понимал ее и боялся ее. Но, страстно ища правды, Л. Толстой сумел отразить настроение миллионов русских крестьян. Он с потрясающей силой нарисовал быт разоряющейся патриархальной деревни, безжалостно угнетаемой помещиком и притесняемой царским чиновником. Во имя глубокой любви к угнетенному человеку он ополчился против царского государства и православной церкви. В мире капиталистического расчета и нового угнетения он искал человеческой правды и не находил ее. Его философия не спасла его самого. Ни вера в царство божье внутри нас, ни непротивление злу насилем не дали выхода его мятущейся душе. Противясь окружающей неправде, он покинул свой дом, где ему стало невыносимо душно, и умер как путник на дороге, не найдя исхода. Но он разбудил работу сознания у миллионов людей.

Достоевский — другой великий русский гуманист, особенный и ни на кого не похожий, — тоже бился в сетях противоречий. Отвергая социализм и революцию, которым в юности он так верил, он искал другого пути и не нашел его. Никто с такой силой не показал душевной драмы униженного и оскорбленного простого маленького человека в противоречивом мире жестокого капиталистического города. Никто еще не раскрыл так глубоко драму поправленного права на счастье. Но никто еще не был так беспомощен в поисках пути. Он со страшной убедительностью показал зло, но не сумел не только объяснить его, но оказался бессилён даже наметить способ выхода из заколдованного круга.

Толстой, Достоевский, позже Чехов — каждый по-своему раскрыли гуманистические традиции русской культуры. Их книги читали миллионы читателей во всем мире. Они оказали огромное влияние на духовное прозрение человечества, осознание им важнейших вопросов жизни.

Их вклад в пробуждение совести мира огромен. Великие русские гуманисты подняли к сознательной общественной жизни миллионы людей.

Нет возможности не только раскрыть гуманистические идеи русской национальной культуры во всех видах творчества русского гения — в театре, в музыке, живописи и ваянии, — но даже назвать всех великих мастеров русской культуры, которые внесли сюда свой вклад. Чайковский в глубоких, по-новому звучащих музыкальных образах раскрыл душу человека — поистине гуманно его творчество, с таким богатством слившееся с высотами симфонического мастерства вечные напевы народа. Ермолова — великая русская актриса — потрясала сердца русских зрителей раскрытием героических образов русской и мировой классики. В живописи такие гиганты, как Репин, выразили гуманную душу народа, его человеческое величие под ярмом страшного подневольного труда. «Бурлаки» Репина — сокровище нашей культуры. Бесстрашие народа показал Суриков в картине «Переход Суворова через Альпы», преданность идее — в картине «Боярыня Морозова».

Есть несколько замечательных особенностей у гуманистических традиций русской культуры. Тревога о нуждах народа и поиски социальной справедливости — первая из них. Народ оживал и действовал в опере М. Глинки об Иване Сусанине, его напевы звучали в музыке Римского-Корсакова и Бородина, он жил на полотнах Репина и Сурикова, мысль о его счастье и его правде всецело захватила Тургенева, Толстого. Мастера русской культуры чувствовали себя *ответственными* за судьбу народа. Создавая идеал человеческой жизни, ни русская литература, ни живопись, ни музыка никогда не воспевали буржуазное стяжательство, никогда не рисовали личное обогащение как цель жизни. Вы не встретите в русской культуре героизированного Растиньяка. Напротив! Путь стяжания личного богатства осужден и осмеян. Вот гоголевский Чичиков, попробовавший обогатиться на закладе «мертвых душ», ловкий пройдоха, чьи планы так забавно и поучительно провалились. Вот безжалостный кровопийца Головлев и свора его родичей — стяжателей и хапуг, он разоблачен даже своим прозвищем — Иуда. Искушающий душу мир власти золота показан Салтыковым-Щедриным. Русская культура не создала приподнятого, идеализированного образа буржуазного дельца — такого преуспевающего «бизнесмена». Она сразу грозно встала против

него, осматривая его с головы до ног со скептическим осуждением. Русские романы никогда не кончаются торжеством богатства.

Русская литература отвергла и культ замкнутой мещанской семьи, узкого домашнего мирка, где царствуют туфли и халат господина. Ни в русской литературе, ни в музыке, ни в живописи вы не встретите воспевания замкнутой, уютной квартирки, глухой стеной отгороженной от огромного человеческого мира. В таком мирке русским мастерам культуры было душно и тесно. Через стены дома должна или просвечивать, или прямо идти потоком большая жизнь. То лавиной отступающих войск и обозами раненых она врывается в 1812 г. в налаженный уют дворянского дома Ростовых, и тоненькая Наташа бросает обратно из сундуков сложенные было ковры и блюда, освобождает подводы для раненых. То стихия революционной борьбы заставляет Рахметова отказаться от любви к женщине и семейного дома, то истинная любовь, вторгшаяся в богатые комнаты Анны Карениной, разбивает замкнутый покой сенаторского особняка. То ночной пожар в городе поднимает на ноги трех чеховских сестер, и так не находящих покоя в тихом доме. Помочь людям — скорее! Тут не до сна. Гуманистические традиции русской культуры раскрыли вопрос о двух счастьях — и узкому счастью замкнутого мещанского мирка противопоставили истинное большое счастье человека в большом мире.

Еще черта — русская передовая культура усомнилась в клерикальном идеале — она не создала ни в литературе, ни в живописи приподнятого образа служителя церкви, притягательного для сердец героев и авторитетного для их разума. Что-то не видно русских героинь, которые выплакивали бы свое горе на груди священников, или героев, пришедших к ним искать ответа на свои философские сомнения... Активная вера в силы *человека*, призыв к его самостоятельной борьбе за лучшую долю, столь характерные для русской культуры, — не эта ли черта отодвинула все иное? «Я взглянул окрест себя — и душа моя страданиями человечества уязвлена стала», — пишет Радищев. И что же? Каков выход из положения, какой призыв? *«Я человеку нашел утешителя в нем самом»*. Вот его ответ. Это очень по-русски.

Вот еще характерная сторона гуманистической русской традиции — она не замкнута в национальном идеале, не холодна к культуре других народов. Напротив! Она жадно тянется ко всему человеческому, созданному гением

других наций, испытывает к этому горячий интерес. Мир пушкинских образов включил в себя темы общемировые: тут Моцарт и Сальери, тут скупой рыцарь, осужденный совестью человека, жадный накопитель золота в запертых сундуках — фигура, живой выхваченная из западноевропейского средневековья. Оттуда же тематика его произведения «Сцены из рыцарских времен», рисующая назревание крестьянского восстания против сеньора. Здесь страстные поиски истины доктора Фауста, образ демона... Гёте прислал Пушкину в подарок свое перо — наш поэт хранил его как величайшую драгоценность. Под пером Льва Толстого французские солдаты — живые люди даже в момент вторжения в Москву. Пушкин не забыл на блестящем пиру в честь Полтавской победы дать минуту Петру I поднять заздравный кубок за своих учителей — шведов — они, кстати, сидели тут же за столом, пленные шведские генералы.

Вольтер обрел вторую жизнь в России. Страстно зачитывались страницами Фурье деятели русского общественного движения — петрашевцы. Они праздновали даже как свой праздник день его рождения. Независимость Польши была священна для русских общественных деятелей: Герцена, Огарева, Чернышевского. Русские люди держали в руках знамя Парижской Коммуны. Русские актеры создавали в XIX в. незабываемые образы мировой драматургии: Мочалов — образ Гамлета, Ермолова — Лауренсии, героини «Овечьего источника» Лопе де Вега.

Мировое значение передовой русской литературы и ее гуманистических традиций состоит прежде всего в том, что созданные ею образы и пронизывающие их идеи кровно нужны не только русскому народу, а всему человечеству в его движении вперед. Француз и американец, швед и англичанин, склонившись над страницами Льва Толстого, находят там отклик своей душе, ответы на свои вопросы.

Вот мы и пришли к самой поздней ступени развития национальной традиции, современниками которой являемся. В России победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Октябрь открыл новую эру в истории человечества. Он открыл и новую эру в истории русской нации: русские являются сейчас *социалистической* нацией. Классовая борьба внутри нации исчезла, ушла в прошлое. Уничтожена эксплуатация человека человеком — мы уже не говорим о двух культурах в единой национальной культуре. Исчезла пропасть социального антагонизма — нет уже тех, кто присваивает чужой труд.

Уничтожив эксплуататоров, социалистический строй высоко поднял истинного хозяина жизни — трудового человека. Русские не перестали быть русскими, но жизнь их стала новой. Порой захватывает дух, когда страна оглядывается на пройденный путь и подводит итоги. Да, и раньше, до революции, простой трудовой человек двигал историю, создавая производительные силы страны, кормя, одевая, обувая миллионы соотечественников, строя фабрики, дороги, жилище,— все то, без чего не может существовать человечество. Но ранее, до Октября, основной двигатель истории, простой трудовой человек не распоряжался этой им же созданной жизнью и национальным богатством страны. Те трудовые руки, которые своей работой создавали *основу* исторического движения вперед, никогда не лежали на руле управления. Эксплуататоры, присвоившие себе труд простого человека, управляли государством, распоряжались трудом народа, осуществляли свою политику. Теперь все стало по-иному. Самое глубокое в гуманизме — вернуть основной силе жизни — народу — его право управлять всей жизнью, быть ее хозяином. Оно осуществлено в Советской России.

В нашей стране, где учится каждый четвертый человек и где каждый мальчик и каждая девочка мечтают как о высшем счастье стать ученым, реализовано священное право человека — доступ к сокровищнице знаний. Их цель — мирное созидание жизни. Мы — противники войны. И какая традиция гуманнее того «нет», которое говорится войне? «Миру—мир» — эти слова заставляют биться в унисон миллионы сердец, к какой бы нации они ни принадлежали. Каждый человек гордится гуманистическими традициями своей культуры. Русский человек гордится своими гуманистическими традициями, всегда готовый отдать их служению человечеству.

ВОСПОМИНАНИЯ О М. М. ЧЕМОДАНОВЕ*

Стояло лето 1906 года. Время было горячее, полное событий и ярких впечатлений: шла сессия первой Государственной думы, в городах не прекращались стачки и массовые собрания, из деревень доносился рокот нарастающего крестьянского движения, кипели страстные партийные и фракционные споры. В качестве агитатора Московского Комитета я непрерывно принимал участие в загородных митингах, пленарных собраниях профсоюзов, коротких массовках у ворот заводов и фабрик. Но приходилось задумываться и о личном заработке: после запрещения легальной социал-демократической газеты «Светоч» я остался без материальной опоры и настойчиво искал выхода из создавшегося трудного положения. Кто-то посоветовал мне пристроиться к распространению сатирических открыток М. М. Чемоданова: это нестесняющий, легкий заработок, здесь легко маневрировать временем и можно по-прежнему продолжать партийную работу. Обо мне предупредили Чемоданова и дали мне его адрес. Он жил с семьей в большом доме на Пречистенском бульваре; здесь помещались его врачебный кабинет (он был доктором медицины) и хорошо обставленная приемная, где всегда ожидало много пациентов (Михаил Михайлович был очень популярен в московских интеллигентских кругах и как человек и как врач).

После некоторого ожидания я был приглашен в кабинет, где увидел перед собой человека лет 50, невысокого, с седеющими длинными волосами и мягким сосредоточенным взглядом. По внешности он походил не на богатого модного врача, а скорее на радикального русского интеллигента народнического толка. Бледное одухотворенное лицо с печатью некоторого утомления, мягкий неторопливый голос, скромный серый костюм создавали определенный и законченный облик. Чемоданов расспросил меня о моем положении и возможностях, объяснил задачи и приемы распространения открыток и вручил их первую партию.

* Статья была написана по предложению И. М. Майского для предполагавшегося сборника памяти М. М. Чемоданова.

Репродукции политических карикатур Чемоданова распространялись в пользу политических ссыльных и заключенных. Дело было поставлено по его личной инициативе, по его собственному плану и под его непосредственную ответственность. Занимаясь медицинской практикой, Чемоданов с давних пор применял свой художественный дар в области политической карикатуры. Революция 1905 года возбудила его творческую энергию, и он быстро и метко реагировал на волнующие события острыми сатирическими рисунками. Это были по преимуществу нападения на самодержавное правительство, на его высших и подчиненных агентов, на репрессии, лицемерные реформы, черносотенство и мракобесие. Рисунки выражали глубокие и искренние радикальные убеждения автора, были формой его служения революции. Распространение открыток преследовало не только агитационно-политические, но и организационные цели. Они печатались в одной из лучших фотографий Москвы¹ и распространялись целой сетью добровольных агентов из среды учащейся молодежи. Каждый студент или курсистка получали на руки 10—15 конвертов с вложенной туда коллекцией из 20 открыток и с запиской приблизительно такого содержания: «В пользу политических ссыльных и заключенных получено 3 руб. Доктор М. М. Чемоданов». Одновременно с конвертами вручали список адресов либеральных деятелей и просто представителей «свободных профессий»: адвокатов, художников, врачей, педагогов. Их адреса выписывались секретарем М. М. Чемоданова по суворинскому справочнику «Вся Москва» и, конечно, с известным риском: профессия адресата еще не гарантировала его сочувствия революции и не спасала от возможных преследований со стороны черносотенцев.

Через несколько дней, выполнив поручение, агент снова приходил к Чемоданову, сдавал ему собранную сумму и получал новую партию репродукций. За распространение открыток каждому отчислялся определенный процент — кажется, 20 коп. с конверта. Все стекавшиеся суммы Михаил Михайлович сдавал непосредственно сам, если не ошибаюсь, политическому «Красному кресту».

Рисунки Чемоданова были выдержаны в реалистической манере, затрагивали животрепещущие события политической жизни, были понятны и пользовались большой

¹ Художественная фотография Д. И. Песчанского на Б. Дмитровке против Солодовниковского театра. Она обслуживала московские театры и была связана с социал-демократическими организациями.

популярностью. Некоторые из них, более «цензурные», помещались в иллюстрированных журналах и были широко известны московской интеллигенции. Помню, как-то впоследствии Михаил Михайлович показал мне номер английского журнала (кажется, со статьей журналиста Стэда, приезжавшего из-за границы изучать русскую революцию), в котором были воспроизведены многие сатирические открытия.

С портфелем, туго набитым конвертами, по заранее намеченному уличному маршруту я принялся обходить адресатов. Обыкновенно я поднимался по лестнице, предварительно на всякий случай изучив «топографию» подъезда (чего не может случиться!), звонил и на вопрос открывавшей прислуги просил вызвать хозяина квартиры. Затем вручал появившемуся адресату заготовленный конверт и предлагал ему пожертвовать в пользу страдающих борцов революции. В то время революция еще продолжалась, политические настроения были возбужденными, либеральная интеллигенция проявляла интерес к событиям и охотно соглашалась принять коллекцию. Некоторые, правда, не выражали большой охоты, но считали неудобным отказываться. Однако бывали и случаи отказа — немотивированного или с определенной мотивировкой, иногда выражалось недоумение, почему открытки распространяются лично Чемодановым. Но бывали и более серьезные инциденты. Адресат оказывался активным противником революции и обрушивался на распространителя, метая громы и молнии: требовал немедленно покинуть квартиру, грозил привести полицию, обещал всякие неприятности. Насколько я помню, до арестов дело не доходило и распространителям удавалось благополучно ускользнуть.

М. М. Чемоданову было трудно совмещать медицинскую практику, рисование и непосредственные сношения со всеми агентами. В его распоряжении было до 20—30 студентов и курсисток, которые «оборачивались» довольно быстро. Поскольку на раздачу конвертов и получение денег уходило немало времени, он выделил из среды своих «добровольцев» одного, наиболее опытного, который руководил технической организацией работы и являлся посредником между ним и его агентами. Это был молодой человек, насколько помню, эсер, сильно увлекавшийся тактикой «эксов». Вскоре он был убит на одной из экспроприаций, и Михаил Михайлович предложил мне заступить его место.

В определенные дни и часы на явочной квартире (все-таки приходилось соблюдать конспирацию!) попеременно собирались распространители открыток. Я получал от них отчеты и деньги, вел специальную ведомость, раздавал конверты. Когда приходилось заказывать новые открытки или получать отпечатанные партии, я сносился с художественной фотографией Песчанского. Немалой работы требовало составление списка адресатов — нужно было принимать во внимание разные признаки, чтобы уловить их политическое лицо. Наконец, в назначенное время я приходил к Михаилу Михайловичу, давал ему полный отчет и получал необходимые инструкции.

Исполняя обязанности секретаря, я получил возможность ближе познакомиться с М. М. Чемодановым. Обычно я приходил к нему вечером, часов в 10—11, к моменту окончания врачебного приема. После деловых разговоров мы беседовали на политические темы, разбирали сюжеты новых рисунков, обсуждали очередные вопросы дня. Иногда я сообщал Михаилу Михайловичу свежие политические новости, а он рассказывал мне о фактах, не попадавших на страницы печати (например, о политическом брожении в III мужской гимназии, где учился один из его сыновей). Необычайно живой и искренний интерес к событиям, умение молодо, почти по-юношески воспринимать политические явления были его характерными чертами. Он нередко подчеркивал, что, рисуя новую карикатуру, дает исход накопившейся политической энергии, что силой пера и карандаша приобщается к великому движению своего времени. Помню, после роспуска Государственной думы он сделал рисунок на мотив речи английского премьер-министра Кэмпбелл-Баннермана «Дума умерла, да здравствует Дума!». А когда начала свирепствовать военно-полевая юстиция и страницы газет заpestрели именами осужденных и повешенных, взволнованный Чемоданов выпустил самую смелую из своих политических карикатур: на фоне виселиц, на гряде черепов жалкий и пьяный царь, танцующий канкан в развевающейся порфире и пошатнувшейся короне...²

Для Чемоданова эта карикатура-протест была таким же негодующим «криком сердца», как для Л. Н. Толстого было его «Не могу молчать», а для В. Г. Короленко — его «Бытовое явление». Но Михаил Михайлович подходил

² Существует еще одна подобная открытка неизвестного мне автора с дополнительным рисунком, изображающим царя на виселице.

к правительственному террору скорее как Короленко, а не Толстой. Человек гуманной и мягкой натуры (он был настоящим интеллигентом старого времени), Чемоданов не отличался пассивною моралью «непротивленца» и не отмежевывался от бури революции. Наоборот, его постоянно влекло к активному действию, он чувствовал свою внутреннюю связь с освободительной борьбой и глубоко преклонялся перед героизмом революционеров. У него не было оформившихся социалистических взглядов, но его сочувствие полностью и безоговорочно принадлежало трудящимся массам и их революционным устремлениям. Это был убежденнейший радикал-демократ, с громадным запасом житейского идеализма и с неизжитыми влияниями народнического мировоззрения. В своих карикатурах он умел не только бичевать правительство, не только разоблачать черную сотню, но и пригвождать к позорному столбу трусливую и лицемерную половинчатость либералов.

В частной жизни, особенно в общении с близкими знакомыми и друзьями, это был незлобивый и мягкий человек, привлекавший сердца приветливой и задушевной формой обращения. С ним быстро и легко устанавливались простые и хорошие отношения, в нем чувствовалась большая культурная и нравственная сила.

К осени 1906 г. условия политической жизни резко изменились. Дума была разогнана, многие стачки и волнения подавлены, свободная печать задушена. Аресты следовали один за другим, система шпионажа проявлялась все острее и резче. Либеральная интеллигенция поникла духом. Появились первые признаки общественной реакции, и прежде всего аполитизма. Открытки Чемоданова перестали возбуждать прежние внимание и интерес. Больше того, представители «свободных профессий» начали пугаться предлагаемых коллекций, особенно когда видели перед собой «Апофеоз самодержавия» в образе танцующего канкан Николая II. Студенты и курсистки возвращали большую часть конвертов неиспользованными, жаловались на бесплодную трату времени, рассказывали об участвовавших столкновениях с адресатами.

С другой стороны, стала заметной дезорганизация в рядах самой молодежи, распространявшей карикатуры. Кое-кто был арестован, кое-кто скрылся, были случаи задержки собранных сумм. Помню свои безуспешные попытки убедить одного анархиста, оригинального юношу несколько мрачного вида, ходившего босиком, в черной рубашке, подпоясанной обыкновенной веревкой. Таким

далеко не конспиративным костюмом он привлекал к себе внимание всех прохожих. Молодой анархист упорно не сдавал мне никакого отчета и не возвращал полученных конвертов, говоря, что у него есть собственные «ссылные и заключенные». Все мои уговоры разбивались о его непоколебимые «анархистские» убеждения.

Распространение открыток становилось трудным и весьма неблагоприятным делом. Многие агенты бросали эту работу, а новых охотников на их место не находилось. Улавливались зловещие признаки полицейского наблюдения. В разговорах с Чемодановым слышались тревожные нотки.

В августе или начале сентября я был застигнут на пропагандистском собрании. Хотя мне удалось счастливо выпутаться, ускользнув от ареста, моя квартира подверглась полицейскому обыску и сделалась объектом внешнего надзора. Некоторое время спустя до меня дошла весть об аресте Чемоданова. Самодержавное правительство не простило ему его «вредной деятельности», в особенности карикатуры на Николая II.

Через семью Чемоданова я узнал, что он заключен в одиночную камеру Бутырской тюрьмы, а несколько позже мне стало известно, что он заболел и его положение становится тяжелым...

Распространение политических открыток сразу оборвалось: нужно было ликвидировать сеть сложившихся связей и замечать следы «государственного преступления».

Больше мне не пришлось видаться с Михаилом Михайловичем Чемодановым: он умер вскоре после выхода из тюрьмы — его здоровье было подорвано арестом, тюремным заключением и быстро развившейся болезнью. Мое светлое воспоминание о недолгом, но близком знакомстве с ним осталось неразрывно связано с образами первой революции, ее стачками, митингами, печатью и политической сатирой.

Спустя 20 лет, приступив к работе в Музее Революции СССР, я увидел в его экспозиционных залах хорошо знакомые открытки с надписью «Червь»³. Из орудия текущей политической агитации они превратились в памятник 1905 года, в один из источников научного и художественного изучения событий той поры. Михаил Михайлович Чемоданов жил и работал не даром. В великих завоеваниях революции заключена частица и его творческой энергии.

³ Псевдоним, которым М. М. Чемоданов подписывал свои рисунки.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Более 60 лет назад, в 1922 г., название итальянского города Генуя в течение нескольких месяцев не сходило со страниц мировой печати. Вокруг него бушевали страсти, оно волновало государственных деятелей и профессиональных дипломатов, лишило покоя журналистов и бизнесменов, вселяло надежды в одних и разочаровывало других. Этой новой славой древняя Генуя была обязана тому, что здесь с 10 апреля по 19 мая 1922 г. проходила первая послевоенная общеевропейская конференция (официально Генуэзская конференция именовалась Международной экономической конференцией), в которой участвовали и державы-победительницы, и побежденные, и бывшие нейтралы, и до недавнего времени подвергавшаяся остракизму Советская Россия.

Не боясь впасть в преувеличение, можно утверждать, что Генуэзская конференция не заняла бы своего столь заметного места в истории новейшего времени, если бы не участие в ней нашей страны.

Для Советской России это была первая крупная международная конференция, в которой она участвовала. Это само по себе знаменательно, ибо всего пять лет отделяли Геную от рождения новой, Советской России как социалистического государства рабочих и крестьян. Позади остались пять лет тяжелой борьбы с военной интервенцией капиталистических государств и внутренней контрреволюцией, с экономической и дипломатической блокадой. Страна Советов вышла победителем из военных испытаний, сорвав империалистические планы ее удушения. Это означало, что новый общественный строй — социализм, утвердившийся в нашей стране в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, не только отстоял свое право на существование, но и заявил о себе как о силе, с которой необходимо было считаться.

Генуэзская конференция состоялась в переломный для нашего старого континента момент — при переходе от войны к миру. И ей предстояло решить, каков должен быть этот мир. Будет ли он похож на военное перемирие, или Европа станет очагом устойчивого и длительного мира, основанного на мирном сосуществовании двух общественных систем: капиталистической и социалистической.

Выйдя из первой мировой войны, капиталистическая Европа оказалась в тисках затяжного политического и экономического кризиса. Хозяйственная разруха, а в ряде стран и угроза голода, инфляция, массовая безработица, разрыв традиционных экономических связей — все это обуславливало политическую неустойчивость, обостряло классовую борьбу, повергало в панику буржуазию. Резко осложнились и межгосударственные отношения. Западная Европа оказалась разделенной на страны «победительные» и «побежденные», а внутри Антанты усилились противоречия между Англией и Францией.

Правящие буржуазные круги не могли указать сколько-нибудь реального выхода из послевоенного хаоса.

Иного характера трудности переживала Советская Россия. Находясь во враждебном капиталистическом окружении, она по милости империалистов была обречена, по меткому определению народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина, на положение «отверженного государства»¹. Империалисты ни на один миг не прекращали борьбы с нашей страной. Экономическим и финансовым бойкотом и твердолобой политикой «непризнания» враждебные силы пытались продлить изоляцию Советского государства, насильно исключив его из сферы международного сотрудничества. Наиболее реакционные круги мирового империализма не прочь были повторить военную интервенцию. Внутри страны к трудностям заживления тяжелых ран, нанесенных войнами и интервенцией, добавилось стихийное бедствие — засуха, а с ней и голод, поразившие ряд местностей России.

Советская Россия остро нуждалась в благоприятных международных условиях для хозяйственного восстановления и социалистического строительства — в длительном и прочном мире и деловом экономическом сотрудничестве с другими странами. За достижение этих целей и боролась советская дипломатия.

¹ За рубежом, 1972, № 16, с. 21.

Вождь Коммунистической партии и глава Советского правительства В. И. Ленин ясно видел жизненную заинтересованность капиталистических государств Европы в восстановлении экономических связей с Россией. Без ее сырьевых и продовольственных ресурсов, без ее возвращения как крупного импортера промышленных товаров на рынки Европы, наконец, без ее участия в международном разделении труда капиталистическая Европа не могла обойтись. *«Буржуазным странам надо торговать с Россией: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор...»* — говорил В. И. Ленин в речи на Всероссийском съезде металлистов².

И действительно, обстановка, сложившаяся в Европе в начале 20-х годов, вынуждала наиболее трезвые буржуазные круги Запада становиться на путь поисков новых форм взаимоотношений с Советской Россией взамен обанкротившихся интервенционистско-бойкотистских. Отсюда попытки налаживания торговли с Советским государством, получения концессий и т. п.

Однако на пути развития взаимовыгодного сотрудничества стояла такая преграда, как неурегулированность политических и экономических отношений, отсутствие юридически оформленного признания Советской России.

Сама жизнь заставляла правящие круги Запада ставить, хотя и с большим — пятигодовичным опозданием, вопрос о признании Советского правительства. Даже откровенно антисоветская французская газета «Тан» вынуждена была в последний день 1922 г. признать: «Имеется немало свидетельств того, что за большевистским режимом в эти годы выросла новая Россия. Рано или поздно эта Россия снова потребует своего места в мире. Советское правительство... является все-таки единственной властью, способной в настоящий момент осуществлять национальную русскую политику»³.

Таким образом, к 1922 г. в известной мере сложились условия, позволявшие подвести черту под прежним периодом враждебных отношений между капиталистическим миром и Советской Россией, урегулировать на договорной основе спорные вопросы и взаимные претензии и начать переход к мирному сосуществованию.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 3.

³ Цит. по кн.: Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах. М., 1953, с. 179.

Вот почему нота Советского правительства от 28 октября 1921 г. правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США с предложением о созыве международной конференции для разрешения спорных вопросов, прежде всего о русских долгах, и выработке окончательного мирного договора получила живейший отклик на Западе. Не без колебаний и междоусобной борьбы Верховный совет союзных держав на конференции в Канне 6 января 1922 г. принял резолюцию о созыве в Генуе Международной экономической конференции с участием Советской России. Империалистические державы, вершившие тогда судьбами Европы, вынуждены были пригласить Советскую Россию на конференцию как равноправного участника. На следующий день, 7 января 1922 г., итальянское правительство передало Советскому правительству приглашение принять участие в конференции, выразив при этом пожелание, чтобы «г-н Ленин не преминул принять участие в конференции». По мнению итальянского правительства, согласованному с британским правительством, «личное участие в этой конференции г-на Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом становлении Европы»⁴.

Это персональное приглашение В. И. Ленина как главы Советского государства на Генуэзскую конференцию свидетельствовало о его высоком авторитете и громадной популярности в мире, с чем не могли не считаться буржуазные политики. С другой стороны, у некоторых из них с приглашением В. И. Ленина на конференцию связывались и личные честолюбивые замыслы. Так, по свидетельству одного из крупных английских дипломатов, Д. Грегори, «Генуэзская конференция была предназначена для того, чтобы быть фоном дуэли между мистером Ллойд Джорджем и Лениным»⁵. По всей видимости, британский премьер лелеял надежду не только лишний раз продемонстрировать полемические способности, но и лично предъявить свои условия будущих мирных отношений главе Советского правительства. В свою очередь В. И. Ленин в одной из речей заявил о готовности встретиться с Ллойд Джорджем в Генуе и «лично поговорить» с ним о бесполезности предъявления Советской России каких-либо ультимативных условий⁶.

⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1961, т. 5, с. 48.

⁵ Цит. по кн.: *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч., с. 187.

⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 5—6.

Как известно, Владимир Ильич Ленин не смог поехать в Италию и принять личное участие в Генуэзской конференции. Сказались его загруженность государственными и партийными делами, ухудшившееся состояние здоровья. Кроме того, советские трудящиеся, обеспокоенные за жизнь Ленина, решительно возражали против его выезда за границу.

Советское правительство на другой же день по получении приглашения от итальянского правительства сообщило министерству иностранных дел Италии, что «с удовлетворением принимает приглашение на европейскую конференцию»⁷. А 27 января 1922 г. Чрезвычайная сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета утвердила состав советской делегации во главе с председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Лениным. Заместителем председателя делегации «со всеми правами председателя на тот случай, если обстоятельства исключат возможность поездки тов. Ленина на конференцию», был назначен народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин. В состав делегации вошли лучшие советские дипломаты: Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, В. В. Воровский, А. А. Иоффе⁸. Советская делегация была представительной (она включала 69 человек) и полномочной, так как имела все права для ведения переговоров и подписания соглашений и договоров. Поскольку другие советские республики выступали совместно с РСФСР, поручив ей представительство и защиту их интересов, представители этих республик вошли в состав делегации РСФСР. Впервые в истории дипломатии в делегацию были включены представители рабочих организаций — советских профсоюзов.

Обе стороны — Советская Россия и капиталистические державы Европы — отдавали себе отчет в исключительной важности этой первой встречи на международном уровне. Вот почему обе стороны основательно готовились к конференции. Однако есть все основания считать, что Советская Россия в этом отношении сумела превзойти капиталистические страны Европы.

Вся подготовительная работа Советского правительства и его органов проводилась под непосредственным руководством В. И. Ленина и Центрального Комитета Комму-

⁷ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 47.

⁸ См.: Генуэзская конференция: Материалы и документы. М., 1922, вып. I, с. 19.

нистической партии. «Мы,— указывал В. И. Ленин,— работали в ЦК достаточно детальные директивы нашим дипломатам в Геную. Директивы эти мы вырабатывали очень длительно, несколько раз обсуждали и переобсуждали заново»⁹. В своих записках членам Политбюро ЦК партии и Г. В. Чичерину В. И. Ленин давал рекомендации для выработки как общей политической линии на предстоящей конференции, так и позиции по конкретным вопросам. Им был написан и проект директив ЦК партии для советской делегации. Вспоминая позднее, в 1924 г., о роли В. И. Ленина в этой подготовительной работе, Г. В. Чичерин писал: «Хотя зимой 1921/22 г. Владимир Ильич долгое время жил за городом, но по вопросам, связанным с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. По этому поводу им был написан ряд записок, и общее содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок»¹⁰. В. И. Ленин заботился также о подборе для делегации наиболее дельных и квалифицированных экспертов из числа советских работников и ученых.

Огромное значение в смысле создания благоприятной атмосферы для деятельности советской делегации имели предгенуэзские выступления В. И. Ленина. В этой связи отметим два момента. Во-первых, в речи на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. В. И. Ленин со всей определенностью заявил, что «мы... *Геную приветствуем и на нее идем*; мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами... безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только»¹¹. Тем самым подчеркивалась серьезность намерений Советского правительства добиваться установления взаимовыгодного экономического сотрудничества с капиталистическими странами. Во-вторых, В. И. Ленин дал решительный отпор попыткам империалистических кругов диктовать нашей стране свои условия, показав бесперспективность такого подхода. В той же речи он заявил, что «всякие попытки навязать нам ус-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 69—70.

¹⁰ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 284.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 2.

ловия, как побежденным, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать»¹².

Эти ленинские выступления, как и ноты Советского правительства, показали тщетность надежд империалистов добиться мирным путем от советского народа того, чего они не смогли получить раньше силой. В то же время В. И. Ленин считал необходимым идти на уступки партнерам по переговорам, всякий раз строго определяя характер и пределы таких уступок.

Напряженная трехмесячная работа ЦК партии, советских органов, членов делегации и экспертов позволила выработать научно обоснованную политическую и экономическую программу для советской делегации. Ее отличительной чертой был конструктивный подход к решению сложнейших проблем, готовность к поиску взаимоприемлемых соглашений с буржуазными правительствами на основе равенства, разумных уступок и компромисса.

Главное содержание политической программы составляла так называемая «нацифистская программа», разработанная Г. В. Чичериным в духе советов В. И. Ленина. Она предусматривала положения о всеобщем сокращении вооружений, о полном запрещении наиболее варварских форм войны и ряд мер по послевоенному политическому урегулированию. Назначение этой миролюбивой программы состояло в том, чтобы попытаться внести раскол в буржуазный лагерь, достигнув соглашения с умеренными пацифистски настроенными кругами буржуазии, отделив их от агрессивно-непримиримых буржуазных кругов.

Экономическая программа предусматривала активное участие Советской России в экономическом восстановлении Европы, широкое и равноправное сотрудничество с капиталистическими странами на взаимовыгодной основе. Она рассчитана была на привлечение и использование иностранного капитала (в форме займов, концессий и т. п.) в интересах быстреего возрождения и развития народного хозяйства России. В ней были определены и пути решения такого сложного вопроса, омрачавшего в те годы отношения Советского государства с ведущими капиталистическими странами, как вопрос о русских долгах. В частности, было намечено связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением нашей стране займов, а также с выдвижением контрпретензий. Суть последнего пункта состояла в том, чтобы предъявить западным странам претен-

¹² Там же, с. 8.

зии за ущерб, причиненный в результате интервенции народному хозяйству России в 1918—1920 гг. А этот ущерб, по подсчетам советских экспертов, составлял 39 млрд. руб. золотом и намного превышал размер довоенной и военной задолженности России иностранным кредиторам¹³. В связи с этим создавалась база для того, чтобы по взаимному соглашению перечеркнуть вопрос о долгах России.

Капиталистические страны Запада, готовясь к конференции, главные свои усилия направили на сглаживание существовавших между ними противоречий с целью создания единого антисоветского фронта. И хотя буржуазным политикам частично удалось смягчить англо-французские противоречия, тем не менее вряд ли кто-либо тогда мог поручиться за единство действий западных стран на конференции. Западные державы пытались перед конференцией и в ходе нее выдвинуть на первый план и превратить в главный и чуть ли не единственный предмет обсуждения так называемый «русский вопрос», т. е. вопрос о долгах царского и буржуазного Временного правительства и о компенсации иностранным собственникам за национализированные Советской властью промышленные предприятия.

Советские люди с большим интересом следили за подготовкой к Генуэзской конференции. В наказах, письмах, телеграммах они тепло напутствовали советскую делегацию, отбывшую из Москвы 27 марта 1922 г. в Геную. «Даем наказ отъезжающей нашей делегации на Генуэзскую конференцию...— писали крестьяне одной из волостей Пензенской губернии,— не забывать ни на одну минуту, что власть трудящихся вступает в переговоры, как власть несокрушимая, состоящая из рабочих и крестьян, в любой момент могущих выступить за свои права и дать нужный отпор»¹⁴.

Днем 6 апреля 1922 г. советская делегация прибыла в Геную, а оттуда в ее предместье Санта Маргерита. Здесь делегация расположилась в одном из лучших отелей — «Палаццо империале». Это дало буржуазным газетчикам повод поиронизировать: видите ли, представители пролетариата остановились там, где проводят время только принцы крови...¹⁵

¹³ См.: Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 295, 298, 301; Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Л., 1969, с. 298.

¹⁴ Цит. по кн.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч., с. 250.

¹⁵ См.: Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция: (Воспоминания участников). М., 1963, с. 25.

Сразу же советская делегация оказалась в центре внимания мировой прессы и итальянской общественности. Даже отнюдь не сочувствующая большевикам английская «Дейли геральд» в те дни писала: «Ни один человек из какой-либо далекой неизведанной страны в средние века не вызывал большего интереса, чем эти несколько человек, составляющие советскую делегацию в Генуе»¹⁶.

Итальянские народные массы использовали всякую возможность, чтобы выразить симпатии советским делегатам. Напуганные этим, тогдашние итальянские власти приняли надлежащие меры. Вот что рассказал об этом член делегации Я. Э. Рудзутак в своем докладе на заседании ВЦИК 12 мая 1922 г.: «Со всех сторон мы были окружены конвоями, все выходы были закрыты и можно было входить только по особым разрешениям-пропускам. Но мы в первый же день убедились, что охрана поставлена не для нашей безопасности, а для того, чтобы Италию „обезопасить“ от нас, потому что, кроме этого надзора, за нами ходили по пятам...»¹⁷.

Генуэзская конференция открылась, как известно, 10 апреля 1922 г. во дворце Сан-Джорджо. На ней присутствовали представители 34 стран (США отказались участвовать в работе конференции и были представлены лишь наблюдателем). Делегации ведущих капиталистических стран Европы, за исключением Франции, возглавлялись главами правительства. Открыл конференцию и председательствовал премьер-министр Италии Л. Факта. По воспоминаниям советских участников конференции, после ее открытия и речей первых делегатов Англии, Франции, Японии, Бельгии и Германии все с нетерпением ждали выступления главы советской делегации. Когда председательствующий предоставил слово Г. В. Чичерину, в зале воцарилась тишина. «Вся зала напряженно устремляется глазами и ушами в сторону русской делегации»¹⁸.

«Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, российская делегация,— заявил Г. В. Чичерин,— признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необ-

¹⁶ Цит. по кн.: *Кремнев Б.* Красин. М., 1968, с. 212.

¹⁷ Ист. арх., 1962, № 2, с. 83.

¹⁸ *Штейн Б. Е.* Генуэзская конференция. М., 1922. с. 28.

ходимым для всеобщего экономического восстановления»¹⁹. Вслед за тем он огласил важнейшие положения советской декларации: мирное экономическое сосуществование между двумя системами собственности — капиталистической и социалистической — на основе их равноправия; всеобщее для всех государств сокращение вооружений; восстановление мирового хозяйства путем координации действий со стороны всех европейских и неевропейских стран; план всеобщего экономического восстановления Советской России с участием иностранного капитала в разработке природных богатств при полном сохранении суверенитета РСФСР; созыв Всемирного конгресса для установления всеобщего мира с участием рабочих организаций; планомерное распределение продуктов производства и топлива; интернационализация мировых транспортных путей и др. Проявляя реалистический подход к делу, глава советской делегации не требовал обязательного включения всех выдвинутых им предложений в программу конференции. В заключение Г. В. Чичерин заявил о готовности делегации Советской России «поддержать все прогрессивные предложения других стран, идущие в этом направлении»²⁰.

По свидетельству очевидцев, речь Чичерина, произнесенная сначала на французском, а затем английском языке, «была выслушана с огромным вниманием, почтительностью и доброжелательностью всеми присутствующими при полной тишине в зале»²¹.

Впечатление от речи было огромным, она оказалась центральным событием первого дня конференции. Это обстоятельство отметил в своем служебном донесении американский посол Чайлд, указав, что «на открытии конференции не было ничего яркого, кроме речи советского представителя»²². Так впервые на международном форуме от имени Советского правительства было официально предложено положить в основу взаимоотношений между государствами с различным общественным строем принцип мирного сосуществования. В этом состоит историческое значение программного выступления главы советской делегации на Генуэзской конференции.

¹⁹ Чичерин Г. В. Указ. соч., с. 208—209.

²⁰ Там же, с. 209—212.

²¹ Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Указ. соч., с. 45.

²² См.: Ахтамзян А. А. Генуэзская конференция и Рапалльский договор. — *Вопр. истории*, 1972, № 5, с. 55.

Дипломатическая блокада Советской России была про-
рвана. Более того, своими конструктивными предложения-
ми, отвечавшими духу времени и чаяниям всех народов,
советская дипломатия захватила на конференции инициа-
тиву в свои руки. Ее предложения, ее акции оказались в
центре внимания, по ним кипели острые дискуссии и шла
напряженная борьба между сторонниками и противника-
ми мира.

Дальнейшая работа конференции была перенесена в
комиссии (их было пять), где, по выражению Я. Э. Рудзу-
така, «шла вермишельная работа». Продолжительность
заседаний некоторых комиссий иногда исчислялась...
15 минутами²³.

Намного более важное значение имели неофициальные
«приватные» беседы в узком кругу на вилле «Альбертис»,
в резиденции Ллойд Джорджа. Советскую делегацию
обычно на этих беседах представляли Г. В. Чичерин,
Л. Б. Красин, М. М. Литвинов. Переговоры на вилле
«Альбертис» вращались вокруг вопросов о русских долгах
и о бывшей частной собственности иностранцев, национа-
лизированной в Советской России. Западные дипломаты
рассчитывали в ходе этих переговоров навязать нашей
стране такие условия экономического сотрудничества, ко-
торые были бы равносильны ее закабалению иностранным
капиталом. Ллойд Джордж соглашался покрыть так на-
зываемые военные долги России советскими контрпретен-
зиями и таким путем их аннулировать. Вместе с тем он
непримиримо настаивал на выплате довоенных долгов,
обещая лишь предоставить мораторий на 10—15 лет. Что
касается вопроса о национализированной частной собст-
венности иностранных капиталистов, то Ллойд Джордж
добивался ее реституции, т. е. восстановления в натуре,
а не денежной компенсации (на что условно соглашались
советские делегаты). По сути за всем этим скрывалось
плохо прикрытое стремление «мирно» восстановить капи-
талистические порядки в России.

В ходе переговоров по основным спорным вопросам со-
ветская делегация проявила твердость, последователь-
ность и принципиальность. Оценивая деятельность членов
советской делегации в Генуе, прогрессивный американ-
ский журнал «Либерейтор» (Чикаго) в те дни писал:

²³ См.: Ист. арх., 1962, № 2, с. 85; Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Указ.
соч., с. 82

«В этих людях, которые волею революции назначены представлять Россию на конгрессе Европейского континента, чувствуются сила, спокойствие, уверенность»²⁴. Вместе с тем, стремясь достигнуть соглашения, наша делегация проявляла необходимую гибкость, готовность идти на уступки. Так, она выразила согласие на выплату некоторой части долга и денежной компенсации за национализированную собственность при условии предоставления крупного займа.

Однако как эти, так и последующие неофициальные и официальные переговоры (в комиссиях) не дали результатов. Западные страны заняли непримиримую позицию, поставив частные интересы горстки капиталистов — бывших кредиторов и собственников — выше интересов всеобщего экономического оздоровления Европы. Советская делегация по указанию своего правительства отклонила необоснованные домогательства западных держав. Она не могла ни на йоту поступиться и не поступилась завоеваниями Октябрьской революции.

В. И. Ленин, ЦК партии и Советское правительство внимательно следили за деятельностью советской делегации в Генуе, давая ей необходимые советы и руководящие указания²⁵. В отдельных случаях В. И. Ленин твердо поправлял некоторых членов делегации, если они отклонялись от полученных директив.

Советские дипломаты, впервые столкнувшись на широком международном форуме в открытом поединке с многоопытными буржуазными дипломатами, с честью выдержали экзамен на зрелость, показали свою компетентность и высокое профессиональное мастерство. Марсель Кашен на страницах «Юманите» справедливо отметил, что «большевикам не приходится брать уроки у буржуазных дипломатов»²⁶. Видный американский историк и дипломат Дж. Кеннан, скупой на похвалы в адрес советских дипломатов, тем не менее дал им следующую оценку: «Как на Генуэзской конференции, так и в последующий период советскую дипломатию характеризовали находчивость, прямота, целеустремленность, а дипломатию западных держав — самодовольство, благодушие и разъединенность»²⁷.

²⁴ Цит. по: За рубежом, 1972, № 16, с. 24.

²⁵ См.: Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972, с. 261—281.

²⁶ Цит. по кн.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч., с. 266.

²⁷ Цит. по кн.: Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Указ. соч., с. 128.

Большую популярность и авторитет завоевал в Генуе Г. В. Чичерин — блестящий дипломат, один из образованнейших людей своего времени. За две недели до окончания Генуэзской конференции парижская газета «Эр нувель» писала о нем: «Если Чичерин и не добьется никаких кредитов, он все-таки вернется в Россию с почетом и возросшим престижем. В его активе будут Рапалльский договор и тот знаменательный факт, что среди европейских государственных людей он дал пример великолепной выдержки и ничего не принес в жертву на ненавистный алтарь капитализма»²⁸. Под статью Чичерину были Л. Б. Красин, М. М. Литвинов и В. В. Воровский — профессиональные революционеры, ставшие по воле великой революции первыми советскими дипломатами.

Советские люди с неослабевающим интересом следили за дипломатической битвой в Генуе. Своими письмами, телеграммами в адрес советской делегации и ее главы Г. В. Чичерина они морально поддерживали советских дипломатов, одобряли их твердость и стойкость, желали им успеха. Мужественная и умелая борьба советских дипломатов на Генуэзской конференции, отстаивавших жизненные интересы нашей страны, получила высокую оценку со стороны ЦК партии и Советского правительства²⁹.

Одним из центральных событий Генуэзской конференции явилось подписание 16 апреля 1922 г. Советской Россией и Германией знаменитого Рапалльского договора. Некоторые историки склонны даже считать, что, не будь Рапалло, Генуэзская конференция не оставила бы никакого следа в истории. Это, разумеется, преувеличение. Но Рапалльский договор — вероятно, один из самых лаконичных документов в дипломатической практике — достойно увенчал усилия советской делегации в борьбе за утверждение принципа мирного сосуществования в отношениях Советской России с капиталистическими странами. Заключенный с одним из крупнейших капиталистических государств Европы, он пробил зияющую брешь в едином империалистическом фронте и способствовал срыву антисоветских замыслов империалистических кругов. Положив начало взаимовыгодному сотрудничеству между Советской Россией и Германией на равноправной основе, этот договор стал на многие десятилетия образцом отношений между странами с различным общественным строем.

²⁸ Цит. по кн.: Там же, с. 102—103.

²⁹ См.: Чубарьян А. О. Указ. соч., с. 280.

Но договор с Германией не был единственным успехом советской дипломатии на Генуэзской конференции в налаживании двусторонних отношений с европейскими державами. Так, В. И. Ленин в начале мая 1922 г. в телеграмме Г. В. Чичерину посоветовал ему установить двусторонние контакты с Италией³⁰. Переговоры Чичерина с итальянскими дипломатами в Генуе привели к подписанию 24 мая 1922 г. торговой конвенции между двумя странами³¹. Хотя эта конвенция не была ратифицирована, она показала, что Италия также заинтересована в установлении взаимовыгодных отношений с Советской Россией. В конечном счете это соглашение способствовало расширению экономических связей между Советской Россией и Италией.

Советская Россия, приняв активное участие в международном форуме в Генуе, приложила много усилий, чтобы способствовать его успешному завершению. Но, как констатировал Г. В. Чичерин в выступлении на заключительном заседании Генуэзской конференции, последняя, отказавшись принять предложения советской делегации, не сделала «смелого шага в направлении к новым экономическим и политическим методам, к творческой, конструктивной работе, к выработке нового общего подхода»³². Ответственность за это перед историей несут правящие круги ведущих капиталистических государств Запада. Тем не менее глава советской делегации выразил обоснованную уверенность, что «Генуэзская конференция явится величайшим этапом на пути к миру»³³.

И действительно, Генуэзская конференция открыла новую страницу в истории международных отношений, ускорив переход Европы от войны к миру. Она содействовала постепенному утверждению принципа мирного сосуществования. Именно в Генуе впервые было достигнуто международное признание равноправия двух систем собственности. Конференция подготовила почву для налаживания деловых отношений Советской России со многими государствами. Добившись в Генуе фактического признания, Советская Россия спустя два года пожала богатые плоды: она была признана большинством европейских государств и де-юре. Генуэзская конференция показала, что

³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 183.

³¹ См.: Шишкин В. А. Указ. соч., с. 327.

³² Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 410.

³³ Там же, с. 412.

не было такой силы, которая могла бы помешать возвращению нашей страны на международную арену, ее активному и равноправному участию в мировой политике. На глазах удивленного мира новая, социалистическая Россия становилась фактором первостепенного международного значения.

Оценивая историческое значение Генуэзской конференции, И. М. Майский еще в 1922 г. в предисловии к публикации ее материалов и документов писал: «Наши потомки много лет спустя будут с гордостью и любовью обращаться мыслью к Генуе как к тому моменту, когда торжествующая социалистическая революция получила официальное международное признание»³⁴.

Выдвинутая в Генуе Советским государством программа мира и разоружения стала на многие десятилетия составной частью борьбы всех прогрессивных сил за всеобщий мир, коллективную безопасность и социальный прогресс.

³⁴ Генуэзская конференция, вып. 1, с. 7.

ОТ ИНТЕРВЕНЦИИ К ПРИЗНАНИЮ: ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В США ПО ВОПРОСУ О НОРМАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1917—1933)

История советско-американских отношений знает разные времена. Начало не предвещало ничего хорошего: Соединенные Штаты, объявив Октябрьскую революцию «вне закона» и высокомерно отвергнув все предложения Советского государства об установлении отношений на началах добрососедства и взаимного уважения, в ослеплении ненавистью к социализму пытались удушить его вооруженной рукой, блокадой и голодом. Когда это не получилось, были употреблены все средства, чтобы клеветой, запретом на духовное общение, войной нервов на протяжении долгих лет непризнания, дипломатическим шантажом и грубым запугиванием задержать рост влияния реального социализма. Были, однако, периоды, когда обе страны поддерживали сравнительно равные, даже союзнические отношения. Всем памятли годы совместной борьбы СССР и США против гитлеризма. Развязав затем «холодную войну», правящие круги США отбросили эти отношения далеко назад, едва ли не к исходной точке, чем резко обострили международную обстановку в целом, подстегнули бешеную гонку вооружений, ввергли мир в состояние военной тревоги...

В наше время по вине нынешней администрации США отношения между СССР и США вновь доведены до степени крайнего обострения. В попытке окончательно похоронить разрядку Вашингтон не останавливается даже перед самыми изощренными и одновременно бесчеловечными провокациями. В этих условиях, сознавая всю глу-

бину ответственности за судьбы человечества в ядерный век и демонстрируя добрую волю, Советский Союз своей гибкой внешней политикой и мирными инициативами делает все, чтобы отвратить угрозу гибели людей, упрочить взаимопонимание между народами обеих стран, уменьшить, а затем и полностью устранить возможность ядерной катастрофы. В недалеком прошлом на этом пути было немало неудач, но были и реальные достижения. Действиями администрации Рейгана эти достижения были либо пущены на ветер, либо сведены к минимуму. Вновь, как в былые времена, муссируется версия о «советской военной угрозе», распространяется клевета в отношении намерений Советской страны, раздается оскорбительная брань в адрес ее руководителей и всего народа. Свиные угрозы перемежаются с фарисейским морализированием на тему о «порочности социализма» и его несовместимости с «западной цивилизацией».

В Заявлении руководителя Советского государства Ю. В. Андропова от 28 сентября 1983 г. дается четкая оценка курса администрации Рейгана в международных делах и достойная отповедь кампании лжи, с которой, соревнуясь друг с другом, в экстазе показного благочестия обрушиваются на Советский Союз сторонники линии на достижение военного превосходства США и их доминирующей роли в мировых делах. В Заявлении, в частности, указывается: «Цену подобному морализированию мир хорошо знает. Во Вьетнаме мораль, как ее понимают деятели в Вашингтоне, внушали с помощью напалма и ядохимикатов, в Ливане ее вколачивают залпами корабельных орудий, в Сальвадоре эту мораль внедряют геноцидом. И этот перечень преступлений можно продолжить. Так что и о моральной стороне политики США нам есть что сказать: как вспоминая историю, так и говоря о сегодняшнем дне»¹.

Сказано точно, веско и неопровержимо. И в самом деле история советско-американских отношений — это не только летопись конкретных событий и деяний, она еще и обвинительный приговор тем силам в правящей верхушке США, которые вопреки интересам собственного народа постоянно толкали и толкают ее внешнюю политику на опасный путь воинствующего антикоммунизма и экспансионизма во имя достижения недостижимого. Следующие

¹ Правда, 1983, 29 сент.

слова из Заявления Ю. В. Андропова служат еще одним напоминанием этой непреложной истины: «За шесть с половиной десятков лет своего существования Советское государство успешно прошло через многие испытания, в том числе суровые. Те, кто покушался на целостность нашего государства, на его независимость, на наш строй, оказались на свалке истории. Пора бы понять всем, к кому это относится, что безопасность нашей страны, безопасность наших друзей и союзников мы сумеем обеспечить при любых условиях»².

Только воинствующее невежество — эта демоническая сила, способно тешить себя безумными надеждами опровергнуть этот вывод. Даже сразу после Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях неимоверно тяжелых и неблагоприятных, в окружении врагов, посреди разрухи рабоче-крестьянское государство выстояло и победило.

Причины провала планов империализма США и его союзников, нацеленных на уничтожение молодого социалистического государства, убедительно раскрыты в работах многих советских авторов. И среди них в первую очередь должны быть названы А. В. Березкин, В. А. Вальков, С. С. Григорьевич, А. В. Гулыга и А. Геронимус, Е. А. Кунина, Е. И. Попова, И. М. Краснов, Б. И. Марушкин, Д. М. Сташевский, Г. К. Селезнев, Р. Ш. Ганелин, Г. Н. Цветков, Л. А. Гвишиани и др.³ Есть, однако, особый аспект темы, который нуждается в дополнительных исследованиях, — внутривнутриполитический. Предлагаемая вниманию читателя статья и является попыткой рассмотреть процесс становления советско-американских отношений с учетом складывающихся внутри самих Соединенных Штатов условий. В статье использованы материалы архивов США.

² Там же.

³ *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США. М., 1967; *Гулыга А., Геронимус А.* Крах антисоветской интервенции США, 1918—1920 гг. М., 1952; *Григорьевич С.* Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром, 1918—1922 гг. М., 1957; *Попова Е. И.* Политика США на Дальнем Востоке, 1918—1922. М., 1967; *Селезнев Г. К.* Тень доллара над Россией. М., 1957; *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1954; и др.

На финише своей четвертой избирательной кампании 21 октября 1944 г. Ф. Рузвельт произнес речь перед членами Ассоциации внешней политики в Нью-Йорке. Коснувшись вопроса о советско-американских отношениях, Рузвельт заявил, что свое решение о признании Советского Союза он относит к самым большим достижениям внешнеполитической деятельности возглавляемой им администрации. Это «нечто такое, чем я горжусь», — сказал он. Продолжив, президент затем изложил собственную версию того, что послужило толчком к событиям ноября 1933 г. «В 1933 г., — в свойственной ему непринужденной, чуть интригующей манере говорил он, — дама, сидящая за этим столом напротив меня (президент имел в виду свою супругу. — В. М.), вернулась из поездки, в ходе которой она посетила одну из школ. Заглянув в класс истории — истории и географии — где занимались дети восьми, девяти и десяти лет, она увидела политическую карту мира с большущим белым пятном. Только белое пятно, никаких названий, никакой информации. Учитель объяснил, что школьный совет не разрешает ему даже упоминать об этом большом белом пятне, и все потому, что это была Советская Россия, на территории которой живет 100 или даже 200 миллионов человек. ...В течение 16 лет до этого случая американский и русский народы практически не имели никаких каналов для общения друг с другом. Мы восстановили эти каналы...»⁴

Этим замечанием (хотел он этого или нет) Рузвельт признал не только абсурдность сложившейся к 1933 г. не по вине Советского Союза ситуации, но и бесплодность расчетов его предшественников в Белом доме добиться путем непризнания, блокады, военных провокаций и шантажа изменения социального строя Страны Советов, реставрации старых порядков и подчинения ее внешней политики диктату международного капитала. Нельзя сомневаться также в том, что Рузвельт сознательно сместил акценты, выдавая свое обращение к Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину от 10 октября 1933 г. с предложением о нормализации отношений между двумя странами за спонтанный акт, за некое озарение, возникшее под влиянием случайного импульса, решающим образом повлиявшего на все последующие действия президента. Как

⁴ Roosevelt F. D. The Public Papers and Addresses. Vol. 1944—1945. N. Y., 1950, p. 342—354.

бы то ни было, версия Рузвельта никак не вяжется с существующими ему основательностью в подходе к вопросам внешней политики, стремлением взвешивать все «за» и «против» в процессе принятия решений, осмотрительностью. Рузвельт обладал превосходной памятью, но для того чтобы рассказанный им эпизод приобрел для него самого особый смысл и даже значение символа, нужно было больше, чем легкое потрясение от соприкосновения с политической косностью попечителей провинциальной школы. И в самом деле, за смешной и дикой попыткой обмануть детей скрывался длительный и глубокий конфликт в общественной жизни США на самых разных ее уровнях, сверху донизу. Его подоснова — существование двух разных подходов к советско-американским отношениям, двух тенденций в оценке их характера и перспектив.

По времени истоки этого конфликта восходят к тем десяти дням, «которые потрясли мир». По самой же своей сути он отражал принципиально новую ситуацию, возникшую с появлением первого в мире социалистического государства, и одновременно классовый характер того курса в «русском вопросе», который был взят правительством Вильсона, едва только известия о социалистической революции в Петрограде достигли американского берега. Это убедительно показано в работах многих советских авторов⁵. Архивные источники также свидетельствуют о том, что решение Вашингтона вмешаться в «русские дела» было принято не ради защиты русского народа от анархии и германского засилья и не в порядке уступки союзникам США (Франции и Англии), непрерывное давление которых в пользу такого вмешательства, как утверждают, например, ряд американских историков⁶, якобы стало определяющим для преодоления всех колебаний американской дипломатии. В позиции лидирующих группировок монополистической буржуазии, банковского капитала, обеих буржуазных партий, ведущих буржуазных газет генеральная установка на выкорчевывание «большевист-

⁵ См.: *Гулыга А., Геронимус А. Крах антисоветской интервенции США; Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг.* М., 1954; *Березкин А. В. Октябрьская революция и США; История внешней политики СССР, 1917—1975: В 2-х т. Т. 1. (1917—1945 гг.).* М., 1976, с. 94—98; и др.

⁶ *Browder R. P. The Origins of Soviet-American Diplomacy.* Princeton, 1953; *Unterberger B. America's Siberian Expedition, 1918—1920.* Durham, 1956; *Warth B. The Allies and the Russian Revolution.* Durham, 1954; Критика этой концепции была дана в кн.: *Кунина А. Е., Мухоморов Б. И. Миф о миролюбии США* М., 1960, с. 130—141.

ской опасности», удушение блокадой либо подавление силой социалистической революции в России (при всех чисто конъюнктурных, вызванных конкретной дипломатической, военно-стратегической или внутренней обстановкой отклонениях) были выражены абсолютно недвусмысленно. Следуя этой линии с первых дней существования Советской власти, «большая пресса», правительственный пропагандистский и репрессивно-полицейский аппарат США не только сделали максимум возможного, чтобы в ложном свете представить события в России, природу, характер и цели социальных сил, обеспечивших победу Октябрьского вооруженного восстания, но и обрушили гонения на те общественные элементы, которые заявляли о праве народов России самим решать свою судьбу.

Джон Рид писал в одном из своих первых репортажей в «Либереиторе» после возвращения из революционного Петрограда: «Россия под властью правительства рабочих и крестьян вовсе не такая, какой ее стараются изобразить в Америке буржуазные репортеры, дипломаты и бизнесмены». Западный мир, продолжал он, напичканный вымыслами об Октябре, «представляет себе пролетарскую республику во власти хаоса, дезорганизации и тирании, где орудуют анархисты, пьяная солдатня и немецкие агенты»¹. Изображая Советскую Россию средоточием всех темных сил, буржуазная пропаганда сознательно подогревала страхи в отношении социалистической революции и тех, кто, как считалось, сочувствует ее идеалам. Неудивительно, что внутренняя обстановка в США, и без того весьма накаленная в силу обострения классовых конфликтов, роста стачечного движения, распространения левых настроений в профсоюзах, в фермерских массах, интеллигенции, брожения среди черного населения, под воздействием раскручивания кампании антисоветизма и шовинизма резко изменилась к худшему. Известный американский буржуазный историк А. Линк недавно заметил: «...говоря о внутренней политике администрации Вильсона, мы обязаны анализировать ее в глобальном контексте. Важнейшей же реальностью 1917—1918 гг. являлся тот факт, что США были вовлечены в тотальную войну, вот почему представляется неправомерным ожидать от правительства терпимости в отношении сколько-нибудь значительной оппозиции или обструкции его военных уси-

¹ Цит. по кн.: Дангулов А., Дангулов С. Легендарный Джон Рид. М., 1982, с. 210.

лий»⁸. В методологическом отношении замечание это вполне правильно, но нуждается в существенном уточнении. Нетерпимость правительства Вильсона обращена была главным образом против сторонников политического радикализма, левых, прогрессистов и коммунистов, коих изображали «рукой Москвы», агентурой большевизма, пособниками германского кайзера и т. д.

Крайняя враждебность, испытываемая американской буржуазией к новому общественному строю, рожденному Великим Октябрем, и ставшая неотъемлемым элементом ее менталитета, вылилась в легший позорным пятном на американскую буржуазную демократию пароксизм антирадикальной истерии и политические репрессии эпохи «красного ужаса» 1918—1920 гг. Само собой разумеется, проведение связанных с ними широких и разнообразных охранительных мероприятий по ограничению гражданских свобод и организации прямой атаки на левые оппозиционные течения было бы невозможно без тщательно спланированных, подготовленных и скоординированных действий. В новейших американских исследованиях⁹ специально отмечается особая роль органов власти — конгресса, правительства, судов и репрессивного аппарата в претворении в жизнь плана искоренения политической оппозиции, сочувственно или просто терпимо относившейся к идее преобразования общества на антикапиталистических началах. И в этом смысле настойчивые усилия американской дипломатии и средств массовой информации выставить первое в мире социалистическое государство у позорного столба, сделать его образ непопулярным, даже отталкивающим были рассчитаны в основном на внутреннее потребление¹⁰, на предотвращение распространения социального бунтарства в его высших, классово сознательных формах. Но, с другой стороны, говоря о внешней политике, историк не может абстрагироваться от внутренних условий, в которых она формируется и получает воплощение в доктринах, лозунгах и конкретных акциях. Здесь всегда существовала и существует прямая связь и

⁸ См.: The Journal of American History, 1981, June, vol. 68, N 1, p. 165.

⁹ См.: Goldstein R. J. Political Repression in Modern America: From 1870 to the Present. Cambridge; New York, 1978, p. 139—163; Williams D. W. The Bureau of Investigation and Its Critics, 1919—1921: the Origins of Federal Political Surveillance.— The Journal of American History, 1981, Dec., vol. 68, N 3, p. 577—578.

¹⁰ См.: Попова Е. И. США: борьба по вопросам внешней политики, 1919—1922 гг. М., 1966, с. 69.

зависимость. Мы сталкиваемся с подобной ситуацией и при рассмотрении нашей темы. Длительное время искусственно подогреваемые страхи перед мифической угрозой экспорта революции Москвой, перед «вмешательством» Москвы во внутренние дела США с целью поддержки антиправительственного заговора¹¹, шумные кампании по «разоблачению пособников большевиков» использовались всеми попеременно сменявшимися друг друга до 1933 г. американскими администрациями в качестве главного довода в пользу фактического объявления Советской страны враждебным государством¹².

И. М. Майский в «Воспоминаниях советского дипломата» писал: «Значение личности в сфере дипломатии (как, впрочем, и во многих других областях) весьма значительно, а в определенные моменты очень велико»¹³. Справедливость этого замечания подтверждается сполна на истории советско-американских отношений, в отдельные периоды окрашенные в особо контрастные тона, не в последнюю очередь благодаря проявлениям тех или иных индивидуальных качеств, пристрастий и предубеждений политических руководителей США, игравших или играющих ключевую роль в осуществлении внешнеполитического курса Белого дома. Причем это обстоятельство порой приобретало весьма существенное (если не первостепенное) значение, определяя на длительный период стиль и весь образ действий внешнеполитического ведомства США. Всегда держа на прицеле гегемонистские устремления империализма США, те, кто стоял у руля американской дипломатии, в то же время могли руководствоваться разными подходами в выборе средств и методов их осуществления. Умеренность и реализм характеризовали почерк одних, экстремизм, циничный авантюризм и всего более воинствующий антисоветизм стали руководящими принципами для других.

¹¹ См. подробнее: *Murray R. K. Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919—1920.* N. Y., 1964; *Preston W. Aliens and Dissenters.* N. Y., 1966; *Goldstein R. G. Op. cit.*; *Coben S. A Study in Nativism: The American Red Scare of 1919—1920.—Twentieth Century America/Ed. Barton J. Bernstein, Allen J. Matusow.* N. Y., 1969, p. 90—109.

¹² См.: *Цветков Г. Н. Шестнадцать лет непризнания.* Киев, 1971, с. 7. Указания на этот факт мы можем найти в ряде работ авторитетных американских авторов, см., напр.: *Harriman W. Averell. America and Russia in a Changing World.* N. Y., 1971, p. 10.

¹³ *Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925—1945 гг.* М., 1971, с. 96.

В искусственном насаждении образа Советской страны как главного источника нестабильности в мире и адской угрозы всей «западной цивилизации» особая роль принадлежала как раз той ветви буржуазных политиков и идеологов, которая прочно связала себя с идеей достижения любой ценой американского превосходства и лидирующей роли США в мировых делах. В этой длинной веренице проводников имперских планов никогда не было сторонников смягчения жесткого курса в отношении Советской России даже в отдаленном будущем. Все они видели в самом факте существования Советской Республики смертельный вызов капитализму и препятствие осуществлению глобальной экспансии американского империализма.

Самый большой вклад в распространение такого рода понимания характера советско-американских отношений еще на стадии угасания «прогрессивной эры» внесли многие буржуазные политические лидеры США: Т. Рузвельт, В. Вильсон, Р. Лансинг, Б. Колби, Г. Гувер, Г. Хьюз и др. Т. Рузвельт, предавая большевизм анафеме в передовицах для «Канзас-сити стар»¹⁴, энергично поддерживал идею военного решения вопроса путем организации прямой интервенции против революционной России. За две недели до смерти он безоговорочно солидаризировался со взглядами тех, кто предлагал начать всеобщий «антибольшевистский» поход в поддержку контрреволюции в России¹⁵.

Отбросив в сторону маску либеральной всеядности в идеологических и политических вопросах, В. Вильсон во время предвыборного турне по стране в 1919 г. также не постеснялся использовать жупел «большевистской угрозы» для нападков на противников Лиги наций и Версальского договора, объявляя их деятельность происками враждебных США внешних сил, помышляющих о революции, создании в стране хаоса и т. д.¹⁶ Крен Вильсона и его пропагандистские трюки были глубоко символичны — платформа антисоветизма объединила всех противников революционных изменений независимо от партийной принадлежности и оттенков в оценке их источников.

¹⁴ *Белявская И. А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978, с. 286.

¹⁵ Library of Congress. W. Borah Papers. Box 79. Henry L. Slobodin to Theodore Roosevelt, Dec. 14, 1918; Theodore Roosevelt to Henry L. Slobodin, Dec. 20, 1918.

¹⁶ *Goldstein R. J.* Op. cit., p. 601.

В обосновании курса на обращение с Советской Россией как с враждебным государством и логически вытекающей отсюда доктрины дипломатического непризнания существенную роль сыграл государственный секретарь США в 1915—1920 гг. Роберт Лансинг¹⁷. Многие исследователи уже обращали внимание на различные политические мотивы, выдвинутые Лансингом в оправдание такого курса (выход России из войны, угроза ее расчленения и усиления конкурентов Америки, неуплата военных долгов и т. д.). Реже указывалось на терзавшие его (и президента Вильсона тоже) предчувствия крушения привычного миропорядка, олицетворяющего самовластие собственности, царство мира наживы и неотвратимость глубочайших революционных перемен во всех странах и на всех континентах в случае, если процесс, начатый Октябрем 1917 г. в России, не будет остановлен, обращен вспять или по крайней мере заблокирован и локализован.

Между тем уже в конце ноября 1917 г. ведущие американские газеты выступили с заявлениями, из которых явствовало, что к новой России следует относиться как к врагу¹⁸. Это не могло быть сделано без ведома госдепартамента, руководитель которого 24 ноября заверил посла Временного правительства в Вашингтоне Б. А. Бахметьева о том, что США и впредь будут игнорировать Советское правительство и по-прежнему рассматривают его (Бахметьева) послом России в Америке¹⁹.

Менее чем через неделю, в начале декабря 1917 г., Лансинг специально занялся подготовкой обширного меморандума по «русскому вопросу». Итогом этих усилий стало появление на свет документа, подводящего своего рода философско-идеологическую базу под политику непримиримого антисоветизма, курсом которого следовала американская дипломатия до начала 30-х годов. Центральная идея меморандума выражена с той предельной ясностью, на которую только способен человек с духов-

¹⁷ См.: *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США, с. 85—89, 94 и др.

¹⁸ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States* (далее: FRUS), Russia, 1918, Wash., 1931, vol. I, p. 271. Эдвард Хауз в телеграмме из Парижа Вильсону и Лансингу расценил эти выступления прессы США как несвоевременные. Уже в самом этом факте нельзя не увидеть признание того, что пропагандистские залпы ведущих газет США носили инспирированный характер.

¹⁹ *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975, с. 46.

ным комплексом «защитника веры», фанатично считающий происхождение частной собственности божественным делом, а любую попытку ее обобществления и устранения социального и национального неравенства между людьми — аморальным, безнравственным, недопустимым злом, грозящим гибелью цивилизации²⁰. Известный американский историк Вильям Апплтон Вильямс справедливо писал, что именно тогда, в декабре 1917 г., впервые была сформулирована пресловутая идея «сдерживания коммунизма»²¹. Пальма первенства в этом, несомненно, принадлежит Р. Лансингу.

Из множества заявлений Лансинга по «русскому вопросу» следовало, что сильнее всего Вашингтон тогда начинала тревожить возможность усвоения и использования русского опыта народами других стран, где и без того проявлялись многие признаки нарастания революционного кризиса. Оскорбительные выпады против «опасных идеалистов», пришедших к власти в Петрограде, выдавали острую тревогу за прочность капиталистического порядка во многих странах, за его тылы. Государственный секретарь, по-видимому, хорошо понимал (мы воспользуемся здесь словами Томаса Пейна), что «армия принципов проникнет туда, куда не может пробиться никакая армия солдат»²². Отсюда — настойчивые усилия главы госдепартамента, направленные на то, чтобы создать вокруг Советского государства санитарный кордон, вызвав тем самым его дезинтеграцию и гибель. В случае необходимости в нужный момент предполагалось форсировать этот процесс прямым военным вмешательством²³. Первоначальные варианты планов удушения молодой Республики Советов, разумеется, определенным образом различались между собой. Однако при всем при том все они исходили

²⁰ См.: War Memoirs of Robert Lansing. N. Y., 1935, p. 339—342; см. также: Березкин А. В. Указ. соч., с. 85, 87, 88, 94; Ганелин Р. Ш. Указ. соч., с. 56, 57.

²¹ Williams W. A. Raymond Robins and Russian-American Relations, 1917—1938. Madison (Wis.), 1950, p. 173.

²² См.: Пейн Т. Избр. соч. М., 1959, с. 394.

²³ См.: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914—1920. Wash., 1940, vol. 2, p. 128, 353, 354, 357, 358, 361. Роберт Мэддокс в своей биографии сенатора Бора привел дневниковую запись Лансинга, из которой становится ясно, что правительство США уже в феврале—марте 1918 г. планировало начать интервенцию, но боязнь натолкнуться на сопротивление сената удержала его от этого шага. См.: Maddox R. J. William E. Borah and American Foreign Policy. Baton Rouge, 1969, p. 37.

из неприятия социализма, необходимости добиваться реставрации капитализма в России, невозможности сосуществования (даже временного) обеих стран, непрекаемого права Соединенных Штатов Америки вмешиваться в дела Советской России и диктовать ей условия после «освобождения» от «безбожного» большевизма. Пропаганда лживой версии о злокозненных планах большевиков экспортировать свою революцию и неправомерном характере Советской власти призвана была придать благопристойный вид любой акции в рамках этой стратегии умерщвления в зародыше нового строя, осмелившегося бросить вызов всему старому порядку.

Тема священной войны во имя спасения «западной цивилизации» от ереси социализма отчетливо различима в переписке Р. Лансинга с Джорджем Кеннаном, известным американским этнографом и исследователем России, относящейся к периоду подготовки и проведения «сибирской экспедиции»²⁴. Как явствует из переписки, с самого начала целью интервенции являлось не выполнение каких-то ограниченных, чисто локальных задач (борьба с анархией, охрана военных складов, спасение чехословацкого корпуса и т. д.), как об этом было заявлено в декларации американского правительства от 3 августа 1918 г.²⁵, а реализация генеральных планов ниспровержения Советской власти и уничтожения большевизма²⁶. И хотя известный американский историк Кеннан прав, когда пишет, что официальные документы правительства США об этом умалчивают²⁷ (правительство США делало все, чтобы попросту запутать мировое общественное мнение в отношении своей позиции²⁸), однако из секретного письма

²⁴ Мы располагаем ответами Лансинга на письма Кеннана (см.: Library of Congress. George Kennan Papers. Box 4. R. Lansing to Kennan, May 28, 1918; Aug. 15, 1918; Febr. 2, 1920). Позицию Кеннана, с которой в принципе полностью солидаризировался Лансинг, хорошо раскрывает письмо Кеннана Джозефу Прайсу от 5 августа 1918 г., где четко излагалась концепция американской помощи внутренней контрреволюции в России и борьбы с большевиками путем организации широкомасштабной интервенции. См.: Library of Congress. Robert Lansing Papers. Vol. 37. George Kennan to Joseph M. Price. Aug. 5, 1918.

²⁵ FRUS, 1918, Russia, vol. II, p. 328, 329.

²⁶ Library of Congress. Robert Lansing Papers. Vol. 37. George Kennan to Lansing. Aug. 9, 1918.

²⁷ Kennan G. Decision to Intervene. Princeton (N. J.) 1958, p. 403.

²⁸ Еще в конце мая 1918 г. В. Вильсон уклонялся от темы об интервенции в Сибири в разговорах с дипломатическими представителями союзников (см.: Роттисейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Рос-

Р. Лансинга Кеннану-старшему от 2 января 1920 г. видно, что общий замысел «сибирской экспедиции» простирался дальше объявленного Вашингтоном намерения обеспечить безопасность поднявшего мятеж чехословацкого корпуса (которому, кстати, никто не угрожал и который был спровоцирован на выступление американскими агентами), а в географическом смысле дальше Урала. Концовка письма главы госдепартамента не оставляет ни малейших сомнений, в каком направлении развивалось бы вооруженное вмешательство США в русские дела, не будь революционная воля российских рабочих и крестьян сильнее Колчака и его покровителей и не окажись правительство Вильсона в силу провала расчетов на молниеносный успех сибирской авантюры лицом к лицу с большими внутрисполитическими трудностями. «...Я хочу, чтобы Вы знали,— писал Лансинг,— что использованию больших активно действующих сил американской армии в Сибири помешал не недостаток сочувствия этой идее, а сложившиеся условия, которые просто-напросто сделали абсолютно невозможным осуществление этого курса. Мы оказались связанными по рукам и ногам обстоятельствами»²⁹.

Ища оправдания сибирскому фиаско, Лансинг приоткрыл завесу над тайной, окружавшей принятое правительством США решение об интервенции: в последний миг уже не союзники и не Япония выступали главными вдохновителями и организаторами широкомасштабного вооруженного вмешательства, а правительство США, суть же дела состояла не «в войне с немцами», не «в спасении Сибири» от немецких военнопленных и не в оказании помощи чехословакам, а в совместных действиях с Колчаком на всю глубину военно-стратегических и политических задач, вытекающих из плана разгрома социалистической революции в России, выработанного в июне—июле 1918 г. Белым домом и госдепартаментом³⁰. Это подтверждает переписка заместителей государственного

сию... М., 1982, с. 91). Между тем к тому времени вопрос об ее организации был фактически согласован. Оставалось только наметить дату.

²⁹ Library of Congress. George Kennan Papers. Box 4. R. Lansing to Kennan, Febr. 2, 1920.

³⁰ FRUS. Russia, 1918, vol. II, p. 263; Кунина А. Е. Об агрессии американского империализма против Советской России в 1918—1920 гг.—Воен.-ист. журн., 1961, № 1; Березкин А. В. Указ. соч., с. 161, 162; Maddox R. J. The Unknown War with Russia: Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, Cal., 1977.

секретаря Фрэнка Полка и Брекенриджа Лонга с Вильсоном и Лансингом³¹.

Особенно показательно письмо Лансинга Фрэнку Полку от 3 августа 1918 г. Это письмо не вошло в изданную переписку Лансинга. И не случайно. Лансинг, находившийся в этот момент вне Вашингтона, в нем настойчиво советовал своему заместителю добиваться скорейшего соглашения с Японией всех вопросов, касающихся совместной (США и Японии) интервенции в Сибири и одновременно выключения Англии и Франции из этой акции под предлогом нежелания вызвать неблагоприятную реакцию русского народа. При этом, без тени смущения упомянув о «тайной поддержке» союзниками контрреволюции в «различных районах России», государственный секретарь проявил особую озабоченность тем, как представить американское вмешательство чуть ли не высшим проявлением уважения к суверенитету народа России³². Однако содержание и тон письма обнажают насквозь фальшивый характер заявления американского правительства от того же числа о целях вооруженного вторжения в Россию³³. Не о помощи чехословакам и не об охране военных складов помышляли тогда в Вашингтоне, так же как и в Лондоне, Париже и Токио, а о вмешательстве в гражданскую войну в России на стороне врагов революции, об уничтожении Советской власти и подавлении развивающегося под непосредственным влиянием русского примера широкого движения к революционным переменам в других странах.

Боясь неблагоприятной реакции общественного мнения, идеологическую мотивацию интервенции на первых порах даже в частной переписке старались тщательно упрятать

³¹ Library of Congress. R. Lansing Papers. Vol. 37, Frank L. Polk to W. Wilson, July 24, 1918; Breckenridge Long to Lansing, July 31, 1918; Lansing to Frank L. Polk. Aug. 3, 1918.

³² Ibid., Lansing to Frank L. Polk, Aug. 3, 1918. Вильям А. Вильямс показал, что начиная с мая 1918 г. в США необычайно активизировались все антисоветские силы, требовавшие решительных действий от правительства, а с июня того же года Р. Лансинг принялся потирапливать президента в отношении ускорения принятия решения об интервенции. См.: *Williams W. A. Raymond Robins and Russian-American Relations, 1917—1938*, p. 162.

³³ Генерал В. Грэвс, командующий американскими экспедиционными силами в Сибири, был очень близок к истине, когда писал: «Я должен признать, что основания для интервенции Соединенных Штатов, изложенные 3 августа 1918 г., неоткровенны и неполны...» (*Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918—1920)*. М., 1932, с. 239).

подальше от глаз³⁴, однако случались и порывы открытости, когда обнажались подлинные цели и замыслы. Так, Лансинг в письме своему знакомому Эдварду Смиту от 14 ноября 1918 г. заявил без обиняков: «Великие проблемы, Эд, нам еще только предстоит решать. Большевизм угрожающе растет во многих европейских странах»³⁵. По убеждению Лансинга, вся международная политика США в силу нарастающей угрозы революционных потрясений в мире впредь должна была быть подчинена выполнению главной задачи — «ограждению общества от анархии»³⁶. В вопросе о том, как этого достичь, Лансинг придерживался самой крайней точки зрения, т. е. стоял за использование всех доступных и подходящих в тех или иных обстоятельствах средств (в том числе и продовольствия в качестве средства давления) для нанесения серии методических ударов по рабоче-крестьянскому государству. С этой мыслью президент США и государственный секретарь направились на Парижскую мирную конференцию, увозя с собой не только знаменитые «14 пунктов», но и секретный комментарий к ним, подготовленный в октябре 1918 г. полковником Хаузом³⁷. Оценка этого документа дана в работах советских исследователей, которые обоснованно называют его планом уничтожения Советского государства и расчленения России³⁸.

Наиболее последовательного своего сторонника линия на организацию тотальной блокады Советской России и развязывание против нее крупномасштабной необъявленной войны нашла в лице посла США в Петрограде Фрэнсиса. В начале января 1919 г., находясь в Лондоне, он буквально бомбардировал Вильсона и Лансинга посланиями с требованиями «остановить большевизм», не дать ему проникнуть в Австро-Венгрию, Германию, другие европейские страны. С этой целью он вновь занялся проталкиванием плана расширения совместной англо-франко-американской интервенции на северо-западе России, захвата

³⁴ См.: Гвишиани Л. А. Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970, с. 124—126, 143.

³⁵ Library of Congress. R. Lansing Papers. Vol. 40. Lansing to Edward N. Smith, Nov. 14, 1918.

³⁶ Ibid.

³⁷ Архив полковника Хауза. М., 1944, т. 4, с. 119, 153; Березкин А. В. Указ. соч., с. 197, 198; Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг., с. 95—100; Вальков В. А. СССР и США: Их политические и экономические отношения. М., 1965, с. 37, 38.

³⁸ См., напр.: Березкин А. В. Указ. соч., с. 198; Гвишиани Л. А. Советская Россия и США, с. 163.

Петрограда и его оккупации до «восстановления порядка»³⁹. В пространном письме Лансингу от 11 января 1919 г. раздраженный, как ему казалось, медлительностью союзников и поднимающейся военной критикой «русской политики» в Англии⁴⁰, Фрэнсис «открытым текстом» изложил свои доводы в пользу тотальных мер пресечения распространения большевизма, предусматривающих непризнание факта политического существования Советского государства, его публичное моральное отлучение от мирового сообщества и организацию в буквальном смысле крестового похода против большевиков главных сил союзных войск.

Стоит привести следующую выразительную выдержку из этого документа, лишний раз свидетельствующего, в каком генеральном направлении велось начиная с весны 1918 г. обсуждение «русского вопроса» в недрах дипломатического ведомства США и в окружении президента: «Мне не нужно напоминать Вам, что с самого начала подъема большевизма в России я настаивал на том, что его сторонники содействуют развитию мировой социальной революции и что если эта революция победит в России, то она будет представлять угрозу сначала для Австрии, затем для Германии, а за ней и для каждой из европейских стран. В этом случае она не обойдет даже и нашу страну. Именно эти убеждения, а также желание сохранить русский фронт против немцев, с тем чтобы предотвратить их переброску на западный фронт, побудили меня направить Вам телеграмму от 2 мая 1918 г., в которой я выразил мнение, что время для союзнической интервенции наступило... Я советовал тогда начать активную интервенцию в целях подавления большевизма в России...»⁴¹.

³⁹ Library of Congress. R. Lansing Papers. Vol. 40. D. Francis to Lansing, Jan. 1, 1919.

⁴⁰ Ротштейн Э. Указ. соч., с. 133.

⁴¹ Library of Congress. R. Lansing Papers. Vol. 41; D. Francis to Lansing, Jan. 11, 1919. Послания Фрэнсиса должны быть поставлены в прямую связь с полемикой, которая развернулась в английской печати по вопросу об интервенции и в особенности с новыми демаршами в пользу мирного урегулирования всех разногласий с союзниками, которые предприняло Советское правительство через находившегося в Стокгольме М. М. Литвинова в конце декабря 1918 г. (Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 628—630; Ротштейн Э. Указ. соч., с. 126—133; Williams W. A. American-Russian Relations, 1781—1947. New York; Toronto, 1952, p. 161—163). Зная о них и опасаясь (впрочем, совершенно напрасно) позитивной реакции на убедительные доводы в защиту нормализации отношений Запада с Советским государством, Фрэнсис стремился во что бы то ни стало предотвратить отход от жесткой линии, вовлечение в

Если кратко подытожить наиболее существенные суждения представителей правящей верхушки и руководителей внешней политики США, выраженные в ответственный период становления советско-американских отношений, то невольно обращают на себя внимание два момента: во-первых, борьба с глобальной опасностью усвоения революционного опыта России народами Европы и Америки должна вестись непреклонно, любыми методами, без оглядки на нормы права и моральные кодексы; во-вторых, никакие давние традиции поддержания дружественных связей между народами России и США не могут устоять перед эгоизмом классового интереса, ему следует отдать приоритет, перед ним должны отступить все щекотливые соображения, восходящие к политическому реализму, общечеловеческой морали, доверию, гуманизму, порядочности и даже самой экономической выгоде. Вот суть того подхода к советско-американским отношениям, который был с разными нюансами зафиксирован в переписке и выступлениях Вильсона, Лансинга, Фрэнсиса, Полка и других руководителей внешней политики США в 1918—1920 гг.

Крах интервенции, как справедливо отмечал еще В. Вильямс, подлил масла в огонь, усилив враждебность официального Вашингтона к Советской России⁴². Так рождался синдром «белого пятна», о котором с оттенком неодобрительной иронии говорил Рузвельт в своей речи от 21 октября 1944 г. В переводе на язык дипломатической практики это означало следующее: Соединенные Штаты считают социалистическое государство незаконнорожденным и несуществующим. Никогда и ни при каких обстоятельствах, пока у власти остаются большевики, США не признают Советское правительство, не будут устанавливать с ним официальные отношения и не потерпят его привлечения к мировым делам в качестве равноправного партнера. Знаменитая нота Бейнбриджа Колби (преемник Лансинга на посту госсекретаря) от 10 августа 1920 г., содержащая грубые нападки на советский строй и нелепые претензии к Советскому правительству, лишь подтвердила

любую дискуссию с Советами, означавшую, как он считал, признание за ними статуса субъекта мировой политики. Послания Фрэнсиса Лансингу от 1 и 11 января 1919 г. не вошли в сборники внешнеполитических документов США. Телеграмму Фрэнсиса от 2 мая 1918 г. см.: FRUS, Russia, 1918, vol. I, p. 519. О событиях, предшествующих отправке этой телеграммы, см.: Ганелин Р. Ш. Указ. соч., с. 194.

⁴² Williams W. A. Raymond Robins and Russian-American Relations, 1917—1938, p. 174.

принципиальный подход правительства США к советско-американским отношениям, положенный в основу внешнеполитической деятельности всех американских администраций от Вильсона до Гувера⁴³.

В телеграмме советским представителям за границей НКВД РСФСР от 10 сентября 1920 г. решительно отверг надуманные обвинения в адрес Советского правительства и опроверг прогнозы Колби в отношении возможности замораживания советско-американских отношений на «нуле» и сохранения изоляции Советской России от внешнего мира. В телеграмме были вскрыты полная необоснованность доводов и нереалистичность позиции правительства США, в корне противоречившей объективной логике истории и обусловленному ею процессу изменений. Подписанная Чичериным телеграмма заканчивалась следующими словами: «Г-н Колби глубоко ошибается, полагая, что только при условии господства в России капиталистического строя возможны нормальные отношения между ней и Северной Америкой. Мы считаем, наоборот, необходимым в интересах как России, так и Северной Америки установление между ними уже теперь, несмотря на противоположность их социального и политического строя, вполне корректных и лояльных мирных дружественных отношений, необходимых для развития между ними товарообмена и для удовлетворения экономических потребностей той и другой стороны. Российское правительство убеждено, что не только трудящиеся массы, но и более дальновидные представители деловых кругов Северной Америки отвергнут близорукую и вредную для самой Америки политику, выразившуюся в ноте г-на Колби, и в близком будущем между Россией и Северной Америкой точно так же, как между Россией и Англией, установятся нормальные отношения, несмотря на глубокую противоположность их строя»⁴⁴.

Оценить по достоинству хладнокровие, взвешенность и дальновидность позиции Советского правительства способен был каждый непредубежденный человек. Москва апеллировала к способности непредвзято судить о фактах, к рассудку, чувству истины, Вашингтон же — к поработанному классовым эгоизмом сознанию буржуа, домыслам, эмоциям дезинформированной публики.

⁴³ FRUS, 1920, Wash., 1936, vol. III, p. 463—468; см.: Browder R. P. The Origins of Soviet-American Diplomacy. Princeton, 1953, p. 18—19.

⁴⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1959, т. 3, с. 176, 177.

Начать с того, что американские войска оставались на советской территории вплоть до конца ноября 1922 г.⁴⁵, однако в ноте Колби именно Соединенные Штаты обвиняли Советскую Россию в нарушении международных норм и обязательств, вероломстве и неуважении к суверенным правам других народов. В перечне недопустимых действий, приписываемых Советскому правительству, особым пунктом упоминалось будто бы имеющее место ведение им подрывной пропаганды против законно существующих правительств. Между тем сама нота являла собой худший образец психологической войны, каждая ее строка дышала призывом к изменению политического и государственного строя Советской России, была составлена с расчетом вызвать чувства недоверия, озлобления и ненависти у народа страны к его революционным вождям, большевикам, Ленину. «Сквозная идея ноты Колби,— пишет Джон Гэддис,— отражала продуманную попытку восстановить национальные чувства русского народа против большевиков путем объявления правительства во главе с Лениным чужеродным режимом, держащимся на штыках и готовым пожертвовать национальными интересами России во имя торжества абстрактной, интернационалистской, революционной идеологии»⁴⁶.

Эти демонстративная враждебность и заносчивость официального Вашингтона по отношению к Советской России, подкрепленные десятком последующих заявлений (как правило, в оскорбительно грубой форме) и дополненные дискриминационными мерами, беззастенчивое использование двойного стандарта при оценке собственных действий и внешней политики Советской страны находились в глубоком противоречии с общепринятыми нормами общения между государствами. В демократических кругах страны все это вызывало растущее осуждение⁴⁷. Однако

⁴⁵ Эвакуировав свои войска с материка, США продолжали держать отряд американских солдат на о-ве Русский (о-в Казакевича), находящемся в заливе Петра Великого к югу от Владивостока и отделенном от него узкими проливами. Американский крейсер «Сакраменто» продолжал стоять на владивостокском рейде и после освобождения города войсками Народно-освободительной армии ДВР. Лишь 24 ноября 1922 г. крейсер «Сакраменто» покинул советские воды, сняв также американский отряд с о-ва Русский (Документы внешней политики СССР. М., 1961, т. 5, с. 713; FRUS, 1922, Wash., 1938, vol. III, p. 865, 866; Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке, с. 63, 307, 308).

⁴⁶ Gaddis J. L. Russia, The Soviet Union and the United States: An Interpretive History. New York; Toronto, 1978, p. 95.

⁴⁷ Ibid., p. 97.

любая критика отводилась правительством США в нарочито жесткой, непрекращаемой и целиком выдержанной в духе антирадикальной риторики эпохи «красной паники» манере. Разумные доводы отвергались с порога, те, кто взывал к их учету, изображались противниками спасительной «твердости», а стало быть, непатриотически настроенными гражданами. Примером могут служить дополняющие друг друга заявления министра торговли Г. Гувера и государственного секретаря Ч. Хьюза в конце марта 1921 г. в ответ на новое предложение ВЦИК РСФСР о нормализации торговых отношений между двумя странами. Оба они неизменно условием возобновления любых контактов по государственной линии выдвигали согласие правительства Советской России восстановить в стране капиталистические порядки⁴⁸. От Москвы ждали полной и безоговорочной капитуляции на американских условиях. В целом же в ультиматумах Хьюза и Гувера концепция «естественного врага» обрела более четкие контуры. Под нее были подведены три несущие опоры. Это решительный отказ от признания принципа мирного сосуществования, идея поддержания постоянного силового давления на Советы в расчете на их развал или перерождение и, как заметил в своем заявлении для печати 21 января 1925 г. Г. В. Чичерин, курс на длительное сохранение «искусственной системы разобщения двух величайших стран земного шара...»⁴⁹.

А теперь снова вернемся к письму-исповеди, которое Р. Лансинг направил Джорджу Кеннану 2 февраля 1920 г. Объясняя, почему правительство Вильсона не смогло организовать переброску армии, «достаточной для продвижения в Западную Сибирь» (судя по всему, этот вопрос затрагивался в переписке), глава госдепартамента возложил ответственность за это на несговорчивый конгресс и общественность США, которая, по его словам, оказала бы наверняка стойкое противодействие расширению необъявленной войны. Лансинг был предельно искренен: идти дальше в прямом и переносном смысле правительства не отважилось; не потому, что не хотело, а потому, что не могло. «Русские решительно отказались сплотиться вокруг Колчака», конфликт же с общественностью в случае продолжения военного присутствия США на территории

⁴⁸ FRUS, 1921, Wash., 1936, vol. II, p. 768.

⁴⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1963, т. 8, с. 84.

России и открытого участия в затяжных боях против Красной Армии грозил обернуться политической катастрофой⁵⁰. Поступающая на стол Лансинга доверительная информация о складывающейся в США обстановке не обещала ничего утешительного, случись нечто подобное⁵¹. Несмотря на все старания могущественных сил и деятелей вроде Сиссона, сенаторов Ласка и Овермена, белогвардейской эмиграции, фундаменталистов⁵², идея «естественного врага» не сделала своим пленником массовое сознание американцев, не вызвала того единодушного отклика, на который рассчитывали.

Разумеется, одно другому не противоречит: нельзя и недооценивать влияния проповеди антисоветизма, раздававшейся с самых высоких трибун, церковных кафедр, в прессе⁵³. Широкое распространение изоляционистских настроений в стране в 20-х годах, переключение внимания публики, поглощенной погоней за миражами «процветания», на проблемы чисто внутренние, вспышка антирадикализма — все это способствовало отвлечению американцев от раздумий о перспективах советско-американских отношений. Однако подспудно шел контрпроцесс — осознание необходимости глубже и лучше понять происходящее в России и определить, по возможности непредвзято, его истоки и характер. И в годы, омраченные интервенцией в Советской России, в рабочем и социалистическом движении США, в кругах демократической общественности не затухал интерес и участие к «социалистическому эксперименту», живой отклик находила идея восстановления нормальных отношений между двумя странами. А уже в 1926 г. неофициальный представитель СССР в США Б. Е. Сквирский сообщал о заметной перемене и в позиции делового мира, а также средств массовой ин-

⁵⁰ Library of Congress. George Kennan Papers. Box 4, L. Lansing to Kennan, Febr. 2, 1920.

⁵¹ Library of Congress. R. Lansing Papers. Vol. 51. «Confidential Summary Report of the Progress of Radicalism in the United States and Abroad». Jan. 17, 1920. Особое внимание правительственных информаторов привлекло выступление в защиту нормализации советско-американских отношений членов Либерального клуба Гарварда. Среди них видное место принадлежало Ф. Франкфуртеру, в будущем советнику Ф. Рузвельта. См.: *Williams D. W.* Op. cit., p. 573.

⁵² Документы внешней политики СССР, т. 8, с. 82.

⁵³ Весьма основательно этот вопрос разобран в работах советских историков. См., напр.: *Гвишиани Л. Н.* Советская Россия и США, с. 254—273.

формации США⁵⁴. В дальнейшем наблюдается усиление этой тенденции.

Движение общественности США за прекращение интервенции на Советском Севере и Дальнем Востоке и за нормализацию отношений с Советской Россией носило весьма широкий и представительный характер⁵⁵. Оно не ограничивалось какими-то сословными рамками, не было исключительной принадлежностью какого-либо класса или общественного слоя. В нем участвовали (вопреки антисоветским установкам руководства АФТ во главе с С. Гомперсом) многие рабочие организации, представители деловых кругов, влиятельные деятели обеих ведущих буржуазных партий, широкие слои творческой и технической интеллигенции, ученые, юристы, военные и священнослужители. Ценный источник — переписка сенатора Х. Джонсона, с самого начала объявившего себя противником интервенции, — свидетельствует о том, что настроения в пользу пересмотра правительственного курса в отношении Советской России, невмешательства в ее внутренние дела, реалистической оценки объективной природы происходящих у всех на глазах тектонических революционных сдвигов и их последствий не были монополией кучки радикалов — подобные настроения затронули различные и весьма широкие категории людей. Сам сенатор Джонсон признавался, что не ожидал такого наплыва писем с одобрением его позиции в «русском вопросе», после того как в начале 1919 г. выступил с речами в сенате против правительственной дезинформации и за вывод американских войск из России⁵⁶.

Представляется важным отметить, что эта критика касалась не отдельных промахов дипломатии Вашингтона, а самих ее идейных основ. На примере России многие американцы убеждались, что попытки американской диплома-

⁵⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1964, т. 9, с. 26, 312, 313; см. также: Maddox R. J. William E. Borah..., p. 208. Мы полагаем, однако, что Мэддокс недооценивает размах кампании за улучшение советско-американских отношений.

⁵⁵ Золотухин В. П., Мальков В. Л. Октябрьская революция и внутриполитическая борьба в США (1917—1920 гг.).— Вопр. истории, 1957, № 10; Краснов И. М. Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции (1919—1920 гг.). М., 1961; Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке, 1918—1922, с. 202—216; Цветков Г. Н. Указ. соч., с. 44—56; Мальков В. Л. Ленин и Дебс.— В кн.: История социалистических учений. М., 1981.

⁵⁶ См.: Bancroft Library. Hiram W. Johnson Papers. Folder: Russia (1918—1919), Correspondence. Johnson to C. H. Koss, Febr. 17, 1919.

тии, опираясь на военную и экономическую мощь США, навязать миру свою концепцию демократии и свой международный порядок, носят консервативный, даже реакционный характер и противоречат декларациям о самоопределении народов, уважении их суверенных прав, невмешательстве и сочувствии борцам против деспотических режимов. Вильсоновский «моральный империализм» на практике оборачивался военными авантюрами и жестокой политикой «выкручивания рук», которые вызывали резкий отпор и возмущение. «Я хотел бы выразить Вам свое восхищение в связи с занятой Вами мужественной и здоровой позицией в отношении интервенции в России,— писал сенатору Джонсону демобилизованный из армии солдат.— Я окончил колледж и только недавно уволился из армии США, и в силу этого мне представляется, что я не стану мишенью известных каждому реакционных обвинений в „прогерманизме“ и „антиамериканизме“. Те же побуждения, которые заставили меня вместе с миллионами других молодых американцев поставить на карту жизнь во имя ниспровержения германской аристократии, делают нас еще более горячими противниками любых военных акций против русской демократии. Трудно представить себе больший гротеск и большую аномалию, чем наши войска в России, сражающиеся за интересы группы генералов и бюрократов, которые хотели бы воссоздать в России политическую систему, по своему характеру более деспотическую и недемократическую, нежели та, что, к счастью, была ниспровергнута в Германии»⁵⁷.

Вернувшийся из России летом 1918 г. известный американский политический деятель и один из немногих американцев — свидетелей Октября, Раймонд Робинс, обнаружил множество признаков роста нонконформистских настроений в стране, обеспокоенности американцев попытками правительства с помощью штыков обучить русских демократии и неминуемыми тяжелыми издержками такой политики для международного престижа Америки. В письме сенатору Джонсону от 3 декабря 1918 г. Робинс выразил убеждение в полнейшей бесперспективности правительственного курса по отношению к Советской России и стремление поддержать кампанию его критики, особенно в части развенчивания, как он писал, «пустопорожних идей», пущенных в ход пропагандистским аппаратом пра-

⁵⁷ Ibid., W. H. Chamberlin to Johnson, Jan. 24, 1919.

вительства, большой прессой и направленных на околпачивание общественности⁵⁸.

В американской историографии заметно стремление изображать Робинса верхоглядом, дилетантом и романтиком. С этим никак нельзя согласиться. Все те, кто знал его близко, отмечали прежде всего деловитость, трезвый ум Робинса, его большую компетентность в политических делах и дар предвидения⁵⁹. Знать о России правду, трезво судить о ее революции, использовать максимум возможного для совместных усилий Советской России и США в направлении укрепления международной безопасности в контексте новой ситуации в мире, возникшей после Октября 1917 г. и окончания первой мировой войны, а главное, признание Советской России и установление с ней широких торговых связей — вот те посылки, которые, по убеждению Робинса, необходимо было положить в основу поиска альтернативы явно зашедшей в тупик после краха интервенции политики США в «русском вопросе». Вильсон вообще не пожелал принять Робинса, Лансинг в ходе беседы сосредоточил все внимание на протирании стекол своего пенсне⁶⁰. Однако очень многие серьезные политические деятели в обеих буржуазных партиях, кто «про себя», а кто и публично (увы, значительно реже), разделяли взгляды Робинса. Не случайно Робинс, несмотря на все препоны, чинимые ему властями, становится одной из центральных фигур в развитии советско-американских общественных связей в период политики непризнания⁶¹. Самых влиятельных союзников Робинс нашел в лице фракции «непримиримых» в сенате федерального конгресса, представленной такими влиятельными политиками, как Уильям Бора (с 1924 г. председатель сенатской комиссии по иностранным делам), Роберт Лафоллет-старший, Джеймс Норрис и др.⁶² Биограф Бора отмечал:

⁵⁸ Ibid., Raymond Robins to Johnson, Dec. 3, 1918; Febr. 17, 1920.

⁵⁹ См.: Вильямс Альберт Рус. Жизнь доказала нашу правоту. Избр. публицистика. М., 1983, с. 224—227, 230, 231, 235, 280, 281.

⁶⁰ Williams W. A. Raymond Robins and Russian-American Relations, 1917—1938, p. 155.

⁶¹ Williams W. A. American-Russian Relations, 1781—1947, p. 81; о Робинсе см. также: Гвишиани Л. Н. Из ранней истории советско-американских отношений.— Вopr. истории, 1963, № 7; Мальков В. Л. Р. Робинс открывает новый мир.— Новая и новейшая история, 1970, № 2.

⁶² См.: Попова Е. И. США: борьба по вопросам внешней политики, 1919—1922 гг., с. 93—99.

«Р. Робинс стал движущей силой за кулисами кампании за признание Советской России, а Бора — ее рупором»⁶³.

Оговоримся заранее, умалять самостоятельную роль сенатора Борá в критике имперских тенденций и в кампании за нормализацию советско-американских отношений было бы неверно. Что касается отношений США с Советским Союзом, то, как известно, Борá и его группа заглядывали, как справедливо отмечал еще В. Вильямс, далеко вперед, считая их самым важным вопросом американской внешней политики⁶⁴, т. е. отстаивая идею, прямо противоположную той, которая с момента обнародования ноты Колби была признана руководящей доктриной Вашингтона.

В подходе к «русскому вопросу» Бора, подобно Робинсу, исходил из необходимости видеть факты такими, как они есть на самом деле, а не такими, как они представляются ставшими жертвами предрассудков и предубеждений в отношении социализма людьми, просто неспособными уже отличать черное от белого, вымыслы от истины, тенденциозность и пропагандистские трюки от правдивой информации⁶⁵. Показательно в этом смысле письмо Бора судье Джорджу Андерсону, в котором говорилось: «...я никогда не встречал ни малейших доказательств справедливости и, по моему убеждению, предумышленно и в интересах обмана публики повторяемых утверждений, будто Советское правительство заключает соглашения с единственной целью не выполнять их. Я приложил много усилий, чтобы найти свидетельства именно этого, но мне не удалось обнаружить ни одного факта, подтверждающего данную версию. Вся эта линия настолько противоречит здравому смыслу... что мне трудно поверить в ее реальность. Она является частью жалкой, трусливой, презренной пропаганды, посредством которой американский народ вводят в заблуждение и тем самым наносят ему невосполнимый вред...»⁶⁶.

Опирающаяся на ложные предпосылки, дезинформацию и эгоистические интересы экстремистски настроенных империалистических кругов политика непризнания, по мнению Борá, Робинса и их сторонников, имела для США также самый неблагоприятный моральный аспект. Миро-

⁶³ McKennan M. C. Borah. Ann Arbor, 1961, p. 293, 294.

⁶⁴ Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960, с. 88, 89.

⁶⁵ См.: Maddox R. J. William E. Borah..., p. 190.

⁶⁶ Library of Congress. W. Borah Papers. Box 144, Borah to George W. Anderson, Dec. 9, 1922.

вая демократическая общественность при всех оттенках в подходах отдельных ее течений и групп видела в русской революции символ всеобщей неодолимой тяги к переменам, в то время как США предстали в роли ее непримиримого врага и душителя, встречающего вызов социализма антисоветской истерией и ультимативным требованием к СССР подчиниться диктату, дипломатической блокаде, экономическим и военным санкциям. Бора́ считал это непростительным промахом дипломатии США, который в случае, если он не будет исправлен, мог привести к тяжелым, а может быть, и непоправимым последствиям⁶⁷. Его биограф писал: «Попытки заблокировать путем вмешательства революционный процесс, идущий по всему миру, Бора считал рискованным, запоздалым делом, не имеющим шансов на успех. Эти процессы развивались, по его словам, „согласно своей собственной логике“, которую никакое внешнее давление не в силах изменить в скольконибудь значительной мере...»⁶⁸. Так же как и Бора, оставаясь противником социализма, Робинс признавал право советского народа на «социальный эксперимент», право дерзать, идти своим путем, преодолевая гнет прошлого, отсталости, национального унижения⁶⁹.

Доводы госдепартамента в пользу увековечивания непризнания Советского Союза под благовидным предлогом наказания его за ведение подрывной пропаганды против правительства США оппозиция признала полностью несостоятельными. Бора, Робинс, Норрис, Лафоллет-старший и др. в ряде своих выступлений раскрыли лицемерие этого тезиса, показав, что «злокозненность» СССР в отношении США есть фикция и что в надувательстве американцев на этом деле заинтересованы больше всего как раз те, кто громче всех выражал восторг по поводу вторжения интервентов на территорию Советской России и санкционировал помощь оружием и деньгами, которую правительство США щедро оказывало контрреволюционным группировкам в самый критический и тяжелый момент для молодой социалистической республики⁷⁰.

⁶⁷ Ibid., Box 218, Borah to Jerome Davis, Oct. 6, 1926.

⁶⁸ Maddox R. J. William E. Borah and American Foreign Policy, p. 214.

⁶⁹ Library of Congress. W. Borah Papers. Box 217, Raymond Robins to Borah, June 18, 1927; Maddox R. J. William E. Borah..., p. 187.

⁷⁰ См.: Maddox R. J. William E. Borah..., p. 209. В бумагах Бора хранится интересное письмо известной американской общественной деятельницы Дороти Детцер, в котором излагаются убедительные аргументы против наигранного возмущения по поводу «советского вме-

Проблема вины и ответственности, как это было показано сенатором Борá, в интерпретации правительства США и враждебной СССР пропаганды была поставлена с ног на голову. Сам факт военного вмешательства Америки во внутренние дела народов России в годы революции и гражданской войны, ущерб, нанесенный им интервенцией, не давали администрации США морального права поднимать вопрос о нарушениях международных норм и этики со стороны СССР, тем более что таких нарушений при серьезном рассмотрении невозможно было обнаружить в действиях Советского правительства. Еще в ходе дебатов по вопросу о нормализации советско-американских отношений в 1922—1923 гг. Борá дал убедительное обоснование этому тезису⁷¹. Восстановление отношений помогло бы снять вредные наслоения — плод надуманных обвинений в адрес СССР — и вернуть народам обеих стран посредством культурного и экономического общения традиционное уважение друг к другу, чувство взаимодополнения в мировом сообществе людей. Предложив своим оппонентам поразмыслить над этой суммой идей, Борá следующим образом подытожил свои рассуждения по поводу того, на чьей стороне честность и порядочность: «Пока вы объявляете сто пятьдесят миллионов людей в некотором смысле вне закона, нельзя думать, что вы

шательства» во внутренние дела США, типичного для противников признания. Она писала в апреле 1933 г.: «Очень разумно предполагать, что на предстоящих переговорах русские будут решительно стремиться к выработке взаимных гарантий против „пропаганды“ и „подрывных действий“. Ведь именно мы дважды вторгались в их страну с целью свергнуть их правительство и именно мы вложили миллионы долларов в руки разных военных авантюристов, которые пытались вновь восстановить царскую монархию и, добиваясь этого, разрушить всю страну. На различные иностранные вторжения большевики ответили единственным оружием, которое было в их распоряжении, — пропагандой... И хотя я не являюсь знатоком марксистской теории, я считаю, что русские исходят из того, что революции нельзя импортировать в саквояжах иностранной принадлежности. Они полагают, что революции вызревают в силу условий, сложившихся внутри стран. Поэтому они не собираются заниматься миссионерством у нас. Из собственного опыта знаю, что они целиком поглощены строительством своей страны» (Library of Congress. W. Borah Papers. Box 371, Dorothy Detzer to U. Grant-Smith, Apr. 12, 1933).

⁷¹ Maddox R. J. William E. Borah..., p. 199, 200. В конце декабря 1923 г. Бора внес в сенат резолюцию, требующую от госдепартамента придания гласности всех докладов о положении в России, которые были им получены с 1917 г. от Робинса и некоторых других американцев. Государственный секретарь Хьюз в ответ заявил, что никаких подобных материалов вообще не существует. Это была заведомая ложь. По поводу этого эпизода Бора заметил: «Очень трудно расследовать

можете обеспечить мир». В. Вильямс резонно отмечал, что это заявление Бора звучало как пророчество⁷².

И наконец, главные преимущества признания СССР группа Бора и Робинса связывала с налаживанием американо-советского сотрудничества в интересах содействия урегулированию наиболее жгучих проблем международных отношений. Ни о каких реальных шагах в направлении укрепления мира не могло быть и речи, говорил Робинс, пока проводится политика изоляции СССР⁷³. Особенно это касалось Дальнего Востока, где с каждым годом усиливалась напряженность, вызванная воинственностью Японии и обострением американо-японского соперничества. Натолкнувшись на стену равнодушия и непонимания в верхнем эшелоне правящей партии, Робинс писал в 1926 г.: «Разве не пришло время отдать предпочтение благоразумию перед истерией и лживой пропагандой в связи с отношениями с Советским правительством? Сотрудничество между Россией и Америкой является ключом к решению международных проблем на Дальнем Востоке»⁷⁴.

Естественно, каждая неудача воспринималась болезненно, как еще одно звено в длинной цепи упущенных возможностей. В то время как появлялись все новые и новые признаки ухудшения положения на Дальнем Востоке и все более шатким становилось достигнутое посредством вашингтонских договоров временное равновесие, американская дипломатия следовала прежним курсом — так, как будто никто в столице США даже и не слышал о планах милитаристской верхушки Японии, нацеленных на захват Китая, установление господства во всей Азии и на Тихом океане. Между тем предпосылки для расширения контактов СССР и США по широкому кругу дальневосточных и тихоокеанских проблем были налицо. Советский Союз неоднократно выражал заинтересованность в этом и готовность к поиску конструктивных решений⁷⁵.

вопрос о положении дел в департаменте, который не дорожит своей честью» (*Williams W. A. Raymond Robins...*, p. 200).

⁷² Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии, с. 89.

⁷³ *Williams W. A. Raymond Robins...*, p. 213.

⁷⁴ Цит. по кн.: *Williams W. A. American-Russian Relations, 1781—1947*, p. 208.

⁷⁵ В цитированном выше заявлении Чичерина от 21 января 1925 г. говорилось: «Вхождение СССР в круг тихоокеанских отношений сталкивается с нами лицом к лицу американскую тихоокеанскую политику, и ежедневно интересы последней будут оставаться в тупике в случае

Однако правительство США демонстративно отвергало подобные сигналы. И так вплоть до начала японской агрессии и образования на Дальнем Востоке очага новой мировой войны. Более того, накануне кризиса в Северо-Восточном Китае 13 августа 1931 г. президент Г. К. Гувер сделал заявление о том, что целью его жизни является уничтожение Советского Союза⁷⁶. Сторонники признания СССР могли расценить это заявление двояко: и как желание подтолкнуть Японию к маршу в северном направлении и как воинственный призыв к натиску на оттепель, наступившую было в связи с ростом с конца 20-х годов интереса к «русскому эксперименту» в различных слоях американского общества (особенно в академических кругах) и изменением тона передовых многих газет⁷⁷.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. и обострение классовой борьбы в США вызвали сначала оживление, а затем и бурный рост настроений в пользу политического реализма. В изменившемся общественном климате сторонники нормализации советско-американских отношений почувствовали себя увереннее. Сил прибавилось. Можно было от эпизодических акций переходить к планомерным действиям. Полемика, развернувшаяся на почве экономических проблем, позволяла поставить пропаганду идеи признания по-деловому, т. е. прежде всего апеллируя к коммерческим кругам, тем более что их интерес возрос многократно⁷⁸.

Отвечая на многочисленные запросы представителей деловых кругов о перспективах расширения советско-американской торговли, Бора разъяснял неразумность того курса, которого упрямо придерживалась республиканская администрация, не считаясь с требованиями момента и интересами достижения выгодного прежде всего самим Соединенным Штатам «баланса сил» в международных отношениях. В начале января 1932 г. он писал: «Я думаю,

сохранения нелепой разобщенности с СССР» (Документы внешней политики СССР, т. 8, с. 84).

⁷⁶ Williams W. A. *American-Russian Relations, 1781—1947*, p. 225; Вальков В. А. Указ. соч., с. 179.

⁷⁷ Library of Congress. W. Borah Papers. Box 261, Alexander Gumberg to Borah, Aug. 15, 1928. 24 мая 1931 г. газета «Washington Post» вышла с аншлагом на всю первую полосу: «В руках у Советской России ключ к мировой торговле». Подзаголовок гласил: «Нация благодаря пятилетнему плану становится могучей державой. Признание Соединенными Штатами Советского Союза — желанная цель» (Washington Post, May 24, 1931).

⁷⁸ Williams W. A. *Raymond Robins...*, p. 215.

что, принимая во внимание наше нынешнее положение, нам следует развивать дружественные отношения и торговлю со всеми странами, живущими под солнцем, независимо от формы их политического устройства, расы и политической философии. Узость, предрассудки и нетерпимость, которыми отмечен наш подход к отношениям с Россией, больше соответствовали бы международной политике XV в. Следовало бы немного поразмыслить над тем, какой должна быть политика христианской страны, претендующей на роль лидера в международных отношениях в наш просвещенный век, и какими должны быть принципы христианского государственного руководства. Мы нуждаемся не только в торговле, мы должны также проявлять гуманность и терпимость в международных делах. Я хотел бы обнадежить Вас в отношении возможности улучшения отношений между нашей страной и Россией, но нынешняя администрация противодействует любой подобной попытке. Я не собираюсь вникать в суть возражений. Я считаю их совершенно непостижимыми»⁷⁹.

Уже в цитированном выше высказывании Бора от 9 января 1932 г. слышалась полемика с заявлением госсекретаря Стимсона от 7 января, в котором явно проступало стремление к поощрению японской агрессии. С течением времени Бора еще более определенно выступил против разыгрывания «японской карты» в отношении СССР. По мере расширения японской агрессии в Китае он высказался против навязчивого стремления разыграть «японскую карту» в отношении СССР, к чему давно уже склонялась дипломатия США, Англии и Франции⁸⁰. В частной беседе и переписке сенатор осудил эту линию, найдя ее близорукой, путаной и опасной.

Как свидетельствовал в своей телеграмме в НКВД СССР от 21 февраля 1933 г. Б. Е. Сквирский, в разговоре

⁷⁹ Library of Congress. W. Borah Papers. Box 349, Borah to the Board of Directors of the Consolidated Machine Tool Corporation, Jan. 9, 1932.

⁸⁰ См.: История внешней политики СССР, т. 1, с. 278; *Илюхина Р. М.* Лига наций, 1919—1934. М., 1982, с. 210—212; *Вальков В. А.* Указ. соч., с. 183, 184, 194. Преемственность этого курса прослеживается в деятельности американской дипломатии и после признания СССР. США отклонили предложенную Советским Союзом идею Тихоокеанского пакта. Уильям Буллит, став послом США в Москве, во многих своих депешах Рузвельту настойчиво проводил мысль об оказании нажима на СССР путем использования напряженности и конфликтов в советско-японских отношениях. См.: Franklin Delano Roosevelt Library. President's Secretary's File (далее: PSF). Box 67. William Bullitt to FDR, Jan. 1, 1934; Box 68, William Bullitt to FDR, Sept. 8, 1934.

с ним Борá признал, что «Америка нуждается сейчас в СССР больше, чем СССР в Америке...»⁸¹. Совершенно очевидно, что к этому сенатора подтолкнуло известие о выдвижении так называемого предложения Друммонда — Сегимур, несущего в себе черты англо-японского сговора⁸², а также приход Гитлера к власти в Германии. И то и другое совершенно по-новому, как считал Борá, ставило вопрос о признании СССР, придавая этому значение императива⁸³. Отвечая на письмо одного из руководителей влиятельного Комитета по изучению проблем межправительственных долгов (его президентом был А. Слоун, глава «Дженерал моторс»), затронувшего эти проблемы мировой политики, Бора писал: «Я чувствую, что со всех точек зрения мы должны действовать в направлении восстановления дипломатических отношений с СССР. Ситуация на Дальнем Востоке, а также экономическое положение, интересы расширения торговли требуют действовать незамедлительно»⁸⁴.

И в самом деле, само время обязывало американцев пристально взглянуть в историческую ретроспективу под углом зрения ревизии предшествующего опыта и извлечения из него полезных уроков, способных предотвратить повторение ошибок, могущих стать фатальными не только с точки зрения будущего двусторонних советско-американских отношений, но и с точки зрения глобальных процессов. Вот та мысль, которая пронизывала все рассуждения Бора в связи с наметившимся переломом в отношениях между СССР и США. Истинное торжество морали, права и разума, считал он, требует от американцев самокритики и мужественного признания банкротства доктрины, опирающейся на самонадеянность силы, короткую память и нежелание считаться с законными интересами суверенного народа. Показательно в этом смысле письмо сенатора Гловеру, юристу из Аббевилля, штат Алабама. «Когда нынешнее правительство России,— писал он,— стало у власти, оно приняло решение об отказе от уплаты старых долгов. Они не сделали различий для задолженности Соединенным Штатам. Иными словами, на все старые долги распространялся общий принцип... Насколько я понимаю, Соединенные Штаты не имели никакого права на военное

⁸¹ Документы внешней политики СССР. М., 1970, т. 16, с. 108.

⁸² Илюхина Р. М. Указ. соч., с. 214.

⁸³ Library of Congress. W. Borah Papers. Box 371, Borah to Jerome Davis, Febr. 14, 1933.

⁸⁴ Ibid., Box 371, Borah to George Kent, Febr. 24, 1933.

присутствие в России после перемирия. Фактически мы не имели права посылать войска в Россию. Мы не объявляли войну России. Мы никогда не находились в состоянии войны с ней. Решение о посылке наших солдат в Россию было нарушением международного права»⁸⁵.

Еще в январе 1932 г. Борá считал абсолютно несбыточными все надежды на признание СССР правительством США, пока у власти остаются республиканцы. Правительство Гувера, отмечал Борá, скорее готово было пожертвовать американским народом, чем изменить своим предубеждениям⁸⁶. И в самом деле, хотя движение за признание СССР с каждым днем набирало силы, однако администрация Гувера стояла на его пути непреступным валом. 3 марта 1933 г., за день до ее отставки, заместитель госсекретаря Уильям Касл-младший вновь подтвердил отказ США признать СССР, сославшись при этом на проблему долгов и на избитый тезис о «советской пропаганде»⁸⁷.

Однако у самых ранних «ревизионистов» появились к тому времени очень влиятельные союзники. Мы сознательно не касаемся здесь усиления настроений в пользу нормализации советско-американских отношений в широких демократических низах — среди рабочих, фермеров, средних слоев и т. д. Это особая и, добавим, исключительно важная тема, еще далеко не достаточно разработанная в историографии. Речь же идет о поддержке идеи признания со стороны влиятельных политических кругов, в руководстве обеих главных буржуазных партий, представителей крупного финансово-промышленного капитала, средствами массовой информации и т. д.⁸⁸ Перелом в этих сферах созрел как бы исподволь, незаметно, что и создавало иллюзию сохранения за антисоветским блоком положения главенствующего фактора. Между тем его влияние резко ослабло. По некоторым данным, к весне 1933 г. только треть американских газет выступала против нормализации советско-американских отношений⁸⁹. Особо

⁸⁵ Ibid., Box 371, Borah to E. C. Glover, Nov. 6, 1933.

⁸⁶ Ibid., Box 349, Borah to Jerome Davis, Jan. 19, 1933.

⁸⁷ Maddux Th. R. *Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933—1941*. Tallahassee, 1980, p. 9.

⁸⁸ Library of Congress. W. Borah Papers. Box 325, J. D. Mooney to Borah, Dec. 29, 1930; John W. Hughes to Borah, June 28, 1933; Box 371, C. G. Hardman to Borah, July 8, 1933; F. Frankfurter Papers. Box 147, J. Gollomb to Frankfurter, Febr. 20, 1933.

⁸⁹ Maddux Th. R. *Op. cit.*, p. 9.

должна быть отмечена роль университетской общественности и таких ее представителей, как Джером Дэвис, Джон Коммонс, Джон Дьюи, Райнольд Нибур, Захария Чейфи, Роберт Ловетт, Феликс Франкфуртер и др.⁹⁰

Симптоматичным был поворот в отношении к данной проблеме лидеров демократов, победивших на выборах в ноябре 1932 г. В феврале 1933 г. Джером Дэвис писал Бора, что полковник Хауз в разговоре с ним говорил о скором повороте в «нашей русской политике» и даже о возможном назначении его, Дэвиса, дипломатическим представителем США в Москве⁹¹.

Неожиданно для многих с большой речью в защиту признания выступил бывший губернатор штата Нью-Йорк и кандидат на пост президента США от демократической партии Альфред Смит. И сделал он это совершенно в духе сенатора Бора. «Я не вижу причин,— заявил Смит, выступая в конце февраля 1933 г. перед членами сенатской комиссии по финансам,— почему мы отказываемся сделать это». В экономическом плане, продолжал он, от политики непризнания США проигрывают больше, чем Россия, ибо другие страны, вступая в торговые отношения с последней, «с превеликой выгодой для себя пользуются нашей глупостью и близорукостью». Выдвигаемый в качестве главного довода в пользу воздержания от нормализации экономических связей между двумя странами тезис несостоятелен и ложен от начала до конца. Развивая эту мысль, Смит сказал: «Станным образом американскую публику заставили поверить, что русские из-за того, что они имеют коммунистическое правительство, склонны умалять обязательный характер заключенных ими контрактов. Это ошибочное представление укоренилось частично потому, что Советское правительство, следуя практике большинства революционных правительств, отказалось признать ответственность за долги ниспровергнутого режима». Американцев убедили, что русские ненадежные партнеры, тогда как это совсем не так, говорил Смит, твердость их слова проверена всей практикой внешнеторговых операций Советского Союза с другими странами⁹².

Еще более разительным контрастом с гугеровской концепцией нежизнеспособности социализма в СССР и ис-

⁹⁰ Library of Congress. W. Borah Papers, Box 371. J. B. Matthews to Borah. Nov. 25, 1932.

⁹¹ Ibid., Jerome Davis to Borah, Febr. 13, 1933.

⁹² Journal of Commerce, Mar. 2, 1933.

пользования блокады для ускорения его падения прозвучала та часть выступления Смита, где он подводил плачевные итоги 16-летней политики, являющей собой, по его словам, живое воплощение реакционной утопии. Смит сказал: «В сущности лишённая помощи, сталкиваясь с враждебностью и недоверием всех остальных стран, Россия доказала свою способность выжить при минимальном уровне взаимосвязей с капиталистическими странами. Бойкот, экономический и политический, которому она подвергалась, оказался неэффективным...»⁹³.

«Джорнел оф коммерс», поместив пространное изложение выступления А. Смита, опустил ряд важных мест его речи. Напротив, «Литерари дайджест» привел их полностью. Одно из них касалось пресловутой проблемы долгов. Оратор дал понять, что считает ее искусственно и преднамеренно раздутой и, объясняя свою позицию, бросил в лицо всем, кто носит с химерическими идеями об ответственности Советского Союза за невыполнение неких международных обязательств: «Некоторые говорят, что Советский Союз должен нам 100 млн. долл. А между тем мы послали войска в Россию на весьма значительное время, не будучи в состоянии войны с нею, и нанесли ей определенный ущерб. Я полагаю в связи с этим, что мы могли бы сесть за стол и урегулировать этот вопрос очень легко»⁹⁴.

Итак, политика непризнания, так же как раньше вооруженная интервенция, с треском провалилась, не достигнув поставленной перед ней цели: она не привела к изменению государственно-политического строя в СССР и не заставила Советское правительство отказаться от самостоятельной внешней политики, принципы которой были определены В. И. Лениным. Более того, находясь в тяжелейших условиях вражеского окружения, Советское государство на фоне углубляющегося кризиса капиталистического хозяйства и растерянности лидеров буржуазии перед лицом почти полного его паралича сумело завоевать высокий авторитет в мире своим стремительным рывком от разрухи к быстрому и удивляющему всех экономическому подъему, росту благосостояния народа, последовательной миролюбивой внешней политикой. Признания Смита свидетельствовали об отречении многих, даже весьма консервативно настроенных, американцев от навязываемых года-

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Literary Digest, Mar. 18, 1933.

ми предубеждений и страхов. Какой долгий путь нужно было пройти, чтобы комплекс недоверия и враждебности уступил место более адекватному ощущению реальности, реабилитации здравого смысла?

Символическим эпилогом этой фазы в длительной истории политической борьбы вокруг вопроса о признании СССР прозвучали дружные призывы покончить с изжившей и скомпрометировавшей себя полностью линией, с которыми выступили весной 1933 г. американские провинциальные газеты. В качестве примера приведем передовую газеты «Телеграм», издававшейся в Янгстауне, штат Огайо. 20 марта 1933 г., откликаясь на дебаты в правительственных кругах в Вашингтоне, в передовой под заголовком «Требуем немедленного признания России», газета писала:

«На фоне войн, разгорающихся на Дальнем Востоке и в Южной Америке, а также растущей угрозы войны в Европе своим отказом признать Россию Соединенные Штаты только содействуют углублению международного хаоса и напряженности.

Администрация Рузвельта не может двигаться в этом направлении слишком быстро. Президент хочет наладить сотрудничество ради сохранения мира. Но это сотрудничество будет крайне неполным без участия России.

Ключевое значение России в решении дальневосточных проблем очевидно. Россия может сбалансировать силы мира и войны в Европе. Россия является единственной страной, которая официально призвала ко всеобщему разоружению.

Россия является единственной страной, которая все еще поддерживает всеми забытое американское предложение об ограничении вооружений. Россия, так же как и США, в условиях мира может достигнуть всех поставленных ею целей, в случае же войны она потеряет все. Россия готова сотрудничать с нами в интересах всеобщего мира.

И Россия готова торговать с нами. Между тем фактически мы по собственной инициативе свернули всю торговлю с ней. С 1930 г. наша торговля с Россией сократилась на 88%. После восстановления нормальных отношений есть возможность заключить контракты более чем на 1 млрд долл.— и не в пример другим Россия никогда не просрочивала уплату своих коммерческих долгов. Крупнейшие американские корпорации в течение многих лет имеют дело с Советским правительством и считают его заслуживающим полного доверия. В современном мире Россия

является, возможно, самым стабильным государством и самым надежным торговым партнером.

Наши закрытые фабрики, миллионы наших безработных остро нуждаются в тех заказах, которые может предложить Россия.

Немедленное признание России Соединенными Штатами могло бы оказать реальную помощь американскому бизнесу и будет содействовать укреплению всеобщего мира».

Решение о признании Советского Союза, как показывают многие источники, Франклин Делано Рузвельт принял много раньше 4 марта 1933 г.— дня вступления в должность президента. Ухудшение международного положения США в годы мирового экономического кризиса вследствие обострения межимпериалистических противоречий, углубление внутренних социальных конфликтов и проблем, вызвавших общее смещение политической оси к центру и влево, подъем и консолидацию демократических движений, выступающих за изменение внутренней и внешней политики правительства, за новые национальные приоритеты,— все это задолго до прихода демократов в Белый дом заставило Рузвельта для себя безоговорочно признать необходимость пересмотра обанкротившегося старого курса и разрыва с ним. Чувствовалось по всему, что внутренне это решение воспринималось им с самого начала как абсолютно неотвратимое⁹⁵.

Из тактических соображений Рузвельт в ходе избирательной кампании 1932 г. и сразу после выборов воздерживался от публичных высказываний по вопросу о признании СССР, но его согласие откликнуться на просьбу журнала «Совет Раша тудей» в октябре 1932 г. высказаться о будущем советско-американских отношений и обещание внимательно изучить этот вопрос были сами по себе весьма показательны⁹⁶. В январе 1933 г. сенатор Борá, отвечая на многочисленные запросы о политике вновь избранного, но не вступившего еще в должность президента, писал, что, по имеющимся у него сведениям, Рузвельт «серьезно и в позитивном духе обдумывает вопрос о восстановлении дипломатических отношений с СССР»⁹⁷.

⁹⁵ Gaddis J. L. Op. cit., p. 120; Maddux Th. R. Op. cit., p. 11.

⁹⁶ См.: Цветков Г. Н. Указ. соч., с. 121.

⁹⁷ Library of Congress. W. Borah Papers. Box 371, Borah to A. Wunsdorff, Jan. 27, 1933.

Нельзя не обратить внимание и на то, что среди ближайших советников Рузвельта существовал консенсус в подходе к проблеме. *Немедленное* признание СССР представлялось им как необходимое и обязательное условие более стабильного развития международного положения в целом. Об этом говорили Ф. Франкфуртер, Р. Моли, ставший помощником государственного секретаря и др.⁹⁸, хотя еще в марте — апреле ветераны кампании за признание не могли с полной уверенностью сказать, когда наконец Рузвельт объявит о своем решении и как оно будет преподнесено. Р. Робинс, например, писал в середине марта 1933 г. в частном послании: «Что касается признания России, то здесь сплошной туман...». В этом вопросе, продолжал он, «необходимы те же мужество и решительность, которые Рузвельт проявил в других делах... Если мы победим, то можно будет считать, что дело сделано после 15 лет волокиты и помешательства на почве охоты на ведьм в нашей дипломатической практике»⁹⁹.

Одно было очевидно: реаффирмация доктрины непризнания, о чем страстно мечтали в определенных кругах, не состоится. Рузвельт двигался медленно, но двигался в намеченном направлении. На первых порах он ограничился изучением настроения различных слоев¹⁰⁰, хотя и без того было ясно, что оппозиция признанию (во всяком случае, вне стен конгресса и государственного департамента) утратила инициативу. Тут же справедливости ради нужно признать, что сопротивление аппарата внешнеполитического ведомства США, католической церкви и ряда крупных консервативных организаций процессу нормализации дипломатических отношений между двумя странами было достаточно серьезным¹⁰¹, чтобы не принимать его в расчет. Предварительные советско-американские контакты, зондаж Буллита и Моргентау, личных представителей президента, показали, что, сознавая это, Рузвельт решил держать под своим контролем весь ход подготовки переговоров с Советским Союзом.

В те же самые дни, когда состоялся предпринятый по инициативе Рузвельта обмен посланиями с М. И. Калини-

⁹⁸ Library of Congress. F. Frankfurter Papers. Box 147, Frankfurter to Joseph Davis, Febr. 25, 1933; W. Borah Papers. Box 371, Jerome Davis to Borah, Mar. 20, 1933.

⁹⁹ Wisconsin State Historical Society Library. R. Robins' Papers. Box 25. Robins to [фамилия адресата неразборчива], Mar. 17, 1933.

¹⁰⁰ См.: Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1979, p. 39.

¹⁰¹ См.: Цветков Г. Н. Указ. соч., с. 213—225.

ным (10 и 17 октября 1933 г.), в которых выражалось обоюдное желание правительств США и СССР покончить с фактом отсутствия нормальных отношений между двумя странами, президент США принял в Белом доме Раймонда Робинса. Последний только что вернулся из СССР, где он находился около 2 месяцев, как считает В. Вильямс, с согласия самого Рузвельта¹⁰². Во многих отношениях это была важная встреча. По словам Робинса, он информировал президента об итогах своей поездки в СССР и о только что предпринятом им турне по штатам Среднего Запада и Новой Англии, в ходе которого он, выступая с лекциями, ознакомил широкую аудиторию с достижениями СССР после революции. Относительно настроений в «глубинке» мнение Робинса было однозначно: «за последние 6 месяцев в общественном мнении по вопросу о признании произошли огромные изменения»¹⁰³. Судя по всему, в разговоре с Рузвельтом Робинс затронул и главную для себя тему — об угрозе войны и вопрос о совместных действиях США и СССР в пользу всеобщего мира после восстановления отношений¹⁰⁴.

В письмах сенатору Борá и Гарольду Икесу Робинс с удовлетворением отмечал, что нашел Рузвельта исключительно отзывчивым. «Когда я беседовал с президентом,— писал он Борá,— он выслушал меня с большим интересом. Его подход к вопросу характеризуется гибкостью и так сильно отличается от подхода его предшественников, как это только можно вообразить». Робинс не раскрыл более полно существо взглядов Рузвельта на причины, побудившие его пойти на изменение политики США в отношении Советского Союза, но он подчеркнул, что в основу своего подхода новый президент решил положить «реальные факты, а не пропаганду»¹⁰⁵.

¹⁰² *Filene P. G. Americans and the Soviet Experiment, 1917—1933. Cambridge (Mass.), 1967, p. 194; Williams W. A. Raymond Robins..., p. 217.*

¹⁰³ *Library of Congress. W. Borah Papers. Box 401, R. Robins to Borah, Oct. 31, 1933.*

¹⁰⁴ *Ibid.*

¹⁰⁵ *Ibid.*; *Library of Congress. Harold R. Ickes Papers. Box 162. Raymond Robins to Ickes, 27 Oct., 1933.* Б. Е. Сквирский в телеграмме от 17 октября 1933 г. писал: «Рузвельт имел беседу с Робинсом и Купером об СССР. Он сказал обоим, что собирается вскоре признать СССР, но не сказал об имеющих место переговорах. Получаемые мною сведения говорят о серьезности намерений Рузвельта. Избранный им путь разговоров для получения заверений объясняется желанием „успокоить оппозицию“» (Документы внешней политики СССР. М., 1969, т. 15, с. 576)

Существенное значение имеет и такая деталь: расставаясь с Робинсом, Рузвельт попросил его письменно изложить свои взгляды на взаимосвязь между восстановлением отношений с Советским Союзом и укреплением международной безопасности. В течение 24 часов Робинс подготовил такой меморандум и направил его в Белый дом¹⁰⁶.

Разнообразные источники, введенные к настоящему времени в научный оборот, многочисленные исследования облегчают выяснение ряда важных моментов касательно понимания Рузвельтом (прежде всего сквозь призму его личного опыта) того, как США следует строить свои отношения с Советским Союзом после длительной полосы отчуждения и почти полного расстройтва всех контактов на правительственном уровне между двумя странами. Ограничимся лишь краткими замечаниями.

Исходный пункт. Идее лидирующей, мессианской роли США в мировых делах (в стратегическом плане Рузвельт не отступал от нее ни на шаг) не противоречит новый подход к отношениям с СССР, которые, по мнению Рузвельта, следовало строить с учетом всего предшествующего негативного опыта, убеждающего в бесплезности, безрезультатности политики непризнания и подрыва социализма изнутри путем грубого силового давления, экономической и дипломатической блокады, подогрева внутренней контрреволюции и военного шантажа. Жизнеспособность Советского государства есть объективность, доказанная быстрым подъемом его экономики и международного влияния. Она признана практически всеми странами, за исключением США, что ставит последние в положение своеобразной дипломатической изоляции. Коль скоро это так, известная «деидеологизация» внешней политики США, как считал Рузвельт, должна восприниматься как естественный шаг.

Еще один важный момент. Ветры перемен, вновь задувшие над планетой, усиление революционного брожения и национально-освободительного движения на всех континентах, изменение политической обстановки в самих Соединенных Штатах — подъем рабочего и демократического движения, заметные проявления радикальных настроений среди широких слоев интеллигенции, интерес к «советскому эксперименту», все увеличивающийся разрыв между ушедшим вперед сознанием масс и зашедшей полностью в тупик, застывшей в изначальном виде политикой при-

¹⁰⁶ Williams W. A. Raymond Robins..., p. 222.

митивного воинственного антисоветизма — все это в глазах Рузвельта делало абсолютно неизбежным смещение акцента в отношениях с СССР в сторону невоенных компонентов фактора силы, в сторону активной дипломатии, предусматривающей, в частности, осуществление президентом личного руководства курсом в «русском вопросе».

Отличная от всей предшествующей дипломатической практики США тактическая линия Рузвельта проявилась уже в первые дни пребывания М. М. Литвинова в Вашингтоне, в ходе переговоров о так называемых доревольционных долгах, когда президент начал с вынужденного признания законности советских контрпретензий в связи с ущербом, нанесенным Советской стране в результате американо-японской интервенции¹⁰⁷. Запись М. М. Литвинова о беседе с Рузвельтом 8 ноября 1933 г. гласит: «Он (Рузвельт.— В. М.) соглашался со мной, что необходимо избегать требований, охарактеризованных мною как вмешательство в наши внутренние дела, признался, что сам всегда сомневался в моральном праве Америки на получение царских долгов и что интервенция в Архангельске ничем не оправдывается»¹⁰⁸. Обращает на себя внимание также высказанное Рузвельтом желание разговаривать с Литвиновым с глазу на глаз, без формальностей, чтобы иметь возможность, как выразился президент, «поругаться немного»¹⁰⁹. Он отклонил настойчивые требования госдепартамента об определении неких предварительных условий для переговоров, пообещав проявлять в ходе их твердость и непреклонность¹¹⁰.

Под нажимом общественности и коммерческих кругов Ф. Рузвельт стремился к расширению экономических связей с Советским Союзом, во всяком случае он часто сам говорил об этом как о главном доводе в пользу признания. Но по-настоящему президент был более всего озабочен тревожно складывающейся ситуацией на Дальнем Востоке и в Центральной Европе, усилением конкурентной борьбы за источники сырья и сферы влияния, ведущей к умножению числа международных кризисов и военным конфликтам. Их исход для экономических и военно-стратегических

¹⁰⁷ *Maddux Th. R. Op. cit.*, p. 12.

¹⁰⁸ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 609—610.

¹⁰⁹ Там же, с. 621.

¹¹⁰ *Gaddis J. L. Op. cit.*, p. 122; *Dallek R. Op. cit.*, p. 80, 81; *Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior: Emerging New Context for U. S. Diplomacy*. Wash., 1979, vol. 1, p. 77—78.

позиций американского капитализма заранее невозможно было предугадать¹¹¹.

«Рузвельт как крупный политический деятель раньше других,— писал И. М. Майский,— понял опасность гитлеризма для мировых позиций США и сделал отсюда необходимые практические выводы»¹¹². Самым первым результатом этого анализа стала постановка вопроса о возможности рассматривать СССР в качестве потенциального союзника в случае обострения американо-германских и американо-японских противоречий. Новый президент не стремился ко всеобщему равновесию, он хотел уравновесить силы главных агрессивно настроенных соперников США на мировой арене, силы Японии и Германии. Признание СССР и зондаж его позиции на случай возможных осложнений с Германией и Японией не только не исключали, но и предполагали заинтересованность президента полностью использовать выгоды геополитического положения США. Для этого он намеренно предоставлял событиям развиваться своим чередом, оставаясь недвижимым в ожидании благоприятного шанса. Таким шансом, с его точки зрения, могла стать миротворческая инициатива третьих держав в Китае, или истощение Японии, или, наконец, большая европейская война, оставаясь в стороне от которой до подходящего момента, Соединенные Штаты (как об этом писал сам Рузвельт накануне Мюнхена) могли выступить в роли спасителя цивилизации¹¹³.

Депеши Буллита, первого посла США в Москве после установления отношений, служат еще одним подтверждением того, что внимание Рузвельта в процессе обдумывания политики США в «русском вопросе» в год признания фокусировалось на следующих ее аспектах: Дальний Восток и возможность использования СССР в качестве противовеса Японии; советский фактор в европейской политике США в свете прихода Гитлера к власти и роста угрозы фашистской агрессии; достижение верховенства воли США в рамках усовершенствованного мирового порядка, базирующегося на все той же вильсоновской геополитической идее «американского превосходства»¹¹⁴.

¹¹¹ Dallek R. Op. cit., p. 75.

¹¹² Майский И. М. Указ. соч., с. 623.

¹¹³ Dallek R. Op. cit., p. 77; Offner A. A. American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933—1938. N. Y., 1976, p. 279.

¹¹⁴ FDRL, PSF, Box 67. W. Bullitt to Secretary of State, Apr. 22, 1934 (этот документ не вошел в кн.: Bullit Orville H. (ed.). For the President, Personal and Secret. Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Boston, 1972); W. Bullitt to FDR, Aug. 5,

Но, встречаясь с М. М. Литвиновым, Рузвельт много говорил об обоюдной заинтересованности обеих стран в мире и о значении нормализации отношений между ними для совместной работы правительств обеих стран в пользу мира. В телеграмме М. М. Литвинова в Москву от 8 ноября 1933 г. отмечалось, что главной темой его первой беседы с Рузвельтом были вопросы мировой политики. 17 ноября 1933 г. заключительную беседу с Литвиновым Рузвельт вновь начал с обзора международного положения, подчеркнув, что «Америка и СССР, не нуждающиеся ни в каких территориальных завоеваниях, должны стать во главе движения за мир...»¹¹⁵. С тревогой он говорил о нацизме и японских территориальных притязаниях. Был затронут и вопрос о Тихоокеанском пакте¹¹⁶. В письме отъезжающему из США М. М. Литвинову президент вновь поднял тему мира. «Сотрудничество между нашими правительствами,— говорилось в нем,— в великом деле сохранения мира должно быть краеугольным камнем длительной дружбы»¹¹⁷.

Советский Союз, целиком и полностью разделяя эти пожелания и надежды, со всей серьезностью отнесся к этим заявлениям. В обращении к представителям американской печати 17 ноября 1933 г. М. М. Литвинов выразил мнение, что подписанные в Вашингтоне соглашения окажут самое благотворное влияние на международные отношения в целом. Восстановление отношений между двумя великими странами, сказал он, «поднимает только один большой вопрос: почему это не было сделано раньше»¹¹⁸.

История дала однозначный ответ на этот вопрос, и ее уроки во многом поучительны для современников.

1934; W. Bullitt to C. Hull, Oct. 2, 1934 (этот важный документ не вошел ни в одно издание дипломатических бумаг в США); W. Bullitt to FDR, Apr. 7, 8, 1935.

¹¹⁵ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 658.

¹¹⁶ Там же, с. 659; Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935. М., 1980, с. 137—143.

¹¹⁷ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 675.

¹¹⁸ Там же, с. 658.

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ И ДИПЛОМАТИЯ ПАРИЖА

В истории международных отношений межвоенного периода есть немало проблем, которые до сих пор не перестают привлекать внимание исследователей. К их числу относится и история гражданской войны в Испании. Несмотря на обилие исторической литературы, тщательность и детальность исследования различных аспектов испанских событий 1936—1939 гг., еще и сегодня есть потребность рассмотреть как общие проблемы истории войны в Испании, так и некоторые малоизученные стороны международных отношений того периода.

Роль французской дипломатии в испанских событиях не раз освещалась в трудах историков разных стран. В послевоенной исторической литературе нередко высказывалась мысль (вслед за Поль-Бонкуром и другими дипломатами, опубликовавшими свои мемуары после второй мировой войны), что идея невмешательства в испанские дела родилась в недрах британского дипломатического ведомства, но по тактическим соображениям перед лицом мировой общественности с ней выступил лидер французских социалистов Леон Блюм. Политика невмешательства в испанские дела отвечала общей линии правящих кругов обеих стран, но сформулирована она была на Кэ д'Орсе¹.

В записке политического отдела МИДа Франции от 25 июля 1936 г. рассматривается по существу один вопрос: о политическом и юридическом значении и эвентуальных последствиях правительственной поддержки и снабжения

¹ В предисловии к 3-му тому публикации французских дипломатических документов редколлегия пишет: «...через несколько дней колебаний... французское правительство вынуждено было принять и рекомендовать „невмешательство“» (Documents diplomatiques français, 1932—1939. 2e sér. (1936—1939). P., 1966, t. 3, p. VII. (Далее: DDF).

оружием иностранных государств. Консервативные чиновники МИДа, благополучно пережившие приход к власти правительства Народного фронта, в заключительной части записки, составленной всего неделю спустя после начала мятежа в Испании, предостерегали правительство о тяжелых последствиях, которые вызовет продажа оружия республиканскому правительству Испании в случае, если руководители мятежников будут признаны в качестве законного правительства Германией или Италией².

Поразительно, что уже 25 июля рассматривалась подобная перспектива! Когда же правительство Испанской республики вскоре после начала мятежа обратилось к Франции с просьбой о продаже ей военных материалов в соответствии с договором, подписанным правительствами обеих стран всего полгода назад, в декабре 1935 г., и французский министр авиации Пьер Кот решил передать Испании в ответ на просьбу 20—30 бомбардировщиков с комплектом боеприпасов, это абсолютно правомерное и законное решение французского министра вызвало крайнее беспокойство и возражения в сенате и на Кэ д'Орсе. Р. Кулондр, бывший тогда заместителем начальника политического отдела МИДа, 23 июля послал «крайне срочную» телеграмму министру иностранных дел Ивону Дельбосу, находившемуся в то время в Лондоне на конференции. Кулондр сообщал о «серьезных эмоциях», которые вызовет в комиссии по иностранным делам сената «передача военных материалов испанскому правительству в настоящих условиях». Выражая единодушное мнение этой комиссии, ее председатель А. Беранже требовал «дать официальное опровержение факта передачи военных материалов Испании», писал Кулондр³.

Схожей была и позиция правительства Великобритании. Как телеграфировал С. Болдуин Л. Блюму, любая помощь, оказываемая Францией испанскому правительству, ввиду позиции Италии и Германии может привести к обострению положения, к конфликту⁴. Более того, даже посольство Германии в Париже потребовало объяснений у французского правительства в связи с решением министра авиации. И несмотря на то что решение П. Кота вытекало из существовавшего договора и было совершенно законным, на Кэ д'Орсе поспешили дать заверения германскому пос-

² Ibid., t. 3, N 30, p. 58.

³ Ibid., N 17, p. 37.

⁴ Furnia A. The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II, 1931—1938. Wash., 1960, p. 210.

лу, что никакого снабжения военной техникой не было и министерство продолжает традиции французской дипломатии не поддерживать гражданские войны⁵. Следует подчеркнуть, что все это происходило еще до того, как была провозглашена политика «невмешательства».

25 июля 1936 г. совет министров Франции принял решение о запрещении экспорта военных материалов в Испанию. На следующий день Дельбос просил министра финансов В. Ориоля довести до сведения таможенных служб об этом решении⁶.

С первых же дней мятежа в Испании ни для кого не было секретом, что генерал Франко пользуется широкой поддержкой Германии и Италии. 22 июля, сообщая в Париж о первой реакции руководящих кругов Германии на события в Испании, французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе писал, что руководители «третьего рейха» не скрывают своих симпатий к мятежникам и «горячо желают им успеха»⁷. Помощь испанской военщине была обещана Германией еще до начала мятежа⁸.

Сразу же после военного путча Франко направил в Берлин специальную делегацию, которая была принята «фюрером». Германское правительство приняло решение об оказании «всяческой поддержки» и помощи генералу Франко, отдав приказ о посылке транспортных самолетов в испанское Марокко для переброски в Испанию марокканских частей⁹. 24 июля крейсерам «Адмирал Шеер», «Дойчланд» был отдан приказ немедленно отправиться в испанские воды. В те же дни в испанское Марокко направило несколько самолетов итальянское правительство.

Эти факты были известны на Кэ д'Орсе. А. Франсуа-Понсе сообщает об этом 24 июля¹⁰. И несмотря на это, 24 июля в инструкции французскому послу в Мадриде Ж. Эрбетту по поводу просьбы испанского правительства направить в Испанию самолеты, винтовки, пулеметы, пушки и боеприпасы, Дельбос писал, что он довел до сведения испанского посольства, что всякая передача в Испанию военных материалов, наземных или воздушных, принадле-

⁵ Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse. P., 1953, t. 4, p. 42.

⁶ DDF, t. 3, N 33, p. 60.

⁷ Ibid., N 10, p. 24.

⁸ Documents on German Foreign Policy. Ser. D, vol. 3. L., 1950, p. 1.

⁹ Ibid., p. 1, 2.

¹⁰ DDF, t. 3, N 22, p. 50.

жащих государству или частной промышленности, за-
прещена¹¹.

Когда в зарубежной печати появились сообщения о готовности французского правительства «оказать свою поддержку испанскому правительству, чтобы бороться с вооруженным восстанием», Дельбос в инструкции дипломатическим службам за границей от 27 июля просил их разъяснять, что эти сведения «неверны»¹².

Складывалась парадоксальная ситуация. Военным частям, поднявшим мятеж против законного правительства, оказывалась помощь иностранными государствами (на итальянских и германских самолетах — других у Франко не было — перебрасывались восставшие гарнизоны из Марокко в Испанию, доставлялось оружие и боеприпасы), а законное правительство Испании не имело возможности закупить военные материалы в других странах для защиты Республики даже на основании ранее заключенных договоров и контрактов! В этом смысле и Закон о нейтралитете США (1935 г.), а особенно принятый американским конгрессом в январе 1937 г. закон о нейтралитете специально в отношении войны в Испании также сыграли негативную роль в дальнейшей судьбе этой страны.

В результате развертывавшиеся на Пиренейском полуострове события приобрели угрожающий миру характер.

Для Франции безопасность границы на Пиренеях всегда имела жизненно важное значение, что нашло свое отражение, в частности, в известном Пиренейском договоре, заключенном Мазарини в XVII в. с Испанией. Этим договором были урегулированы давние конфликты и распри между двумя странами. И позднее дипломатия Парижа вела успешную борьбу против попыток Германии посадить, используя выражение Бисмарка, «испанскую мушку на затылок Франции». Поль-Бонкур неоднократно заявлял, что «старое правило нашей традиционной политики состоит в том, чтобы на Полуострове не было никакого иностранного государства, кроме Испании»¹³.

И вот теперь на южной границе Франции, на английских и французских морских коммуникациях стали быст-

¹¹ Ibid., N 34, p. 61. Однако в связи с некоторыми прецедентами, добавил министр, разрешается экспорт самолетов без вооружения, которыми будет снабжать испанское правительство частная промышленность (Ibid.).

¹² Ibid., N 36, p. 64.

¹³ *Paul-Boncour J. Entre deux guerres: Souvenirs sur la IIIe République.* P., 1946, p. 71.

ро укрепляться два фашистских государства: Германия и Италия. Во время англо-французских переговоров в Лондоне 5 августа 1936 г. французский адмирал Дарлан, сообщив о планах итальянцев в отношении Балеарских островов и немецких — в отношении Канарских, заметил, что успех мятежа генерала Франко может привести к тесному сотрудничеству трех политических диктатур: Германии, Италии, Испании — и что «этот союз будет так же опасен и для британских интересов, как и для французских»¹⁴. Во Франции хорошо понимали опасность проникновения Германии и Италии на Пиренейский полуостров.

Помимо военно-стратегической опасности для Франции и Великобритании, фашистская интервенция в Испании имела и другой важный аспект — создавала угрозу европейской безопасности. Отношение к испанским событиям служило показателем верности государств идеям мира и безопасности. Определить свое отношение к войне в Испании означало занять позицию по ряду важнейших вопросов, таких, как фашизм и демократия, война и безопасность. И в этой решающей борьбе сил демократии и фашизма правительство Блюма заняло позицию нейтралитета и невмешательства.

От правительства Л. Блюма, опиравшегося на Народный фронт, более логичным было ожидать, что оно придет на помощь республиканской Испании. Ведь, помимо существования различных контрактов и договоров, имевших юридическую силу и подлежащих исполнению в соответствии с нормами международного права, правительства обеих стран провозгласили схожие программы, придерживались одних и тех же общественных идеалов. Однако солидарность официальной Франции не была проявлена в отношении Испанской республики. Кроме других причин, здесь сказался и тот факт, что внешняя политика правительства Блюма формировалась главным образом дипломатами и чиновниками, служившими на Кэ д'Орсе и в посольствах за рубежом и при прежних правительствах, иногда не один десяток лет. Они готовили документы и справки для министра и премьер-министра, они же реализовали и принятые политические решения. После победы на выборах Народного фронта на Кэ д'Орсе по сути ничего не изменилось.

¹⁴ DDF, t. 3, N 87, p. 131.

И тем не менее закономерен вопрос: почему французские правящие круги заняли позицию «невмешательства», наносящую ущерб очевидным национальным интересам Франции, ущерб ее безопасности и безопасности Европы? Что двигало летом 1936 г. и в последующие три года испанской трагедии действиями политиков и дипломатов Франции, будь то в Лондонском комитете по невмешательству, в столицах европейских государств или в министерстве иностранных дел?

Здесь можно отметить по крайней мере три момента, которые сыграли важнейшую роль в определении позиции Франции.

1. Первый уже не раз отмечался историками. Речь идет об умелой игре руководителей Германии и Италии на антисоветских и антикоммунистических настроениях и предрассудках государственных, экономических, политических и дипломатических кругов Франции, а также консервативных деятелей Великобритании, оказывавших большое воздействие и на французскую позицию. Мессианская антикоммунистическая роль, которую брала на себя Германия, ослепляла руководителей «западных демократий», сужала их кругозор и способность к трезвому анализу складывавшейся ситуации.

Между тем не только левые круги во Франции, но и патриотически настроенные правые деятели обращали внимание на эту опасность. Для многих было очевидным, что за криками гитлеровцев о «красной опасности» и о том, что Германия якобы призвана спасти Европу от «ужасов большевизма», скрывались планы широкой экспансии.

Правый французский журналист депутат Анри де Кериллис писал: «Германия считает для себя более удобным поглотить Европу, утверждая, что она хочет уничтожить в ней большевизм»¹⁵. Он обращал внимание соотечественников и на угрозу реваншистских планов для Франции: «Каждый раз, когда Гитлер произносит речь, он разоблачает русскую опасность, но каждый раз, когда он перемещает пушку или солдата, он направляет их против нас»¹⁶.

То, что испанская проблема постепенно переставала быть «идеологическим конфликтом между демократией и диктатурой» и использовалась Германией и Италией как предлог для захвата политических, экономических и стратегических позиций на Пиренейском полуострове, отмеча-

¹⁵ L'Echo de Paris, 1936, 22 nov.

¹⁶ Ibid., 18 nov.

ла и газета «Эксельсиор» 3 июля 1937 г. В одном из своих донесений А. Франсуа-Понсе также отмечал, что Германия стремится реализовать свои амбициозные замыслы об изменении соотношения сил в Европе и в мире под лицемерным прикрытием борьбы против коммунизма¹⁷.

Утверждение Германии и Италии на Иберийском полуострове вызывало серьезные опасения и во французских военных кругах. Генерал Ниссель опубликовал в газете «Франс милитер»¹⁸ серию статей, посвященных военно-стратегическим последствиям итало-германской авантюры в Испании для безопасности Франции. Позднее это признавал и генерал Гамелен¹⁹. Многие представители правящих кругов выражали тревогу за судьбу французских колоний и морских коммуникаций. На границах Франции было сконцентрировано около 80% вооруженных сил Германии. «Если Гитлер хочет войны,— говорил в связи с этим в палате депутатов в декабре 1936 г. Кериллис,— на этот счет не должно быть никаких иллюзий— он хочет ее на Западе, он хочет ее против нас»²⁰.

Понимание опасности итало-германской интервенции в Испании все глубже проникало в сознание самых различных слоев французского общества. Но сила общественного мнения была в те годы недостаточной, чтобы взять верх над укоренившимися предрассудками и страхами, которые подкреплялись, кстати говоря, всякого рода пропагандистскими выдумками.

2. Обычно французские государственные деятели и дипломаты старались оправдать политику «невмешательства», выгодную только агрессорам, ссылаясь на то, будто она-де не позволяет «внутреннему кризису» в Испании перерасти в международный конфликт и, более того, будто политика «невмешательства» спасла в 1936 г. Европу от ужасов войны²¹. Леон Блюм так и заявил в палате депутатов 5 декабря 1936 г.: «Я считаю, что в августе Европа была на грани войны. Инициатива Франции спасла Европу от войны»²².

¹⁷ DDF. P., 1967, t. 4, p. 394.

¹⁸ См.: France militaire, 1937, 9, 18 févr.

¹⁹ DDF. P., 1973, t. 8, p. 824—831.

²⁰ Annales de la Chambre des députés parlementaires, 1936, t. unique, première partie. P., 1937, p. 3343.

²¹ См.: Речь И. Дельбоса в палате депутатов в декабре 1936 г.— Ibid., p. 3329.

²² Ibid., p. 3370.

Позиция, занятая в испанских делах французскими деятелями, была миротворческой лишь на первый взгляд. В действительности она способствовала возрастанию притязаний фашистских держав, ощущению ими полной безнаказанности и вседозволенности. Вместе с тем необходимо отметить, что и пацифизм французских руководителей не был, так сказать, пацифизмом в чистом виде, ибо в нем присутствовали определенные политические расчеты, весьма важные для понимания данной проблемы. Речь идет об одном из важнейших аспектов международного фона испанских событий, который, на наш взгляд, сыграл определяющую роль при выработке позиции французской дипломатии в годы гражданской войны в Испании (заметим, что это до сих пор не привлекло должного внимания историков).

3. Третьим моментом, главным в цепи причин, побудивших французское правительство сначала как бы «не замечать» событий, происходивших на Пиренеях, а затем выступить с идеей «невмешательства», были начавшиеся еще в марте 1936 г. консультации и переговоры Франции, Великобритании и Бельгии о подготовке нового соглашения пяти локарнских держав, «предназначенного заменить рейнский пакт и урегулировать ситуацию, созданную германской инициативой 7 марта»²³. (Небезынтересно, что грубое нарушение Германией условий Локарнского и Версальского договоров — вступление немецких войск в Рейнскую демилитаризованную зону — в документах, как правило, называется «германской инициативой 7 марта»!)

Основной вопрос, который занимал французскую дипломатию как в первые дни мятежа в Испании, так и в дальнейшем, — это подготовка и заключение нового западного союза пяти держав²⁴.

Первый французский дипломатический документ о событиях в Испании датирован 19 июля 1936 г. Это телеграмма из Испании Ж. Эрбетта о военных мятежах в Барселоне, Малаге, Севилье, Сан-Себастьяне, Кадисе и других городах. Посол информировал о прекращении железнодорожного сообщения между Францией и Мадридом, телефонной и телеграфной связи с другими государствами, о закрытии испанской границы²⁵. Эрбетт довольно подробно обрисовал внутреннюю обстановку в стране,

²³ DDF, t. 3, N 2, p. 4—5.

²⁴ Ibid., N 7, p. 9.

²⁵ Ibid., N 1, p. 2—3.

охарактеризовав позиции различных политических партий. Но никакой реакции МИДа Франции в ответ на телеграмму посла не последовало. В течение последующей недели дипломатическая переписка была посвящена одному вопросу — подготовке встречи руководителей трех стран (Великобритании, Франции и Бельгии) в Лондоне с целью выработки коммюнике, позволяющего затем созвать конференцию пяти локарнских держав с участием также Германии и Италии.

20 июля 1936 г. французский посол в Лондоне Ш. Корбэн передал в Париж новый английский проект коммюнике предстоящей встречи, где высокопарно говорилось о том, что ее задачей являются «поиски лучших средств для обеспечения мира в Европе путем всеобщего урегулирования». Три правительства «имеют в виду вступить в сношения с германским и итальянским правительствами, чтобы заручиться согласием на их участие в предполагаемом совещании пяти держав»²⁶. Иными словами, речь шла о создании единого блока крупнейших капиталистических государств Европы. В тот же день И. Дельбос отправил инструкции послам в Бельгии и Великобритании с требованием, чтобы они добивались срочного совещания в Лондоне и публикации коммюнике. Он писал: «Вы знаете, какие важные уступки, свидетельствующие о нашем стремлении к примирению» с Германией, были сделаны²⁷.

Министр иностранных дел Франции ни словом не обмолвился о событиях в Испании, не было упоминания о них и в телеграммах послов из Рима, Лондона, Брюсселя. 21 июля французский посол в Италии Л. Шамбрэн сообщал о дружеской беседе с Чиано, во время которой обсуждалась локарнская проблема в целом и позиция Италии в отношении нового Рейнского пакта. Чиано заявил, что Италия продолжает считать себя локарнской державой, но ничего не собирается делать без участия Германии²⁸.

Правящие круги западных стран всеми силами старались склонить и общественное мнение в пользу заключения нового соглашения пяти держав. Как сообщал конфиденциально 21 июля Ш. Корбэн И. Дельбосу, А. Иден пригласил редакторов внешнеполитических отделов крупных английских газет и выступил перед ними с изложе-

²⁶ Ibid., N 2, p. 4—5.

²⁷ Ibid., N 3, p. 5—6.

²⁸ Ibid., N 6, p. 8—9.

нием политики правительства в международных делах, настаивая на необходимости конференции пяти держав, которая должна-де «помешать новому расколу Европы на враждующие лагеря»²⁹. Иден призывал журналистов «проявлять как можно больше осторожности в критике» правительственной политики в этом вопросе.

Соображениями «солидарности» пяти держав руководствовалась в первую очередь и дипломатия Парижа. В записке политического департамента МИДа Франции, составленной Р. Массигли 21 июля 1936 г. для предстоящей конференции в Лондоне, перечислялись «вопросы, которые должны стать объектом переговоров с Германией.

1. Проблемы Рейнского пакта.
2. Пакт о взаимопомощи стран Западной Европы.
3. Воздушный западный пакт и его последствия.
4. Проблемы, интересующие другие соседние государства Германии.
5. Общие вопросы»³⁰.

23 июля 1936 г. в Лондоне состоялась встреча руководителей Великобритании, Франции и Бельгии. Шел шестой день фашистского мятежа в Испании. В Париже уже было известно и о посылке немецких крейсеров к берегам Испании, и о помощи, оказываемой Франко Италией, но руководители трех держав, собравшиеся в Лондоне, ни разу не упомянули о событиях в Испании. В протоколе о лондонской встрече нет ни слова о новой угрожающей миру ситуации, создавшейся в Европе в результате интервенции фашистских держав в Испанию. Участники встречи были озабочены одним: как можно быстрее добиться нового более широкого соглашения с Германией и Италией, нового западного союза взамен Локарно. Как заявил А. Иден, истинное намерение трех государств — пригласить на конференцию Германию и Италию, с тем чтобы обсуждать вместе с ними европейские проблемы³¹.

Что касается французского правительства, то оно «готово вступить в переговоры с Гитлером по всем вопросам», заявил Л. Блюм. Франция, по его признанию, на практике продемонстрировала «полную перемену в отношении Германии как в юридической, так и политической сфере». Все это является не чем иным, как доказатель-

²⁹ Ibid., N 7, p. 9.

³⁰ Ibid., N 8, p. 15.

³¹ Ibid., N 19, p. 42.

ством «желания мира» со стороны Франции³². Времена изменились после Локарно. Теперь франко-германского соглашения, даже гарантированного Великобританией и Италией, недостаточно, чтобы отодвинуть опасность войны в Европе, заявил Блюм. И Дельбос, в свою очередь, добавил, что прежде всего необходима солидарность пяти держав, а затем всей Европы³³.

Участники конференции в конце концов выработали заключительное коммюнике, в котором выражали надежду, что германское и итальянское правительства примут участие в предполагаемой встрече пяти держав. Но руководители Германии и Италии не спешили и даже намеренно оттягивали эту конференцию, добиваясь все новых уступок со стороны Франции и Великобритании по всем вопросам, в том числе и по испанскому. Когда на следующий день после лондонской встречи трех держав Франсуа-Понсе спросил директора политического отдела МИДа Германии Дикхофа о возможной дате, которую его правительство считало бы подходящей для будущей конференции, последний ответил, что ввиду предстоящего 8—16 сентября конгресса национал-социалистской партии в Нюрнберге и Ассамблеи Лиги наций они вынуждены отсрочить конференцию пяти локарнских держав до начала октября³⁴. Одновременно рейх не хотел связывать себе руки принятием точной программы будущей конференции.

В свете этих переговоров становятся более понятными и тактика французской дипломатии, и ее многочисленные заявления о невмешательстве в испанские дела. Они были связаны со стремлением Франции ни в коем случае не вызвать неудовольствия и раздражения руководителей Германии и Италии. Тем не менее последние не переставали обвинять Францию в снабжении республиканской Испании оружием, шантажировали мнимой «советской угрозой». Германское правительство заявляло, что, хотя Франция, может быть, и отказала кабинету Мадрида в своей официальной поддержке, фактически она оказывает ему помощь, позволяя частной промышленности осуществлять военные поставки³⁵.

Французское правительство оправдывалось, делая неоднократные заявления, что оно неукоснительно соблюдает принцип невмешательства даже в отношении друже-

³² Ibid., N 18, p. 43.

³³ Ibid., p. 44.

³⁴ Ibid., N 23, p. 51.

³⁵ Ibid., N 39, p. 68.

ственного правительства, которое ведет законную борьбу за поддержание порядка³⁶. Дипломатия Парижа до лондонской конференции пяти локарнских держав ничего не хотела предпринимать, что могло бы вызвать недовольство Германии и Италии. Так испанский и локарнский (рейнский) вопросы тесно переплетались между собой. Главную задачу французские руководители видели тогда в обеспечении безопасности своих восточных границ, в соглашении с Германией, а последняя спекулировала на этом, выжидала исхода борьбы в Испании, делала ставку на внутривосточные трудности Франции, на раскол Народного фронта. Вместе с тем германские правящие круги старались продемонстрировать свое желание добрососедских отношений и согласия с Францией. Этой цели служили поездка Я. Шахта в Париж и его переговоры с Л. Блюмом 28 августа 1936 г.

Одновременно с обсуждением локарнской проблемы (нового Локарно) шли оживленная переписка и переговоры по поводу заключения Средиземноморского пакта между Францией, Великобританией, Италией. Германия же никоим образом не соглашалась увязывать рейнскую проблему с проблемами Средиземноморья. Получался целый клубок связанных между собой и неразрешенных проблем. Французская дипломатия в первую очередь стремилась во что бы то ни стало добиться соглашения локарнских держав, заключения нового западного пакта. Здесь и надо искать генезис политики «невмешательства».

Однако факты снабжения военными материалами мятежников в Испании Германией и Италией, в том числе через Португалию, принимали все более угрожающие размеры, что вызывало серьезную озабоченность Франции. Французские правящие круги выражали особенно большую тревогу за судьбу французских колоний и морских коммуникаций. Попытки Германии закрепиться в Марокко и на Канарских островах, а Италии — на Балеарских могли вызвать «нарушение равновесия», по словам Дельбоса, в Северной Африке и создать для Франции и Великобритании угрозу безопасности морского сообщения между Атлантикой и Средиземноморьем³⁷. Тревожило и расширение итальянской помощи мятежникам в испанской зоне Марокко, так как это могло поставить под угрозу «общие интересы Франции и Англии» в Марокко и Гибралтарском

³⁶ Ibid., N 36, p. 64.

³⁷ DDF, t. 4, N 63, p. 90.

проливе³⁸. Как сообщал Дельбос посольствам в Лондон и Рим 1 августа 1936 г., до сего дня решения французского правительства о запрещении экспорта оружия в Испанию «строго соблюдались», но все расширяющаяся с различных сторон помощь «силам, которые противостоят друг другу в Испании, рискует вызвать последствия, осложняющие поддержание хороших международных отношений»³⁹.

2 августа 1936 г. правительство Франции, как известно, обратилось к другим «заинтересованным правительствам» с призывом придерживаться принципа невмешательства в испанские дела. Ответ Берлина на призыв Франции «очень расплывчат, а Рим продолжает хранить молчание, в то время как поставки с их стороны в пользу мятежников продолжают», телеграфировал Дельбос Камбону в Лондон 5 августа⁴⁰. Любопытно отметить, что в тот же день Франсуа-Понсе сообщал в Париж, что правительство Германии принимает приглашение, адресованное ему Францией, Великобританией и Бельгией, участвовать в конференции пяти держав⁴¹.

8 августа, не дожидаясь решения других держав относительно невмешательства в испанские дела, Франция в одностороннем порядке прекратила выполнять условия контрактов с Испанской республикой. По существу решение Франции было формой вмешательства в пользу мятежников, так как, предложив в качестве международной меры эмбарго на оружие, предназначенное республиканской Испании, французская дипломатия не обусловила это строгим выполнением эмбарго всеми остальными государствами.

Одновременно Франция предложила Советскому правительству присоединиться к политике «невмешательства» в испанские дела. Понимая, что фашистские мятежники держатся исключительно благодаря иностранной военной помощи, Советское правительство считало целесообразным принять предложение. Правительство Советского Союза неоднократно заявляло, что фашистские мятежники должны быть лишены какой-либо помощи извне. Что

³⁸ Ibid., t. 3, N 58, p. 99—100.

³⁹ Ibid., N 56, p. 97—98.

⁴⁰ Ibid., N 83. С 29 июля по 5 августа немецкие «юнкеры» установили «воздушный мост», по которому перебрасывали войска Франко из Марокко в Севилью. 3 августа в Сеуту прибыли немецкие крейсер и миноносец. См.: Ibid., N 74, p. 117.

⁴¹ Ibid., N 88, p. 134.

же касается законного испанского правительства, то оно должно иметь право закупки за границей товаров, в том числе оружия.

6 августа 1936 г. заместитель наркома по иностранным делам дал знать временному поверенному в делах Франции в Советском Союзе Пайяру, что СССР присоединяется к принципу невмешательства во внутренние испанские дела и готов «принять участие в соглашении, предложенном Францией». При этом было высказано советской стороной два пожелания: а) привлечение к этому соглашению Португалии и б) немедленное прекращение помощи, оказываемой некоторыми государствами мятежникам⁴². 23 августа НКВД СССР сообщил Пайяру, что Советский Союз начнет применять Декларацию о невмешательстве «с того момента, как сверх французского и британского правительств... к Декларации присоединятся также германское, итальянское и португальское правительства»⁴³.

28 августа был подписан приказ по Наркомату внешней торговли о запрещении экспорта, реэкспорта и транзита в Испанию, испанские владения и испанскую зону Марокко всякого рода оружия, амуниции и военных материалов, всяких воздушных судов в собранном и разобранном виде, а также всяких военных кораблей⁴⁴.

Вскоре в Лондоне был создан Комитет по невмешательству в испанские дела, куда вошли 27 стран, подписавших соглашение. Советский Союз в Лондонском комитете представлял И. М. Майский. Его горячие речи и выступления в защиту законных прав испанского народа, разоблачения фарса «невмешательства» и истинных намерений фашистских государств и совершаемых ими преступлений против испанского народа становились достоянием международной общественности, призывая к солидарности с борющимся испанским народом.

Советское правительство присоединилось к Декларации о невмешательстве в испанские дела, говорил М. М. Литвинов в сентябре 1936 г. на Ассамблее Лиги наций, «только потому, что дружественная страна (Франция.— З. Б.) опасалась в противном случае международного конфликта. Оно поступило так, несмотря на то что считает принцип нейтралитета неприменимым к борь-

⁴² Известия, 1936, 6 авг.

⁴³ Документы внешней политики СССР. М., 1974, т. 19, № 249.

⁴⁴ Известия, 1936, 30 авг.

бе мятежников против законного правительства и противоречащим нормам международного права»⁴⁵.

Что касается итальянского правительства, то, давая согласие на присоединение к политике невмешательства, оно обуславливало его тем, чтобы в Советском Союзе и других странах были прекращены митинги солидарности с республиканской Испанией, выступления в печати в защиту испанского правительства, чтобы не производились денежные сборы и не оказывалась денежная помощь испанскому правительству. Как известно, денежные взносы в пользу республиканской Испании производились стихийно, даже дети посылали свои скромные сбережения, но итальянские и германские газеты и радио не переставали организовывать шумные кампании против СССР, обвиняя его во вмешательстве во внутренние дела Испании.

Подписав соглашение о невмешательстве 21 августа 1936 г., Италия отложила выполнение своего обязательства до 28 августа. Германия подписала соглашение 24 августа. Но и подписав декларацию, обе страны продолжали направлять испанским мятежникам оружие, самолеты, военные корабли с регулярными войсками. Эти факты были хорошо известны во Франции. 28 августа Эрбетт сообщал Дельбосу, что в береговой полосе Испании, несмотря на присоединение Германии к политике невмешательства, находятся 3 немецких броненосных и 2 обычных крейсера, 6 миноносцев (из общего числа 12 современных кораблей подобного типа)⁴⁶.

Разумеется, Советский Союз был целиком на стороне республиканской Испании, выражал ей морально-политическую поддержку и чувства солидарности в ее борьбе с фашистскими мятежниками. И лишь по мере развертывания иностранной интервенции и безуспешных попыток И. М. Майского побудить Лондонский комитет к принятию мер по пресечению усиливающейся итало-германской интервенции Советское правительство по многочисленным просьбам правительства Испании приняло решение оказать военную помощь Испанской республике. Это была помощь законному правительству, выбранному в соответствии с конституцией страны. Соглашение по невмешательству не запрещало выезд добровольцев в Испанию. Участие интернациональных бригад в испанской гражданской войне широко известно. Это славная страница в исто-

⁴⁵ Документы внешней политики СССР, т. 19, № 280.

⁴⁶ DDF, t. 3, N 212, p. 306.

рии международной солидарности народов в борьбе с фашизмом. На испанской земле на стороне республики за все время войны сражались и трудились немногим более 2 тыс. советских добровольцев, включая и военных советников, и летчиков, и механиков, и переводчиков⁴⁷.

В западной историографии позиция Советского Союза в испанской войне часто искажается. «Аргументы» для критики советской позиции черпаются, как правило, из таких «источников», как заявления руководителей Германии и Италии, из германской и итальянской прессы тех лет, не перестававшей запугивать обывателя «красной угрозой» и «коммунистическим варварством». По мнению «руководящих кругов рейха», настойчиво повторял в своих телеграммах Франсуа-Понсе, победа Республики «приведет к установлению режима Советов» в Испании; буржуазная пресса открыто обвиняла Москву в возникновении «анархии и испанской гражданской войны», а также в стремлении «большевизировать» ряд европейских стран, включая Испанию и Францию⁴⁸.

Подобные утверждения не имеют под собой никакой почвы. Судьбу Испании решали испанские политические силы, решали в ожесточенной внутренней борьбе. Что касается рекомендаций и советов, которые давали представители СССР испанскому правительству, то они оставались не более чем советами, а ни в коей мере указаниями или приказами. Об этом можно судить, например, по письму премьер-министру Испании Л. Кабальеро от 21 декабря 1936 г. за подписью И. Сталина, В. Молотова и К. Ворошилова, в котором говорилось: «Испанская революция прокладывает себе свои пути, отличные во многих отношениях от пути, пройденного Россией...»⁴⁹. «Вполне возможно, что парламентский путь окажется более действительным средством революционного развития в Испании, чем в России», — писали советские руководители. Они предостерегали правительство Ларго Кабальеро от крайних мер, в частности советовали оградить мелкую и среднюю буржуазию от попыток конфискаций, «не отталкивать руководителей партии республиканцев, а, наоборот», привлечь их, «приблизить и втянуть в общую упряжку правительства. Особенно необходимо обеспечить поддержку правительства со стороны Асаньи и его группы». Реко-

⁴⁷ Новая и новейшая история, 1971, № 2, с. 145.

⁴⁸ DDF, t. 3, N 10, p. 24.

⁴⁹ Солидарность народов с Испанской республикой. М., 1972, с. 237.

мендовали ясно заявить, что собственность иностранцев в Испании и интересы граждан государств, не поддерживающих мятежников, будут уважаться и т. д.⁵⁰

В то время как Советский Союз решительно и неизменно выступал в защиту Испанской республики, требовал обуздания фашистских агрессоров, стремился предотвратить развязывание войны, руководители Великобритании и Франции были озабочены поисками нового соглашения, союза с Германией и Италией. Они шли на постоянные уступки агрессорам, и в первую очередь за счет других государств, сначала за счет Испании, затем Австрии и Чехословакии. Политика невмешательства в агрессивные действия фашизма принесла неисчислимые бедствия испанскому народу и в конечном итоге помогла гитлеровцам развязать вторую мировую войну.

⁵⁰ См. фотокопию документа, опубликованную в кн.: *Guerra y revolución en España, 1936—1939*. Moscú, 1966, t. 2, p. 101—102.

КАНАДО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1939—1945)

На протяжении многих десятилетий история Канады была теснейшим образом связана с историей метрополии и США¹. Термин «североатлантический треугольник», введенный в научный оборот канадским историком Дж. Бребнером², довольно точно отображал характер отношений трех англосаксонских стран. Длительная колониальная зависимость Канады от Великобритании, предопределив различие в путях развития канадского и американского капитализма, создала предпосылки для передачи важных промышленных отраслей доминиона на откуп иностранным монополиям. Пальма первенства оказалась у США³.

Экономическая экспансия США в эпоху империализма являлась фактором, с которым приходилось считаться каждому правительству в Оттаве. Обогнав Англию по размерам своих капиталовложений в Канаде еще в 1920-е годы, США сумели сохранить ведущее положение в этой области в период кризисов и «великой депрессии», когда роста иностранных инвестиций в доминионе вообще не происходило⁴.

Усилились и американские торговые позиции на канадском рынке, поколебленные созданной Англией на Оттавской конференции в 1932 г. системой имперских преферен-

¹ См., напр.: Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М., 1958.

² *Brebner J. B. North Atlantic Triangle: The Interplay of Canada, the United States and Great Britain. New Haven etc., 1945.*

³ См.: Канада и США: Экономические и политические отношения/Отв. ред. С. Ф. Молочков, В. Б. Поволоцкий. М., 1983, с. 9—12.

⁴ В 1939 г. инвестиции США в Канаде исчислялись 4151 млн. долл., инвестиции Великобритании — 2476 млн., что составляло соответственно 60,9 и 36,2% от общей суммы иностранных инвестиций в Канаде. См.: *Canada's International Investment Position, 1926—1954. Ottawa, 1956, p. 19; Brecher J., Reisman S. S. Canada — United States Economic Relations. Ottawa, 1957, p. 49.*

циальных тарифов. Торговые соглашения, которые США для противодействия ей подписали с Канадой в 1935 и 1938 гг., облегчили проникновение американских товаров на север. Заключение Соединенными Штатами торговых соглашений с Канадой и Англией (в 1938 г.) отразило вместе с тем тенденцию к известному сглаживанию противоречий англосаксонских стран. Этим как бы подчеркивалась их общность в условиях обострения международной обстановки⁵.

Внешние сношения Канады не выходили за рамки связей с Британским содружеством наций и США. Кабинет либералов в Оттаве делал, правда, кое-какие жесты в адрес СССР, чтобы несколько сгладить открыто антисоветский курс консервативного правительства, установившего в 1931 г. эмбарго на ввоз товаров из СССР. Через посла СССР в Великобритании И. М. Майского и председателя АМТОРГа Боева Оттава в июне 1936 г. поставила вопрос о возобновлении торговых отношений с Советским Союзом и поездке в Москву канадского министра торговли Эйлера⁶. Эйлер, как Майский после своей беседы с ним сообщил в НКВД СССР, выказал большой интерес к Советскому государству⁷. Во время пребывания в Москве в июле 1936 г. Эйлер достиг договоренности с НКВТ СССР о снятии канадским правительством эмбарго на ввоз советских товаров⁸. Переговоры продолжались в 1937—1938 гг., но к заключению торгового соглашения между двумя странами они не привели⁹.

Ввиду негативной позиции канадской стороны не были нормализованы и дипломатические отношения Канады с СССР. И. М. Майский с полным основанием указывал верховному комиссару Канады в Великобритании В. Мэсси, «что трудно рассчитывать на значительное развитие советско-канадской торговли без восстановления дипломатических отношений». Однако вопрос об их возобновлении, хотя бы в форме обмена консулами, не ставился¹⁰.

⁵ *Trotter R. G. North America and the War: A Canadian View.* Toronto, 1940, p. 15.

⁶ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1974, т. 19, № 183, с. 297—298; № 190, с. 307. (Далее: ДВП СССР).

⁷ «Из слов Эйлера,— писал 9 июля 1936 г. Майский,— можно было бы заключить, что интересуется он больше всего нашими достижениями в области экономики и культуры, в особенности же промышленности» (ДВП СССР, т. 19, № 212, с. 353).

⁸ Там же, с. 754.

⁹ Там же. М., 1976, т. 20, № 325, с. 492.

¹⁰ Там же, т. 19, № 183, с. 298.

На этот шаг Оттава пошла только в условиях войны: 12 июня 1942 г. И. М. Майский и В. Мэсси подписали в Лондоне соглашение между СССР и Канадой об установлении прямых дипломатических отношений и обмене посланниками¹¹.

Накануне же второй мировой войны канадская политика определялась сильным стремлением к отказу от сотрудничества с СССР и от создания системы коллективной безопасности с участием Советской страны. Кабинет либералов в Оттаве активно поддерживал британскую политику «умиротворения» фашистских агрессоров¹², проявляя одновременно заметную склонность к сотрудничеству с США в вопросах торговли и обороны¹³. При этом американское законодательство о нейтралитете укрепляло основы изоляционистского курса Канады, как и британской мюнхенской политики в целом.

Тем не менее оставаться на позиции изоляционизма и сохранять нейтралитет в войне с Германией, против которой 3 сентября 1939 г. выступила метрополия, правящие круги доминиона в отличие от США не смогли и не стали: слишком тесные узы соединяли их со всем комплексом интересов британского империализма.

В 1939 г. Великобритания занимала второе после США место в канадском экспорте, а в следующие два года ее доля даже превысила американскую¹⁴. Система оттавских имперских преференций и после заключения Канадой торговых соглашений с США благоприятствовала интересам сельскохозяйственных магнатов и других группировок правящего класса Канады: в 1939 г. действие предпочтительных тарифов затрагивало 90% стоимости импорта

¹¹ Подробнее об этом см.: *Поздеева Л. В.* Канада и СССР в годы второй мировой войны: (Из истории установления дипломатических отношений). — В кн.: *Американский ежегодник*, 1982. М., 1982, с. 9—37.

¹² Канада, 1918—1945: Исторический очерк. М., 1976, с. 347—355.

¹³ Еще в момент возвращения либеральной партии к власти в 1935 г. премьер-министр М. Кинг заявлял посланнику США в Оттаве Н. Армору о своем желании избрать «американский путь». См.: *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 1975, Jan., p. 215.

¹⁴ Доля Англии и США в общей сумме канадского экспорта составила соответственно: в 1939 г.— 36 и 39,9%; в 1940 г.— 43 и 37,5%; в 1941 г.— 40,6 и 37%. В 1945 г. это соотношение вновь, причем еще более заметно, изменилось в пользу США: стоимость экспорта Канады в Англию увеличилась по сравнению с 1939 г., но доля его в общем экспорте сократилась до 29,9%, доля США составляла 37,2%. См.: *Stacey C. P.* *Canada and the Age of Conflict: A History of Canadian External Policies*, vol. 2. 1921—1948. The Mackenzie King Era. Toronto, 1981, p. 432—433.

Канады из стран империи и почти половину стоимости канадского экспорта в эти страны¹⁵.

Как по экономическим, так и по стратегическим соображениям Канада была заинтересована в том, чтобы Англия и Франция удерживали в своих руках контроль над Западной Европой и морскими коммуникациями в Северной Атлантике, через которые канадские товары направлялись в метрополию и другие страны. Безопасность заморских рынков ставилась под угрозу государствами-агрессорами. Собственные национальные интересы Канады, таким образом, побудили ее выступить на стороне Англии и объявить 10 сентября 1939 г. войну фашистской Германии¹⁶.

В то же время и Англия была заинтересована в Канаде как рынке для экспорта капитала, как источнике снабжения метрополии сырьем и продовольствием. Как до, так и после войны Канада оставалась одной из главных сфер приложения английского капитала. В списке иностранных инвесторов Канады Англия сохраняла второе после США место.

Североамериканский доминион обеспечивал значительную часть потребностей метрополии в сельскохозяйственных продуктах, прежде всего пшенице, и в стратегических материалах. Список английских потребностей был рассмотрен во время визита представителей доминионов в Лондон (ноябрь 1939 г.). По контрактам с Канадой Англия, как сообщил английский министр снабжения Л. Берджин, уже закупила все экспортные излишки цинка, алюминия, меди и олова; приобретенные излишки алюминия — 48 тыс. т — намного перекрывали собственные канадские потребности (5—10 тыс. т). К тому же с корпорацией «Доминион стил» была достигнута договоренность о ежегодных поставках метрополии 200 тыс. т стали и ферросплавов, что также составляло максимум экспортных возможностей канадской сталелитейной промышленности¹⁷.

Первостепенное значение для Англии имели канадские поставки никеля и алюминия; они производились на основе договоренности между министерством снабжения в

¹⁵ *Annett D. R.* British Preference in Canadian Commercial Policy. Toronto, 1948, p. 94.

¹⁶ *Stacey C. P.* Canada and the Age of Conflict, vol. 2, p. 268—269.

¹⁷ Great Britain: Public Record Office (далее: PRO). CAB 99. Visit of Dominions Ministers and of a Representative from India, vol. 2, p. 68—69 (1939, Nov. 21); Documents on Canadian External Relations, vol. 1—9, 12. Ottawa, 1967—1980, vol. 7/Ed. by D. R. Murray. Ottawa, 1974, N 546, Enclosure, p. 393. (Далее: DCER).

Лондоне и «Монд никел компани» — английским филиалом «Интернэшнл никел». Непрерывно возраставшие запросы Англии на никель удовлетворялись сполна¹⁸. Она забирала также практически весь производимый Канадой алюминий. Министерство снабжения затратило в начале войны 40 млн. долл. на расширение производственных мощностей заводов в Арвиде; к 1941 г. Канада должна была сосредоточить у себя четыре пятых всего производства алюминия Британской империи¹⁹.

Форсируя производство стратегического сырья и металлов, канадские монополии вместе с тем ожидали от Лондона крупных заказов на вооружение и снаряжение, за счет чего они в первую очередь рассчитывали стимулировать развитие экономического потенциала Канады и рост собственных прибылей. Ассоциация канадских промышленников еще в июне 1939 г. направила свою делегацию к премьер-министру, добиваясь правительственной поддержки в вопросе использования промышленных возможностей Канады для производства вооружения и его поставок Англии²⁰.

Накануне войны Оттава несколько раз ставила этот вопрос перед английским правительством²¹. В день нападения Германии на Польшу М. Кинг через английского верховного комиссара М. Макдональда неофициальным путем пытался выяснить запросы Лондона на сырье, вооружение и продовольствие, с тем чтобы при открытии сессии федерального парламента представить конкретную программу участия Канады в войне. С официальным посланием по этому поводу Кинг обратился к Н. Чемберлену 3 сентября²².

Правительство Чемберлена, однако, занимало в вопросе о военных заказах сдержанную позицию. Рассматривая помощь со стороны доминионов как один из важных источников внешнего финансирования своей военной программы, оно с самого начала добивалось долларового займа от Оттавы. Если министр финансов Дж. Саймон категорически заявлял, что Англия ожидает получения максимальной финансовой помощи от стран Содружества, то канадский министр шахт и ресурсов Т. Крерар пытался обусловить

¹⁸ DCER, vol. 7, N 624, p. 481.

¹⁹ Ibid., p. 482.

²⁰ Public Archives of Canada (далее: PAC). Privy Council Office. Minutes and Documents of the Cabinet War Committee. Vol. 1.

²¹ DCER, vol. 7, N 622, p. 477.

²² PRO. CAB 80/1; DCER, vol. 6, N 1054.

увеличение финансового вклада Канады быстрым размещением английских заказов на вооружение и продовольствие²³. Но все заказы на военную технику правительство метрополии лимитировало суммой около 7 млрд. ф. ст. Выяснились и другие ограничения: Канаде предлагалось наладить к 1941 г. выпуск танков «Валентин», освоенных ранее английской фирмой «Виккерс», но моторы к ним поставлялись бы Англией²⁴.

Традиционное нежелание британского монополистического капитала поощрять независимое промышленное развитие доминионов и отдавать им прибыльный военный бизнес²⁵, сложные проблемы финансирования заказов в сочетании со стратегией «странной войны» — все это обусловило ограниченный характер военно-промышленного сотрудничества Англии с Канадой в зиму 1939/40 г.

Известные перспективы намечались лишь в области экономической войны против Германии. Двусторонние переговоры с метрополией, которые после завершения встречи представителей доминионов Т. Крерар вел в ноябре 1939 г., открыли возможности к более тесному взаимодействию обеих стран при оказании экономического давления на Германию²⁶.

Надежды же на получение крупных контрактов, которые связывались с миссией Крерара, оказались тщетными²⁷. Британское правительство не разрабатывало твердой программы закупок в Канаде сырья и вооружения, а общий объем уже сделанных им заказов оставался невелик. В военном комитете кабинета министров в Оттаве упоминалось о большом разочаровании канадских промышленников, напрасном ожидании ими контрактов с метрополией²⁸. В январе 1940 г. президент Ассоциации канадских промышленников Г. Крэбтри обратился с письмом к премьер-министру и членам Тайного совета, где от имени ассоциации подчеркивалась необходимость полной моби-

²³ PRO. CAB 99, vol. 1, p. 61—64 (1939, Nov. 3); DCER, vol. 7, N 543, p. 381—382.

²⁴ PRO. CAB 99, vol. 2, p. 73—74 (1939, Nov. 21); DCER, vol. 7, N 546, p. 395—397.

²⁵ В начале войны британские промышленники умышленно держали в секрете от канадцев чертежи, проекты и технологию. См.: Ньюмен П. Канадский истэблишмент. М., 1980, с. 279.

²⁶ DCER, vol. 7, N 545, p. 384—392.

²⁷ О миссии Т. Крерара подробнее см.: Мартыненко Б. А. Канада в межсоюзнических отношениях в годы второй мировой войны (1939—1941 гг.): Канд. дис.... ист. наук. Киев, 1982.

²⁸ DCER, vol. 7, N 604, p. 459—460; PAC. Minutes and Documents of the Cabinet War Committee. Vol. 1 (1939, Dec. 8).

лизации промышленных ресурсов страны для военных нужд²⁹. Канадские монополии энергично, но пока безрезультатно добивались в Лондоне увеличения военных заказов. Склонить к этому британское правительство также пытался — но столь же безуспешно — министр национальной обороны Канады Н. Роджерс, посетивший Лондон в апреле 1940 г.

Мало что изменилось, казалось, и с переходом нацистов к блицкригу в Западной Европе. 17 мая 1940 г. военному комитету в Оттаве было доложено, что метрополия все еще не разместила в Канаде больших заказов на вооружение. Было решено опять привлечь внимание Лондона, адресовав ему предложение о промышленной поддержке³⁰. 19 мая 1940 г. в личном обращении к главе нового британского кабинета У. Черчиллю М. Кинг поставил вопрос о более полном использовании ресурсов канадской промышленности для союзных нужд³¹.

Усиленный нажим продолжала оказывать Ассоциация канадских промышленников, которая на своем годовичном собрании в Виннипеге (29—31 мая) решительно высказалась в пользу развития экономического сотрудничества с англо-французскими союзниками. Представительная делегация ассоциации была принята членами кабинета министров в Оттаве 6 июня и передала им подробный перечень предложений правительству метрополии по вопросу о более полной мобилизации канадского промышленного потенциала. Речь шла, в частности, о необходимости учесть широкий объем незагруженных производственных мощностей в таких отраслях канадской индустрии, как машиностроительная и металлургическая. Главный инспектор «Стил компани оф Кэнада» Дж. Морроу уверял, что страна в состоянии наладить для военных нужд выплавку стали в любом требуемом количестве³². Последовало очередное послание Кинга Черчиллю (от 8 июня 1940 г.), где критиковались замедленные темпы деятельности британской закупочной миссии и ее недостаточная компетентность. Собственные потребности Канады и ограниченные британские заказы, говорилось в телеграмме, составляют «лишь малую долю» общих ее возможностей³³.

²⁹ PAC. Minutes and Documents of the Cabinet War Committee. Vol. 1.

³⁰ Ibid. Vol. 1 (1940, May 17).

³¹ DCER, vol. 7, N 622, 477.

³² Ibid., N 626, p. 484—486; PAC. Minutes and Documents of the Cabinet War Committee. Vol. 1.

³³ DCER, vol. 7, N 625, p. 483—484.

Решающей роли все эти представления, конечно, не сыграли. Только грозная опасность, нависшая над метрополией летом 1940 г., заставила английскую буржуазию отойти от прежней позиции сдерживания промышленного роста доминионов. Испытывая острый недостаток в средствах для отражения германской атаки, правительство Черчилля обратилось с призывом о помощи к США и одновременно к Канаде, дав «зеленый свет» развертыванию ее военного потенциала. В телеграмме Кингу, направленной вскоре после вступления немецких войск в Париж, Черчилль признал своевременной «конструктивную критику» со стороны Канады и выразил благодарность за ее стремление «мобилизовать с максимальным эффектом всю промышленность в условиях нынешнего серьезного кризиса»³⁴. С момента капитуляции Франции и до нападения Германии на СССР Канада являлась главным воюющим союзником Англии.

Начатое летом 1940 г. в ускоренном темпе создание военной экономики Канады стимулировалось главным образом заказами метрополии. В июле — августе между Лондоном и Оттавой была достигнута договоренность о существенном расширении военного производства Канады, в соответствии с чем последняя обязалась уже в следующем (1941) году затратить на правительственные цели более половины суммы всего своего национального дохода. Значительная часть правительственных средств направлялась также и на оснащение собственных вооруженных сил доминиона³⁵.

Важное место в отношениях между США, Канадой и Англией заняли валютные проблемы. Частичное решение они получили весной 1941 г. с переходом Вашингтона к системе ленд-лиза, а также с подписанием США и Канадой Гайд-паркского соглашения (20 апреля). Но вопрос о финансировании поставок для метрополии и тогда не был снят с повестки дня — английский стерлинговый долг Канаде продолжал быстро расти. План его сокращения и оказания помощи Англии был в декабре 1941 г. разработан министерством финансов в Оттаве. Предусматривалось, во-первых, что Канада предоставит метрополии для покрытия почти всего ее стерлингового долга беспроцентный заем в 700 млн. долл.; кроме того, Лондон получит от Оттавы в качестве «дара» сумму в размере 1 млрд. долл.,

³⁴ Ibid., N 628, p. 487.

³⁵ Ibid., N 635, p. 494—495; *Hall H. D. North American Supply. L., 1955, p. 221—222.*

которая будет с января 1942 по март 1943 г. использована для оплаты передаваемых Канадой Англии вооружения, военных материалов и продовольствия. Метрополия же передаст Канаде часть канадских ценных бумаг на сумму 295 млн. долл.³⁶

Вплоть до весны 1943 г. все военные и продовольственные поставки шли из Канады в Англию и оплачивались ею либо наличными, либо за счет канадских средств. Затем британское правительство переправляло часть этих поставок другим странам. Этот порядок был изменен с принятием Канадой 20 мая 1943 г. закона о военных ассигнованиях (о взаимной помощи Объединенным нациям).

Создавался Канадский комитет взаимной помощи (председатель — министр вооружения и снабжения К. Хау), который взял в свои руки распределение поставок и определял условия их передачи Англии и другим странам антигитлеровской коалиции. Поставки Канады являлись важной частью ее вклада в общие усилия этих стран, направленные на разгром держав «оси». В то же время программа поставок отвечала долгосрочным интересам монополистического капитала: сохранению высокого уровня производства и прибылей, закреплению Канадой после войны внешних рынков, и прежде всего рынка метрополии.

В 1943/44 финансовом году канадское правительство ассигновало 1 млрд долл. на военные поставки по взаимопомощи; большая часть средств была израсходована на помощь метрополии. Гарантировать рост канадского экспорта именно на британском рынке — вот одна из главных целей канадских ассигнований. В начале 1944 г. кабинет министров в Оттаве рассмотрел вопрос о повышении их суммы. Ряд министров, записал М. Кинг в дневнике, выдвинули возражения; остальные же «склонны одобрить рекомендации министерству финансов в силу ряда причин, в том числе в силу необходимости для Англии располагать канадской валютой для закупок после войны сельскохозяйственных продуктов (в противном случае — опасность перехода английских рынков к Аргентине и другим странам) и потребности загрузки фабрик на производство вооружения до тех пор, пока продолжается война, а также переключения на продукцию мирного времени, когда это позволят условия»³⁷.

³⁶ *Hall H. D. North American Supply*, p. 240; *DCER*, vol. 9, N 343, p. 369.

³⁷ *PAC. King Diary*. Vol. 147 (1944, Jan. 4).

Сам премьер-министр не раз выражал опасения по поводу того, что слишком большая сумма ассигнований на помощь Англии и связанное с этим высокое налогообложение населения могут обернуться поражением либеральной партии на парламентских выборах. Тем не менее на 1944/45 финансовый год кабинет утвердил ассигнования в размере 887 млн. долл. Решающим аргументом стал тот, что сокращение военного производства Канады и ее экспорта вызовут ломку экономической системы и отрицательно скажутся на послевоенной торговле с метрополией³⁸. В правительственных кругах Оттавы, как на то указывает меморандум министерства финансов от 6 августа 1944 г., ориентировались на сохранение после войны экономически сильной Англии. Канадский премьер полагал, что британскому правительству нужно помочь «продержаться». Монополии же надеялись приобрести крупные льготы на рынке Англии и в некоторых случаях получали заверения с ее стороны на этот счет³⁹.

Объем канадского экспорта в Англию за годы войны утроился; наивысшие показатели были отмечены в 1944 г.⁴⁰ В дальнейшем, однако, расчеты Канады на английский рынок не оправдались. И по экспорту и по импорту объем канадской торговли с Англией после окончания войны поддерживался на уровне ниже предшествующих лет. Это объяснялось главным образом интеграцией экономики Канады с США⁴¹.

По официальным данным канадского правительства, подавляющая часть средств (2112 млн. кан. долл. из 2482 млн.), израсходованных на взаимную помощь в 1943—1946 гг., пошла на оплату поставок Соединенному королевству⁴².

Свыше половины (53%) всей военной продукции Канады в годы войны получили Англия и страны Британской империи. Метрополии было передано 60% канадского

³⁸ *Granatstein J. L. Canada's War: The Politics of the Mackenzie King Government, 1939—1945. Toronto, 1975, p. 314.*

³⁹ *Granatstein J. L. Settling the Accounts: Anglo-Canadian War Finance, 1943—1945.— Queen's Quarterly, 1976, Summer, p. 242.*

⁴⁰ Стоимость экспорта Канады в Соединенное королевство составила: в 1939 г.— 323,9 млн. долл., в 1944 г.— 1238,1 млн., в 1945 г.— 971,5 млн. См.: *Historical Statistics of Canada/Ed. by M. C. Urquhart. Toronto, 1965, p. 183.*

⁴¹ *Lyon P. Britain and Canada: Survey of a Changing Relationship. L., 1976, p. 134—135.*

⁴² *Dziuban S. W. Military Relations between the United States and Canada, 1939—1945. Wash., 1959, p. 295.*

производства танков, 67 — артиллерии, 70 — винтовок, 53% — боевых самолетов. Потребности зарубежных стран, прежде всего метрополии, писал в этой связи Ч. Стейси, оказывали глубокое влияние на экономические усилия Канады⁴³.

Доля североамериканского доминиона в общем балансе снабжения стран Британской империи вооружением за период с сентября 1939 по июль 1945 г. составила 7,9%, что было намного меньше доли метрополии (69,5%) и США (21%), но значительно больше доли Австралии, Новой Зеландии и Индии вместе взятых (1,6%)⁴⁴.

Важное значение для оснащения британских вооруженных сил имели поставки Канадой транспортных средств (транспорт английской 8-й армии, например, был в основном канадского производства), стрелкового оружия, боевых и торговых судов. Самым же ценным вкладом доминиона в имперские военно-экономические усилия явились поставки стратегического сырья⁴⁵.

Развитие военной промышленности в Канаде способствовало утверждению ее как индустриально-аграрной страны, усилению национальной буржуазии. Ослабла финансовая зависимость Оттавы от лондонского Сити. Англия из войны вышла должником североамериканского доминиона: за счет канадского займа 1942 г. и расходов по плану подготовки летчиков Содружества ее задолженность к июню 1945 г. выросла почти до 1 млрд. долл. Сверх того Англия была вынуждена продать на такую же сумму принадлежавшую ей часть канадских ценных бумаг, доход от них по сравнению с 1939 г. упал с 80 млн. долл. до 55 млн.⁴⁶

По соглашению, подписанному обеими странами 6 марта 1946 г., была погашена финансовая задолженность метрополии по всем статьям, кроме займа 1942 г. (700 млн. долл.), выплата процентов по которому откладывалась до конца 1950 г. За 1942—1946 гг. общая сумма канадской финансовой помощи Соединенному королевству достигла 3468 млн. долл.⁴⁷

⁴³ См.: *Stacey C. P. Arms, Men and Governments: The War Policies of Canada, 1939—1945. Ottawa, 1970, p. 488.*

⁴⁴ *Hancock W. K., Gowing M. M. British War Economy. L., 1949, p. 341.*

⁴⁵ *Hall H. D. North American Supply, p. 223.*

⁴⁶ *Ibid., p. 476.*

⁴⁷ Эта сумма включала: 1 млрд. долл. — «дар» 1942 г.; 2043 млн. — расходы по взаимопомощи 1943—1945 гг.; 425 млн. долл. — затраты на план подготовки летчиков Содружества. См.: *Ibid., p. 487.*

Сотрудничество Канады с Англией шло в основном именно по линии оказания помощи валютой, поставок вооружения, сырья и продовольствия. Весьма существенным начиная с лета 1940 г. являлось также участие доминиона в военных действиях метрополии, в первую очередь на море и в воздухе. Через «летную школу» Содружества в Канаде прошли подготовку 131 тыс. пилотов, в их числе 72 тыс. канадцев. Среди погибших 17 тыс. летчиков британской бомбардировочной авиации 10 тыс. составляли летчики канадских ВВС⁴⁸. Канадцы вместе с англичанами обороняли Британские острова, сражались в составе британских, а затем англо-американских армий в Западной Европе: «Канадская 1-я армия представляла Содружество на западноевропейском ТВД, где военная роль Содружества в целом была меньшей, чем в войну 1914—1918 гг.»⁴⁹.

Канадская военная и экономическая помощь Англии, укрепление монополистической буржуазии доминиона, общее ослабление британских позиций — все это открывало для Оттавы больше возможностей к маневрированию в сфере имперских отношений.

В 1930—1940-е годы правительство либералов в Оттаве проводило политику, которая способствовала развитию Британского содружества наций как объединения государств, не основанного на твердых обязательствах сторон и жесткой централизации. Эта позиция Канады, как не без оснований полагают некоторые авторы, оказала решающее влияние и на характер послевоенного Содружества⁵⁰. В годы войны наиболее четко она прослеживалась в вопросах об имперской конференции, имперском военном кабинете и «единой внешней политике».

Канадское правительство, направив в ноябре 1939 г. миссию Крерара в Лондон для обмена мнениями с представителями других доминионов, проявило интерес главным образом к экономическим аспектам переговоров и отказалось рассматривать их в качестве формальной конференции. Было подчеркнуто, что встреча ставит целью лишь консультации, координацию и сотрудничество, но никак не создание имперского военного совета⁵¹.

⁴⁸ Stacey C. P. *Canada and the Age of Conflict*, vol. 2, p. 296.

⁴⁹ McInyre W. D. *The Commonwealth of Nations: Origins and Impact*, 1869—1971. Minneapolis, 1977, p. 338.

⁵⁰ См., напр.: Ross D. J. *Official Canadian Attitudes towards the Commonwealth*.— *The Australian Journal of Politics and History*, 1980, N 2, p. 183.

⁵¹ DCER, vol. 7, N 537/538, p. 377—378.

В апреле 1940 г. Н. Чемберлен официально предложил созвать в Лондоне конференцию премьер-министров доминионов для обсуждения «всех аспектов совместных военных усилий»⁵². Оттава ответила отказом, мотивируя это необходимостью постоянного присутствия премьер-министра в Канаде в интересах единства страны, ведения войны и использования «открытых каналов дружественных связей с Вашингтоном». Предпочтение отдавалось системе консультаций в рамках Содружества, которая была незадолго до того усилена назначением канадских верховных комиссаров в Австралию, Новую Зеландию, ЮАС и Ирландию⁵³.

Черчилль спустя примерно год выступил с аналогичным предложением о созыве (в июле—августе 1941 г.) имперской конференции. Свою краткую телеграмму, направленную 12 мая Кингу, он закончил словами: «Вы блестяще вывели Канаду вперед благодаря столь замечательному единству»⁵⁴. Это не помешало главе канадского правительства вновь отвергнуть идею такой конференции, прибегнув к прежним предлогам («единство нации», контакт с США)⁵⁵. Позже канадский список контраргументов разросся: появились ссылки на сложности в вопросах о всеобщей воинской повинности, о трудовых конфликтах, взаимоотношениях с Виши и пр. До тех пор пока существует возможность постановки темы конскрипции, утверждал, в частности, Кинг 14 июня 1941 г., «мое присутствие в Канаде будет абсолютно необходимым»⁵⁶.

22 июня 1941 г. в телеграмме Черчиллю Кинг дополнительно выдвинул еще одно соображение: личное присутствие главы правительства в Канаде важно для разрешения внутривнутриполитических затруднений, возникших в связи с нападением Германии на СССР. «Лапойнту (тогдашний министр юстиции.— Л. П.) в мое отсутствие,— писал Кинг,— было бы в два раза труднее справиться с ситуацией»⁵⁷. Убедившись в том, что идея имперской конференции не встречает поддержки в Канаде и ЮАС, У. Черчилль временно от нее отказался. Подтвердив 26 июля, что созыв официальной имперской конференции в ближайшем будущем «непрактичен», британский премьер пригласил

⁵² Ibid., N 553, p. 408—409.

⁵³ Ibid., N 558, p. 412—414.

⁵⁴ Ibid., N 562, p. 416.

⁵⁵ Ibid., N 563, p. 417—419.

⁵⁶ Ibid., N 567, p. 421.

⁵⁷ Ibid., N 573, p. 427.

Кинга нанести краткий неофициальный визит в Лондон и пообещал ему «большой прием»⁵⁸. В ответном послании канадского премьера от 31 июля было выражено удовлетворение тем, что организация такой конференции «маловероятна»; вновь подчеркивалось, что лишь благодаря неотлучному пребыванию в стране главы правительства Канады могли быть рассмотрены и «приняты без колебания или отсрочки необходимые меры для решения обстоятельств, вызванных вступлением России в войну». В конце телеграммы Кинг писал, что принимает приглашение посетить английскую столицу⁵⁹.

Легкость, с какой глава либерального правительства согласился пожертвовать своим присутствием в Северной Америке, показывала, что все ранее приводимые Оттавой доводы не имели для нее решающего значения. Кинг поспешил отправиться за океан, как только потребовалось подкрепить его роль «связного» между Рузвельтом и Черчиллем. Сепаратные их переговоры на Атлантической конференции были восприняты Кингом как личное оскорбление.

Во время поездки в Англию (20 августа — 7 сентября 1941 г.) канадский премьер присутствовал на заседаниях британского правительства и вел доверительные беседы с Черчиллем. В числе прочего затрагивался вопрос об организационной структуре Содружества. Кинг перечислил контраргументы созданию имперского военного кабинета и ознакомил Черчилля с копией своей телеграммы, направленной 2 августа 1941 г. премьер-министру Австралии Р. Мензису⁶⁰, где излагались канадские возражения на этот счет⁶¹. Позиция Канады, как сообщил впоследствии Кинг, получила полную поддержку со стороны британского кабинета⁶².

Дело в том, что британский премьер не хотел поступаться единоличным контролем и делить с доминионами

⁵⁸ Ibid., N 572, p. 426; N 576, p. 429.

⁵⁹ Ibid., N 577, p. 429—430.

⁶⁰ Р. Мензис еще в конце 1940 г. выдвинул идею формирования в Лондоне имперского военного кабинета, в который вошли бы премьер-министры всех доминионов. 3 июля 1941 г. он обратился по этому поводу со специальным посланием к канадскому правительству (DCER, vol. 7, N 585, p. 441—443). Предложение Австралии отражало ее разногласия с Англией по вопросам ведения войны и стремление играть более значительную роль при определении стратегии и политики в регионе Тихого океана.

⁶¹ DCER, vol. 7, N 588, p. 445—448.

⁶² PAC. Minutes and Documents of the Cabinet War Committee. Vol. 6 (1941, Sept. 10).

свою власть в военном кабинете. Черчилль, как уверял 27 июля заместитель министра иностранных дел Канады Н. Робертсон, может поддержать созыв имперской военной конференции, но он не одобрит предложения Мензиса «отнести заморского политического представителя»⁶³.

Канада же руководствовалась в этом вопросе иными мотивами. В своих публичных заявлениях — в палате общин 17 февраля, на пресс-конференции в Лондоне 21 августа 1941 г. — Кинг подчеркивал, как обычно, преимущества «существующей системы консультаций» и связей Содружества⁶⁴. Отход от этой системы, как полагали в Оттаве, создал бы опасность для автономии страны, мог связать Канаду обязательствами, не давая ей реальной власти. «В конституционном плане, — писал в ноябре 1940 г. советник канадского МИДа Дж. Макдональд, — созыв имперского военного кабинета был бы шагом назад»⁶⁵. Кроме того, принимались в расчет растущие интеграционные связи Канады с США, а также вероятность образования совместного с Вашингтоном высшего органа руководства войной. Н. Робертсон доказывал, что в случае вступления США в войну развитие пойдет в сторону усиления сотрудничества не между странами Содружества, а между Содружеством и США⁶⁶. По этим причинам канадский военный комитет одобрил отрицательный ответ на предложения Мензиса (в Канаде они встретили одобрение только некоторых консервативных кругов и органов печати)⁶⁷.

Хотя в Лондоне канадский премьер и получил «большой прием» — члены английского кабинета всячески превозносили вклад Канады, — свой отчет военному комитету по возвращении домой он закончил любопытной рекомендацией. Важно дать понять канадскому народу, заявил он, что правительство в военной области «проводит свою собственную политику, а не только следует указаниям Соединенного королевства. В связи с этим члены правительства должны концентрировать внимание на происходящем в Канаде, и сейчас лучше всего ограничить визиты министров в Великобританию...»⁶⁸. Усиление лич-

⁶³ DCER, vol. 7, N 587, p. 444.

⁶⁴ Ibid., N 583, p. 439; N 589, p. 449.

⁶⁵ Ibid., N 580, p. 437.

⁶⁶ Ibid., N 587, p. 444.

⁶⁷ PAC. Minutes and Documents of the Cabinet War Committee. Vol. 6 (1941, July 29); *Stacey C. P. Arms, Men and Governments*, p. 148.

⁶⁸ PAC. Minutes and Documents of the Cabinet War Committee. Vol. 6 (1941, Sept. 10).

ного и национального престижа было постоянной линией, которую Кинг проводил в отношениях с Лондоном.

В дальнейшем ходе войны кабинет либералов продолжал выступать против всякого рода схем имперской централизации. Новое, выдвинутое в январе 1942 г. предложение Австралии о включении ее аккредитованного представителя в состав британского военного кабинета не было поддержано Оттавой⁶⁹.

Канадская позиция была еще раз категорично подтверждена, когда между Вашингтоном и Лондоном начался предварительный обмен мнениями по вопросам послевоенного урегулирования. Вскоре после визита английского министра иностранных дел А. Идена в Вашингтон, где рассматривались эти вопросы, Черчилль сообщил (3 апреля 1943 г.) Кингу, что собирается созвать имперскую конференцию, с тем чтобы показать всему миру «силу и единство того, что мы в будущем должны именовать „Британским содружеством и империей“»⁷⁰. Эту же формулировку Черчилль повторил в тексте посланий главам правительств других доминионов, приглашая их встретиться и согласовать вопрос о роли «Британского содружества и империи» в организации послевоенного мира⁷¹.

Ссылку на «Британское содружество и империю» канадская дипломатия расценила как свидетельство того, что замышляемая конференция рассмотрит преимущественно внутриимперские аспекты, а это неизбежно повлечет за собой и «конституционные вопросы» — о статусе Индии и др.⁷²

Правительство Черчилля, выдвигая предложение об имперской конференции, преследовало цель создания «общего фронта» британских стран и укрепления внешнеполитических позиций Англии по отношению к двум ведущим державам антигитлеровской коалиции: СССР и США. Однако оно совсем не собиралось пересматривать свою колониалистскую позицию и идти навстречу требованиям Индии о предоставлении ей независимости. Лондон поспешил заверить Оттаву, что имеется в виду не «имперская конференция довоенного типа», а конференция премьер-министров пяти стран Содружества⁷³.

⁶⁹ DCER, vol. 9, N 815, p. 967; N 818, p. 969—970.

⁷⁰ Ibid., N 849, p. 1015—1016.

⁷¹ Ibid., N 850, p. 1016.

⁷² Ibid., N 851, p. 1017.

⁷³ Ibid., N 853, p. 1018.

Созыву этой последней предшествовала острая дискуссия в правящих кругах метрополии, Канады и других доминионов, новый повод к которой дала речь британского посла в США лорда Галифакса. Выступая 24 января 1944 г. в Торговой палате Торонто, Галифакс в числе прочего высказался за достижение тесного единства стран Содружества в области внешней, оборонной, экономической и колониальной политики⁷⁴.

Отклики в Канаде на заявление посла были самыми различными — от безусловного одобрения до решительных возражений. Число печатных органов, высказавшихся в его поддержку, сначала превышало ту часть канадской прессы, которая заняла позицию неодобрения⁷⁵.

Внутри правящей англоязычной верхушки концепция централизации Содружества получала активную поддержку в лице консервативно-прогрессивной партии. Высказывания правоконсервативного премьера Онтарио Дж. Дрю, одного из главных рупоров этой концепции в Канаде, даже цитировались Л. Кэртиссом, Эдв. Григгом и другими идеологами имперского «единства»⁷⁶. Лидер партии Дж. Бракен весьма осторожно среагировал на призыв Галифакса к централизации империи и проведению «единой внешней политики» Содружества. В заявлении Бракен ограничился неопределенным пожеланием «более тесного сотрудничества с другими нациями Содружества»⁷⁷. Такая сдержанность была одобрена торонтской «Глоб энд мэйл»; вместе с другой консервативной газетой, монреальской «Гэзетт», она высказалась против того, чтобы сделать выступление посла предметом внутривнутриполитической дискуссии.

«Старая гвардия» консерваторов, однако, отстаивая пробританские позиции, безоговорочно поддержала идеи Галифакса. В конечном счете это привело к углублению внутривнутрипартийных разногласий между Бракеном, с одной стороны, Дж. Дрю, Г. Грином и прочими деятелями пра-

⁷⁴ Поздеева Л. В. Проблема послевоенной безопасности в политике Великобритании и Канады (1943—1944 г.). — В кн.: Проблемы британской истории, 1980. М., 1980, с. 111—112.

⁷⁵ Согласно данным Управления военной информации, с конца января по 7 февраля 1944 г. из 57 канадских газет 41% одобрил речь Галифакса, 33% осудили ее. См.: PAC. Wartime Information Board Records, vol. 19, file 11—17—2.

⁷⁶ DCER, vol. 9, N 819, p. 979.

⁷⁷ Granatstein J. L. The Politics of Survival: The Conservative Party of Canada, 1939—1945. Toronto, 1957, p. 170—172.

вого крыла — с другой ⁷⁸. Несмотря на то что основная часть консервативной прессы, кроме газеты «Виннипег трибюн», одобрила предложения Галифакса (главная поддержка исходила от газет Онтарио и приморских провинций), партия в целом воздержалась от официальных комментариев ⁷⁹.

Единодушно выступила против вся франкоканадская печать во главе с газетой «Ле девуар», расценившей речь Галифакса как «начало самой сильной империалистской кампании», когда-либо имевшей место со времен Дж. Чемберлена. «Аксъон католик» и другие франкоязычные газеты подчеркивали «национальные интересы» Канады — американского государства — в противовес интересам Англии и Британской империи ⁸⁰.

Англоканадские круги подвергли нападкам главным образом ту часть выступления Галифакса, которая содержала призыв к усилению влияния Англии путем консолидации «Британского содружества и империи» в качестве «четвертой силы», противостоящей СССР, США и Китаю. Против высказалось большинство англоязычной прессы, оказывавшей поддержку либеральной партии Канады. Что касается предложений посла относительно централизации имперского руководства, то они получили наиболее сильный отпор со стороны лидера партии Федерация кооперативного содружества М. Колдуэла и газеты «Виннипег фри пресс», которая квалифицировала речь посла как самую авторитетную защиту той теории, «что развитие Британского содружества наций в сторону полной автономии под эгидой короны должно быть приостановлено». В пользу принципа «автономного партнерства» Содружества, против «централизованного контроля» высказывалась также «Торонто дейли стар» ⁸¹.

Кабинет министров в Оттаве, для которого речь Галифакса оказалась совершенной неожиданностью (тогда как текст ее заранее получила лондонская «Таймс»), был полон негодования. Весь огонь критики канадский премьер обрушил на британского верховного комиссара в Канаде М. Макдональда, когда тот 26 января 1944 г. поспешил от своего лица выразить ему сожаление и даже готовность

⁷⁸ Kendle J. John Bracken: A Political Biography. Toronto, 1979, p. 208—209.

⁷⁹ PAC. Wartime Information Board Records, vol. 19, file 11—17—2.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid.

осудить «империалистскую политику тори, частью которой являются высказывания Уинстона Черчилля об империи и Содружестве». Кинг признался, что чуть было не направил Черчиллю протест, но потом отказался от такого шага («я попытаюсь думать о войне в первую очередь») ⁸². На самом же деле, если верить дневнику Кинга, его первая реакция была совсем иной. Накануне вечером он записал: «Я не должен жаловаться на содеянное Галифаксом, ибо он, как кто-то сегодня днем сказал в совете, дал в мои руки тему, которая обеспечивает или обеспечит возвращение либеральной партии...» ⁸³.

Официальная позиция канадского правительства была изложена Кингом в палате общин 31 января 1944 г. Она сводилась, с одной стороны, к твердому отказу одобрить идею имперской централизации и признанию действительности механизма консультаций. Это позволяло либералам сохранить влияние в провинции Квебек ⁸⁴ и, кроме того, в очередной раз публично подтвердить накануне встречи в Лондоне свое мнение, отличное от взглядов Англии и ряда доминионов. С другой стороны, Оттава, как следовало из правительственной декларации, отказалась и от того, чтобы воспользоваться речью Галифакса как предложением для роспуска федерального парламента и проведения досрочных выборов. Против этого высказался также лидер консервативной фракции Г. Грейдон ⁸⁵ (в палате общин 31 января).

В итоге канадо-английские расхождения не переводились в русло партийно-политической борьбы — они были «локализованы» на межправительственном уровне. Именно в январе — мае и прозвучали «последние решающие залпы» в битве против политики централизации Содружества ⁸⁶. Активную роль канадская дипломатия сыграла на конференции премьер-министров доминионов, проходившей 1—16 мая 1944 г. в Лондоне ⁸⁷.

Здесь уместно более подробно рассмотреть причины негативного отношения Канады к планам имперской централизации. Важную роль, несомненно, играло стремление

⁸² PAC. King Diary. Vol. 147 (1944, Jan. 26).

⁸³ Ibid. (1944, Jan. 25).

⁸⁴ Wade M. The French-Canadians, 1760—1967. Toronto, 1968, vol. 2, 1911—1967, p. 983—986.

⁸⁵ PAC. Wartime Information Board Records. Vol. 10-A-51.

⁸⁶ Ross D. J. Op. cit., p. 183.

⁸⁷ Поздеева Л. В. Проблема послевоенной безопасности..., с. 107—115.

Оттавы упрочить сравнительно недавно завоеванный внешнеполитический суверенитет. В межвоенный период правительство либералов противилось всем шагам в направлении к централизации, справедливо связывая их с попытками метрополии втянуть Канаду в «имперское русло», с посягательствами на ее независимость. У Кинга сохранялись сильные подозрения насчет «козней» Уайт-холла. Он подозрительно относился и к деятельности канадского верховного комиссара в метрополии В. Мэсси, который приобрел большое влияние в высших правительственных сферах Лондона⁸⁸. Борьба за суверенитет продолжалась также в военные годы, причем она по-прежнему сохраняла преимущественно антианглийскую направленность.

Факт ослабления Великобритании и роста ее зависимости от США служил, с точки зрения Оттавы, аргументом в пользу децентрализации Содружества. При оценке проекта «совета империи», выдвинутого в августе 1943 г. премьер-министром Австралии Кэртином, советники канадского МИДа рекомендовали принимать в расчет неспособность Англии и стран империи самостоятельно решать, без США и других союзников, задачи обороны и ведения войны. Критикуя австралийский проект, Дж. Холмс, например, приходил к выводу: не в интересах британских наций единая внешняя политика, «основанная на иллюзии, будто империя в состоянии обороняться с помощью собственных ресурсов»⁸⁹.

На лондонской конференции 1944 г. канадский премьер-министр выступил против предложения метрополии учредить совместный «имперский совет обороны». Итоговое коммюнике конференции никаких ссылок на проблему обороны Содружества не содержало⁹⁰. Характерно также, что в переговорах по вопросам о послевоенной гражданской авиации и дальней связи правительство Канады заняло позицию, исключавшую возможность централизации политики Содружества. Вопреки мнению К. Хау, кабинет министров в Оттаве считал неприемлемым английское предложение о создании в Лондоне единого органа, который контролировал бы политику дальней связи Содружества. Кабинет высказался за незамедлительные переговоры с

⁸⁸ *Richie Ch.* The Siren Years: A Canadian Diplomat Abroad, 1937—1945. Toronto, 1974, p. 11.

⁸⁹ DCER, vol. 9, N 819, Enclosure, p. 973.

⁹⁰ *Eayrs J.* In Defence of Canada; Peacemaking and Deterrence. Toronto; Buffalo, 1977, p. 207.

целью достижения широкого соглашения между Содружеством и США⁹¹.

И в послевоенные годы, в значительной мере в силу позиции Канады, какого-либо централизованного механизма Содружества создано не было. Д. Росс подчеркивает в этой связи такие факты, как ослабление позиций метрополии, географическую близость Канады к США, все более прочную ориентацию Оттавы на Вашингтон⁹².

Существенное значение для Канады имел, наконец, и внутривластный фактор, хотя он иногда и преувеличивался Кингом и его сторонниками. Кабинет либералов остерегался идти на обострение отношений с франкоязычной частью правящего лагеря, которая с неизменной враждебностью реагировала на все попытки консолидации связей с Лондоном и усиления их имперского механизма.

Следует заметить, что франкоканадцы не проявляли при этом особого желания покинуть Содружество. Канадский институт общественного мнения установил в августе 1943 г., что наиболее высокий процент голосов (37%), поданных за выход Канады из Содружества и ее политическое объединение с США, был отмечен не у канадцев британского или французского происхождения (в обоих случаях по 19%), а у группы лиц, прибывших в Канаду из США либо через их территорию. «Франкоканадец,— писал один из руководителей этого института, У. Сандерс,— хотел бы объединиться с США не более, чем этого хочет его соотечественник британского происхождения. Несомненно, что в случае если Канада станет частью США, то статус меньшинства для франкоканадца будет подчеркнут даже еще сильнее, нежели теперь»⁹³.

Итак, основная часть правящих кругов Канады на всем протяжении второй мировой войны и после ее окончания отстаивала концепцию «свободного» Содружества, что, вне всякого сомнения, содействовало развитию центробежных тенденций. Было бы ошибкой, однако, слишком тесно связывать с этой позицией правящего класса доминиона начавшийся распад Британской империи. Он был обусловлен в первую очередь кризисом колониализма, резко обострившимся под влиянием военных поражений

⁹¹ PAC. King Diary. Vol. 151 (1945, Mar. 12); PAC. Privy Council Office. Cabinet Conclusions. Vol. 2 (1945, Mar. 13).

⁹² Ross D. J. Op. cit., p. 184—185.

⁹³ Sanders W. Canada Looks Postwar.—The Public Opinion Quarterly, 1944, vol. 8, N 4, p. 524—525.

западных держав и мощного подъема национально-освободительной борьбы. Решающим фактором ускорения распада империи стала борьба народов Ближнего и Среднего Востока, Азии, Африки, а отнюдь не тот «эволюционный процесс продвижения к самоуправлению», о котором пишут буржуазные авторы⁹⁴.

Разумеется, отказываться от выгодных для нее связей с Англией или с Содружеством канадская буржуазия, нацелившаяся на расширение рынков для экспорта капитала и товаров, не намеревалась.

Не только экономические, но стратегические и политические интересы Оттавы требовали сохранения связей с Лондоном. В упомянутых выше рекомендациях Дж. Холмса подчеркивалась необходимость оказывать влияние на британскую политику и использовать британские каналы для упрочения международного веса Канады⁹⁵. Принадлежность к Содружеству позволяла Оттаве, кроме того, продолжать игру на англо-американских противоречиях и этим нейтрализовать в известной степени давление со стороны Вашингтона. В записях Кинга за декабрь 1942 г. содержится одно из первых признаний того, что американцы предпримут попытку контролировать после войны дела своего северного соседа и «перевести Канаду из орбиты Британского содружества наций в свою собственную орбиту». Отвергая такую перспективу, премьер-министр высказывал желание видеть Канаду «крупнейшей среди наций Британского содружества»⁹⁶. Дружбу с США, как он не раз говорил, Канада должна сочетать с членством в Содружестве⁹⁷.

Сохранение тесных связей с метрополией и ее бывшими владениями было обусловлено, помимо всего прочего, историческими традициями народов англосаксонских стран: общностью языка, культуры, политических институтов, их семейными узами и приверженностью к «материи-родине». Этим, очевидно, можно объяснить вызывающие удивление итоги некоторых социологических опросов. Канадский институт общественного мнения в августе 1943 г. попросил канадцев выбрать один из следующих возможных вариантов: 1) Канада остается членом Британского содружества; 2) она выходит из Содружества и становит-

⁹⁴ Hall H. D. Commonwealth. L.. 1971, p. 765.

⁹⁵ DCER, vol. 9, N 819, p. 972.

⁹⁶ PAC. King Diary. Vol. 143 (1942, Dec. 30).

⁹⁷ Ibid. Vol. 148 (1944, Aug. 7).

ся частью США; 3) Канада выходит из Содружества и становится полностью независимой страной. За первый вариант высказались 52% опрошенных, за второй — 22, за третий — 26%. По национальной принадлежности голоса распределились соответственно так: англоканадцы — 66, 19 и 11%; франкоканадцы — 22, 19 и 50%⁹⁸.

Показателен и результат еще одного опроса общественного мнения — он был проведен в Канаде Институтом Гэллага в ноябре 1943 г. На вопрос, одобряется ли создание британского «совета империи», куда будут включены представители от каждого из доминионов, утвердительно ответили более половины (54%) участников опроса, против — только 26%⁹⁹.

С другой стороны, опросы общественного мнения выявили весьма устойчивую тенденцию к «канадизации» военных усилий страны. В июне 1942 г. 52% опрошенных высказались за то, чтобы канадские летчики воевали самостоятельно, а не в составе британских военно-воздушных сил. 81% англоканадцев в ходе опроса, проведенного в августе того же года, заявил, что Канада приняла бы участие в нынешней войне и не будучи частью Британской империи¹⁰⁰.

Тенденция к «канадизации» в годы войны особенно четко проявилась в борьбе за равноправное представительство Канады в объединенных советах и комитетах США и Великобритании. Учитывая усиление позиций империализма США в «североатлантическом треугольнике», надо признать, что в целом эта борьба имела лишь ограниченный успех.

⁹⁸ Sanders W. Op. cit., p. 524.

⁹⁹ DCER, vol. 9, N 820, p. 980—981.

¹⁰⁰ Schwartz M. A. Public Opinion and Canadian Identity. Berkeley; Los Angeles, 1967, p. 64.

ПОЛИТИКА США В ГРЕЦИИ

(К ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ
ОДНОГО ДОКУМЕНТА ГОСДЕПАРТАМЕНТА)

Во второй половине 1944 г. европейская политика Соединенных Штатов столкнулась со значительным объемом нерешенных проблем, накапливавшихся длительное время, но выработка отношения к которым стала настоящим требованием именно в тот период. В конце года в Ближневосточном отделе госдепартамента США были подготовлены три документа: «Политика США в отношении Греции. 1933—1944» от 19 августа—19 декабря 1944 г.; «Политика в отношении Турции. Обзор современной политики. 1933—1944» от 7 декабря 1944 г.; «Политика в отношении Палестины. 1933—1944» от 18 декабря 1944 г. Документы как бы фиксируют исходные позиции, отталкиваясь от которых американская политика в Восточном Средиземноморье стала развиваться в направлении ускоренного завоевания главенствующих позиций в стратегически важном регионе земного шара. Один из этих документов, извлеченный автором во время работы в Национальном архиве США, предлагается в настоящей публикации¹.

Вторая мировая война вступила в завершающую стадию, и политические аспекты послевоенного урегулирования все решительнее выдвигались на повестку дня. Для Соединенных Штатов создавалась ситуация, в чем-то сходная с той, которая наблюдалась в конце первой мировой войны: империалистическая верхушка американского общества заявляла претензии на мировое господство, лидерство в западном мире, что наталкивалось на широкое противодействие. Стремление правящих кругов США оказать решающее влияние на характер послевоенного пере-

¹ См.: National Archives and Record Service. State Department, Decimal File, box 2050, N 711.68/8—1944. (Далее: NA).

устройства встречало сопротивление как участников антифашистской коалиции, так и в более широком плане — освободительного движения народов. В этом контексте изучение американской политики в Восточном Средиземноморье и на Балканах на заключительном этапе второй мировой войны приобретает несомненную актуальность, ибо позволяет вскрыть корни современной средиземноморской политики США, ее цели и методы их достижения.

Ко времени окончания войны идея завоевания Соединенными Штатами господствующего положения в Восточном Средиземноморье как бы носилась в воздухе этой страны и отнюдь не принадлежала к разряду тайн, ревностно охраняемых экспертами госдепартамента. Уже в 1944 г. появилась в свет книга американского публициста Джорджа Уэллера «Заморские базы», в которой автор прочил Соединенным Штатам «великую политику» в духе времен Теодора Рузвельта. Война еще не была окончена, а он уже предсказывал расстановку сил в следующей, в которой «район военных конфликтов может передвинуться к восточному побережью Средиземного моря. Их центр расположится где-то между Эгейским морем и Персидским заливом. Призом будет нефть арабского континента». А пока в интересах окружения и сдерживания потенциального соперника (а к таковым он относил Германию, Великобританию и Россию, что весьма симптоматично, принимая во внимание время выхода в свет книги) надо ориентироваться в перспективе, писал Уэллер, на создание мощной военной базы на севере Эгейского моря, которая станет предмостным укреплением между Азией и Европой². Таким образом, автор точно указывал местоположение этой базы — Греция.

И Греция действительно стала одной из болевых точек Восточного Средиземноморья³. Расположенная на стыке ближневосточного и балканского регионов, она аккумулировала в себе все основные проблемы и противоречия времени, характерные для этой части мира, например англо-американское соперничество на Ближнем Востоке и Балканах. Известно, какой остроты оно достигало во время войны, хотя формально существовала договоренность меж-

² См.: *Xydis S. G. Greece and the Great Powers 1944—1947: Prelude to the «Truman Doctrine»*. Thessaloniki, 1963, p. 635.

³ Подробнее см.: История национального сопротивления в Греции, 1940—1945. М., 1977; *Кирьякидис Г. Д.* Греция во второй мировой войне. М., 1969.

ду Лондоном и Вашингтоном о том, что весь Ближний и Средний Восток включался в зону британской так называемой стратегической ответственности. Как пишет в своем исследовании, посвященном специально этому вопросу, Л. В. Поздеева, стратегия же США заключалась в том, чтобы бороться с державами «оси» английскими руками, помогать Англии вооружением, тем временем усиливая свои собственные позиции⁴.

Вытеснение империалистических конкурентов из района, который постепенно стал рассматриваться в качестве сферы национальных интересов США, сочеталось в этот период с набиравшей силу так называемой политикой «сдерживания коммунизма», заключавшейся в противодействии победе демократических сил в освобождавшихся от фашистского господства странах⁵. И эта борьба также прослеживается на примере Греции. Американский историк М. М. Амен, опубликовавший фундаментальное исследование об этом направлении политики США, придает греческому вопросу универсальное значение⁶. Он считает, что именно в Греции США испытали надежность неокOLONIALИСТИЧЕСКИХ методов, применявшихся ими впоследствии в самых разных частях света от Южной Кореи до Чили и Анголы.

Довоенная Греция традиционно входила в сферу британских политических интересов, и эта ставшая аксиоматичной посылка учитывалась официальным Вашингтоном в практической деятельности. Вместе с тем долгосрочные гегемонистские цели США вступали в противоречие с английскими планами реставрации имперских позиций в полном довоенном объеме, что непосредственно касалось и Греции. Американские политики действовали в рамках видимого англо-американского согласия, но на практике

⁴ Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1941—1945 гг. М., 1969, с. 392.

⁵ Подробнее об эволюции понятия «национальная безопасность» в американской внешней политике см.: Петровский В. Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980. Хотелось бы в этой связи обратить внимание на то, что конкретная политика США в отношении Греции показывает, как и из каких элементов формировалась доктрина «национальной безопасности», т. е. каким образом происходило интегрирование внешней, внутренней и военной политики США, о чем пишет в общей форме В. Ф. Петровский.

⁶ Amen M. M. American Foreign Policy in Greece, 1944—1949: Economic, Military and Institutional Aspects. Frankfurt a. M. etc., 1978, p. 221.

такого единодушия не существовало. Более того, в Вашингтоне ориентировались на поддержку тех кругов и политических деятелей в самой Греции и за ее пределами, которые были оппозиционно настроены по отношению к проанглийской греческой монархии как политическому институту, а также к королю Георгу II, скомпрометировавшему себя поддержкой диктаторского фашистского режима генерала Метаксаса. В этой конкретной и весьма специфичной ситуации, сложившейся на заключительном этапе войны, американская внешнеполитическая пропаганда создала стереотипы, далекие от реального отражения истинных целей политики США. Их главным функциональным назначением стала игра на противопоставлении якобы демократических принципов американской политики имперским, «с позиций силы» методам англичан, чем достигалась обработка мирового общественного мнения в благоприятном для США духе. Некоторые из этих моментов нашли отражение в публикуемом документе: поддержка республики и демократии в противовес ставшей одиозной монархии; провозглашение в духе Атлантической хартии права народов свободно избрать форму правления против попыток англичан навязать удобный им режим и правительство; наконец, выдвижение принципа невмешательства во внутренние дела освобождающихся стран в противовес английскому вооруженному вмешательству в Греции.

Такая позиция предоставляла несомненные преимущества американским политикам. Как писал в одном из донесений в Ближневосточный отдел госдепартамента американский посланник в Египте А. Кирк, «в случае с Грецией практика невмешательства во внутреннюю политику избавляет нас от необходимости как-то выражать свое отношение к уже сложившемуся представлению о Греции и Балканах как о территориях, входящих в сферу влияния нашего союзника, как о некоей заповедной британской зоне, что если и является истиной в настоящий момент, то впоследствии может и измениться»⁷. Таким образом, декларации о невмешательстве, о нейтралитете в греческом вопросе ни в коей мере нельзя рассматривать как уход от проблем Юго-Восточной Европы или «капитуляцию перед русскими», в чем упрекали Рузвельта после-

⁷ NA. State Department, Decimal File, box 5088, N 68.00/1301, 15 July 1943.

военные критики его политики⁸. Например, никогда не снималась задача восстановления и усиления экономических позиций американского капитала в Греции, что уже само по себе является вмешательством во внутреннюю жизнь страны.

Вашингтонская администрация наблюдала за тем, как британские военные и дипломатические представители в Египте, а затем в Италии и Греции, куда в сентябре—октябре 1944 г. они перебазировались вместе с эмигрантским греческим правительством, как будто специально делали все возможное, чтобы восстановить против себя мировое общественное мнение. Англичане демонстрировали откровенно враждебное отношение к ЭАМ—ЭЛАС⁹, добивались реставрации монархии, препятствовали установлению взаимопонимания и сотрудничества между греками, боровшимися в рядах Сопротивления внутри страны, и теми, кто находился за ее пределами, наконец, подавили силой оружия демократическое движение в греческой армии на Ближнем Востоке. Американцам было невыгодно поддерживать такую политику Великобритании, принимая во внимание далеко идущие цели в отношении балканского и ближневосточного регионов. Они играли на противопоставлении своих внешне демократических принципов колониалистским методам англичан. Однако это не означает, что упоминавшиеся выше стереотипы, легшие в основу многих дипломатических документов, выходявших из стен госдепартамента, оставались неизменными. События декабря 1944 г. привели к постепенному отказу от них. На смену высокопарным рассуждениям о правах народов на самостоятельный выбор судьбы, о невмешательстве во внутреннюю жизнь и т. п. стали появляться суждения о долге США перед миром, а именно о необходимости заняться политическими проблемами послевоенного урегулирования. Сначала робко, а затем все настойчивее стал звучать лейтмотив о необходимости мобилизации сил Запада на борьбу против коммунистической опасности.

1 декабря 1944 г. Белый дом объявил о назначении Э. Стеттиниуса государственным секретарем вместо ушед-

⁸ Подробнее см.: Американская историография внешней политики США, 1945—1970. М., 1972; Проблемы историографии международных отношений и идеологическая борьба. М., 1969; Егорова Н. И. Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США. М., 1981.

⁹ ЭАМ — национально-освободительный фронт Греции, ЭЛАС — его вооруженные силы, партизанская армия.

шего в отставку К. Хэлла, что свидетельствовало о стремлении президента Рузвельта добиться полного единства действий главных правительственных учреждений, занимающихся внешнеполитическим планированием. Шла подготовка к Ялтинской конференции, и президент хотел предотвратить появление новых проблем, которые тем не менее возникали. Так, например, именно в этот период американские сионисты стали оказывать сильнейшее давление на правительство, вынуждая его оказать официальную поддержку идее создания еврейского государства в Палестине. Черчилль спровоцировал правительственный кризис в Италии, наложив вето на включение графа К. Сфорци в правительство, на чем настаивали американцы. Американская пресса остро отреагировала на этот недружественный жест союзника, обвинив Великобританию в имперской политике и подавлении прогрессивных элементов в освободительных движениях.

Еще более острая ситуация сложилась в Греции. Еще в августе 1944 г. Черчилль известил Рузвельта о намерении послать 10 тыс. английских солдат в Грецию после ухода оттуда немецких войск, чтобы, по его словам, предотвратить захват власти коммунистами. Он получил одобрение президента и согласие на использование американских самолетов для переброски войск¹⁰. Командовавший операцией английский генерал Р. Скоби, предъявив руководству ЭЛАС ультимативное требование, попытался добиться одностороннего разоружения партизанских отрядов, сыгравших главную роль в освобождении Греции. Мирная демонстрация гражданского населения Афин и участников Сопротивления была расстреляна на центральной площади города. Американцы и в этом случае заняли удобную позицию стороннего наблюдателя, предпочитая, чтобы их союзник своими руками проделал черновую, грязную работу по устранению левых сил с политической арены.

Стеттиниус дважды выступал с изложением принципов американской политики. Однако в Англии его первое заявление о невмешательстве во внутренние дела наций Форин оффис принял на свой счет, усмотрев в нем критику английской политики в Италии и Греции. Советник британского посольства в Вашингтоне Майкл Райт заявил

¹⁰ Roosevelt and Churchill: Their Secret Wartime Correspondence. L., 1975, p. 562; Churchill W. S. The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. L. etc., 1954, p. 99—100.

формальный протест Стеттиниусу, основываясь на письме к нему Идена, который счел пресс-релиз госдепартамента ударом по престижу англичан в преддверии обсуждения греческой проблемы в парламенте¹¹. Стеттиниус ответил представителю британского посольства в том духе, что произошло недоразумение, и 7 декабря провел пресс-конференцию. На ней он вновь повторил положение о праве народов на самостоятельное решение внутренних проблем, увязав его конкретно с греческой ситуацией. Результатом стало еще большее усиление англо-американских трений¹².

Американцам не удалось удержаться на позиции третьего радующегося в греческом вопросе. Необходимость спасти пошатнувшиеся устои буржуазного общества и чувство классовой солидарности толкнули американских политиков на путь поддержки тех сил, на которые опирались отказавшиеся от дальнейшей борьбы англичане. Весьма показательно в этом плане высказывание американского посла в Афинах Л. Макви. В октябре 1946 г. он обосновывал необходимость иностранного, а именно американского, вмешательства в Греции тем, что там не было компетентного национального руководства и власть в стране находилась в руках ограниченных, аморальных, коррумпированных политиканов. «Мелкие люди, старые люди и люди, полностью лишённые чувства реализма, которое требуется в создавшейся ситуации,— вот те, с кем мы должны иметь дело теперь,— писал он.— В добавление ко всему этому король, возвращенный ради „разрешения“ проблем, за которые не взялись политики, продолжал оставаться все тем же старым, недалеким и нерешительным человеком»¹³.

Греция стала опорным пунктом американской политики в Восточном Средиземноморье. Не случайно с именем этой страны связано появление небезызвестной «доктрины Трумэна», содержавшей призыв к борьбе против социализма и демократии как главных противников гегемонистской по-

¹¹ The Diaries of Edward R. Stettinius, jr., 1943—1945. N. Y., 1975, p. 191.

¹² Г. Макмиллан, в ту пору министр-резидент на Ближнем Востоке, принимавший самое непосредственное участие в урегулировании всего комплекса вопросов, связанных с Восточным Средиземноморьем вообще и Грецией в частности, с большим неодобрением отзывался об американской политике того времени. В частности, он осуждал Рузвельта за то, что тот якобы стремился разрушить Британскую империю. См.: Macmillan H. The Blast of War, 1939—1945. L., 1967.

¹³ U.S. Foreign Policy Toward Greece and Cyprus: The Clash of Principle and Pragmatism. Conference Proceedings. Wash., 1975, p. 13—14.

литики США. Предлагаемый читателю документ был подготовлен экспертами госдепартамента исключительно для внутреннего пользования и интересен объективной оценкой греческой ситуации и американо-греческих отношений.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ
БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ОТДЕЛ

19 августа 1944 г.

ПОЛИТИКА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
В ОТНОШЕНИИ ГРЕЦИИ (1933—1944)

Хотя Греция связана с Великобританией более прочно, чем с любой другой державой, она имеет для Соединенных Штатов значение, несоизмеримое с ее размерами, численностью населения и местоположением. Вдохновляющий пример классических времен молодой американской республики, ее естественные симпатии к каждому, кто борется за освобождение от иностранного господства, дали толчок пробуждению глубокого интереса к ней в Греции с самого начала приобщения этой страны к современной жизни, интереса, с годами углубившегося и развившегося. Эти дружественные чувства встретили взаимопонимание и были полностью оправданы условиями существования современной Греции, которая стала благодаря ее морским границам, ее историческим традициям и характеру ее народа бастионом демократического мира в стратегически важном районе Средиземного моря. В последние годы американцы проявляли активность в Греции, особенно заметную в торговле (закупки табака и маслин, продажа разного рода транспортных средств, нефти), в банковском деле («Америкэн экспресс компани»), проектировании (мелиоративные работы, гражданское строительство), археологии (представительный институт и проведение ряда раскопок), филантропии (расселение беженцев из Малой Азии) и образовании (три политехникума и два сельскохозяйственных училища). В Соединенных Штатах приблизительно половина миллиона греков стала преуспевающими, прогрессивными и уважающими законы гражданами, которые проявляют глубокий интерес к стране, где живут их предки.

І. Политика Соединенных Штатов:
март 1933 — август 1939

...В политической области госдепартамент скрупулезно следовал основному принципу невмешательства во внутренние дела других стран, несмотря на то что характерной чертой греческой политической картины в этот период были бурные всплески в виде двух неудачных революций, успешного переворота, плебисцита сомнительной ценности, приведшего к реставрации монархии, и установления диктатуры^{1*}. Однако в период диктатуры неоднократно предпринимались деликатные шаги с целью оградить от воздействия тоталитарной политики американские благотворительные организации, такие, как Христианская ассоциация молодежи, и американские учебные заведения в Греции, а также воспрепятствовать развитию раскольнической пропаганды среди американцев греческого происхождения в Соединенных Штатах.

В экономической области Греция как экспортер товаров, рассчитанных на богатых потребителей, и импортер обычного продовольствия испытала особенно тяжелые потрясения в период депрессии^{2*}. Были введены суровые внешнеторговые правила и пущены в ход разного рода ограничительные механизмы регулирования торговых операций, включая и систему клиринга. Правительство США предпринимало все возможное не только для того, чтобы защитить самые элементарные интересы американских граждан от последствий ввода финансовых и торговых ограничений, но и для того, чтобы сдержать, насколько возможно, это нездоровое развитие. В обоих направлениях отмечался известный успех. Было достигнуто ослабление финансовых ограничений, что позволило постепенно ликвидировать задолженность американским экспортерам по коммерческим операциям и осуществить перевод принадлежавших американцам капиталов, образовавшихся из доходов с землевладений и в сфере финансов. В 1936 г. в Афинах был подписан соответствующий договор, предусматриваю-

^{1*} Речь идет о двух неудачных вооруженных восстаниях 1933 и 1935 гг., предпринятых сторонниками Э. Венизелоса, лидера одной из ведущих буржуазных партий — либеральной, с целью захвата власти; военном перевороте 10 октября 1935 г. генерала Кондилиса, который провел плебисцит по вопросу о государственном устройстве Греции; наконец, об установлении фашистской диктатуры генерала И. Метаксаса 4 августа 1936 г. (Здесь и далее примечания к тексту Н. Д. Смирно вой.)

^{2*} Имеется в виду мировой экономический кризис 30-х годов.

ший предоставление американским гражданам и компаниям прав наиболее благоприятствуемой нации в том, что касалось въезда, организации дел и проживания в Греции. Это явилось значительной помощью в защите американских интересов. В более широком экономическом плане в 1938 г. было подписано с греческим правительством временное торговое соглашение, за которым последовали растянувшиеся на 18 месяцев переговоры, воплотившие в жизнь принципы либеральной торговой политики, подкрепляющей программу заключения правительством США взаимовыгодных торговых соглашений.

В течение этого периода экономике Греции была также оказана значительная помощь, а именно завершена широкая программа мелиоративных работ, предпринятых американскими техническими концернами в долинах Струмы и Вардара, в результате чего стали плодородными тысячи акров новых сельскохозяйственных земель.

II. Политика Соединенных Штатов: сентябрь 1939 — 6 декабря 1941

Непосредственное начало войны не оказало значительного влияния на взаимоотношения США и Греции, ибо в первый год обе страны оставались нейтральными. 28 октября 1940 г. Греция вступила в ряды воюющих держав в результате наглого и неспровоцированного нападения на нее через Албанию фашистской Италии.

Ни американское правительство, ни американский народ не скрывали своей большой симпатии к Греции. В послании греческому королю в декабре 1940 г. президент Рузвельт выразил то глубокое впечатление, которое произвели на все свободолюбивые народы отвага и непреклонность греческой нации, и заверил его, что в развитие нашей политики оказания помощи нациям, вынужденным защищаться от агрессии, будут предприняты шаги по распространению подобной помощи на Грецию. В соответствии с этими заверениями были подготовлены к отправки военное снаряжение и медикаменты, и Греция была объявлена подлежащей включению в систему помощи по ленд-лизу сразу, как только будет проведено через конгресс соответствующее законодательство. Однако, прежде чем эта помощь смогла достичь Греции, немцы вторглись в страну через северные границы и завоевали ее ^{3*}. К сча-

^{3*} Правительство США сделало все возможное, чтобы под разными предложениями уклониться от оказания помощи. Известные американ-

стью, часть этой помощи была переадресована и направлена на снабжение греческих вооруженных сил на Ближнем Востоке и на помощь беженцам из Греции.

Между тем вскоре после начала военных действий между Грецией и Италией в США на частные средства, но с одобрения и при поддержке госдепартамента была создана Национальная греческая ассоциация военной помощи. Эта организация, на которую американцы ассигновали 5 млн. долл. в год, немедленно приступила к организации помощи Греции и сыграла заметную роль, действуя в тесном сотрудничестве с правительством и стимулируя программу помощи оккупированной Греции, что спасло значительную часть греческого населения от голода. Американский Красный Крест, вдохновляемый госдепартаментом, был также активен в оказании помощи Греции как до, так и во время ее оккупации странами «оси».

III. Политика Соединенных Штатов:

7 декабря 1941 по настоящее время

Незадолго до вступления США в войну американское правительство провело консультации с британским относительно необходимости помощи в ликвидации голода в оккупированной Греции и одобрило участие Греческой ассоциации военной помощи в плане турецких перевозок продовольствия в Грецию. Вскоре стало очевидным, однако, что эта программа была паллиативом, и в начале 1942 г. правительство США стало сотрудничать непосредственно с британским в развертывании широкой программы оказания помощи Греции морским путем из Северной Америки через кольцо блокады при содействии Швеции и на ее судах. По нашей просьбе шведское правительство провело переговоры со странами «оси» и взяло на себя контроль за распределением помощи в сотрудничестве с Международным комитетом Красного Креста. Морские перевозки начались в августе 1940 г. в размере 15 тыс. т продовольствия и медикаментов в месяц и постепенно выросли до их сегодняшнего объема, т. е. до 34 тыс. т в месяц. Вместе с тем в качестве экстренной меры правительство США доставило морским путем в Грецию в апреле 1943 г. 2300 т муки по

ские историки Лэнджер и Глизон охарактеризовали эти маневры официального Вашингтона как «трагикомедию помощи». См.: *Langer W. L., Gleason S. E. The Undeclared War, 1940—1941. N. Y., 1953, p. 118.*

ленд-лизу, а также медикаменты и другие виды снабжения на шведских судах, зафрахтованных Греческой ассоциацией военной помощи.

В ответ на призыв о финансовой помощи от греческого правительства в изгнании, которое практически не имело средств, и в соответствии с нашей политикой, заключающейся в том, что для поддержки этого правительства должны быть найдены средства, мы взяли на себя обязательства по большей части программы оказания помощи Греции, включая фрахт судов и стоимость всего американского продовольственного снабжения. Помощь, оказанная согласно этой договоренности греческому правительству по ленд-лизу, достигла 30 млн. долл. в год по фактическим затратам. В дополнение греческому флоту были переданы по ленд-лизу один корабль сопровождения, четыре транспорта и четыре минных тральщика, находившихся на боевой службе. В настоящее время рассматривается просьба греческого правительства о кредите в размере 25 млн. долл. на восстановление опустошенной Греции.

Покинувшее Грецию правительство, уподобившееся слабой тростинке, иссохшей без корней, ныне ожило, получив свежий приток крови с оккупированной родины. Не было конца интригам и спорам, вращавшимся сначала вокруг вопроса о возвращении короля, а позже вокруг взаимоотношений политических лидеров и повстанцев левого толка, сражавшихся в греческих горах. Соединенные Штаты продолжали воздерживаться от вмешательства во внутреннюю греческую политику, но пытались:

- 1) вдохновить греков на объединение;
- 2) обеспечить, чтобы греки получили возможность свободно избрать форму правления, при которой они хотели бы жить;
- 3) сдерживать британскую тенденцию вершить греческие дела с позиции силы;
- 4) предотвратить раздел Балкан на британскую и русскую сферы влияния ^{4*}.

По всем этим линиям был достигнут известный успех, хотя мы были серьезно стеснены в действиях по выполнению пунктов 2 и 3 упомянутой политики ввиду двух ос-

^{4*} Этот пункт связан с распространенной в дипломатических кругах Запада интерпретацией попыток британских политиков добиться у союзников по антифашистской коалиции легализации своих притязаний на Балканах путем определения границ «своей» сферы влияния. См.: *Бережков В. М. Путь к Потсдаму*. М., 1979, с. 107—110.

новых факторов: во-первых, отсутствия американских войск на Балканах; во-вторых, невозможности в условиях войны обнародовать точки расхождения с политикой наших союзников и таким образом ясно отмежеваться от британских манипуляций в греческих внутренних делах. Госдепартамент договорился относительно незначительного объема американского военного участия в помощи Греции и в восстановительных работах во время войны и активно поддерживал планы и деятельность ЮНРРА^{5*} на территории освобожденной Греции в послевоенный период.

Уже были предприняты предварительные шаги по восстановлению в Греции правительственных учреждений Соединенных Штатов^{6*} и о возобновлении нормальной коммерческой, финансовой, просветительской и филантропической деятельности частных американских организаций и граждан.

Необходимо отметить в этой записке, что греческое правительство, несмотря на страдания и опустошения в его собственной стране продемонстрировало дружеские чувства к Соединенным Штатам, объявив войну Японии вскоре после Пёрл-Харбора и выказав намерение продолжать войну до тех пор, пока Япония, равно как и Германия, будет разгромлена.

19 декабря 1944 г.

ПОЛИТИКА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ОТНОШЕНИИ ГРЕЦИИ. ИТОГ

В последнее время наша политика в отношении Греции явилась еще одним новым подтверждением нашего желания, чтобы форма управления, которая будет установлена на греческой земле после отступления немцев, была такой, которую свободно изберет сам греческий народ и которая будет отражать демократические устремления большинства нации. Правительство США дает ясно понять, что оно не солидаризируется с британской политикой вмешательства во внутренние дела Греции и с попытками

^{5*} Администрация помощи и восстановления Объединенных наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration).

^{6*} Имеется в виду дипломатическая миссия США, вскоре преобразованная в посольство, и другие аналогичные учреждения (торговое представительство, консульство и т. п.).

сформировать и поддержать греческое правительство, благосклонно принимающее британскую заинтересованность, что было, в частности, отражено в заявлении госсекретаря от 5 и 7 декабря в отношении освобожденных стран. Хотя мы надеемся на возможно быстрое и удовлетворительное разрешение нынешних гражданских раздоров, тем не менее в военных операциях в Греции мы не участвуем. Те немногие американские офицеры, которые находятся в Греции, уполномочены заниматься исключительно вопросами оказания помощи по линии ЮНРРА ^{7*}.

^{7*} Категоричность установки на невмешательство находится в противоречии с реальными фактами, а именно — английские войска перебрасывались из Италии в Грецию на американских транспортных средствах, несмотря на формальное запрещение, что в тех условиях расценивалось в качестве поддержки «грязного дела, творимого англичанами», как писал о том Л. Макви в одном из своих донесений.

ФРАНКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ (1928—1929)

Франко-итальянские отношения конца 20-х годов наглядно характеризуют положение в стане держав-победительниц спустя десятилетие после окончания первой мировой войны.

Переговоры, предпринятые в 1928—1929 гг. правительствами Франции и Италии, в значительной степени были предопределены сближением позиций Англии и Франции в области морских вооружений¹. Однако в более широком плане это замирение бывших союзников можно рассматривать как попытку воссоздать объединение трех стран в рамках послеверсальской Европы.

Следует учитывать, конечно, что если британской дипломатией подобное сближение трех стран планировалось, в частности, как возможная корректировка системы Версальских договоров, то французским правящим классом оно оценивалось как торжество Версальской идеи.

Франко-английские отношения представляли определенные трудности для французской внешней политики после первой мировой войны. Столкновение этих двух стран в Средиземноморье, на Балканах, в Центральной Европе наряду с постоянной поддержкой Великобританией (особенно на протяжении 1925—1926 гг.) притязаний Ита-

¹ Проблема взаимоотношений Англии, Франции и Италии в связи с заключением «морского компромисса» — тема специального исследования. Укажем лишь, что на судьбу франко-английских отношений (и в значительной степени на судьбы зависящих от них других меж-европейских отношений) серьезное влияние оказывало острое англо-американское соперничество. Сближение Англии и Франции в конце 20-х годов было в значительной мере предопределено соперничеством двух англосаксонских стран и переносом центра тяжести внешней политики Англии с европейского театра на атлантический и тихоокеанский. См.: *Иванов Л. М.* Морская политика и дипломатия империалистических держав. М., 1964; *Он же.* Англо-французское сближение. — *Мировое хозяйство и мировая политика*, 1928, № 11, с. 6—16.

лии в этих регионах, препятствия, чинимые Англией на возможном пути франко-германского сближения, или, напротив, в вопросах оккупации Рейнской области и репараций являлись следствием несовместимости конечных целей британской и французской дипломатии, усугубленной Версальским миром. Некоторое беспокойство французской дипломатии вызывали также и франко-итальянские отношения.

К концу первого послевоенного десятилетия между Францией и Италией существовали значительные разногласия в Европе, Африке и Средиземноморье². Иначе говоря, в целом ряде международных проблем между двумя странами обозначались противоречия, которые, по крайней мере с итальянской стороны, ставили под сомнение правильность выбора союзника в минувшей войне. Когда в конце 20-х годов наметилось активное сближение Франции и Англии на базе так называемого «морского компромисса», Италия стояла перед альтернативой: либо дальнейшее наступательное развитие «мирной экспансии», что являлось для Муссолини престижным моментом, либо топтание на месте в поисках проблематичного союзника для отпора наметившейся англо-французской антанте.

Британская дипломатия, по-видимому, учитывала этот момент, выдвигая в качестве первого шага к англо-французскому сближению урегулирование итало-французских отношений. Естественно, что в планы Лондона не входило решение коренных противоречий между Францией и Италией. Но, предполагая в дальнейшем привлечь Италию к англо-французскому альянсу, Великобритания намеревалась на первом этапе снизить напряженность между двумя странами путем переговоров, которые не исключали бы и франко-итальянского соглашения. Предполагалось, что для сдерживания французских гегемонистских планов в континентальной Европе, где благодаря соглашению с Англией Франция могла получить большую «свободу рук», Великобритания имела бы возможность вновь использовать итальянские притязания в этом регионе.

Инициатива британской дипломатии имела успех: несмотря на острейшие противоречия между двумя странами, 1927 год заканчивается франко-итальянским примире-

² Подробнее о франко-итальянских противоречиях см.: *Савинова О. В.* Проблема морского паритета во франко-итальянских отношениях: Лондонская морская конференция, 1930 г.— В кн.: *Проблемы итальянской истории*, 1982. М., 1983, с. 64—66.

нием. Накануне сессии Совета Лиги наций, 4 декабря, итальянский представитель в Лиге Шалойя передал французскому министру иностранных дел Бриану так называемый «минимальный перечень» вопросов для урегулирования франко-итальянских отношений.

Как явствует из итальянских дипломатических документов³, «минимальный перечень» включал семь пунктов: 1) благожелательное отношение к итальянским предложениям относительно участия в конвенции о Танжере; 2) возобновление на следующие 20 лет конвенции о Тунисе 1896 г.; 3) урегулирование южных и западных границ Триполитании; 4) предоставление Италии свободы рук на Балканах и в Восточном Средиземноморье с тем, чтобы итальянская политическая и экономическая экспансия не наталкивалась на прямые или косвенные препятствия со стороны Франции; 5) вопрос о денационализации; 6) вопрос о праве убежища; 7) пересмотр мандатов⁴. При чтении «перечня» бросается в глаза очевидная несовместимость степени важности поднятых вопросов. Однако именно такой подбор требований фашистского руководства характеризовал как внутртриполитическое положение Италии (режим Муссолини еще не упрочился, и два пункта из семи касаются антифашистских выступлений итальянских эмигрантов), так и внешнеполитическое — отсутствие четкой программы позволяет соседствовать вопросу об уточнении границ Триполитании с проблемами Восточного Средиземноморья и Балкан. При этом, формулируя свои внешнеполитические претензии, Муссолини выдвигал одновременно и программу-минимум и программу-максимум, первая из которых имела значение лишь на начальной стадии дипломатических контактов. Возглавлявший в 20—30-х годах европейский отдел итальянского МИДа Р. Гуарилья так характеризовал «обычную манеру» Муссолини вести переговоры: он стремился к соглашению во что бы то ни стало, стараясь при этом достигнуть на начальной стадии переговоров соглашения по узкому кругу проблем, а затем, используя «непосредственные и косвенные ре-

³ I documenti diplomatici italiani (далее: DDI). Ser. 7. R., 1967, vol. 5, N 653, p. 601.

⁴ Пункты 5 и 6, как указывает Н. Д. Смирнова, касались политики местной администрации относительно итальянских граждан, проживающих на территории французских колоний, и права убежища для итальянских антифашистов во Франции, см.: *Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах: очерк дипломатической истории, 1922—1935. М., 1979, с. 134.*

зультаты этого соглашения, произвести впечатление и начать все сначала»⁵.

Во время франко-итальянских переговоров 1928 г. Муссолини превзошел самого себя. Семь пунктов, предложенные в начале декабря, уже во второй половине месяца превратились в десять пунктов «итальянских претензий». Ф. Коппола в фашистской «Трибуне» и В. Гайда в офицозе «Джорнале д'Италия» дали «развернутую картину» франко-итальянских противоречий⁶.

Итальянский историк Дж. Карочи отмечал, что Бриан, Пуанкаре и Бертелло получили, таким образом, общую интерпретацию предложений Муссолини, изложенную в «туманной и неясной манере»⁷. Но, пожалуй, говорить о «туманной манере» Муссолини было бы некоторой натяжкой. Десять пунктов итальянских требований обсуждались на страницах газет европейских стран, и у авторов статей, писавших «черновую историю современности», не вызвала сомнений неясность итальянских формулировок. Характерна в этом смысле острая и полемичная статья советского историка-итальяниста П. А. Лисовского. Комментируя статью в «Трибуне», он писал: «Первое условие газеты гласит „контроль как над дунайской, так и над балканской политикой является необходимостью для Италии, так как она не может допустить, чтобы на ее восточных границах создавалась какая-нибудь система малых государств“ (читай: система Малой Антанты), стоящая в тесной связи с какой-нибудь западной державой (читай: Францией). „Проблему мандатов“ Ф. Коппола истолковал в „Трибуне“ как притязания, которые „очень легко удовлетворить“, притом не только за счет „перераспределения подмандатных областей“, а также „при помощи областей, считавшихся до сих пор независимыми“». П. А. Лисовский особенно выделял это положение (по нумерации Коппола,

⁵ Guariglia R. Ricordi, 1922—1946. Napoli, 1950, p. 71.

⁶ Tribuna, 1927, 22 dic.; см. также: Carocci G. La politica estera dell'Italia fascista (1925—1928). Bari, 1969, p. 110, 308. Советник французского посольства в Риме Р. де Дампьер отмечал, что во время первого визита нового французского посла в Риме М. де Бомарше 30 января 1928 г. Муссолини выразил свое неодобрение выступлением Гайды, сделав вид, что публикация в «Джорнале д'Италия» не является официальным выступлением (см.: Dampierre R. de. Dix années de politique française à Rome (1925—1935).—Revue des Deux Mondes, 1953, nov., N 21, p. 25). При этом о статье Ф. Коппола не было сказано ни слова. Известно, однако, что последний имел аудиенцию у Муссолини 12 декабря 1927 г. См.: Carocci G. Op. cit., p. 308.

⁷ Carocci G. Op. cit., p. 308.

пункты 8 и 9), так как подобная формулировка могла относиться в тот момент только к Албании, Турции и Абиссинии, «ибо никаких других государств или областей, „считавшихся до сих пор“ (т. е. до возможной сделки французского и итальянского империализма) независимыми, в сфере возможных домогательств итальянского империализма не имеется»⁸.

Надо сказать, что абиссинский вопрос как возможная «меновая цена» во франко-итальянском торге выдвигался и другими международными обозревателями советских газет. Так, в «Правде» от 7 января 1928 г. читаем: «Напомним еще раз вопрос об Абиссинии, который не выдвигался на первый план, но который, несомненно, сыграет немалую роль за кулисами итало-французских переговоров». Ровно через семь лет, 7 января 1935 г., за кулисами итало-французских переговоров абиссинский вопрос играет основную роль во франко-итальянском соглашении.

Но в конце 20-х годов еще не существовало угрозы со стороны Германии, не было доминирующей в 30-х годах в ряде европейских стран тенденции к подражанию фашистским диктаторам, а позиции Франции оставались очень сильными. Союз с Италией был для французского правительства возможен, но не любой ценой. Правда, Италия в течение всего послевоенного периода создала нестабильную ситуацию на южных границах Франции, в системе ее союзных стран, и при складывающихся обстоятельствах Франции следовало воспользоваться инициативой Италии для стабилизации положения в Центральной Европе. Но итальянское правительство выдвигало совершенно неприемлемые требования для урегулирования отношений между двумя странами. Решительно по всем пунктам, по оценке современной прессе, Италия выступала той стороной, которая требует, а Франция — той, которая должна уступить. Вместе с тем Италия не имела сколько-нибудь серьезных объектов, которые она могла бы предложить в качестве компенсации. Особенное недоумение современников вызывал 10-й пункт «по нумерации» Ф. Копполы (весьма расширенный 4-й пункт «минимального перечня», требовавший уже гегемонии Италии в Восточном Средиземноморье при условии, что за Францией остается Западное).

⁸ Лисовский П. А. Проблема Средиземноморья и франко-итальянские отношения. — Ленингр. правда, 1928, 18 янв.

Тут речь идет даже не о том, что отказ Франции от Восточного Средиземноморья означал бы отказ от Балкан, Турции, побережья Красного моря, Сирии, и даже не о том, что сама Италия в Западном Средиземноморье не имела ничего, кроме притязаний — только их она могла предложить взамен. Совершенно ясно, что отказаться от влияния в Восточном Средиземноморье, в этом очень важном регионе, не могла ни одна из великих держав капиталистической Европы, не утратив при этом право на роль «великой державы»⁹.

Естественно, что при такой постановке вопроса реакция Кэ д'Орсе на возможный франко-итальянский альянс была отрицательной. Но А. Бриан, четвертый год возглавлявший министерство иностранных дел Франции, прекрасно сознавал, что за спиной Италии стоял гораздо более могущественный партнер — Великобритания. И этот фактор в значительной степени предопределил судьбу франко-итальянских переговоров. Муссолини, выдвигая свои претензии, видимо, считал, что он в состоянии предложить компенсацию если не за свой, то за чужой счет, т. е. за счет Англии. Подобное мнение разделяли и французские правящие круги; и вот уже во французской прессе все чаще стали встречаться намеки на то, что на возможной в будущем встрече Бриана с Муссолини должен присутствовать О. Чемберлен¹⁰.

Однако Муссолини допустил ошибку: 10-й пункт его условий, объединивший в себе, как мы видели выше, все возможные и невозможные притязания Италии в Восточном Средиземноморье, был совершенно нереален из-за твердой оппозиции Англии. Конечно, отстранение Франции от участия в разрешении проблем Восточного Средиземноморья Англия могла только приветствовать, но укрепление позиций Италии в этом регионе Англия равным образом одобрить не могла. И все же примирение Италии и Франции было для Форин оффис весьма желательным, так как создавало благоприятную почву для усиления влияния Англии одновременно и на Францию и на Италию.

В течение декабря 1927 г. со стороны Муссолини в адрес Франции, а со стороны Бриана в адрес Италии после-

⁹ Там же.

¹⁰ Так, например, в январском номере «Ревю де дё монд» в статье Мориса Перно прямо указывалось, что французское правительство не может вести переговоры о Средиземном море с Италией без участия Англии.

довали дружеские заявления, причем оба выражали убеждение в необходимости соглашения между обеими странами.

Итак, как мы видели, в 1928 г. предстояли серьезные переговоры между Францией и Италией, заинтересованность в которых выказали обе стороны. Именно в первые три месяца пребывания в Риме нового французского посла состоялись три обстоятельные беседы между Бомарше¹¹ и Муссолини, которые впоследствии послужили основой представленного 21 декабря 1928 г. проекта франко-итальянского соглашения¹².

Не имея возможности использовать французские дипломатические документы, публикация которых по исследуемому периоду отсутствует, обратимся к дипломатическим документам Италии, где приводится весьма колоритная запись первой деловой беседы Муссолини и Бомарше от 30 января 1928 г.

Поначалу Бомарше высказал пожелание «улучшить психологический климат» между двумя странами. После чего оба собеседника надолго замолчали. Когда молчание стало просто неприличным, Бомарше заметил, что бывший итальянский посол в Париже К. Романо-Авеццано намекал, что Италия выступит инициатором переговоров, однако ожидаемые переговоры не начались и после приезда нового итальянского посла в Париже Манцони. Сочтя, что смешно спорить о том, кто первый начнет переговоры, собеседники решили перейти к «сути вопроса», которая, с точки зрения Муссолини, должна была определяться во вступительной части будущего соглашения, начинающейся фразой: «Рассматривая отношения между двумя странами, нужно знать, от чего и к чему... мы идем...». Идут же обе страны, по мнению Муссолини,

¹¹ Деятельность французских дипломатов в Риме вызывала пристальное внимание Лондона. Назначению нового посла Франции была посвящена передовая «Таймс» от 28 февраля 1928 г., где наряду с поздравлениями в адрес Италии, «получившей сторонника, столь преданного делу франко-итальянского сотрудничества», высказывались сомнения в возможности быстрого разрешения спорных вопросов между двумя странами.

¹² DDI. R., 1970, vol. 7, N 121, p. 140—147. В примечании к проекту соглашения, выдвинутому французской стороной, указывается, что он является итогом трех встреч Бомарше с Муссолини — от 30 января, 6 февраля и 19 марта 1928 г. Однако здесь же отмечается наличие пяти важных неофициальных бесед Бомарше с Муссолини — от 30 марта, 18 мая, 6 августа, 27 октября и 21 декабря 1928 г., материалы которых не приводятся в публикации итальянских дипломатических документов.

«к договору о дружбе и ненападении, за исключением случаев, оговоренных в Локарно, а мелкие попутные вопросы можно было бы разрешить очень просто».

«Простым» разрешением вопроса Муссолини считал, по-видимому, непосредственные переговоры с Бомарше, а «мелкие и попутные вопросы» представляли собой как раз знаменитые десять пунктов. Муссолини добавил, правда, еще один элемент — вопрос об аншлюсе Австрии¹³.

Бомарше заявил, что «по этому вопросу идентичность интересов полная», однако оговорился, что проблема аншлюса не является актуальной. Затем последовал обоюдный отход практически к нулевому циклу беседы: Муссолини сказал, что «беседу можно рассматривать лишь как материал для размышления», но отнюдь не как официальное начало переговоров. Бомарше же заметил, что доложит своему правительству о прошедшей беседе устно на пасху, т. е. через три месяца. Муссолини подобный ответ несколько не удивил. Дуче считал, что либо у посла не было инструкций, либо, наоборот, они есть и в них указано, что следует затягивать переговоры. Такая затяжка до периода выборов во Франции свидетельствовала, по словам Муссолини, что соображения внутренней политики играют определенную роль в установлении политических отношений с Италией¹⁴.

Запись этой беседы Муссолини распорядился разослать своим дипломатическим представителям в странах Европы, и дальнейшая переписка с ними велась исходя из этого документа и сопровождающих его инструкций. Так, на следующий день после встречи с Бомарше Муссолини направляет Манцони письмо, приложив к нему запись беседы, и следующим образом комментирует эту встречу: «Если бы у меня были иллюзии, то сейчас я был бы в плохом расположении духа». Отмечая далее, что переговоры отложены в связи с предстоящими выборами во Франции, Муссолини рекомендует Манцони не делать никаких публичных и даже конфиденциальных заявлений до получения новых распоряжений¹⁵.

Манцони, надо сказать, весьма усердно выполнил инструкцию Муссолини вплоть до того, что, выслушав ком-

¹³ Р. Дампьер также указывает, что впервые во франко-итальянских переговорах вопрос об аншлюсе был поднят 30 января 1928 г. См.: *Dampierre R. de. Op. cit., p. 25.*

¹⁴ DDI. R., 1967, vol. 6, N 68, p. 68—69. Парламентские выборы во Франции должны были проходить с 22 по 29 апреля 1928 г.

¹⁵ Ibid., N 77, p. 75.

ментарии министра иностранных дел Румынии Титулеску о состоянии франко-итальянских отношений, итальянский посол в Париже лишь пожимал плечами и молчал. В письме же к дуче Манцони педантично докладывал, что Титулеску, касаясь антиитальянских выступлений левой французской прессы, высказал, однако, уверенность, что Бриан и Пуанкаре «намерены прояснить отношения с Италией», но им мешают «бездушные французские бюрократы» (вероятно, имелся в виду аппарат Кэ д'Орсе)¹⁶.

Муссолини был хорошо информирован об оппозиции аппарата Кэ д'Орсе и генерального секретаря МИДа Франции Бертело союзу с Италией. Однако в феврале—марте 1928 г., т. е. когда переговоры между Францией и Италией стали реальностью, очередное упоминание¹⁷ об этой контрлинии во французском министерстве иностранных дел заставило Муссолини энергично действовать. В письме к Шалойя — представителю Италии в Лиге наций — Муссолини, сетуя на то, что переговоры с Францией «не продвинулись ни на шаг», требовал предпринять шаги в целях скорейшего проведения встречи Муссолини и Бриана¹⁸.

Шалойя сумел довольно быстро снестись с Брианом. Во время встречи Муссолини с Бомарше 19 марта 1928 г. было сделано официальное заявление от имени французского правительства о заключении пакта о дружбе и арбитраже между двумя странами и выражено согласие рассмотреть вопрос о статусе итальянцев в Тунисе¹⁹. Весьма характерно, что в конце беседы Муссолини заговорил о целесообразности заявления, которое подчеркнуло бы отсутствие связи между переговорами и судьбой ближайших выборов во Франции. На что Бомарше ответил: «С каждым днем во Франции увеличивается число людей, кото-

¹⁶ Ibid., N 83, p. 80. Отдавая распоряжение послу в Париже не делать никаких заявлений по поводу итало-французских переговоров или попросту отмаливаться в беседах, Муссолини старательно подчеркивал свое недовольство состоянием этих переговоров. См.: Ibid., N 85, p. 82.

¹⁷ Титулеску в беседе с Манцони разъяснил последнему, что в Париже «действительно желают прояснения, но... что здесь не найдут действенного метода... ибо влияние Бертело возьмет, по всей вероятности, верх, несмотря на благие пожелания Бриана и Пуанкаре», и советовал поставить об этом в известность Муссолини, что Манцони и поспешил сделать. См.: Ibid., N 107, p. 97—98.

¹⁸ Ibid., N 142, p. 127.

¹⁹ Ibid., N 167, p. 146; *Dampierre R. de Op. cit.*, p. 25—26; *Смирнова Н. Д. Указ. соч.*, с. 134.

рые проводят резкую черту между внутренней и внешней политикой»²⁰.

Вопрос о статусе итальянцев в Тунисе, как и вообще вся «программа будущей экспансии Италии в Северной Африке»²¹, больше всего занимал Муссолини в этот период. 24 марта он консультировался по этому вопросу с Дино Гранди, а несколько дней спустя, по словам Р. Дампьера, в беседе с Бомарше²² «дуче» заявил, что, обдумав все вопросы, касающиеся будущего соглашения, он полагает, что лучшим решением будет заключение пакта о дружбе, который объединит три протокола: сохранение статус-кво в Тунисе, принцип размежевания границ в Триполитании, а также французские обязательства по вопросу мандатов²³.

Итак, резюмируя 3-месячный раунд франко-итальянских переговоров, следует отметить в первую очередь удивительную уступчивость итальянской стороны. Из семи пунктов, предложенных к обсуждению в начале декабря 1927 г., только три стали темой бесед между Муссолини и Бомарше²⁴.

Мы сознательно не касаемся двух пунктов франко-итальянских переговоров: вопроса об итальянской антифашистской эмиграции во Франции и проблемы Танжера. Оба они были разрешены в довольно короткий срок. Французское правительство незамедлительно пошло на встречу Муссолини в вопросе о положении антифашистской эмиграции: закрыло антифашистские газеты, клубы и т. д. В отношении Танжера решение было предопределено заранее ввиду твердой позиции Англии²⁵.

Проблема взаимоотношений двух стран на Балканах, хотя и оставалась постоянной темой дипломатической пе-

²⁰ DDI, N 167, p. 146.

²¹ Именно так назывался обширный документ, подготовленный под руководством Р. Гуарильи в МИДе Италии. См.: DDI, vol. 6, N 208, p. 177—179.

²² Речь идет скорее всего о встрече Муссолини и Бомарше 30 марта 1928 г., во время которой с итальянской стороны запись беседы не велась.

²³ *Dampierre R. de. Op. cit.*, p. 26.

²⁴ В инструкции для Манцони от 13 апреля 1928 г. Муссолини настойчиво рекомендовал ускорить подписание пакта о дружбе и трех его приложений (тунисский вопрос, границы Триполитании и мандаты). См.: DDI, vol. 6, N 248, p. 213—214.

²⁵ Англия «с пониманием» относилась к притязаниям Италии на участие в управлении международным портом Танжер; как и в других подобных случаях, поддержка Англии диктовалась ее стремлением «урезать» влияние Франции.

реписки Муссолини, непосредственно в плоскость франко-итальянских переговоров не вошла. Вообще вопрос о каком-либо преобладании в Восточном Средиземноморье со времени первой, январской встречи ни разу не поднимался в беседах Муссолини и Бомарше.

Как указывалось выше, требования Италии относительно этого региона были неприемлемы как для Франции, так и для Англии. Активное же сближение Франции и Англии к марту 1928 г.²⁶ делало обсуждение вопроса о Восточном Средиземноморье совершенно невозможным.

Отметим, что ни об Албании, ни о Югославии не было и речи в этот период на франко-итальянских переговорах²⁷. Муссолини таким образом пытался сохранить для себя свободу рук в этом регионе в обмен на обеспечение безопасности Франции на Рейнской границе²⁸. Однако для Франции в конце 20-х годов обеспечение границы с Германией не могло стать серьезной контрверзой усилению итальянского влияния на Балканах.

В результате два наиболее многообещающих для Италии вопроса из представленных на обсуждение на переговорах оказались практически сняты с повестки дня. Была ли подобная позиция Муссолини связана с осознанием тщетности притязаний — что само по себе плохо соотносится с «характером» его политики, — или имелись иные важные причины столь явной «покладистости» фашистской Италии? По наблюдениям современников, Муссолини серьезно опасался исхода выборов во Франции, так как весьма вероятной представлялась возможность прихода к власти группировок, выступающих за сближение с Германией²⁹. Действительно, сколько-нибудь серьезные контр-

²⁶ 9 марта 1928 г. на сессии Совета Лиги наций состоялась беседа между А. Брианом и О. Чемберленом, которая практически стала основой будущего англо-французского компромисса в области морских вооружений и в вопросе «обученных резервов» французской армии. См.: Британское официальное коммюнике о беседе А. Бриана и О. Чемберлена: Документы по вопросам международной политики. — Мировое хозяйство и мировая политика, 1929, № 2, с. 136—137.

²⁷ Следует учитывать также определенное сближение позиций Англии и Франции на Балканах, что сковывало возможность итальянской инициативы. См.: Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929—1939. М., 1976, с. 22; см. также: Виноградова Б. Англо-французское сближение на Балканах. — Мировое хозяйство и мировая политика, 1929, № 2, с. 68—82.

²⁸ Р. Гуарилья писал, что подобное «искусственное урегулирование» представляло бы опасность для дела мира и для самой Италии. См.: *Guariglia R.* Op. cit., p. 71.

²⁹ Научный архив Института истории АН СССР (далее: НА ИИ АН СССР), д. 12, 1928, № 5 в. Н. Д. Смирнова прямо указывает, что

предложения Италии могли оказаться эффективны лишь при условии франко-германской конфронтации. Перспектива иметь перед собой не только англо-французский блок, но и франко-германское сближение вынуждала Муссолини форсировать заключение общего франко-итальянского соглашения на тех условиях, которые в данной ситуации казались более реальными.

Конечно же, в течение всего этого периода Муссолини не прекращал политики, направленной на укрепление итальянских позиций в Восточном Средиземноморье, и в частности на Балканах, но предпочитал действовать скрытыми методами. Так, например, когда в начале 1928 г. условием соглашения с Италией Франция поставила требование улучшить отношения с Югославией, Муссолини распорядился прекратить критику Югославии в итальянской печати³⁰.

Предпринимая шаги по созданию итало-греко-турецкого союза³¹, Муссолини требовал от Манцони создать впечатление, что «нас не интересует греко-турецкий сектор и что мы вовсе не отвлекаемся от франко-итальянских переговоров. В Париже не должны предполагать, что у нас есть какие-то задние мысли. Наши переговоры не должны прерываться»³².

Переговоры не были прерваны. Более того, приведенная выше телеграмма, сама по себе побуждающая наконец Манцони к активным действиям, была, в частности, вызвана инициативой Бертело, который «совершенно неожиданно» заговорил с Манцони о переговорах, ведущихся между Муссолини и Бомарше. Бертело с удовлетворением отозвался о переговорах и выразил надежду, что к

в тот период «обеспечение французской безопасности шло по линии поисков сближения с Германией...» (Смирнова Н. Д. Указ. соч., с. 135).

³⁰ Даже в более позднее время (во время антиитальянских выступлений в Далмации) фашистская печать Италии вела себя по отношению к Югославии чрезвычайно сдержанно. Правда, это относилось только к центральным органам печати, которые были известны за границей. Мелкие провинциальные газеты не прекращали антиюгославскую агитацию, рассматривая Далмацию как итальянскую территорию, захваченную Югославией.

³¹ План создания тройственного союза (Италия, Греция, Турция) был выдвинут Муссолини на заседании совета министров Италии 23 марта 1928 г. Предполагалось в дальнейшем расширить союз вовлечением в него Венгрии, Болгарии и Албании. О неудаче замысла Муссолини по созданию варианта балкано-дунайской Антанты см.: Смирнова Н. Д. Указ. соч., с. 137—141.

³² DDI, vol. 6, N 248, p. 213—214.

концу мая переговоры достигнут такого развития, что Муссолини сможет выступить в сенате, подтверждая наличие переговоров. «К этому времени,— уточнил Бертело,— или окажется возможным разрешить какие-то вопросы, или станет возможным найти основу для договора о дружбе и арбитраже, а также для решения частных вопросов, которые следует изучить впоследствии». Бертело рассмотрел «подробнейшим образом колониальную ситуацию, возникшую по договору 1915 г.», и высказал мнение (отличное, как он подчеркнул, от мнения министерства по делам колоний), что уступки Италии в 1919 г. «не закрыли долг Франции»³³.

Итак, Бертело не только поддержал инициативу Муссолини о публичном оглашении состояния франко-итальянских переговоров³⁴, но и последовал практически тактике самого Муссолини в том, что касалось заключения общего договора, намереваясь впоследствии перейти к обсуждению частных. Но и тут Бертело предупреждает возможность каких-либо возражений, высказываясь о «закрытии долга 1915 года», т. е. формальной ликвидации так называемой «урезанной победы» Италии в колониальном вопросе.

Муссолини мгновенно воспользовался этой переменной во взглядах во французском правительственном аппарате: по его указанию Манцони якобы для того, чтобы не прерывать переговоры (Бомарше находился в то время в Париже), «предоставил себя в распоряжение Бертело», который вновь обнадежил итальянского посла пояснением, что получил от Бриана на рассмотрение проект будущего пакта, составленного именно так, как указывал Муссолини: основная часть (договор о дружбе) и три приложения. Но тут, поскольку Муссолини счел обещание Бертело добрым предзнаменованием для возможных увеличений итальянских требований, Манцони заговорил о колониальных претензиях Италии уже не в плане «незначительного изменения границы на юге Ливии», а в целях увеличения итальянских колониальных владений вплоть до озера Чад³⁵.

³³ Ibid., N 219, p. 188—189.

³⁴ Правда, Бертело переносит дату оглашения на май, т. е. на период после выборов во Франции.

³⁵ DDI, vol. 6, N 264, p. 225—226.

Подобные требования были, конечно же, неосуществимыми, так как в этом случае французские колонии в Африке оказались бы «разрезаны» на две части. Об этом собственно и заявил Бомарше Манцони буквально через несколько дней после беседы последнего с Бертело: «Ни одно правительство Франции не просуществовало бы и 24 часов, если бы выступило с подобной формулировкой в парламенте»³⁶. В донесении в Рим от 23 апреля 1928 г. Манцони вынужден был признать, что переговоры ему «не удалось» и что «переговоры перенесутся в Рим, куда к 7 мая вернется Бомарше». «Я уверен,— добавлял Манцони,— что он повторит то же самое»³⁷.

Действительно, как указывает Р. Дампьер, по возвращении в Рим Бомарше информировал Муссолини об отрицательном впечатлении демарша Манцони в отношении «доступа к Чаду». Оправдания Муссолини не имели успеха. Беседа с французским послом, в течение которой Муссолини «выкраивал оазисы на границе Ливии», а Бомарше холодно возражал, закончилась к тому же констатацией глубокой оппозиции Франции итальянским планам в отношении Туниса³⁸.

По-видимому, одной из причин, побудивших французские правящие круги пойти навстречу в переговорах с Италией, была все же предвыборная кампания. Заметный прогресс во франко-английском сближении и видимость существенных сдвигов в области франко-итальянских переговоров могли бы стать прекрасной предвыборной иллюстрацией эффективной деятельности французского правительства. Так что инициативу Бертело можно рассматривать как известного рода демонстрацию, рассчитанную на формирование определенного общественного мнения как в самой Франции, так и в Италии и Англии. В этом случае следует полагать, что Муссолини, не рассчитав момента, пытался добиться серьезных уступок в вопросе, весьма принципиальном для французского правящего

³⁶ Ibid., N 278, p. 238—239.

³⁷ Ibid. Инициатива Манцони действительно закончилась ничем. Более того, в середине мая Бертело известил итальянского посла о возможной отсрочке заключения пакта, связанной якобы с болезнью Бриана. См.: Ibid., N 349, p. 307.

³⁸ *Dampierre R. de*. Op. cit., p. 26. Речь идет скорее всего о беседе Муссолини и Бомарше 18 мая 1928 г. Следовательно, переговоры были приостановлены одновременно и в Париже и в Риме. См.: DDI, vol. 6, N 278.

класса. Скорее всего Муссолини в общих чертах так и оценил свою неудачу в переговорах с Францией. Однако, следует отметить, что, хотя предвыборная кампания во Франции оказывала существенное влияние на принятие тех или иных внешнеполитических решений, она не имела столь преваляющего значения, как представлялось Муссолини.

Серьезно опасаясь победы прогерманского блока на выборах во Франции, Муссолини — и это было его первой серьезной ошибкой — совершенно неадекватно представлял себе внешнеполитический расклад на континенте, притом именно во французской интерпретации. К весне 1928 г. цели французских внешнеполитических кругов обозначились достаточно четко — англо-французская антанта при французской гегемонии в Европе. В этой ситуации Италия могла рассчитывать лишь на второстепенные роли.

Вторую ошибку — притом не стратегического, а тактического характера — Муссолини допустил в ситуации с демаршем Бертело. Восприняв «пробный шаг» Бертело как признак слабости, Муссолини устремился в атаку и выдвинул такие требования, которые в обстановке предвыборной кампании во Франции были восприняты в лучшем случае как нелепые притязания. Но главное, эти необдуманные действия Муссолини позволили Бертело продемонстрировать английскому правительству полную невозможность договориться со столь несговорчивым партнером, каким проявляла себя Италия. Переговоры были приостановлены. Но следует отметить, что и сама «обиженная» Италия в немалой степени содействовала этому.

Инициатива Италии в Центральной и Юго-Восточной Европе, особенно контакты Италии и Польши, а также итало-турецкий пакт, заключенный в мае 1928 г., вызвали тревогу не только во Франции, но и в Англии³⁹.

Между тем Муссолини предпринимает меры по сколачиванию блока под эгидой «славянской угрозы» с целью сблизить позиции Венгрии и Румынии; в ответ на попыт-

³⁹ В середине апреля 1928 г. состоялись переговоры между министром иностранных дел Польши Залеским и Муссолини, вызвавшие резкий отклик во Франции, указавшей польскому правительству, что подобная новая политика «неизбежно приведет Польшу к конфликту с Францией и балканскими союзниками» (Заря Востока, 1928, 13 апр.).

ки Франции привлечь Австрию к проектируемому экономическому союзу Дунайских стран итальянское правительство постепенно ликвидирует возникший ранее конфликт с Австрией⁴⁰. В итальянской прессе появились высказывания в том духе, что предпочтительнее присоединение Австрии к Германии, чем включение ее в Дунайский экономический союз⁴¹.

28 апреля 1928 г., в разгар заключительного этапа парламентских выборов во Франции, Муссолини решил продемонстрировать полную независимость от Франции. В интервью корреспонденту берлинской газеты «Таг» он выказал желание создать итало-германский блок, направленный против Франции. Итальянские историки Л. Сальваторелли и Дж. Мира отмечают, что это интервью свидетельствовало о возвращении Муссолини к начальной позиции, предшествующей франко-итальянским переговорам⁴². Так ли это? Его выступление в сенате 5 июня 1928 г., подводящее итог итальянской внешней политики за прошедшие годы, было выдержано в присущей Муссолини манере: из него можно было почерпнуть и программные установки на ревизию Версальской системы⁴³, и помыслы о возвращении к открытой конфронтации с Югославией, что подтверждало мнение Л. Сальваторелли и Дж. Мира. Однако общий тон речи был куда менее воинственным, чем предыдущие, а в отношении Франции тон был более чем миролюбивым, что было сразу отмечено французской стороной⁴⁴.

В работе канадских историков К. Лоу и Ф. Марзари отмечается: «...трудно отделаться от впечатления, что во франко-итальянских переговорах Муссолини действительно желал урегулирования... Противоположное объяснение, будто он хотел оставить открытой ссору с Францией, что-

⁴⁰ Речь идет о разногласиях по проблеме Южного Тироля, имеющего значительную прослойку немецкого населения и после первой мировой войны отошедшего к Италии. См.: НА ИИ АН СССР, д. 12, 1928, № 3; см. также: Известия, 1928, 28, 29 февр.

⁴¹ НА ИИ АН СССР, д. 12, 1928, № 5 в.

⁴² *Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1956, p. 689—690.*

⁴³ Что и делает французский историк Ж.-Б. Дюрозель, так как это входит в его общую концепцию «ревизионистской» политики Италии. См.: *Duroselle J.-B. Les relations internationales de l'Allemagne et de l'Italie de 1919 à 1939. P., 1967, p. 34.*

⁴⁴ Р. Дампьер указывал, что «дуче», резюмируя достигнутую между Францией и Италией договоренность, заявил о надежде на удачное завершение переговоров. См.: *Dampierre R. de. Op. cit., p. 26—27.*

бы заставить ее отойти от Югославии или переключить внимание внутри страны на внешнеполитические трудности, не столь неверно, как недостаточно»⁴⁵. Действительно, Муссолини демонстрирует германофильские устремления Италии и одновременно с беспокойством запрашивает своего посла в Париже о причине «индифферентного отношения» Франции к демаршу в отношении аншлюса: «Является ли новое направление французской политики... свидетельством радикального изменения (одобренного также Пуанкаре) позиции Франции, которой она придерживалась до сих пор в вопросе... равновесия сил в Центральной Европе?»⁴⁶.

Ответ Манцони пришлось ждать более месяца⁴⁷.

В августе итальянской стороне был вручен текст соглашения о дружбе между Францией и Италией, однако этот документ носил предварительный характер. Лишь в конце 1928 г. был представлен столь долго обсуждавшийся проект соглашения⁴⁸. По этому проекту при размежевании границы с Триполитанией к Италии переходили два оазиса, широкая полоса земли и некоторые участки к югу от Триполитании. По вопросу статуса итальянцев в Тунисе французский проект сводился к следующему: первое поколение итальянских иммигрантов сохраняло итальянское подданство, второму поколению предоставлялась возможность выбора между итальянским и французским подданством, третье же поколение должно натурализоваться или покинуть страну.

В отношении проблемы Танжера была отмечена договоренность между сторонами. Подразделы по Триполитании, Тунису и Танжеру объединил проект соглашения об арбитраже и дружбе между двумя странами, составленный в самой общей форме.

Ответ итальянской стороны последовал лишь через полгода — 29 июня 1929 г. Италия отвергла предложение французского правительства по Тунису и Триполитании⁴⁹.

⁴⁵ Lowe C., Marzari F. *Italian Foreign Policy, 1870—1940*. London; Boston, 1975, p. 218.

⁴⁶ DDI, vol. 6, N 412, p. 358.

⁴⁷ Манцони докладывал, что кардинальных изменений в позиции Франции не предвидится и что речь идет о маневрах, совершаемых под влиянием Бенеша и Бертелло. См.: Ibid., N 493, p. 431—432.

⁴⁸ Ibid., vol. 7, N 121, p. 140—147.

⁴⁹ Ibid., N 515, p. 502—505; см. также: *Dampierre R. de*. Op. cit., p. 27—28.

Официальные переговоры между Францией и Италией были окончательно прерваны лишь в середине 1930 г. Однако каких-либо принципиальных и конкретных предложений с той или другой стороны за этот период не последовало.

Практически последний «всплеск» активности во франко-итальянских переговорах можно приурочить к апрелю 1929 г., когда во Франции вновь стали раздаваться голоса об «актуальности» переговоров с Италией. Но переговоры эти касались в основном тех же проблем Туниса и Триполитании, так что актуальность следовало искать не в самих переговорах, а в текущем моменте. На повестке дня весной 1929 г. стояла репарационная проблема и предстоящая сессия подготовительной комиссии по разоружению. Именно конференция по разоружению, на которой предполагалось выступление представителя США с конкретным выяснением итоговой позиции европейских держав по вопросу морских вооружений, заставила Великобританию в лице О. Чемберлена несколько приоткрыть занавес над английским пониманием проблемы сближения бывших союзников на базе англо-французского морского компромисса. Визит Чемберлена в Рим в апреле 1929 г., еще раз сдвинувший с мертвой точки франко-итальянские переговоры, продемонстрировал современникам не только опасения Великобритании в отношении позиции, которую могла занять Италия на ближайшей сессии конференции, но, и главное, ту роль, которую с самого начала отводила Италии Великобритания в европейском раскладе сил: роль третьего партнера в англо-французском компромиссе, призванного ослабить английскую зависимость от Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе⁵⁰.

Итак, спустя 10 лет после окончания первой мировой войны французской и итальянской сторонам — французскому буржуазному правительству и фашистскому руководству Италии — предоставилась возможность на уровне официальных дипломатических переговоров разрешать спорные вопросы во взаимоотношениях двух стран. Основу переговоров составляли претензии Италии, которые Франция, по мнению фашистского руководства, должна была удовлетворить. Конечно же, перед лицом намечавшегося англо-французского сближения Франция готова

⁵⁰ НА ИИ АН СССР, д. 12, 1929, № 12 а.

была пойти на урегулирование некоторых франко-итальянских противоречий. Но амбициозные требования Муссолини, несовместимые с возможностями Италии, позволили французской дипломатии как стороне менее заинтересованной в сущности соглашения затормозить, а затем и вовсе свести на нет переговоры между двумя странами.

В дальнейшем с крахом англо-французского «морского компромисса» и переходом Англии к политике атлантизма шансы на сближение позиций Франции и Италии значительно упали. Мировой экономический кризис, еще резче выявив противоречия между этими двумя странами, ускорил процесс перераспределения союзов в межвоенной Европе.

АНГЛИЙСКИЕ ПЛАНЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ИРАНЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ФОРМА КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Вплоть до настоящего времени в западной и частично в иранской литературе бытует утверждение об особой агрессивности русского царизма в Иране и об оборонительной тактике британских монополий на Среднем Востоке, якобы защищавших там лишь подступы к Индии. Британская историография иллюстрирует этот тезис и на примере иранской части англо-русского соглашения 1907 г., по которому в британскую зону вошла лишь юго-восточная часть Ирана, не имевшая какого-либо экономического значения.

Между тем документы Архива внешней политики России и Национального архива Индии убедительно свидетельствуют о том, что правящие круги Великобритании рассматривали соглашение 1907 г. как своеобразное перемирие в борьбе с царской Россией за Средний Восток, а «свою» зону — как исходный плацдарм для прорыва в исключительно важную в экономическом и стратегическом отношении нейтральную зону Ирана. Для реализации этих целей британские монополии пытались использовать планы железнодорожного строительства в юго-западном и центральном Иране.

Политика Великобритании в Иране накануне первой мировой войны заметно активизировалась, что было вызвано целым рядом причин. Наиболее существенной из них являлось недовольство средневосточной группировки

британского империализма во главе с лордом Керзоном, бывшим вице-королем Индии, заключением англо-русского соглашения 1907 г., по которому лишь небольшая часть юго-восточного Ирана была признана так называемой зоной английского влияния. Хотя представители этой части британского правящего класса и примирились с мыслью о разделе страны, но вынужденный отказ от объявленного нейтральной зоной юго-западного и центрального Ирана, включая основную часть иранского побережья Персидского залива и в особенности Хузестан, вызывал постоянное противодействие британских колонизаторов. Особую остроту это приобрело, когда в 1908 г. забил нефтяной фонтан Майдан-э-Нафтун, остающийся и в наши дни основным источником нефти, а в 1909 г. была создана Англо-иранская нефтяная компания. Если к этому добавить, что уже с 1911 г. британский флот переводится на нефтяное горючее, то станет понятным упорное стремление англичан к захвату нейтральной зоны.

Как известно, важным условием колониального закабаления являлось строительство железных дорог. В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» писал: «Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д.»¹. Позднее, в предисловии к французскому и немецкому изданиям этой работы, В. И. Ленин отмечал: «Постройка желдорог кажется простым, естественным... предприятием... На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии)...)»². Именно поэтому проекты строительства железных дорог в Иране, появившиеся в Великобритании в 1908—1914 гг., были подчинены планам расширения британского влияния на «нейтральную» зону Ирана.

Проекты железнодорожного строительства в Иране появились накануне первой мировой войны и в России. Такой интерес соперничающих держав к иранским желез-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 360.

² Там же, с. 304—305.

ным дорогам обуславливался тем, что англо-русское соглашение 1907 г. обеспечивало реальную основу для осуществления подобного предприятия, тем более что в марте 1910 г. истек срок моратория на железнодорожное строительство в Иране³. Кроме того, в начале XX в. в Иран устремился поток германских товаров и капиталов и молодой германский империализм, успешно строивший Багдадскую железную дорогу, начал разрабатывать свои планы создания сети железных дорог в Иране, что вызвало недовольство как правящих кругов Великобритании, так и российского царизма.

В марте 1908 г. британскому послу в Петербурге Арт. Никольсону было поручено информировать заместителя министра иностранных дел России Н. В. Чарыкова о том, что британская сторона заинтересована в создании железнодорожных магистралей в Иране при том условии, что дороги, ведущие от Персидского залива к Тегерану, будут строиться англичанами, а от Каспийского моря к Тегерану — русскими. При этом было внесено предложение о строительстве двух английских магистралей: от Бендер-Аббаса к Ширазу и от Ахваза к Хорремабаду⁴. Обе предполагаемые магистрали должны были проходить по «нейтральной» зоне, т. е. англичане не только отказывались строить совместно с Россией железнодорожные линии, пересекающие британскую зону Ирана, но всего лишь через полгода после подписания англо-русского соглашения 1907 г. стремились путем железнодорожного строительства поставить под свой монопольный контроль «нейтральную» зону.

Вскоре вопрос о создании Трансиранской магистрали был вынесен на рассмотрение влиятельного комитета имперской обороны, в компетенцию которого входило обсуждение крупных политико-стратегических проблем, встречавших разное толкование в отдельных министерствах. В 1904 г. в комитете был создан подкомитет по Персидскому заливу в составе министра иностранных дел, министра по делам Индии, министра колоний, первого лорда

³ См. подробнее: Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране. М., 1981, с. 60—62.

⁴ Письмо постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании Ч. Гардинга британскому послу в Петербурге. См.: British Documents on the Origins of the War. L., 1930, vol. 6, N 254.

адмиралтейства⁵. Результаты обсуждения в подкомитете были несколько отличны от предложений Гардинга. Он сообщал о них Никольсону в приписке к тому же письму от 17 марта 1908 г.: «Результаты нашей дискуссии, еще не окончательные, склоняются в пользу линии от Мохаммеры к Ширазу и далее к Исфахану, чтобы там соединиться с русской железной дорогой Джульфа—Тегеран. Если эти железные дороги будут построены, за ними, безусловно, последуют другие, но самое главное, вытеснить тем временем Багдадскую железную дорогу»⁶.

Предложенный подкомитетом путь Мохаммера—Шираз—Исфахан—Тегеран—Джульфа также отвечал требованиям английской дипломатии, как и путь, предложенный Гардингом: выхода к Индии Россия не получала, английские железные дороги проходили по «нейтральной» зоне, а английским товарам, доставляемым в Мохаммеру морским путем, открывался по железной дороге путь в северный Иран.

К 1908 г. относится начало официальных переговоров между правительствами Великобритании и царской России о совместном решении железнодорожного вопроса в Иране. Обсуждался этот вопрос во время встречи короля Эдуарда VII и Николая II на Ревельском рейде. В докладе министра иностранных дел России А. П. Извольского об этой встрече от 3(16) июня 1908 г. говорится: «...великобританское правительство предлагает нам условиться относительно проведения сплошной железнодорожной линии от наших закавказских пределов до Мохаммеры на Персидском заливе, причем в нашу концессию войдет линия через всю Северную Персию до пересечения с границей нашей сферы влияния (по конвенции 1907 г.), а в английскую — участок от этого пункта до Мохаммеры. Подобная линия установит кратчайшее сообщение между Европой и Индией через Персию и Персидский залив и, без сомнения, лишит всякого международного значения Багдадскую железную дорогу, сделав из нее преимущественно местный турецкий путь»⁷.

⁵ Johnson F. O. Defence by Committee: The British Committee of Imperial Defence, 1855—1959. L., 1960, p. 48—52.

⁶ British Documents on the Origins of the War, vol. 6, N 254.

⁷ Архив внешней политики России, ф. Среднеазиатский стол, д. 22, л. 65—67. (Далее: АВПР); см. также письмо Ч. Гардинга Эд. Грею от 12 июля 1908 г.: British Documents on the Origins of the War, vol. 5, p. 2, N 2.

В июне 1908 г. представители лондонского кабинета обращаются к российскому правительству с предложением приступить к обсуждению вопроса о совместной постройке железных дорог в Иране⁸. 11(24) июля 1908 г. состоялось особое совещание по вопросу об иранских железных дорогах под председательством царского министра финансов В. Н. Коковцева. Участники совещания пришли к следующему выводу: «Предложение лондонского кабинета построить сообща с нами линию от Джульфы до Мохаммеры в принципе приемлемо при условии включения Тегерана в эту линию...»⁹. Итоги совещания были изложены в памятной записке от 2(15) августа 1908 г., которая была вручена послу Великобритании.

В ответном меморандуме от 8(21) октября 1908 г. правительство Великобритании сообщало: «По-видимому, произошло некоторое недоразумение в отношении истинного характера предложений правительства е. в-ва, которое, обращаясь к российскому правительству, имело в виду собственно не строительство, а скорее **заблаговременное**, путем совместных усилий, выяснение концессий, которые иначе могли бы быть использованы другими в ущерб Великобритании и России. Правительство е. в-ва полагает... что всякая концессия, которая была бы заключена ныне обоими правительствами с иранским правительством, должна была бы носить ограждающий характер и быть рассчитана так, чтобы обеспечить Великобритании и России ко времени начала строительства прочное положение в отношении предприятий, заключающих в себе цели политические»¹⁰. Что же касается вопроса о направлении будущей магистрали, то в меморандуме говорилось, что, помимо южного участка предполагаемой линии Джульфа—Мохаммера, правительство Великобритании намерено испросить следующие концессии: Бендер-Аббас—Керман и Бендер-Аббас через Шираз к Ахвазу с факультативным правом постройки порта в Хор-Муса¹¹, иными словами, англичане стремились «заполнить» нейтральную зону Ирана, в частности Хузестан, английскими железными дорогами.

⁸ Попов А. Страница из истории русской политики в Персии.— *Международ. жизнь*, 1924, № 4/5, с. 161.

⁹ АВПР, ф. Персидский стол, д. 3015. л. 293—294.

¹⁰ Там же, л. 318.

¹¹ Там же, л. 320.

Оба английских варианта Трансиранской магистрали — через Ахваз и через Шираз — позволяют со всей ясностью вскрыть планы британских монополий. Они свидетельствуют о том, что: 1) в Лондоне было решено не допускать смыкания будущей Трансиранской магистрали с индийской железнодорожной сетью и, следовательно, держать Россию на почтительном расстоянии от Индии; 2) оба английских варианта стремились сделать Хузестан британской сферой влияния; 3) оба варианта предусматривали превращение Трансиранской магистрали в меридиональную железную дорогу, соединяющую порты Персидского залива с центральными и северными районами Ирана. Постройка такой дороги позволила бы британскому капиталу ликвидировать русскую торгово-промышленную монополию в богатых северных районах страны и наводнить Иранский Азербайджан, Мазендаран, Гилян и Хорасан различными английскими товарами, доставляемыми туда через Персидский залив по Трансиранской магистрали.

И тем не менее меморандум английского правительства вновь отодвинул решение вопроса о железнодорожном строительстве в Иране на неопределенное время. Вполне вероятно, что причиной этого послужили соображения, выходящие за рамки средневосточной проблематики. Ведь меморандум был направлен 8 октября 1908 г., т. е. в разгар Боснийского кризиса¹². Есть все основания считать, что ставшие в этот период известными результаты австро-русской сделки в Бухлау, на основании чего А. П. Извольский надеялся добиться согласия на предоставление России права прохода ее военных кораблей через Проливы в обмен на санкцию на аннексию Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины, вызвали крайнюю напряженность правящих кругов Великобритании. В то же время острый кризис в правящих кругах России, возникший в результате сделки в Бухлау¹³, и затем вынужденное отступление царизма в период Боснийского кризиса перед объединенным натиском австро-германского блока усилили в правящих кругах Великобритании влияние средневосточной группировки, которая выступала против компромиссного соглашения с царской Россией по иранским делам.

¹² История дипломатии. М., 1963, т. 2, с. 624—673.

¹³ Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. М., 1961, с. 216—229.

Осенью 1910 г. проблема железнодорожного строительства в Иране вступила в новый этап. В ноябре 1910 г. в министерство финансов России поступила записка от группы предпринимателей во главе с Н. А. Хомяковым по вопросу о соединении русских железных дорог с индийскими путем создания линии Баку—Тегеран—Керман—Нушки, где заканчивались индийские железные дороги, построенные англичанами. Цель этого строительства заключалась не только в укреплении влияния России на севере Ирана, но и в создании транзитного индоевропейского пути через Россию. Предприятие это предполагалось осуществить с привлечением русского, английского и частично французского капитала¹⁴.

Эта записка и сама проблема сооружения индоевропейского транзитного пути обсуждалась на заседаниях совета министров 16(29) декабря 1910 г. и 13(26) января 1911 г., что было зафиксировано в «Особом журнале»¹⁵. Совет министров пришел к заключению, что «сооружение индоевропейского транзитного пути представляет для наших интересов меньшую опасность, чем постройка такой же магистрали в ином направлении»¹⁶. Был одобрен проект создания железнодорожного пути из Западной Европы в Индию через Россию и Иран и санкционировано создание Общества для подготовительных работ по этому вопросу — «Сосьете д'этьюде»¹⁷.

Решение совета министров представляет значительный интерес. Оно свидетельствует о принципиальном решении российского правительства принять участие в сооружении Трансиранской железной дороги, с другой стороны, оно положило начало деятельности международного синдиката капиталистов — «Сосьете д'этьюде». Ощувив правительственную поддержку, русская группа финансистов во главе с Н. Хомяковым, А. Звегинцевым, Б. Тимерязевым и В. Печковским¹⁸ приступила к энергичным действиям.

¹⁴ Письмо В. Н. Коковцева С. Д. Сазонову от 15(28) ноября 1910 г. — АВПр, ф. Персидский стол «Б», д. 4356, л. 19—22.

¹⁵ Там же, л. 98—112.

¹⁶ Там же, л. 109.

¹⁷ Там же, л. 110.

¹⁸ Н. Хомяков — председатель III Государственной думы, с марта 1910 г. член Государственной думы; А. Звегинцев — член Государственной думы; Б. Тимерязев — член Государственного совета, председатель англо-русской торговой палаты и Совета Русского для внешней торговли банка; В. Печковский — инженер путей сообщения, председатель правления общества Владикавказской железной дороги, член Совета Волжско-Камского банка.

Была собрана довольно крупная сумма денег для финансирования начальной стадии исследовательских работ по строительству будущей Трансиранской магистрали¹⁹. В письме Н. Хомякова Бенкендорфу от 26 февраля (11 марта) 1911 г. говорилось: «В России мы сделали все, что могли, теперь черед за Англией. Если она действительно хочет начать сообща дело реального сближения двух великих держав на почве великого экономического и политического предприятия, пускай идет нам навстречу; не хочет — пускай берет на себя ответственность за отклонение проекта»²⁰.

Позиция правительства Великобритании по вопросу о Трансиранской железной дороге была изложена в памятной записке, врученной временно управляющему российского МИДа А. А. Нератову 2(15) мая 1911 г. В записке выражалась готовность одобрить проект в принципе и дать согласие на то, чтобы между заинтересованными сторонами были начаты переговоры на определенных условиях, в том числе: 1) линия должна войти в сферу английского влияния у Бендер-Аббаса, а не у Кермана и сомкнуться с индийской железнодорожной линией во всяком случае у Карачи, а не у Нушки; 2) Россия обязуется не строить железных дорог вблизи ирано-афганской границы, даже в пределах своей зоны; 3) российское правительство обязуется поддерживать в Тегеране английские притязания на строительство ряда меридиональных дорог от Мохаммеры, Бендер-Аббаса и Чахбара до пересечения с будущей Трансиранской магистралью²¹.

«Одобрив проект в принципе», правительство Великобритании фактически полностью изменяло его. Отказываясь от продления магистрали через Керман до смыкания с индийской железнодорожной сетью у Нушки и выдвигая фантастический план соединения этих линий у Карачи, английские правящие круги фактически ликвидировали саму идею индоевропейского пути, ибо строить железнодорожную линию через пустыни и горные хребты западного и восточного Белуджистана было технически

¹⁹ Письмо группы российских предпринимателей послу в Лондоне Бенкендорфу от 4(17) апреля 1911 г. — АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1374, л. 13—26.

²⁰ Там же, л. 10.

²¹ Международные отношения в эпоху империализма (далее: МОЭИ). М., 1938, сер. II, т. 18, ч. 1, № 3.

невозможно, а экономически абсолютно нерентабельно. Не случайно вплоть до настоящего времени во всем этом районе нет ни одного километра железных дорог. Вероятно, памятная записка британского правительства должна была усыпить бдительность Петербурга в период завершающего этапа русско-германских переговоров об Иране. В то же время в обмен на эту «уступку» английские правящие круги рассчитывали получить от России реальные уступки в Иране, направленные на постепенное превращение Хузестана и юго-западного Ирана в английскую вотчину, а также на предотвращение усиления русских позиций в северо-восточном Иране на подступах к Афганистану.

В ходе обсуждения британской памятной записки в Петербурге стало ясно, что на данном этапе англичане не склонны серьезно вести переговоры о Трансиранской железной дороге. Английская позиция в иранском вопросе, очевидно, подтолкнула правящие круги царской России на подписание 6 августа 1911 г. соглашения с Германией. Стремясь ослабить впечатление в Лондоне от этого соглашения, А. А. Нератов направляет 5(18) августа, т. е. за один день до подписания русско-германского соглашения, телеграмму Бенкендорфу, содержащую принципиальное согласие на смыкание Трансиранской железной дороги с индийскими в Карачи (что было нереальным), и в то же время он категорически возражал против строительства английских железных дорог в Персии от Бендер-Аббаса на север и северо-восток²².

Как уже отмечалось, иранская политика Англии оказала некоторое влияние на решение России подписать 6(19) августа 1911 г. соглашение с Германией²³. Есть все основания полагать, что, кроме известных причин, определивших решение России о подписании Потсдамского соглашения, существовали еще специфические «иранские» причины, тесно связанные со взаимоотношениями России, Англии и Германии. Снимая свое вето со строительства Багдадской магистрали и открывая доступ германским

²² АВПР, ф. Персидский стол «Б», д. 4356, л. 144.

²³ Вопрос Потсдамского соглашения широко освещен в советской историографии, см., напр.: *Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905—1911 гг. М., 1971; *Бестужев И. В.* Указ. соч.; *Исаягин Л. Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские отношения накануне первой мировой войны. М., 1979.

товарам и капиталам к Ханекину (согласно Потсдамскому соглашению предполагалось строительство ответвления Багдадской магистрали Садидже—Ханекин), расположенному на границе российской и нейтральной зон Ирана, Россия создавала таким образом своеобразный «рычаг давления» на Англию в иранских делах.

Тем временем переговоры по созданию «Сосьете д'этьюдье» продолжались. 5 декабря 1911 г. в Париже состоялось заседание с участием крупнейших финансовых учреждений Франции, в ходе которого была составлена французская группа «Сосьете д'этьюдье»²⁴.

Создание французской группы подтолкнуло к действиям и англичан. В декабре 1911 г. Бардак от имени французской группы будущего консорциума и член русской группы А. Гукасов пытались установить контакты в Лондоне. Переговоры начались с руководителями влиятельного Османского имперского банка, которые весьма положительно отнеслись к предложению российских и французских капиталистов и согласились выделить половину всей суммы, причитающейся с Великобритании. Вслед за тем в игру вступили и активные участники средневосточной группировки британского империализма: руководители Шахиншахского банка и один из самых влиятельных финансистов Великобритании лорд Ревельсток — глава банка братьев Беринг и директор Английского банка²⁵.

12(25) апреля 1912 г. состоялось первое учредительное собрание «Сосьете д'этьюдье»²⁶. Деятельности этого международного синдиката придавалось большое значение как в Петербурге, так и в Париже. Поэтому и британский капитал, с одной стороны, принимал активное участие в «Сосьете д'этьюдье», в английскую группу вошли наиболее видные представители Сити, а руководителем этой группы стал уже упоминавшийся лорд Ревельсток. С другой стороны, британские правящие круги, в первую очередь средневосточная группировка, делают все возможное, чтобы торпедировать деятельность общества и принять самые активные меры для укрепления своих позиций в центральном и южном Иране путем строительства там целой сети английских железных дорог. Это нашло свое выражение

²⁴ Письмо А. Гукасова от 7(20) декабря 1911 г. — АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1374, л. 45.

²⁵ Там же, л. 46.

²⁶ Там же, ф. Персидский стол «Б», д. 4346, л. 109.

в закулисных переговорах британских финансистов с генеральным казначеем Ирана американцем Морганом Шустером относительно получения от иранского правительства железнодорожных концессий на юге Ирана. Этот факт весьма знаменателен, ибо, как известно, британская дипломатия, действуя рука об руку с российскими представителями в Тегеране, добилась аннулирования контракта иранского правительства с Шустером и высылки его из страны. Этот вопрос подробно освещен в литературе²⁷ и в мемуарах самого Шустера под характерным названием «Удушение Персии»²⁸.

Но самый главный удар по «Сосьете д'этьюдые» должен был быть нанесен созданным в том же 1912 г. в Лондоне Персидским железнодорожным синдикатом, в состав которого вошли такие активнейшие участники средневосточной группировки британского империализма, как руководители Шахиншахского банка Ирана, созданной в 1909 г. Англо-иранской нефтяной компании, известной транспортной фирмы братьев Линч, крупнейших англо-индийских экспортно-импортных компаний, державших в своих руках львиную долю торговли британской Индии с Ираном²⁹. Как отмечал А. Гукасов в письме председателю русской группы общества А. А. Бунге, движущей пружиной этого синдиката был директор Шахиншахского банка Гринвей, поддерживавший постоянные контакты с английским посольством в Тегеране, М. Шустером и иранским правительством, выдвинувший план постройки целой сети английских железных дорог меридионального направления в южном и юго-западном Иране³⁰.

План Гринвея предполагал создание четырех очередей железных дорог, причем в каждую очередь занесены одновременно две дороги: английская и русская. План этот выглядел следующим образом:

Первая очередь:

англ.: Мохаммера — Ахваз — Шуштер — Хорремабад — Буруджирд
рус.: Энзели — Казвин — Тегеран

²⁷ См., напр.: *Иванов М. С.* Иранская революция 1905—1911 гг. М., 1957.

²⁸ *Shuster M.* The Strangling of Persia. London; Leipzig, 1912.

²⁹ АВПР, ф. Персидский стол «Б», д. 4356, л. 147.

³⁰ Там же, л. 148.

Вторая очередь:

англ.: Бендер-Аббас — Керман — Иезд

рус.: Джульфа через Марачу на Хамадан, с тем чтобы позднее примкнуть в Буруджирде к английской линии

Третья очередь:

англ.: Бендер-Аббас — Шираз

рус.: от Тегерана через Шахруд и Астрабад в Чикимшер, с тем чтобы позднее пойти на Мешхед и Закаспийскую дорогу

Четвертая очередь:

англ.: Шираз — Исфагань — Иезд

рус.: Тегеран — Ардистан — Исфагань ³¹.

Комментируя железнодорожные планы Гринвея, Гукасов с полным основанием подчеркивал: «Ни одна из намеченных линий не проходит в английской зоне влияния, все так называемые английские очереди нанесены на нейтральную зону и имеют целью соединение Персидского залива с внутренними рынками Ирана. Можно подумать, что Англия, уверенная, что у нас никто не станет оспаривать эту зону, старается теперь присвоить и закрепить за собой нейтральную зону» ³².

Осенью 1912 г. фирма братьев Линч — главный акционер Персидского железнодорожного синдиката и участник английской группы «Сосьете д'этьюдые» — начала переговоры с обществом Багдадской железной дороги о создании смешанного железнодорожно-речного сообщения. Одновременно Линч добивался от иранского правительства концессии на сооружение автомобильной дороги Мохаммера — Тегеран, а Персидский синдикат считал своей важнейшей задачей строительство дороги Мохаммера — Бендер-Аббас ³³.

Таким образом, акционеры общества Багдадской железной дороги получили бы возможность спокойно перебрасывать грузы из Берлина до Багдада по своей магистрали, а затем на кораблях Линча доставлять их до Мохаммеры, откуда по автомагистрали Линча они могли бы следовать до Тегерана или по железным дорогам Персидского синдиката до Бендер-Аббаса. Таков был ответ Великобритании на Потсдамское соглашение.

³¹ Там же.

³² Там же, л. 149.

³³ МОЭИ, сер. II, т. 20, ч. 2, № 1034.

Во время пребывания в Англии в сентябре 1912 г. российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов выразил протест Грею в отношении деятельности Персидского железнодорожного синдиката.

Сазонов в беседе с Греем поставил вопрос о необходимости пересмотра всей проблемы нейтральной зоны, отнюдь не имея в виду, как утверждают некоторые современные историки, согласия на передачу ее Великобритании. В создавшейся сложной обстановке он согласился на предложение Грея получить от иранского правительства разрешение на совместную постройку Россией и Англией железной дороги Исфахан—Мохаммера³⁴. Так была фактически похоронена идея создания Трансиранской магистрали как части индоевропейского пути.

Тем не менее английские проекты создания железных дорог в Иране продолжали привлекать внимание правящих кругов царской России. В сентябре 1912 г. в российском МИДе была составлена «Справка по вопросу об английских железнодорожных проектах в Персии», в которой содержалась подробная характеристика всех планов железнодорожного строительства в центральном и юго-западном Иране, особое внимание обращалось на статью 34 проекта обширной концессии, разработанной Персидским железнодорожным синдикатом и переданной иранскому правительству. В силу этой концессии «синдикат имеет получить преимущественное право на постройку любого продолжения упомянутых линий (имеются в виду четыре английские линии, предложенные Гринвеем Гукасову), а равно всяких других железных дорог в южном Иране, которое иранское правительство пожелало бы»³⁵. Далее в документе отмечается, что статья 34 проекта не столько сосредоточивает в руках синдиката все без исключения железные дороги в южном Иране и притом в нейтральной зоне, за исключением одной от Бендер-Аббаса до Кермана, которая пройдет по английской зоне, но статья эта «дает синдикату и право продления любой из этих дорог в нашу зону (например, Бендер-Аббас—Шираз, Исфахан—Тегеран). Явствует это уже из того, что в проекте линия от Мохаммеры на севере намечается не только до Хорремабада, но и до Буруджирда, лежащего в преде-

³⁴ Там же.

³⁵ АВПР, ф. Персидский стол, д. 4489, л. 401.

лах нашей зоны»³⁶. Заканчивается документ призывом «решительно протестовать против намеченного захвата нейтральной зоны синдикатом господ Гринвея, Линча и К^о»³⁷.

На основе этой «Справки» в российском МИДе был составлен на имя Грея специальный меморандум (от 11 (24) сентября 1912 г.), в котором содержалось прямое обвинение британской стороны в том, что она посредством железнодорожного строительства в Иране не только монополизирует нейтральную зону, но и проектируемой веткой на Буруджирд пытается проникнуть в русскую зону, что противоречит принципам конвенции 1907 г.³⁸

Как видим, в разгар переговоров о военно-политическом укреплении Антанты, проходивших в 1912 г. (подписание англо-французской военно-морской конвенции, франко-русской военно-морской конвенции и переговоры о подписании англо-русской военно-морской конвенции), российское правительство считает необходимым официально обвинить Великобританию в нарушении соглашения 1907 г., связав это с британскими железнодорожными планами в центральном и юго-западном Иране, и недвусмысленно подчеркнуть при этом возможность соглашения с Германией по средневосточным вопросам³⁹.

В ответном меморандуме от 24 сентября (6 октября) 1912 г. британское правительство соглашалось обсудить планы Персидского железнодорожного синдиката и даже послать с этой целью его представителя в Петербург, однако правящие круги Великобритании сочли необходимым напомнить, что свое согласие на строительство Трансиранской железной дороги в 1911 г. они давали «при том условии, что российское правительство поддержит британское ходатайство на получение концессии на постройку указанных железных дорог»⁴⁰.

В течение 1913—1914 гг. параллельно с обострением противоречий между двумя агрессивными империалистическими блоками усиливаются англо-русские противоречия, в особенности в южном и юго-западном Иране. Это было вызвано ростом наступательных тенденций британ-

³⁶ Там же, л. 402.

³⁷ Там же, л. 403.

³⁸ МОЭИ, сер. II, т. 20, ч. 2, с. 748.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, № 890.

ского империализма в этом регионе, значительным усилением воздействия средневосточной группировки на общую политику Великобритании. В меморандумах британского правительства по проблеме Трансиранской железной дороги, направленных российскому МИДу в указанный период, позиция английской стороны ужесточается. Несмотря на долговременное противодействие России, Великобритания настаивает на завершении этой дороги в Бендер-Аббасе. Она также категорически требует, чтобы англо-франко-русское «Сосьете д'этьюдье» согласовало свою дальнейшую деятельность в Иране с Персидским железнодорожным синдикатом, наметившим, как уже отмечалось, строительство целой сети железных дорог в нейтральной зоне Ирана. Более того, британская сторона настаивала на том, чтобы в вопросе строительства и управления всей будущей магистрали четко различались два участка дороги: северный и южный. Последний, проходивший через всю нейтральную зону, должен был фактически находиться под исключительным контролем Великобритании⁴¹.

В сложной для России международной обстановке, вызванной неблагоприятными итогами второй Балканской войны, в Петербурге было решено избежать обострения отношений с Великобританией по иранским делам, поэтому в памятной записке российского МИДа, направленной в Лондон в мае 1913 г., Петербург пошел на две крупные уступки. Во-первых, давалось согласие на объединение в какой-либо форме «Сосьете д'этьюдье» с Персидским железнодорожным синдикатом, во-вторых, Россия официально отказывалась от согласованного в свое время с английской стороной решения о смыкании Трансиранской магистрали с индийской сетью железных дорог со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для франко-русских акционеров синдиката. Однако российский МИД категорически отказывался дать согласие на завершение Трансиранской магистрали в Бендер-Аббасе⁴².

В течение всего 1913 г. активизировалась деятельность Персидского железнодорожного синдиката, разрабатывались планы строительства железной дороги Мохаммера — Бендер-Аббас, усиливалось проникновение британских то-

⁴¹ Памятная записка правительства Великобритании от 1(14) февраля 1913 г. — АВПР, ф. Персидский стол «Б», д. 4376, л. 31.

⁴² АВПР, ф. Персидский стол «Б», д. 4376, л. 32—34.

варов и капиталов в нейтральную зону. В этих условиях российское правительство решило усилить свое противодействие английским планам в центральном и юго-западном Иране. В письме от 30 ноября (13 декабря) Сазонов сообщал министру финансов В. Н. Коковцеву о решении «ограничиться постройкой железной дороги до Тегерана, в крайнем случае до Пезда, т. е. в исключительно нашей сфере влияния в Персии»⁴³.

В январе 1914 г. в письме к Бенкендорфу Сазонов указывал, что, хотя «неоднократно и категорически было указано лондонскому кабинету на полную неприемлемость... для нас направления на Бендер-Аббас вообще и на Исфахан — Шираз — Бендер-Аббас в особенности»⁴⁴, проведение подготовительных мероприятий в этом направлении продолжается. 12(25) февраля 1914 г. английской стороне была направлена памятная записка, в которой говорилось, что, несмотря на отсутствие окончательного решения о месте завершения Трансиранской железной дороги, настал момент добиться от шахского правительства концессии на всю дорогу, без точного определения, где именно она завершится в южной части страны. В заключение записки подчеркивалось, что в случае если английская сторона не поддержит этого предложения, то «пришлось бы признать первоначальное предприятие расстроившимся»⁴⁵. Однако в ответном меморандуме от 26 марта (8 апреля) 1914 г. правительство Великобритании продолжало отстаивать тот принцип, что «Трансиранская магистраль должна завершиться в Бендер-Аббасе»⁴⁶.

Итак, британское правительство отклонило российские требования и фактически отказалось вести переговоры о создании Трансиранской железной дороги путем соединения российских и английских железных дорог.

Анализ политики Великобритании в вопросе строительства железных дорог в Иране убедительно свидетельствует о том, что заявления Лондона о готовности участвовать на паритетных началах с Россией в создании индоевропейской магистрали были лишь маневром, направленным на продолжение борьбы за превращение юго-западного и южного Ирана в монопольную сферу влияния британско-

⁴³ Там же, л. 191.

⁴⁴ МОЭИ, сер. III, т. 1, № 210.

⁴⁵ Там же, № 213.

⁴⁶ Там же, т. 2, № 174.

го империализма. Другими словами, британская дипломатия и определенная часть финансовых кругов стремились при помощи целенаправленного железнодорожного строительства достичь того, чего им не удалось добиться в 1907 г.,— сделать центральный и юго-западный Иран своей монопольной сферой влияния. Когда же выяснилось, что несколько окрепший после революции 1905—1907 гг. и русско-японской войны царизм вовсе не готов принять английские условия, а русская дипломатия использует в своих интересах Потсдамское соглашение, британские правящие круги пошли на срыв переговоров о Трансиранской железной дороге, убедительно доказав, что им нужно не строительство железных дорог в Иране, которые могли превратиться в связующее звено между Россией и Азией, а монопольное владение южным и юго-западным Ираном.

В условиях начавшейся первой мировой войны Лондон переходит в решающее наступление на весь огромный регион Персидского залива, северо-восточной Аравии, Ирака, южного и юго-западного Ирана. Для того чтобы нейтрализовать противодействие России, англичане предложили царскому правительству в 1915 г. необычный обмен. Изъявив согласие на передачу России после победоносного завершения войны контроля над Константинополем, английское правительство в меморандуме, переданном российскому МИДу 27 февраля (12 марта) 1915 г., предложило «обменять» его на нейтральную зону Ирана⁴⁷. В сложных условиях первой мировой войны царское правительство отказалось от противодействия английскому натиску в южном и юго-западном Иране, частично оккупированном уже английскими войсками или находившимися в их подчинении местными формированиями⁴⁸.

Планы британского империализма этого периода раскрываются в телеграмме, направленной вице-королем Индии министру по делам Индии 12 июня 1915 г. В ней указывалось на необходимость установления полного британского контроля над Ираком и над всем центральным и южным Ираном, которые должны были превратиться в новую огромную колонию, управляемую англо-индийскими

⁴⁷ МОЭИ, сер. III, т. 7, ч. 1, № 352.

⁴⁸ Телеграмма С. Д. Сазонова Бенкендорфу от 20 марта 1915 г.— Там же, № 400.

властями из Дели. В этом документе подчеркивается, что необходимо добиться согласия России на включение в будущий английский протекторат Исфахана и Иезда и принять все возможные меры для ослабления экономического и политического влияния России в северном Иране, в особенности в Тегеране ⁴⁹.

К концу первой мировой войны почти весь Иран был оккупирован британскими войсками. 9 августа 1919 г. англичане навязали Ирану кабальное соглашение, по которому страна превращалась фактически в британский протекторат. Однако возникшее в Иране под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции мощное национально-освободительное движение и заключение 26 февраля 1921 г. советско-иранского договора, по которому правительство Советской России отказывалось от всех прав, привилегий и имущества, принадлежавших царской России, настолько упрочили международное и внутреннее положение Ирана, что под давлением общественности англичанам пришлось вывести свои войска не только из нейтральной зоны, но и вообще из Ирана.

⁴⁹ National Archives of India. Government of India, Foreign Department. Secret-E Proceedings, 1917, N 18

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГАСПАРА ДЕ ХОВЕЛЬЯНОСА КАК ЛИТЕРАТОРА-ПРОСВЕТИТЕЛЯ («СЕВИЛЬСКИЙ» ПЕРИОД)

Творчество испанского просветителя Г. де Ховельяноса, оказывавшего, по определению К. Маркса, «влияние на испанский народ не в качестве министра, а в качестве ученого, не декретами, а книгами»¹, оставаясь в силу почти полного отсутствия переводов его произведений по существу неизвестным советскому читателю, не получило освещения и в советской литературной критике².

Ховельянос, по оценке современной испанской общественной мысли, «самая выдающаяся личность в той обстановке противоборства тенденций и проблем, которой характеризовалась социальная жизнь Испании конца XVIII—начала XIX в.»³. «Самым видным представителем испанского Просвещения» называют его и в современной американской общественно-политической литературе⁴. Советская испанистика считает его наиболее авторитетным деятелем просветительской мысли Испании⁵.

В самом деле, если культурная жизнь Испании XVIII в. отождествляется с художественным величием Ф. Гойи, то ее общественный аспект — с идейной силой Ховельяноса, выступившего новатором в самых различных и возможных в его эпоху областях интеллектуальной и практической деятельности. Для известного итальянского специали-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 443.

² За исключением сравнительно кратких сведений, которые можно получить по этому вопросу в работах З. И. Плавскина (Испанская литература XVII—середины XIX века. М., 1978) и А. Штейна (Лекции по истории литературы испанского просвещения. М., 1973).

³ См.: напр.: Fraile G. Historia de la filosofía española. Madrid. 1972. vol. 2, p. 46.

⁴ См., напр.: Polt J. Gaspar Melchor de Jovellanos. N. Y., 1971, p. 1

⁵ Майский И. М. Испания, 1808—1917 М., 1957. с. 56

ста по проблемам европейского Просвещения Ф. Вентури, например, Испания XVIII в. вообще страна исключительно «Гойи и Ховельяноса»⁶.

Гаспар Мельчор де Ховельянос родился в 1744 г. в небольшом астурийском городке Хихоне. Его родители — выходцы из обедневших к XVIII в., но родовитых дворянских семей. «Уже с конца XV в. мои предки выделялись своей знатностью в хихонской округе», — писал в своих воспоминаниях просветитель⁷.

Воспитание Ховельяноса в соответствии с традициями и общественными нормами Испании XVIII в. было выдержано в строго католическом духе и полностью подчинено целям достижения богословской карьеры. В 1767 г., закончив университет Алькала де Энарес со степенью доктора как канонического, так и гражданского права, он отказывается от намерения стать каноником при крупнейшем соборе в Туе (Галисия), отдав предпочтение светской службе. Вскоре доктор права дон Гаспар де Ховельянос назначается алькальдом Севильской аудиенции, в которой и занимал высшие судебские должности до 1778 г. Десятилетие, проведенное в Севилье, явилось чрезвычайно важным периодом его жизни с точки зрения развития многосторонних интересов и окончательного формирования его как просветителя. В Севилье он «дополняет, по словам американского испаниста Д. Полта, свое формальное университетское образование неформальным путем интенсивного ознакомления с идеями Просвещения, находившими яркое выражение на тертульях (т. е. в салоне. — В. С.) Пабло де Олавиде»⁸, друга французских просветителей, переводчика Вольтера, одного из наиболее оригинальных умов Испании того времени, занимавшего пост губернатора и суперинтенданта Андалузии.

С 1778 г. Ховельянос — алькальд королевского двора. В Мадриде он становится инициатором и непосредственным проводником в жизнь реформаторской политики «просвещенного абсолютизма» Карла III. С приходом в 1788 г. к власти Карла IV, проявившего себя убежденным противником буржуазных нововведений, Ховельяноса отстраняют от государственных дел, а в 1790 г. по подозрению в участии к испанскому изданию «Общественного догово-

⁶ *Venturi F. Utopia e Riforma nell'Iluminismo*. Torino, 1973, p. 166.

⁷ *Serna G. de la Jovellanos, el español perdido*. Madrid, 1975, t. 1, p. 25; цит. по кн.: *Barcia A. El pensamiento vivo de Jovellanos*. Buenos Aires, 1951, p. 17.

⁸ *Polt J. Op. cit.*, p. 21.

ра» Руссо подвергают репрессиям. Ссылка и последовавшее за ней заключение, прерывавшиеся неоднократно на сроки различной продолжительности, в том числе и в связи с назначением его в 1797 г. министром правосудия, продолжались около 18 лет. Ховельянос освободила начавшаяся в 1808 г. революция в Испании. Он принимал участие в подготовке революционного законодательства, но эта его деятельность была недолгой: в 1811 г. Ховельянос умер, оставив будущему Испании ряд фундаментальных идей, не утративших в некоторых случаях своей актуальности до настоящего дня⁹.

Наиболее передовые воззрения в условиях Испании XVIII в., когда страна переживала сложное переходное состояние, Ховельянос первоначально полнее всего воплотил в художественном творчестве, выразив их затем с большей идейной определенностью в вопросах философского и социально-политического характера, дойдя в итоге до максимального радикализма в понимании стоявших перед страной экономических задач и необходимости разрешения последних.

Оба эти — художественное и теоретическое — начала, соединявшиеся в творчестве испанского просветителя, как и в творчестве многочисленных его современников-единомышленников в масштабах всей Европы, взаимодействовали и обогащали друг друга. Категории истины, гуманности, справедливости, долга, разума — высшие ценности философской и общественной мысли XVIII в. — в равной мере сообщали направленность духу и деятельности рационалиста-просветителя независимо от того, числился ли он по ведомству административному, был ли ученым, литератором или же соединял в себе все эти и ряд еще других профессиональных и интеллектуальных достоинств.

Практическому делу «литературной пропаганды» именно этих «возвышенных доктрин»¹⁰ подчинил Ховельянос прежде всего свои литературные произведения. Проводя в них мысль о безотлагательности преобразования и обновления испанского общества, он воздействовал на общественное мнение, способствовал утверждению одного из

⁹ *García F.* El espíritu del siglo XVIII y la personalidad de Jovellanos. Oviedo, 1971, p. 11, 80, 98. См. работы биографического характера: *Barcia A.* Op. cit.; *Bauer J.* Prólogo.— Jovellanos. Obras selectas. Madrid, S. a.; *Polt J.* Op. cit.; *Río A. del.* Introducción.— Jovellanos. Obras escogidas, «Clásicos castellanos» (далее: Ob. esc., «C. c.»). Madrid. 1945, vol. 1; *Serna G. de la.* Op. cit., t. 1, 2.

¹⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 443.

ведущих положений просветительской эстетики — необходимости деятельного участия писателя и изящной словесности в целом в реальной жизни.

Литературные работы были созданы Ховельяносом по преимуществу в «севильский» период его жизни. Написанные в жанре «слезной» драмы, эпистолы, летрильи, лирической идиллии и т. д., они отразили идейную и по существу сформировавшуюся уже тогда художественно-эстетическую позицию их автора.

Замысел первой крупной работы просветителя — драмы, отмеченной признаками нового идейного и эстетического отношения к образному изображению человека и его переживаний, возник под влиянием проводимой при Севильской аудиенции судебной процедуры. Далеко не случайно, что литературные опыты Ховельяноса оказались связанными именно с жанром драмы. Одной из главных задач испанских просветителей в силу объективно сложившихся условий становилась борьба с засильем в стране мистической по содержанию драматургии и превращение театра в трибуну для пропаганды своих идей¹¹.

В 1773 г. Ховельянос, учитывая начатые Пабло де Олавиде преобразования в театральном деле, не проводившиеся, пожалуй, ни в одном из городов страны так активно, как в Севилье, и стремясь внести в это посильную лепту, воплотил в драме «Честный преступник»¹² собственное понимание законов правосудия, — вопрос, не только не противоречивший эстетическим задачам XVIII в., но непосредственно связанный с ними. В пьесе синтезированы элементы просветительского классицизма и сентиментализма, что, по справедливому замечанию А. Барсии, одного из видных аргентинских биографов и критиков его творчества, делает ее «с точки зрения художественного метода очень спорной»¹³, но представляющей безусловный инте-

¹¹ См., напр.: *Serna G. de la. Op. cit.*, t. 1, p. 68—69; *Herr R. The Eighteenth-Century Revolution in Spain. Princeton, 1958*, p. 207, 208, 340, 341.

¹² Из двух написанных Ховельяносом пьес эта отмечена удачной сценической судьбой. В 1774 г. она была поставлена в театре Аранхуэса или Сан-Ильдефонсо (мнения биографов просветителя по этому поводу расходятся), после чего с большим успехом обошла многие театры страны и в том же, 1774 г. была опубликована отдельным изданием под псевдонимом Торибьо Суарес де Лангрео, ибо не поощрялось, чтобы, как отмечал Ховельянос в письмах своему брату, «чиновники-правоведы занимались писательской деятельностью...» (*Jovellanos. Carta... a su hermano mayor, don Francisco de Paula. — Obras..., colección... por Necedal C. Madrid, 1858*, t. 1, p. 1—2).

¹³ *Barcia A. Op. cit.*, p. 18.

рес с точки зрения выражения эстетической позиции автора.

Действие пьесы основывается на подлинном событии, происшедшем в Сеговии в 1758 г. В центре драмы — благородный Торквато, справедливо с нравственной точки зрения, но вопреки закону действовавший молодой человек. На дуэли он убивает волокиту маркиза Монтилью и за нарушение закона о запрете дуэлей приговаривается к смертной казни, от которой был спасен королевским указом, заменившим казнь изгнанием.

В письме французскому переводчику «Честного преступника» аббату де Валкретье Ховельянос отмечал, что, «избрав целью пьесы изображение жестокого действия существующих законов... счел уместным ввести в пьесу двух персонажей-юристов... Первого из них — дона Хусто — показываю как человека философской широты ума, попросветительски образованного, добродетельного и гуманного... знающего недостатки и несовершенства законов... умеющего уважать их... и в высшей степени сочувствовать невинному, подпавшему под тяжесть и зависимость от этих законов»¹⁴.

«О эти жестокие законы,— восклицает в пьесе дон Хусто.— Напрасно во спасение безвинно пострадавшего вызывают к ним разум и гуманность!»¹⁵ «Возможно ли,— вторит ему дон Торквато,— чтобы в век, когда уважается чувство гуманного и на всем протяжении которого философия проливает повсюду свой свет, были еще слышны стоны безвинных жертв?..»¹⁶

Смысл суждений, черты характера, наконец, имя¹⁷, которым наделил Ховельянос алькальда — одного из положительных героев своей драмы, носителя отдельных идейных и нравственных позиций «третьего сословия», дают четкое представление об идеалах самого автора, о его тяготении к элементам демократического искусства. Крупнейший испанский историк литературы и философ-эстетик М. Пелайо видел, например, в этой пьесе «исток современной испанской драмы, обратившейся к отображению народных обычаев и нравов»¹⁸, т. е. усматривал в

¹⁴ Jovellanos. Contestación a la carta anterior.— Obras.... colección... por Necedal C., t. 1, p. 79.

¹⁵ Jovellanos. El delincuente honrado.— Obras selectas, p. 65.

¹⁶ Ibid.. p. 46.

¹⁷ Хусто (исп.— Justo) — справедливый.

¹⁸ Pelayo M. Historia de las ideas estéticas en España. Buenos Aires, 1943, t. 3, p. 398.

ней начало зарождения костюмбристской литературы. Вместе с тем структура и компоненты пьесы в целом свидетельствуют о недостаточной ее зрелости и очевидной подражательности.

По собственному упоминанию автора в «Предисловии» к «Честному преступнику», жанровые и идейные линии пьесы контурно оформились во время дискуссии, развернувшейся в салоне Олавида вокруг смысла имевшей значительное влияние на испанскую словесность французской «слезной комедии», или, по определению Ховельяноса, «чувствительной или сентиментальной драмы», все трагедийные обстоятельства в которой «счастливы в итоге разрешаются»¹⁹.

«Честный преступник» не был свободен от «галльских» заимствований с точки зрения повышенной «чувствительности» содержания. Однако свойственная сентиментализму «слезность» вовсе не являлась свидетельством негативных качеств создававшихся в ключе этого литературного направления произведений. «Как бы то ни было,— писал в свое время В. Г. Белинский об историческом значении сентиментализма,— эти слезы были великим шагом вперед для общества; ибо, кто может плакать не только о чужих страданиях, но и вообще о страданиях вымышленных, тот, конечно, больше человек, нежели тот, кто плачет только тогда, когда его больно бьют»²⁰. И утверждал: «...будучи не совсем завидным качеством... сентиментализм лучше одеревенелого состояния в грубой коре животной естественности, и потому в массе тогдашнего общества прежде всего должно было пробудить сентиментальность как первый выход из одеревенелости»²¹. Эта мысль великого русского критика по существу родственна умозаключению Ховельяноса, выраженному в реплике Торкватто: «Если слезы — свидетельство чувства, сердечности, несчастен тот, кто не способен их пролить!»²².

Вместе с тем излишняя подражательность в известной мере ослабила художественные достоинства драмы. Не случайно ее значение усматривается испаноязычной критикой прежде всего в пропагандировавшихся автором «в виде манифеста» просветительских взглядах на существо

¹⁹ См.: *Jovellanos. Advertencia...*— *Obras...*, colección..., por Necedal C., t. 1, p. 77; *Serna G. de la. Op. cit.*, p. 84; *Río A. del. Op. cit.*, p. XXI.

²⁰ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1948, т. 3, с. 238.

²¹ Там же, т. 2, с. 143.

²² *Jovellanos. El delincuente honrado*, p. 6.

испанского судопроизводства, «совпадавших в основном с выдвигаемыми тогда основателем... права нового времени Беккарией»²³.

В драме сказалась также воспринятая Ховельяносом дидактико-просветительская тенденциозность французской драматургии. «Правильное законодательство,— назидательно утверждал, в частности, Торквато,— должно внимать всему, но не терять из виду сотворение всеблаготворного добра»²⁴. Однако подобная тенденциозность, необходимость проведения которой на сцене была им обоснована впоследствии, дополнилась проповедью католической нравственности. В 1790 г. в «Рассуждении об упорядочении дела постановки спектаклей... в Испании» — одной из основных работ просветителя, затрагивавшей вопросы эстетики и теории литературы,— он проводил мысль об обязательности и важности морализующего (в католическом смысле) воздействия на «благонравную публику» театральных зрелищ, напомнив о драматургии старых художников, в произведениях которых эта тенденция не вполне проступала²⁵. Не одобрительно, в частности, в этой связи упомянут им был Лопе де Вега. Он, по словам Ховельяноса, «довел до артистизма искусство комедии, рассматривавшейся простонародьем как само совершенство, а с точки зрения здравомыслящей (т. е. ортодоксально-церковной.— В. С.) критики являвшейся рассадником фривольностей, толкавших отечественную сцену к упадку»²⁶.

По Ховельяносу, падение нравов на национальной сцене являлось результатом некритического освоения испанскими писателями, и прежде всего писателями XVIII в., наследия французской литературы, забвения ими духовных традиций нации. «В этом смысле,— констатирует испанский исследователь творчества просветителя А. дель Рио,— можно утверждать, что Ховельянос занимает промежуточную позицию среди тех, кто решительно отстаивал новые литературные тенденции, приходившие из Франции, и последо-

²³ *Barcia A.* Op. cit., p. 18. Чезаре Беккария (1738—1794) — итальянский просветитель, теоретик правовых воззрений буржуазии, сторонник устранения феодального произвола в выборе наказаний, высвобождения от них личности. Свои взгляды наиболее полно выразил в работе «О преступлениях и наказаниях», написанной в 1764 г. В Испании перевод этой работы вышел в 1774 г., а в 1777 г. был запрещен инквизицией.

²⁴ *Jovellanos. El delincuente honrado*, p. 21.

²⁵ *Jovellanos. Memoria... de los espectáculos... en España.— Ob. esc. «C.c.»*, vol. 1, p. 136.

²⁶ *Ibid.* p. 144.

вателями Форнера²⁷ — пуристами испанского литературного языка и классической испанской литературы»²⁸ в ее, добавим, прокатолическо-этической разновидности.

Ховельянос призывал в «Рассуждении» к реформированию испанского театра, возрождению утраченного в нем «вкуса». Извращение последнего он усматривал как раз в «холодном бездушии, с каким мы относимся к пьесам, несущим идеи милосердия, гуманности, достоинства, чести и всех тех добродетелей и принципов, присущих здоровой морали и высокому, благородному воспитанию и образованию... перестав ставить их в театре»²⁹.

Сформулированные в поздний период творчества, эти мысли Ховельяноса не что иное, как «развитие изначальных эстетических идей, выраженных им в Севилье»³⁰. Спорные вследствие определенной своей предвзятости к творчеству драматургов «золотого века», они несли в себе как прогрессивные, так и реакционные религиозно-нравственные художественные идеалы³¹, порожденные глубокими противоречиями в общественной жизни страны и подражанием французской просветительской литературы.

Несомненное влияние французского классицизма и сентиментализма ощущается и в лирической поэзии Ховельяноса — зачастую претенциозных, удаленных от реальной жизни творениях, эстетическим критерием которых выступает по преимуществу верховенство чувств. Выполненные в духе пасторальной и эротической лирики XVIII в., они напоминали образную манеру и стилистику «французских поэтов», которых Ховельянос, по его словам, «читал великое множество»³², занимаясь одновременно пере-

²⁷ Хуан Пабло Форнер (1756—1797) — испанский поэт и литературный критик. Учился в Саламанкском университете и принадлежал к Саламанкской школе поэтов. Сторонник некоторых идей французского Просвещения, но отрицавший при этом, как и все испанские просветители, в том числе и Ховельянос, антирелигиозную его сущность. Написал в этом плане несколько произведений, среди которых — комедия «Атенст». Подверг резкой и настолько язвительной критике отдельные стороны испанской действительности, а также воззрения многих современников, теоретиков самых различных направлений, что ему «было запрещено публиковать свои произведения без специального на то разрешения короля». См.: *Fraile G. Op. cit., vol. 1, p. 61—66.*

²⁸ *Río A. del. Op. cit., p. XXI.*

²⁹ *Jovellanos. Memoria... de los espectáculos... en España, p. 146.*

³⁰ *Serna G. de la. Op. cit., t. 1, p. 86.*

³¹ См., напр.: *Jovellanos. Ob. esc., «C.c.», vol. 2, p. 51—174; Pelayo M. Op. cit., p. 397, 398.*

³² Цит. по: *Río A. del. Op. cit., p. XXI; см. также: Serna G. de la. Op. cit., t. 1, p. 89.*

водами из Лафонтена, «Идиллии» Монтескье³³ и т. д. Признаваясь в своей симпатии к «запиренейской» литературе, он писал в 1771 г.: «...попробую сочинять в их стиле»³⁴. Это его поклонение не было, однако, в противоположность многим испанским писателям безраздельным, но сочеталось с восхищением художественным гением древнеримской, итальянской и английской литератур, своей отечественной классикой XVI—XVII вв.³⁵, а по мере созревания талант Ховельяноса становился все более самостоятельным и оригинальным.

Лирические стихи Ховельяноса, которые он считал не чем иным, как «забавами юности»³⁶, занимают тем не менее в его художественном творчестве важное место. Они были, правда, в определенной степени данью литературным канонам своего времени. Но не только. Часть их посвящалась, по многочисленным предположениям биографов просветителя, сестре или одной из дочерей Олавиде, которой он был представлен, посещая его салон, и которая вызвала у Гаспара сильные чувства. Докучливые исследователи и биографы «немало перевели чернил, пытаясь с точностью установить»³⁷, не установив, однако, имя избранницы сердца Ховельяноса, неразделенную, по-видимому, любовь к которой он пронесет через всю свою жизнь.

Знаменательно, что к творчеству Ховельяноса в целом не применимо положение об обращении просветителей к сентиментализму вследствие их определенной утраты веры во всеислие разума. Он не был приверженцем «чистого» сентиментализма даже в пределах любовной лирики. Просветительский настрой Ховельяноса постоянно выводил его в этих стихах на рассудочность, лирику философскую, переносил с воспевания высоких чувств к возлюбленной на превознесение таких ценностей и «абстракций, как Отечество, Добродетель, Гуманизм»³⁸, Универсум, Творец³⁹

³³ *Jovellanos. Dos fábulas de la Fontaine, Traducción de un «Idilio» de Montesquieu.—Obras..., colección..., por Necedal C., t. 1, p. 8, 9, 20, 21.*

³⁴ Цит. по: *Río A. del. Op. cit., p. XXI.*

³⁵ В частности, слишком явно также проступала в ряде случаев формальная и смысловая зависимость стиха Ховельяноса от стиха Ф. Кеведо. См. сравнение стихов этих авторов в: *Serna G. de la. Op. cit., t. 1, p. 89, 90.*

³⁶ См.: *Jovellanos. Carta... a su hermano mayor...—Obras... colección..., por Necedal C., t. 1, p. 1.*

³⁷ *Polt J. Op. cit., p. 22.*

³⁸ См.: *Río A. del. Op. cit., p. XIX.*

³⁹ См., напр.: *Jovellanos. Al Sol.—Obras..., colección..., por Necedal C., t. 1, p. 9, 10.*

и т. д. В результате его лирика предстает «холодной, совершенной со стороны формы, но лишенной глубокого лирического проникновения и вдохновения»⁴⁰. В ней — однообразие настроений и статичность переживаний. Примечательно, что бóльшим по сравнению с этой поэзией эмоциональным подъемом и страстностью проникнуты его теоретические работы, в особенности, пожалуй, политэкономического свойства, далекие, казалось бы, от благородных материй. «Ховельянос,— писал М. Пелайо, отмечая эту творческую особенность просветителя,— не был лишен художественной интуиции, но другие виды творчества чувствовал лучше, чем поэтическое»⁴¹, сближаясь в этом отношении до определенной степени с Руссо⁴². Тем не менее его поэзия имеет определенную значимость, как показатель обращения испанских поэтов в условиях засилья инквизиции и теологии в стране к лирике, более того, к элементам светской философской лирики — жанру, широко распространенному в Европе в эпоху Просвещения.

Ховельянос очень скоро пришел к убеждению, что любовная поэзия отнюдь не его стихия. Посылая своему брату Ф. де Паула такого рода стихотворения, он счел необходимым сопроводить их оправдательным комментарием во избежание возможной в свой адрес критики и упреков в «ветрености и легкомыслии». «Любовная лирика,— писал он,— представляется мне малодостойным делом для серьезного человека. И хотя я в мои годы не смею рекомендовать себя подобным образом, я делаю это в силу своего служебного положения, которое с младых лет обрекло меня на исполнение обязанностей тяжелого и щепетильного свойства»⁴³.

Свое отношение к лирической поэзии Ховельянос пересматривает также и потому, что он осознал невозможность средствами лирики проводить в жизнь свои идеи. Его основательное знакомство с творчеством поэтов Англии (в частности, он работал над переводом «Потерянного рая» Дж. Мильтона⁴⁴ — этой апологии борьбы английской буржуазии), но в особенности с литературой предреволюционной Франции, в которой все настойчивее звучали ра-

⁴⁰ Serna G. de la. Op. cit., t. 1, p. 89, 97.

⁴¹ Pelayo M. Op. cit., p. 396.

⁴² См.: Верцман И. Жан-Жак Руссо. М., 1958, с. 122, 129.

⁴³ Jovellanos. Carta... a su hermano mayor...— Obras..., colección..., por Nocedal C., t. 1, p. 1.

⁴⁴ Jovellanos. Traducción..., del «Paraíso perdido» de Milton.— Obras..., p. 26—33.

дикальные мотивы философского и социально-политического характера, убеждает Ховельяноса в уходе испанских художников слова от действительности.

Выдвинув свою эстетическую позицию в формуле — подлинное искусство лишь то, которое «отображает действительность»⁴⁵, — Ховельянос начинает критически оценивать поверхностные творческие установки поэтов одного из известнейших в стране объединений — Саламанкской школы, приводивших его долгое время в восхищение искренностью своего мастерства. Установив с ними эпистолярную связь в начале 70-х годов через своих севильских друзей — «вечных друзей моего цветущего возраста», как он позднее отрекомендует их в своих стихах⁴⁶, — Ховельянос убеждает участников объединения в необходимости наполнения отечественной поэзии жизненным содержанием. Он сыграет в итоге видную роль в формировании просветительских воззрений талантливого представителя этой школы Х. Мелендеса Вальдеса, ставшего впоследствии наиболее крупным лирическим поэтом Испании XVIII в. Его «влияние, — отмечает испанский исследователь творчества Ховельяноса Г. де ла Серна, — было в меньшей степени влиянием поэта, чем просветителя, знатока поэзии»⁴⁷, критика, понимавшего существо идейной ее направленности в создавшихся в стране условиях. Обращаясь к Вальдесу в 1776 г. в послании «Ховино — своим друзьям в Саламанке», Ховельянос призывал его оставить анакреонтическую поэзию, воспевание «пасторальных нежностей» и заняться изображением «более достойных тем»: показывать «нравы и обычаи своей страны», прославлять «ее героев», бичевать «ее изъяды и пороки»⁴⁸. Что же касается самого Ховельяноса, то он, по его собственным словам, «будучи ввергнут в судебные дразги, сотрясаемые рыданиями жертв закона — вдовы или безвинного сироты, — тщетно пытался найти в себе и издать сладостные звуки»⁴⁹: действительность напоминала о себе необыкновенно сурово, чтобы продолжать показывать ее с позиций сентиментализма.

Перелом в творчестве Ховельяноса ознаменовался в поздний период деятельности отказом от стремления вы-

⁴⁵ Serna G. de la. Op. cit., t. 1, p. 93.

⁴⁶ Цит. по кн.: Barcia A. Op. cit., p. 21.

⁴⁷ Serna G. de la. Op. cit., t. 1, p. 87.

⁴⁸ Jovellanos. Jovino a sus amigos de Salamanca. — Obras..., colección..., por Necedal C., t. 1, p. 37—39.

⁴⁹ Ibid., p. 37.

разить свои позиции под заимствованной стилевой маской, обращением его к сочинению, но уже не систематическому, а более или менее спорадическому эпиграмм, дидактико-сатирических стихов, среди которых особенно выделяется «К Арнесто» — беспощадная критика беспринципности и продажности королевского двора и придворной аристократии⁵⁰, — литературной и художественной критике, где во всем этом сказались отголоски просветительно-классицистского письма, прозвучали предромантические мотивы, но что самое существенное, проявились элементы просветительского реализма. Такая эволюция Ховельяноса как литератора в своей логической последовательности естественна и закономерна, ибо он рассматривал литературу «прежде всего как инструмент социального преобразования, как проводник философских и этических идей, как средство воспитания, а не область чистого искусства...»⁵¹.

В итоге эта идейная установка обусловила подчиненное положение художественной работы в творчестве Ховельяноса, обращение его по преимуществу к вопросам философского, общественно-политического и экономического характера.

Неустойчивость социально-экономического развития Испании в условиях переходного от феодализма к капитализму времени, влияние на испанскую словесность просветительски радикальной французской литературы обусловили известную размытость художественно-эстетических явлений, что, в свою очередь, не могло не сказаться на мироощущении и многовариантном творческом видении реального испанскими литераторами XVIII в., в том числе и таким крупным, каким, бесспорно, был Ховельянос.

⁵⁰ См.: *Puertas M. Jovellanos*. Montevideo, 1954, p. 32.

⁵¹ *Pelayo M. Op. cit.*, p. 396.

ТРУДЫ И. М. МАЙСКОГО

- 1901** Я хочу быть великой грозой.— Сиб. жизнь, 1 марта. Подпись: Новый человек.
- 1905** Как пользоваться гражданской свободой рабочему классу?: Задачи и цели профессионального союза и способы его организации. Хвалынск. 20 с. Перед загл. авт.: И. Ляховецкий.
- 1909** Эволюция немецкого студенчества: (Письмо из Германии).— Образование, № 5, с. 165—179. Подпись: В. Майский.
- 1910** Борьба за избирательное право в Пруссии.— Наша заря, № 2, с. 62—74. Подпись: В. Майский.
Из мрака к свету: (Очерк развития австрийского рабочего движения).— Соврем. мир, № 8, с. 26—45. Подпись: В. Майский.
Из хроники социальной борьбы в Германии: (Локаут в строительной промышленности).— Рус. богатство, № 7, с. 79—105. Подпись: В. Майский.
Итоги профессиональной борьбы в Германии.— Возрождение, № 9/10, с. 107—118. Подпись: В. Майский.
Магдебургский партейтаг: (Письмо из Германии).— Соврем. мир, № 11, с. 71—82. Подпись: В. Майский.
Новое оружие германского пролетариата.— Наша заря, № 9/10, с. 10—16. Подпись: В. Майский.
Предпринимательские биржи труда в Германии.— Наша заря, № 7, с. 52—65. Подпись: В. Майский.
Die Sozialpolitik in Russland.— Grundstein, Hamburg, Jg. 24, S. 508. Подпись: Maisky.
- 1911** Из теории и практики профессионального движения на Западе. 1. Форма организации.— Наша заря, № 12, с. 24—33. Подпись: В. Майский.
Массы и вожди в германском рабочем движении: (Из личных впечатлений).— Рус. богатство, № 8, с. 31—59; № 9, с. 24—40. Подпись: В. Майский.
Перед выборами: (Письмо из Германии).— Соврем. мир, № 9, с. 302—322. Подпись: В. Майский.
- 1912** Выборы в рейхстаг и социал-демократия: (Письмо из Германии).— Соврем. мир, № 3, с. 277—287. Подпись: М. В.
Из теории и практики профессионального движения на Западе. 2. Вожди и массы.— Наша заря, № 4, с. 18—27. Подпись: В. Майский.
Красные выборы.— Рус. богатство, № 2, с. 35—72. Подпись: В. Майский.
Трагедия немецких углекопов.— Рус. богатство, № 4, с. 34—60. Подпись: В. Майский.

Черная армия: (О политическом католицизме в Германии).— Рус. богатство, № 9, с. 1—36. Подпись: В. Майский.

Август Бебель — Рус. богатство, № 9, с. 254—278. Подпись: В. Майский.

Борьба за юношество в Германии.— Рус. богатство, № 3, с. 240—263. Подпись: В. Майский.

В мире германской социал-демократии (1. Организация и текущая деятельность партии. 2. Политические кампании. 3. Пресса. 4. Культурная работа. 5. Юношеское движение.).— Современ. мир, № 7, с. 180—215. Подпись: В. Майский.

Германский империализм.— Рус. богатство, № 11, с. 278—302. Подпись: В. Майский.

Из теории и практики профессионального движения на Западе. 3. Функции профессиональных союзов.— Наша заря, № 3, с. 32—40. Подпись: В. Майский.

Из теории и практики профессионального движения на Западе. 4. Союзы и партия.— Наша заря, № 6, с. 12—20. Подпись: В. Майский.

Из теории и практики профессионального движения на Западе. 5. Итоги и перспективы профессиональной борьбы.— Наша заря, № 10/11, с. 11—21. Подпись: В. Майский.

По деревенской Германии: (Из путевых впечатлений).— Рус. богатство, № 1, с. 243—274. Подпись: В. Майский.

Под пятой ост-эльбского юнкерства: (По поводу прусских выборов).— Рус. богатство, № 7, с. 223—245. Подпись: В. Майский.

Трагедия ирландского народа.— Современ. мир, № 6, с. 188—208. Подпись: В. Майский.

In einer englischen Industriestadt.— Zeitgeist, Stuttgart, Jg. 6, S. 504. Подпись: W. Maisky.

Der Streiks und der Kampf ums Koalitionsrecht in Russland.— Grundstein, Hamburg, Jg. 27, Jan., S. 12. Подпись: Maisky.

В царстве угля и стали: (Из путевых впечатлений).— Вестн. Европы, № 6, с. 233—265. Подпись: В. Майский.

Властители современной Германии.— Рус. богатство, № 4, с. 206—230. Подпись: В. Майский.

Германия во время войны.— Рус. записки, № 1, с. 266—291. Подпись: В. Майский.

Два типа (немецкий и английский рабочий).— Наша заря, № 1, с. 26—36. Подпись: В. Майский.

Интеллигенция и рабочее движение в Германии.— Рус. богатство, № 1, с. 253—275. Подпись: В. Майский.

Как организованы рабочие в Германии. СПб. 47 с., вкл. илл. Подпись: В. Майский.

О вздорожании жизни.— Рус. богатство, № 5, с. 199—217. Подпись: В. Майский.

Памяти великого агитатора: (К пятидесятилетию смерти Фердинанда Лассала).— Рус. богатство, № 8, с. 229—254. Подпись: В. Майский.

Суфражистки: (Письмо из Англии).— Современ. мир, № 4, с. 101—123. Подпись: В. Майский.

- 1915** В германском тылу.— Рус. записки, № 6, с. 217—241. Подпись: В. Майский.
 Великий юнкер: [Характеристика Бисмарка по кн.: Klein-Hattungen G. Bismarck und seine Welt: 3 Bd. B., 1902—1904].— Рус. записки, № 8, с. 263—290. Подпись: В. Майский. Имеется отд. отт.
 Германия и Европа.— Рус. записки, № 1, с. 227—256. Подпись: В. Майский.
 Германский пролетариат и война.— Рус. записки, № 3, с. 328—348. Подпись: В. Майский.
 Германское рабочее движение во время войны. 1. Профессиональные союзы; 2. Кооперативное движение; 3. Партия.— Рус. записки, № 10, с. 193—221. Подпись: В. Майский.
 Уравновешанная Англия (Англия во время войны).— Вестн. Европы, № 5, с. 313—338. Подпись: В. Майский.
- 1916** Война и германские финансы.— Рус. записки, № 7, с. 246—266. Подпись: В. Майский.
 Германия и Ближний Восток.— Рус. записки, № 1, с. 191—222. Подпись: В. Майский.
 Германия и война. М. 250 с. Перед загл. авт.: В. Майский. Рец.: Арский Р.— Летопись, 1916, № 8, с. 312—315.
 Германский социал-империализм.— Рус. записки, № 10, с. 206—233. Подпись: В. Майский.
 Ллойд Джордж: (Политическая характеристика).— Вестн. Европы, № 1, с. 131—167. Подпись: В. Майский.
 Ллойд Джордж: Политическая характеристика. Пг. 52 с.
 Марксизм и вопросы войны и мира. Пг.; М. Вып. 1. 18 с. Перед загл. авт.: В. Майский (совместно с Энзисом и Velox).
 Рец.: Арский Р.— Летопись, 1916, № 11, с. 326—327.
 Марксизм и вопросы войны и мира. 2-е изд. Пг.; М. 89 с. Перед загл. авт.: В. Майский (совместно с Энзисом и Velox).
 Рец.: «Средняя Европа»: (По поводу кн.: Naumann F. «Mittel-europa». В., 1915).— Рус. записки, № 5, с. 195—219. Подпись: В. Майский.
- 1917** В мире германского профессионального движения. Пг. 96 с. Перед загл. авт.: В. Майский.
 Отец германской социал-демократии Ф. Лассаль. М. 32 с. Перед загл. авт.: В. Майский.
 По рабочей Германии. Пг. 149 с. Перед загл. авт.: В. Майский.
 Политическая Германия. М. 216 с. Перед загл. авт.: В. Майский.
 Продовольственное положение Германии.— Рус. богатство, № 4/5, с. 211—236. Подпись: В. Майский.
- 1918** Брестский мир.— Проф. союз, № 2, с. 2—4. Подпись: В. Майский.
 Вождь немецких рабочих Август Бебель. М. 29 с. Перед загл. авт.: В. Майский.

Культурно-просветительная работа среди пролетариата. Пг. 43 с. Перед загл. авт.: В. Майский.

То же — 2-е изд. Пг. 42 с.

На Украине. [Профессиональные организации на Украине: Обзор проф. журналов.] — Проф. союз, № 4, с. 14—15. Подпись: В. М.

[О задачах профессионального движения]. — Проф. союз, № 3, с. 2—5. Подпись: В. Майский.

От Пруссии к Средней Европе: [Внешняя политика Германии]. Пг. 163 с. Перед загл. авт.: В. Майский.

Современные задачи профессионального движения. — Проф. союз, № 1, с. 4—7. Подпись: В. Майский.

Отв. ред.: Проф. союз, № 1—4, Пг.; М. Подпись: В. Майский.

1920

Экономическая политика Советской республики: (К трехлетию Октябрьской революции). Иркутск. 12 с. Перед загл. авт.: В. Майский.

1921

Вершины: Драматическая поэма. Омск. 181 с.

Современная Монголия: (Отчет монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всерос. центр. союза потреб. о-в «Центросоюза»). Иркутск. 128 с. с илл. и карт.

Рец.: Виленский В. л. (Сибиряков). — Печать и революция, 1922, кн. 1, с. 260—261.

Социальное строение внешней Монголии. — Народы Дальнего Востока, № 1, стлб. 41—46.

1922

Внешняя политика РСФСР. М. 191 с.

Рец.: — Бюл. книги, 1922, № 7/8, с. 44.

Демократическая контрреволюция. — Красная новь, № 4(8), с. 133—148; № 5(9), с. 114—138; № 6(10), с. 150—177.

Советская Россия и капиталистический мир: (Гаагская конференция). М. 53 с.

1923

Август Бебель. М. 60 с., илл.

Внешняя политика РСФСР, 1917—1922. М. 195 с.

Рец.: Анатолийский Т. — Печать и революция, 1923, кн.: 1, с. 131—132; Найда С. Ф., Наумов В. П. Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции. М., 1966, с. 87—88.

Демократическая контрреволюция: (Продолжение). — Красная новь, № 1(11), с. 214—234; № 2(12), с. 142—169; № 3(13), с. 169—202.

Демократическая контрреволюция. М.; Пг. 359 с.

Рец.: Фрейман В. — Вестн. книги, 1924, № 1/3, с. 160—161.

Фердинанд Лассаль. М. 52 с., илл. Пер. на укр. яз.: Киев, 1925. 36 с.

Предисл.: Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири, 1918—1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда: Пер. с англ. М.; Пг.

Зам. отв. ред.: Петрогр. правда, апр.—май.

Рец.: Иоффе А. А. Генуэзская конференция. М., 1922. 62 с.; Штейн Б. Е. Гагская конференция. М., 1922. 57 с.; Материалы Генуэзской конференции: (Полн. стеногр. отчет). 1922, 459 с.; Гагская конференция: (Полн. стеногр. отчет.). М., 1922, 288 с.— Печать и революция, № 1, с. 126—128.

Англо-русский торговый договор.— Петрогр. правда, 16 мая.
В потемках.— Петрогр. правда, 17 июня.

Двойная игра.— Петрогр. правда, 26 июня.

Конференция учащихся.— Петрогр. правда, 7 июня.

Крупная победа.— Петрогр. правда, 17 мая.

Любимое оружие буржуазии.— Петрогр. правда, 5 мая.

Международное обозрение: Сказка о нефти.— Петрогр. правда, 22 апр.

Международное обозрение: 12 съезд РКП.— Петрогр. правда, 29 апр.

Международное обозрение: Кризис в Англии.— Петрогр. правда, 6 мая.

Международное обозрение.— Петрогр. правда, 13, 20, 27 мая; 3, 10, 24 июня.

На пути к выздоровлению.— Петрогр. правда, 23 июня.

Нам нужен сильный воздушный флот.— Петрогр. правда, 25 мая.

Наша смена.— Петрогр. правда, 9 мая.

Ослиные уши г. Уриварта.— Петрогр. правда, 30 мая.

Руки прочь и подальше: Без головы и на глиняных ногах.— Петрогр. правда, 11 мая.

Среди книг и журналов.— Петрогр. правда, 1, 14 июня.

Среди книг и журналов.— Петрогр. правда, 3, 10 июня. Подпись: М-ий И.

Фашизм.— Петрогр. правда, 1 мая.

1924 Война и политика (1914—1924).— Звезда, № 4, с. 151—172.

Как мы выполняем заветы Ленина. II. Внешняя политика.— Звезда, № 6, с. 132—144.

Международное обозрение.— Красный журнал для всех, № 2, с. 146—150; № 3, с. 223—226.

Международное обозрение: Английские выборы.— Звезда, № 5, с. 179—187.

Международное обозрение: Великие шесть лет (Октябрь 1917—октябрь 1923 г.).— Звезда, № 1, с. 187—211.

Международное обозрение: Куда идет Германия? — Звезда, № 3, с. 187—198.

Международное обозрение: Рабочее правительство в Англии.— Звезда, № 2, с. 227—248.

О культуре, литературе и коммунистической партии.— Звезда, № 3, с. 258—279.

Самое великое в Ленине. Л. 16 с.

Современная Германия: (Экономика, политика, рабочее движение). М.; Л. 167 с.

Рец.: В.— Звезда, 1924, № 4, с. 327.

Ред.: Звезда, 1924, № 1—6; 1925, № 1.

- 1925** Еще раз о культуре, литературе и коммунистической партии: (Заключ. слово на лит. дискус.).— Звезда, № 1(7), с. 268—295.
Профессиональное движение на Западе: Основные типы. Л. 322 с., с табл. Библиогр.: с. 319—320.
Рец.: Плотников А.— Звезда, 1924, № 6, с. 269—270.
- 1926** Англия и СССР. Л. 94 с. Перед загл. авт.: И. Тайгин.
Всеобщая стачка и борьба углекопов в Англии. М. 105 с. Перед загл. авт.: М. Джемс.
Профессиональное движение на Западе: Основные типы. 2-е изд., доп. Л. 328 с. Библиогр.: с. 326.
- 1927** Германия эпохи мировой войны.— Энцикл. словарь / Гранат. 7-е изд., т. 47, стлб. 186—271.
Китайская революция. М. 173 с. Перед загл. авт.: И. Тайгин.
Рец.: Мстиславский.— Вестн. труда, 1927, № 11, с. 153—155.
- 1928** Как живет английский рабочий. М. 138 с. Перед загл. авт.: И. Тайгин.
Послевоенный кризис.— Чем болен английский капитализм. М., с. 7—20. Подпись: И. Тайгин.
Проблемы индустриализации Японии.— Пути индустриализации, № 23/24, с. 118—130. Подпись: И. Тайгин.
Проблемы японского капитализма.— Экон. обозрение, № 10, с. 110—131. Подпись: И. Тайгин.
Страдает ли Япония от перенаселения? — Мировое хозяйство и мировая политика, № 12, с. 24—33. Подпись: И. Тайгин.
Уголь.— Чем болен английский капитализм. М., с. 21—50. Подпись: И. Тайгин.
Японский империализм и Китай.— Новый мир, № 8, с. 156—165; № 9, с. 221—232. Подпись: И. Тайгин.
Ред.: Чем болен английский капитализм. М. 246 с. Подпись: И. Тайгин.
- 1929** Электрификация Японии.— Мировое хозяйство и мировая политика, № 12, с. 160—170. Подпись: И. Тайгин.
Японо-китайские взаимоотношения.— Междунар. жизнь, № 4, с. 10—26. Подпись: И. Тайгин.
Японский пролетариат.— Журн. для всех, № 9, с. 89—94. Подпись: М. Джемс.
Facts and figure about national economic in the USSR. М. 86 р.
- 1930** Страницы прошлого: [Вместо доклада на собрании в день печати 5 мая 1930 г.].— Новый мир, № 5, с. 120—127.
Япония на Лондонской конференции.— Междунар. жизнь, № 1, с. 2—16. Подпись: И. Тайгин.
Японские силуэты.— Новый мир, № 2, с. 199—209; № 4, с. 157—168; № 10, с. 165—177. Подпись: И. Тайгин. Продолжение см. в 1931 г.
- 1931** Происхождение капиталистической Японии. М. 124 с. Перед загл. авт.: В. Светлов.

Рец.: Мосина.—Рев. Восток, 1932, № 1/2, с. 334—339;
Скляр Д.—Пробл. марксизма, 1932, № 4/5, с. 237—
240.

Финляндия. М. 110 с. Перед загл. авт.: В. Крылов.

Японские силуэты.—Новый мир, № 3, с. 190—206. Подпись:
И. Тайгин. Начало см. в 1930 г.

Японские силуэты. М. 197 с. Перед загл. авт.: И. Тайгин.

1933 Предисл.: Калевала. М.; Л., с. VII—VIII.

1934 Происхождение капиталистической Японии. 2-е изд., испр. М.;
Л. 111 с. Перед загл. авт.: В. С. Светлов.

Рец.: Марков Р.—За большевистскую книгу, 1934, № 12,
с. 6—7.

Peace speech.—News Bulletin ARPC, 28 June, N 71, p. 4.

1935 Речь о внешней политике СССР [на конференции по планиро-
ванию в Лондоне].—Известия, 22 февр.

Рец.: Что такое «Советский коммунизм?»: (Новая книга Сид-
нея и Беатрисы Вебб «Советский коммунизм — новая цивили-
зация»).—Известия, 4 дек.

Social and economic planning in the Soviet Union: Speech at
Conference on Social and economic planning of the League of
Nations union, febr. 19, 1935. L. 24 p. (Anglo-Russian parlia-
mentary committee).

1936 Выступление [на заседании Международного комитета по
вопросам невмешательства в дела Испании 23 октября 1936 г.
Лондон].—Правда, 25 окт.

[Заявление Международному комитету по вопросу невмеша-
тельства в дела Испании от 23 октября 1936 г.].—Мировое
хозяйство и мировая политика, № 11, с. 206.

Мои встречи с И. П. Павловым.—Правда, 29 февр. (По теле-
фону из Лондона).

Речь по поводу ответа Италии [на заседании Международного
комитета по вопросам невмешательства в дела Испании 28 ок-
тября 1936 г.].—Правда, 30 окт.; Известия, 30 окт.

Речь по поводу ответа Португалии [на заседании Междуна-
родного комитета по вопросам невмешательства в дела Ис-
пании 28 октября 1936 г.].—Правда, 30 окт.; Известия, 30 окт.

Речь [на заседании Международного комитета по вопросам
невмешательства в дела Испании 4 ноября 1936 г.].—Правда,
6 нояб.; Известия, 7 нояб.

Речь [на заседании Международного комитета по вопросам
невмешательства в дела Испании 12 ноября 1936 г.].—Прав-
да, 15 нояб.; Известия, 15 нояб.

Речь в Комитете по невмешательству в дела Испании (9 де-
кабря 1936 г.).—Правда, 11 дек.; Известия, 11 дек.

Фронт мира против войны: Речь в «Фабианском обществе»
в Лондоне.—Правда, 21 марта; Известия, 21 марта.

Четверть века: (Из встреч с М. М. Литвиновым).—Правда,
17 июля.

Четкий образ: (К 60-летию М. М. Литвинова)—Известия,
17 июля.

Shakespeare in the USSR: Speech.— News Bulletin ARPC, 1 May, N 102, p. 1—2.

Soviet foreign policy Address by I. Maisky... [at the Liberal Summer school at Oxford on Aug. 1, 1936]. L. 20 p. (Anglo-Russian parliamentary committee).

Soviet youth: Its training and opportunities. Address to the students of the University of Wales, Aberystwath. L. 16 p. (Anglo-Russian parliamentary committee).

1937 Выступление [в Международном комитете по невмешательству в дела Испании: Изложение].— Правда, 24 июля.

Выступление [на заседании подкомитета Международного комитета по невмешательству в дела Испании. О срыве Германией и Италией политики невмешательства: Изложение].— Правда, 2 авг.

Выступление в Комитете по невмешательству 19 октября 1937 г. [Вопрос о фашистской интервенции в Испании].— Мировое хозяйство и мировая политика, № 12, с. 206—207.

Выступление [на заседании подкомитета Международного комитета по невмешательству в дела Испании. О выводе «добровольцев», о правах воюющей стороны, о контроле и «символической эвакуации»: Изложение].— Правда, 28 окт.; Известия, 28 окт.

Выступление [на заседании подкомитета Международного комитета по невмешательству в дела Испании: Обсуждение английского плана (о выводе «добровольцев» из Испании и признании против прав воюющей стороны за Франко)].— Правда, 4 окт.; Известия, 4 окт.

Заявление в Комитете по невмешательству 26 февраля 1937 г.— Мировое хозяйство и мировая политика, № 4, с. 199—200.

Заявление в Лондонском комитете по невмешательству на пленарном заседании комитета 24 марта 1937 г.— Мировое хозяйство и мировая экономика, № 5, с. 166—167.

Заявление [в Международном комитете по невмешательству о расследовании фактов итальянской интервенции в Испании. Текст и прения: Изложение].— Правда, 27 марта; Известия, 27 марта.

Заявление [на заседании подкомитета Международного комитета по невмешательству в дела Испании по вопросу о французском плане].— Правда, 21 окт.; Известия, 21 окт.

Письмо полпреда СССР И. М. Майского временно исполняющему обязанности председателя Комитета по невмешательству Уоллесу от 8 июня 1937 г.— Мировое хозяйство и мировая политика, № 7, с. 151—152.

Речь [на II конгрессе мира и дружбы с СССР в Лондоне 13 марта 1937 г.: Изложение].— Правда, 15 марта; Известия, 15 марта.

Речь [на заседании подкомитета Международного комитета по невмешательству в дела Испании: Изложение].— Правда, 4 июля; Известия, 4 июля.

Progress within the USSR and the present international situation: Speech at Congress of peace and friendship... March 13, 1937. L. 12 p. (Anglo-Russian parliamentary committee).

- 1941** «Неделя помощи России» в Бристоле: Послания Криппса и Майского.— Правда, 25 нояб.; Известия, 25 нояб.
Обмен письмами между послом СССР в Англии тов. Майским и председателем Франц. нац. комитета генералом де Голлем: [О признании Советским правительством генерала де Голля руководителем всех свободных французов, 27 сентября 1941 г.].— Внешняя торговля, № 10/11, с. 25—26; Правда, 28 сент.; Известия, 28 сент.
- 1942** Речь при вручении советских орденов английским летчикам.— Правда, 28 марта; Известия, 28 марта; Красная звезда, 28 марта.
- 1943** Награждение английских моряков советскими орденами: [Выступление на приеме в советском посольстве в Лондоне.] — Правда, 22 апр.; Известия, 22 апр.
Открытие в Лондоне выставки «25 лет СССР и Красной Армии».— Правда, 26 февр.; Известия, 26 февр.
Перед бурей: (Отрывки из воспоминаний).— Новый мир, № 2/3. с. 84—104; № 4, с. 98—104.
- 1944** Навстречу победе.— Красноармеец, № 2, с. 1—2.
Октябрь победы.— Красноармеец, № 20, с. 3—4.
Перед бурей. М. 228 с.
Пер.: на англ. яз. Лондон; Нью-Йорк (1944). 176 с.; на нем. яз. Берлин, 1950. 305 с.; на швед. яз. Стокгольм, 1945, 326 с.; на фин. яз. Хельсинки, 1945. 228 с.
Рец.: Вейланд О.— Ист. журн., 1944, № 9, с. 101—103; Заславский Д.— Литература и искусство, 1944, 29 июля; Шкапская М.— Смена, 1945, № 5, с. 12.
Проблема защиты мира и международной безопасности.— Большевик, № 21, с. 33—44. Подпись: И. Тайгин.
Рец.: Эренбург И. Война (апрель 1943 — март 1944). М., 1944, 415 с.— Труд, 1 мая.
- 1945** Перед бурей: Воспоминания. 2-е изд., М. 247 с., с илл.
Русский патриот [А. Н. Толстой].— Правда, 26 февр.
Ред. и вступ. стат.: Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г.: Пер. с англ. М. 298 с.
- 1947** *Рец.*: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны М., 1947. Т. 3, 790 с.— Сов. книга, № 3, с. 17—22.
- 1948** *Член ред. колл.*: Дипломатический словарь. М., Т. 1. 855 с.
- 1950** Невмешательство.— Дипломатический словарь. М., т. 2. с. 219—226. Статья без подписи.
Священный союз.— Там же, с. 594—596. Статья без подписи.
Чемберлен.— Там же, с. 924—929. Статья без подписи.
Черчилль.— Там же, с. 933—956. Статья без подписи.
Ред. и предисл.: Златкин И. Я. Монгольская Народная Республика — страна новой демократии: Очерк истории. М. 291 с., 2 л. карт.

Член ред. колл.: Дипломатический словарь. М. Т. 2. 995 с.
К возрождению германского милитаризма: (Историогр. заметки).— *Вопр. истории*, № 5, с. 156—168.

Пер. на нем. яз.: *Die Presse der Sowietunion*, В., 1956, N 102, S. 2343—2347.

Страницы из воспоминаний: (О Сунь Ят-сене).— *Смена*, № 24, с. 13—14, с портр.

1957 Англо-советское торговое соглашение 1921 г.— *Вопр. истории*, № 5, с. 60—77.

Пер. на рум. яз.: *Probleme de istorie*, Бус., N 5/6, p. 146—169.

Испания, 1808—1917. М. 454 с., с карт. Библиогр.: с. 426—430.

Пер.: на нем. яз. Берлин, 1961. 406 с.

Рец.: Губер А. А.— *Вопр. истории*, 1958, № 7, с. 167—170; Сказкин С. Д.— *Новая и новейшая история*, 1958, № 4, с. 159—161; Arpade Ch. W.— *American historical review*, N. Y., 1962, N 4, p. 1102—1103; Jemnitz J.— *Szazadok, Bp.*, 1958, N 1/4, 419—421 old.; Rothstein A.— *Anglo-soviet journal*, L., 1960, N 4, p. 36—37.

Наполеон и Испания.— В кн.: *Из истории общественных движений и международных отношений: Сб. ст. в память акад. Е. В. Тарле*. М., с. 292—313.

[Ответ на анкету редакции журнала «Народное образование»].— *Нар. образование*, № 11, с. 138.

Ред.: *Здравствуй, мир!*: (О странах мира. Для среднего и старшего возраста). М., 174 с., с илл.

1958 Близо — далеко: Повесть. М. 398 с., с илл.

Пер.: на латыш. яз. Рига, 1960. 376 с.; на литов. яз. Вильнюс, 1963. 446 с., с илл.

Из воспоминаний: (Отрывки из подготовляемой к печати книги воспоминаний о лондонской револ. эмиграции 1912—1917 гг.).— *Москва*, № 1, с. 147—170.

Из истории освободительной борьбы испанского народа 1808—1814 гг.: (К 150-й годовщине первой революции).— *Новая и новейшая история*, № 5, с. 23—32.

Мужественные «герильерос»: (К 150-летию со дня народного восстания в Мадриде).— *Молодая гвардия*, № 5, с. 161—163.

Проблема второго фронта в англо-американской историографии.— *Вопр. истории*, № 1, с. 62—84.

Пер. на рум. яз.: *Analele romino-sovietice. Seria istorie*, Бус., 1958, N 1/2 (21/22), p. 38—64.

Paginas de la historia de las relaciones entre Rusia y España a comienzos del siglo XIX.— *Nuestras ideas*, Bruselas, 1958, N 3, p. 80—82.

1959 Борьба за Мадрид.— В кн.: *Из истории освободительной борьбы испанского народа: Сб. ст. М.*, с. 123—156.

Рец.: Прицкер Д. П.— *Новая и новейшая история*, 1961, № 4, с. 148.

Великий оптимист [О. Ю. Шмидт].— *Отто Юльевич Шмидт*.

Жизнь и деятельность: Сборник, посвященный Герою Советского Союза акад. О. Ю. Шмидту, 1891—1956. М., с. 251—275. [Выступление по докладу А. В. Топчиева «XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза и задачи науки»: Крат. излож.].— Вестн. АН СССР, № 4, с. 52—53.

Монголия накануне революции. 2-е изд., перераб. М. 310 с., с илл. и карт.; То же. М., 1960.

Рец.: Конрад Н. И.—Вопр. истории, 1960, № 5, с. 187—189; East and West, L., 1960, N 4, p. 278—281; Balogh S.—Századok, Bp., 1963, N 1, 205—206 old.; Evans H.—Central asian review, L., 1966, N 4, p. 356—357; Murphy G. G. S.—Journal of asian studies, Ann Arbor, 1962, N 4, p. 563; Rothstein A.—Anglo-soviet journal, L., 1960, N 4, p. 36—37.

Скованный гигант: (Очерк).—Проблемы современного капитализма: К 80-летию акад. Е. С. Варга: Сб. ст. М., с. 222—246.

Отв. ред. Из истории освободительной борьбы испанского народа: Сб. ст. М. 404 с.

Ред.: Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность: Сборник, посвященный Герою Советского Союза акад. О. Ю. Шмидту, 1891—1956. М. 470 с.

Рец.: Легенды и действительность: (По поводу выхода русского издания книги Р. Шервуда «Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца»).—Новая и новейшая история, № 6, с. 76—81.

Пер. на рум. яз.: Probleme de istorie, Buc., N 2, p. 192—203.

Рец.: Новая и новейшая история, журн. М., 1957, № 1—6.—Вестн. АН СССР, № 10, с. 113—116 (совместно с А. А. Галкиным).

1960 [Воспоминания об Августе Бебеле: Выступление на научном заседании в Институте истории АН СССР, посвященном 120-летию со дня рождения А. Бебеля].—Новая и новейшая история, № 3, с. 144—149.

Воспоминания советского посла в Англии. М. 144 с.

Пер.: на словац. яз. Братислава, 1964. 199 с.; на чеш. яз. Прага, 1964. 199 с.

Рец.: Ермашев И.—Новый мир, 1960, № 11, с. 278—282; Иванов В. П.—Вопр. истории, 1960, № 12, с. 148—150; Иоффе А. Е.—История СССР, 1965, № 5, с. 135—136; Иполитов Г.—Новая и новейшая история, 1961, № 2, с. 168—169; Ким М. П.—История СССР, 1961, № 1, с. 186—187; Mezinárodní politika, Pr., 1965, N 2, s. 92—93; Wojskowy przegląd historyczny, W-wa, 1963, roc. 8, N 2, s. 326; A. V.—Studii. Revista de istorie, Buc., 1962, an15, N 4, p. 1070—1071; J. C.—Československý časopis historický, Pr., 1964, roč. 12, N 6, s. 920; J. T.—Historický časopis. Br., 1964, roč. 12, N 4, s. 603; J. V.—Mezinárodní politika, Pr., 1964, N 5, s. 239—240; T. B.—Historie a vojenství, Pr., 1963, N 4, s. 691—694; Bolsover G. H.—Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1963, Bd. 11, N 2, S. 285—286; Rothstein A.—Anglo-soviet journal, L., 1960, vol. 21, N 4, p. 36—37; Rosenfeld G.—Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, B., 1961, Jg. 9, N 4, S. 943.

Встречи с Ф. А. Ротштейном в дореволюционные времена: Из воспоминаний.— В кн.: Империализм и борьба рабочего класса: Сб. ст. памяти акад. Ф. А. Ротштейна. М., с. 54—64.

[Выступление на Совещании академиков и членов-корреспондентов АН СССР в редакции журнала «Вопросы истории», состоявшемся 30 июня 1960 г.: Крат. излож.].— *Вопр. истории*, № 8, с. 136.

Конгресс тред-юнионов 1913 г.: (Из воспоминаний).— В кн.: Империализм и борьба рабочего класса: Сб. ст. памяти акад. Ф. А. Ротштейна. М., с. 301—313.

На социалистическом конгрессе в Копенгагене.— *Новый мир*, № 4, с. 154—166.

Путешествие в прошлое: Воспоминания о русской политической эмиграции в Лондоне 1912—1917 гг. М. 326 с., с илл.

Пер.: на англ. яз. Лондон, 1962. 288 с.; на болг. яз. С., 1962. 333 с., рис.

Рец.: — Ново време, С., 1962, № 5, с. 95—96; Survey, L., 1961, July, N 37, p. 118; Carr E. H.— Soviet studies, Oxford, 1963, N 3, p. 366—367; Gallacher W.— Labour monthly, L., 1963, N 1, p. 44—45; Heinrich M.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, B., 1961, N 7, S. 1694; Kodedová O.— Československý časopis historický, Pr., 1962, N 2, s. 299—300; Pritt D. N.— Anglo-soviet journal, L., 1963, N 1, p. 34; Rauch G. von.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1962, N 2, S. 276—277.

Отв. ред.: Майданик К. Л. Испанский пролетариат в национально-революционной войне 1936—1937 гг. М. 381 с.

Ред.: Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании: Сб. ст. М. 260 с.

Член ред. колл.: Империализм и борьба рабочего класса: Сб. ст. памяти акад. Ф. А. Ротштейна. М. 507 с.

Член ред. колл.: Хрестоматия по новейшей истории, т. 1. 1917—1939: Документы и материалы. М. 926 с.

Член ред. колл.: Хрестоматия по новейшей истории, т. 2. 1939—1945: Документы и материалы. М. 765 с.

Рец.: Англия и Соединенные Штаты Америки: (По страницам мемуаров Антони Идена), [опубликованных в газете «Таймс» в янв.—февр. 1960 г.].— *Мировая экономика и междунар. отношения*, № 7, с. 144—154.

1961

Бернард Шоу: (Встречи и разговоры).— *Новый мир*, № 1, с. 208—223.

Близко—далеко: Повесть. М. 398 с., с илл.

Испанская революция 1820—1823 гг.— *Детская энцикл. для среднего и старшего возраста*. М., т. 7, с. 336—338.

Мировая экономическая конференция 1933 г. в Лондоне: (Из воспоминаний).— *Вопр. истории*, № 5, с. 51—71. Резюме на англ. яз., с. 221.

Пер. на рум. яз.: Analele romîno-sovietice, seria istorie, Buc., 1961, N 4(36), p. 44—67.

Невмешательство.— *Дипломат. словарь*. М., т. 2, с. 384—388. Статья без подписи.

Шекспир и советский флаг: Из воспоминаний.— Огонек, № 50, с. 14—15.

Глав. ред. серии «История английского рабочего движения в новое время»: Карлинер М. М. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны 1914—1918 гг. М., 488 с.

Член ред. колл.: Хрестоматия по новейшей истории. Т. 3, 1945—1961. Ч. 1. Документы и материалы. М. 799 с.

Рец.: За глухими стенами: О романе Э. Литлтон и Г. Штурца «Они пожнут бурю».— Москва, № 8, с. 78—79.

1962 Враги Испанской республики: (Из воспоминаний советского дипломата) [Отрывки из книги «Испанские тетради»].— Москва, № 3, с. 193—208.

Испанские тетради. М. 197 с., 1 л. портр.

Пер.: на англ. яз. Лондон, 1966, 208 с.; на исп. яз. М., 1965, 189 с.

Рец.: Лит. газ., 1963, 21 февр.; Заславский Д.— Новое время, 1963, № 12, с. 29—31; Ковылев В.— Звезда, 1962, № 12, с. 190; Майдалик К.— Новый мир, 1963, № 3, с. 273—275; Нарочницкий А. Л.— Новая и новейшая история, 1963, № 2, с. 150—152; Times literary supplement, L., 1966, N 3342, p. 218; L. A. G.— In: Cuadernos bibliograficos de la guerra de España, 1936—1939. Madrid, 1967, p. 147—150; Mickunn.— Szazadok, Bp., 1968 évf. 102, N 1/2, 271—272 old.; Pritt D. N.— Labour monthly, L., 1966, N 5, p. 239; Watt D. C.— Spectator, L., 1966, N 7198, p. 733.

А. М. Колонтай: (Из воспоминаний).— Октябрь, № 7, с. 107—112.

Кто помогал Гитлеру: (Из воспоминаний советского посла). М. 199 с.

Пер.: на англ. яз. Лондон, 1963; Лондон, 1964. 216 с.; Лондон, 1966; на венг. яз. Будапешт, 1963. 320 с.; Будапешт, 1964. 282 с.; на дат. яз. Копенгаген, 1965. 208 с.; на исп. яз. М., 1964. 191 с.; М., 1966. 200 с.; на нем. яз. М., 1964. 199 с.; М., 1965. 200 с.; на норв. яз. Осло, 1965. 197 с.; на португ. яз. Рио-де-Жанейро, 1966. 198 с.; на рум. яз. Бухарест, 1963. 200 с.; на словац. яз. Братислава, 1964. 198 с.; на фин. яз. Москва; Петрозаводск, 1964. 239 с.; на фр. яз. М., 1965. 265 с.; Париж, 1966; на чеш. яз. Прага, 1964. 211 с.

Рец.: Григорьев И.— Сев. правда, 1963, 3 марта; Заславский Д.— Новое время, 1963, № 12, с. 29—31; Кривошеева Е.— Кузбасс, 1963, 26 мая; Майдалик.— Новый мир, 1963, № 3, с. 275—276; Майский И. М.— Новое время, 1964, № 21, с. 25—28 [ответ рецензентам]; Нарочницкий А. Л.— Новая и новейшая история, 1963, № 2, с. 150—152.

Яковлев Н. Н.— Вopr. истории, 1965, № 10, с. 197—205; Books and Bookmen, L., 1964, Mar.; Democratie nouvelle, P., 1966, N 6, p. 27; Diplomatist, L., 1964, Mar.; Edinburgh evening news, 1964, 30 Apr.; Express and star, Wolverhampton, 1964, 17 Mar.; Foreign affair, N. Y., 1965, vol. 43, N 3, p. 538; Guardian journal, Nottingham, 1964, 20 Febr.; International affairs, L., 1965, vol. 41, N 1, p. 141;

Jewich chronicle, L., 1964, 28 Febr.; Le Monde, P., 1964, 19 févr.; 11 avr.; Sunday express, L., 1964, 16 Febr.; Times, L., 1964, 17 Febr., Times literary supplement, L., 1964, N 3234, p. 142; 1966, N 3342, p. 218; Wojskowy przegląd historyczny, W-wa, 1963, roc. 8, N 2, s. 326; J. G.—L'Ecole et la nation, P., 1966, N 150, p. 48; M. P.—Eastern daily press, Norwich, 1964, 21 Febr.

T. B.—Historie a vojenství, Pr., 1963, N 4, s. 691—694.

Aragona A.—Estudios, Montevideo, 1965, N 36, p. 118—121; Ashley H.—Field, L., 1964, 19 Mar.; Bilainkin G.—Contemporary review, Westminster, 1964, May, N 1180, p. 272—273.

Buchan A.—Sundaytimes, L., 1964, 16 Febr.

Cotte C. R.—Daily telegraph and morning post, L., 1964, 17 Febr.; Daladier E.—Le Monde, P., 1964, 29 Febr. Douglas H. Observer, L., 1962, 19 Sept.; Driberg T.—Sunday citizen, L., 1964, 16 Febr.

Edmonds R.—Sphere, L., 1964, 29 Febr.

Faithful J.—Time and tide, L., 1964, 20 Febr.

Ferguson I.—Evening chronicle, Newcastel, 1964, 22 Febr.

Fitzgibbon C.—Spectator, L., 1964, 3 Apr., p. 456;

Forrest W.—Daily mail, L., 1964, 17 Febr.

Hayter W.—Observer, L., 1964, 16 Febr.

Headlam-Morley A.—Times, L., 1964, 16 Mar.; Hollis Ch.—Punch, L., 1964, 26 Febr.

Joll J.—New statesman, L., 1964, 6 Mar., p. 369; Lambert J. S.—Tribune, L., 1964, 21 Febr.

Latey M.—Financial times, L., 1964, 24 Febr.; Lockhart R. R.—Glasgow herald, 1964, 15 Febr.; MacGregor-Hasth R.—Tribune, L., 1964, 6 Mar.

Maisky I. M.—Times, L., 1964, 12 Mar., 7 Apr. [ответ рецензентам]; *Medicott W. N.*—Times, L., 1964, 17 Mar.

Mott-Radcliffe Ch.—Times, L., 1964, 20 Mar.

Niri A.—Analele institutului de istorie a partidului de pe Lîngă C. C. al P. M. R., Buc., 1963, N 2, p. 153—155; Quaester.—Labour monthly, L., 1964, May; Rogers M.—Yorkshire post, Leeds, 1964, 20 Febr.

Poskill S.—Sunday telegraph, L., 1964, 16 Febr.

Sherman A.—Birmingham post and gazette, 1964, 18 Febr.

Souch T.—Evening chronicle, Newcastle, 1964, 21 Febr.

Souch T.—Northern echo, Darlington, 1964, 28 Febr.

Souch T.—Schields gazette, 1964, 21 Febr.

Stevens J., Oliver R. E. W.—Times, L., 1964, 18 Mar. Strang.—Times, L., 1964, 24 Mar.

Vinde V.—Stockholms-tidningen, 1964, 25 Febr.

Warbey W.—Daily worker, L., 1964, 20 Febr.

Whatley R.—Liverpool daily post, 1964, 26 Mar.

Winkler H.—Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, B., 1964, Jg. 12, N 3, S. 535; Woodward L.—Times, L., 1964, 19 Mar.; Závodský A.—Rovnost, Brno, 1964, 13 srp., s. 5; Zilliacus K.—Tribune, L., 1964, vol. 28, N 7, 14 Febr., p. 8—9.

Накануне второй мировой войны: (Из книги воспоминаний советского дипломата).—Новое время, № 2, с. 28—31; № 3,

с. 26—29; № 4, с. 26—29; № 5, с. 24—27; № 6, с. 27—30, № 7, с. 27—29.

Первые шаги посла. [Из воспоминаний советского посла в Англии 1932—1933].—Новый мир, № 10, с. 144—193.

Разоружение — не миф! — Комс. правда, 7 июля.

Чемберлен и Мюнхен: [Из книги воспоминаний советского дипломата].—Вопр. истории, № 1, с. 98—113. Резюме на англ. яз. с. 220—221.

Чингисхан.—Вопр. истории, № 5, с. 74—83. Резюме на англ. яз., с. 215—218.

Пер. на рум. яз.: *Analele romino-sovietice. Ser. istorie*, Бус., 1962, N 4, p. 75—86.

Глав. ред. серии «История английского рабочего движения в новое время»: Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М. 536 с.; Черняк Е. Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М. 717 с.

1963 Встречи с Гербертом Уэллсом.—Иностр. лит., № 1, с. 236—250. [Выступление на Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г.: Крат. излож.].—Новая и новейшая история, № 2, с. 21.

Дипломат ленинской школы: (К 80-летию со дня рождения Н. Н. Крестинского).—Известия, 27 окт. (воскр. вып.).

Первая конференция по разоружению: (Из воспоминаний).—Новая и новейшая история, № 3, с. 89—94. Резюме на англ. яз., с. 181.

Предисл.: Свердлов Г. М. Лондон и Бонн: Английский империализм и политика перевооружения ФРГ (1955—1963 гг.). М., с. 3—6.

Отв. ред.: Испанский народ против фашизма (1936—1939 гг.): Сб. ст. М. 492 с., с илл. и карт.

Рец.: Ибаррури Д. Единственный путь. М., 1962. 463 с.—Новая и новейшая история, № 4, с. 151—157.

Рец.: Парижская Коммуна 1871 г. М., 1961. Т. 1, 2.—Известия, 16 марта (воскр. вып.).

Рец.: The Eden memoirs: Facing the dictators. L., 1962. 659 p.—Мировая экономика и междунар. отношения, № 11, с. 61—75.

1964 Беседы о советской дипломатии: Курс, который не меняется — Правофланговые армии мира — В наши дни.—Моск. комсомолец, 3—5 марта; То же.—Бюл. для комс. газет, № 18, с. 1—3; № 19, с. 1—3; № 20, с. 2—4.

Воспоминания советского посла: В 2-х кн. М.

Кн. 1. Путешествие в прошлое. 462 с. с илл., 2 л. портр.

Кн. 2. Мир или война? 539 с., с илл.

Пер.: на болг. яз. С., 1965 (кн. 1—2); на венг. яз. Будапешт, 1967. 687 с., 675 с. (кн. 1—2); на ит. яз. Рим, 1965. 590 с. (кн. 2); на нем. яз. Берлин, 1967. 872 с.; Берлин, 1968. 872 с.; Берлин, 1971. 886 с.; на пол. яз. Варшава, 1967—1968 (кн. 1—2); на яп. яз. Токио, 1967. 435 с. (кн. 2).

Рец.: Генри Э.—Звезда, 1973, № 3, с. 202—207 (кн. 1—3); Ермашев И.—Новый мир, 1964, № 6, с. 248—251

(кн. 1—2); Трухановский В. Г.—Новая и новейшая история, 1965, № 3, с. 153—157 (кн. 1—2); *Więś współczesna*, W-wa, 1968, N 7, s. 159 (кн. 1); A.—*Weg und Ziel*, Wien, 1968, N 1, S. 55—56 (кн. 1—2); Z. S. I.—*Ceskoslovenský časopis historický*, Pr., 1965, roč. 13, N 6, s. 912; Daszkiewicz W.—*Ż dziejów stósunków polsko-radzieckich*, t. 5, W-wa, 1969, s. 224—228 (кн. 1—2); Heller I.—*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, B., 1964, N 7, S. 1293; Jaszuński G.—*Zycie Warszawy*, 1964, N 153, s. 3; Jędruszczak T.—*Nove książki*, W-wa, 1968, N 21, s. 1433—1435 (кн. 2); Rosenfeld G.—*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, B., 1968, N 6, S. 804—806 (кн. 1—2); Stone J.—*Russian review*, Hannover, 1966, vol. 25, N 4, p. 428 (кн. 1); Zatorski A.—*Nove książki*, W-wa, 1967, N 20, s. 1239—1241 (кн. 1); Zilliacus K.—*Tribune*, L., 1964, vol. 28, N 7, 14 Febr., p. 8—9 (кн. 2).

[Выступление в прениях по докладу Б. Н. Пономарева].—Всесоюз. совещ. о мерах по улучшению подгот. науч.-пед. кадров по ист. наукам, Москва, 1962. М., с. 145—149.

Дни испытаний: Из воспоминаний посла [1941 г.].—*Новый мир*, № 12, с. 160—194.

Рец.: Lazea A.—*Studii. Revista de istorie*, Buc., 1966, t. 19, N 2, p. 421.

Исторический журнал и современность: По страницам журнала «Вопросы истории».—*Коммунист*, № 4, с. 87—93 (совместно с М. Нечкиной, А. Манфредом, Л. Шкаренковым).

Начало второй мировой войны: [Из воспоминаний советского дипломата].—*Новая и новейшая история*, № 1, с. 89—105.

Полезный урок: [К 40-летию установления дипломатических отношений между СССР и Англией].—*Известия*, 1 февр. (воскр. вып.).

Священный союз.—*Дипломатический словарь*. М., т. 3, с. 130—132. Статья без подписи.

Трудные дни [1942 г.: Из воспоминаний советского посла в Англии].—*Новое время*, № 30, с. 27—29.

1940-й год в Англии: Из воспоминаний советского дипломата.—*Новое время*, № 2, с. 22—26; № 3, с. 20—24; № 4, с. 26—30; № 5, с. 24—27; № 6, с. 21—26; № 7, с. 24—28.

У истоков «Звезды». Из воспоминаний.—*Лит. газ.*, 4 февр.

Чемберлен.—*Дипломатический словарь*. М., т. 3, с. 459—462. Статья без подписи.

Черчилль.—Там же, с. 464—465. Статья без подписи.

The first soviet ambassador to Britain.—*Comment*, N 45, p. 707—708, 720. [О М. М. Литвинове].

Отв. ред.: Гонсалес А. История испанских секций Международного Товарищества Рабочих, 1868—1873 гг. М. 192 с.

Глав. ред. серии «История английского рабочего движения в новое время»: Рожков Б. А. Революционное направление в английском рабочем движении 50-х годов XIX в. М. 224 с.

Рец.: Никитин П. М. Записки премьера ДВР: Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). М., 1963. 287 с.; Казанин М. И. Записки секретаря миссии: Страничка истории первых лет советской дипломатии. М., 1963. 159 с.—Новый мир, № 5, с. 251—254.

1965

Англия и советско-финская война: (Из воспоминаний советского посла в Англии).—Вопр. истории, № 4, с. 43—55.

Пер. на нем. яз.: Sowjetwissenschaft: Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge, S. 973—988.

Борьба за второй фронт: Из записок посла [1942—1943].—Новый мир, № 6, с. 168—186; № 7, с. 185—210; № 8, с. 166—187.

Рец.: Lazea A.—Studii. Revista de istorie, Buc., 1966, t. 19, N 2, p. 421.

В дни войны. [Из воспоминаний советского посла в Англии].—Новая и новейшая история, № 4, с. 63—72.

В Лондоне.—В кн.: Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., с. 227—230.

Воспоминания советского посла: Война, 1939—1943. М. 407 с. *Пер.:* на англ. яз. Лондон, 1967. 408 с.; Нью-Йорк, 1967; Нью-Йорк, 1968. 408 с.; на венг. яз. Будапешт, 1968, 506 с.; на ит. яз. Рим, 1968. 467 с.; на пол. яз. Варшава, 1970. 499 с.; на рум. яз. Бухарест, 1967. 448 с.; на словац. яз. Братислава, 1967. 453 с.; на чеш. яз. Прага, 1967. 482 с.; на яп. яз. Токио, 1967. 244 с.

Рец.: Польша, 1970, № 12, с. 41; Поздеева Л. В.—Новая и новейшая история, 1966, № 1, с. 156—158; Economist, L., 1967, N 6469, p. 655; Illustrated London news, 1967, N 6683, p. 28—29; Libri riviste d'Italia, Roma, 1969, N 230, p. 584; Time and tide, L., 1967, N 26, p. 23; Times literary supplement, L., 1967, N 3420, p. 811; B. K.—Historie a vojenství, Pr., 1967, N 1, s. 161; H. Sch.—Deutsche Aussenpolitik, B., 1966, N 8, S. 999; P. S.—British-Soviet friendship, L., 1967, Nov., p. 8; Barman Th.—International affairs, L., 1968, N 2, p. 294—297; Biláin-kin G.—Contemporary review, L., 1967, N 1221, p. 192—197; Gill D.—New statesman, L., 1967, N 1917, p. 818—819; Johnston R. H.—Library journal, N. Y., 1968, N 12, p. 2486; Kalb M.—Saturday review, N. Y., 1968, N 19, p. 43; Kennan G. F.—Slavic review, L., 1969, N 1, p. 150—153; Kolkowicz R.—Problems of communism, Wash., 1969, N 3, p. 41—44; Laran M.—Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale, P., 1972, N 86, p. 108—110; Larski W.—Sprawy miedzynarodowe, W-wa, 1966, N 6, s. 125—128; Norton C.—Manchester guardian weekly, L., 1967, N 8, p. 10; Ogmöre—Contemporary review, L., 1967, N 1220, p. 161—162; Otáhal M.—Československý časopis historický, Pr., 1968, N 2, p. 234—236; Quastor—Labour monthly, L., 1967, N 11, p. 524—525; Simion A.—Analele Institutului de studii istorie și soc.-polit. de le Lingă C. C. al P. C. R., Buc., 1968, N 1, p. 178—182; Watt D. C.—Spectator, L., 1967, N 7260, p. 189.

На Крымской конференции.— Новое время, № 9, с. 18—22; № 10, с. 16—19.

Национально-революционная война испанского народа и Советский Союз.— В кн.: Под знаменем Испанской республики, 1936—1939: Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании. М., с. 15—68.

Пер. на пол. яз.: Pod sztandarem Republiki Hiszpankiej. W-wa, 1967, s. 11—57.

Несколько мыслей.— Искусство кино, № 1, с. 69.

[О работе Кольцова в Наркоминделе в начале 20-х годов].— В кн.: Михаил Кольцов, каким он был: Воспоминания. М., с. 17—23.

Послесловие [к роману С. Хейра «Чисто английское убийство»].— Нева, № 11, с. 138.

Семь номеров: [Из воспоминаний о работе в ред. журн. «Звезда», 1923—1924].— Знамя, № 7, с. 192—213.

«Тогда» и «теперь»: [Выступление на конференции в Советском комитете защиты мира].— В защиту мира, № 2, с. 16—18, с портр.

El Comienzo de la segunda guerra mundial: Memorias.— Ciencias sociales. Contemporaneas, La Habana, 1965, vol. 1, N 2, p. 129—155.

Osoby a obsazení.— Z pameti sovetskeho diplomata. III.— Mezinárodní politika, Pr., 1965, N 4, p. 188—189.

Отв. ред.: Пономарев Л. В. Рабочее движение в Испании в годы революции, 1931—1934. М. 328 с.

Отв. ред.: Рабочее движение в Скандинавских странах и Финляндии: [Сб. ст.]. М. 260 с.

Отв. ред.: Социально-экономические проблемы истории Испании: [Сб. ст.]. М. 447 с.

Глав. ред. серии «История английского рабочего движения в новое время»: Виноградов В. Н. У истоков лейбористской партии (1889—1900). М. 445 с.

Ред.: Под знаменем Испанской республики, 1936—1939: Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании. М. 567 с.

Рец.: Ерусалимский А. С. Германский империализм. М., 1964. 664 с.— Вестн. АН СССР, № 5, с. 127—129.

1966 Дипломатия и культура: [Из книги «Бернард Шоу и другие»].— Иностр. лит., № 5, с. 232—242.

Мюнхенская драма.— Новое время, № 42, с. 16—21; № 43, с. 24—27; № 44, с. 25—28; № 46, с. 26—29; № 47, с. 18—22; № 49, с. 23—26; То же на англ. яз.— Tribune, Colombo, 1967, vol. 13, N 1, p. 3, 4; N 2, p. 9, 10; N 4, p. 9, 10; N 5, p. 9, 10; на чеш. яз.— Nova doba, 1966, N 42—44, 46—47, 49.

Невилль Чемберлен.— В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР: Сб. ст. к 70-летию акад. И. И. Минца. М., с. 464—483.

Памяти Хьюлетта Джонсона.— Лит. газ., 27 окт.

Страницы из дневника: [Воспоминания советского посла в Англии, 1934—1935].— Новая и новейшая история, № 6, с. 118—128. Продолжение см. в 1967 г.

Со было robić?: (fragment wspomnień).— Miesięcznik literacki, W-wa, N 2, s. 114—120.

Глав. ред. серии «История английского рабочего движения в новое время»: Мадор Ю. П. Подъем рабочего движения в Англии в 1910—1913 гг. М. 287 с.

Член ред. колл.: Европа в новое и новейшее время: Сб. ст. памяти акад. Н. М. Лукина. М. 687 с.

Член. ред. колл.: Октябрь и гражданская война в СССР: Сб. ст. к 70-летию акад. И. И. Минца. М. 526 с.

Рец.: Дангулов С. Дипломаты: Роман (Дружба народов, 1966, № 4—6).— Лит. Россия, 7 окт., с. 2—3.

1967 Воскрешая былое.— В мире книг, № 8, с. 2—3, портр. Дипломаты ленинской школы: [Воспоминания о Г. В. Чичерине].— Новое время, № 44, с. 10—13.

Пер. на пол. яз.: Mezinárodní politika, W-wa, 1967, N 6, s. 270—273.

Павлов в Англии.— В кн.: И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., с. 332—334.

Страницы из дневника: [Воспоминания советского посла в Англии, 1934—1935 гг.].— Новая и новейшая история, № 1, с. 102—113.

Б. Шоу и другие: Воспоминания. М. 201 с., 8 л. илл.

Рец.: Горбатов Л.—Белгородская правда, 1968, 9 авг.; Нарочницкий А. Л.—Новая и новейшая история, 1968, № 3, с. 158—159; Образцова А.—Лит. газ., 1968, 14 авг., с. 5; Семенчук М. Н.—Український історичний журнал, 1968, № 12, с. 141—142.

Lenin — amilyenek H. G.: Wells látta.— Korynk. Cluj, N 1, 89—92 old.

Рец.: Алешин С. Дипломат: Пьеса. Спектакль Малого театра.— Новое время, № 22, с. 31—32.

Рец.: Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1966. 344 с.—Москва, № 5, с. 196—197.

Рец.: Тур А., Тур П. Чрезвычайный посол: [Спектакль. МХАТа].— Новое время, № 42, с. 17.

Рец.: Тур А., Тур П. Чрезвычайный посол: Спектакль МХАТа.— Сов. культура, 12 марта, с. 4.

1968 Александра Коллонтай: К 50-летию советской дипломатической службы.— Новое время, № 4, с. 20—22.

Из лондонских воспоминаний (1925—1927).— Новый мир, № 4, с. 195—216; № 5, с. 153—167.

Полпред Красин: [Из воспоминаний о Л. Б. Красине].— Новое время, № 3, с. 23—26.

Maxim Litwinow.— Deutsche Aussenpolitik, B., 1968, N 1, S. 111—113.

Отв. ред.: Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза, 1928—1932. М. 487 с.

Рец.: Монголия на верном пути.— Новое время, № 41, с. 31—32.

- 1969 *Вступ. ст.*: Семиряга М. И. Эхо Сталинградской битвы. Волгоград, с. 5—8.
Рец.: Тем, кто были первыми: [О фильме «Гимнастерка и фрак»].— Сов. кино, 29 марта.
- 1970 Дипкурьер Шефер.— В кн.: Дипкурьеры: Очерки о первых советских дипломатических курьерах. М., с. 97—101.
Пер.: на латыш. яз. Рига, 1972, с. 79—82; на молд. яз. Кишинев, 1973.
О советских дипкурьерах первых лет революции.— В кн.: Дипкурьеры: Очерки о первых советских дипломатических курьерах, с. 5—9.
Пер.: на латыш. яз. Рига, 1972, с. 5—8; на молд. яз. Кишинев, 1973, с. 5—10.
Слово к читателям: [Предисловие].— Уэллс Г. Россия во мгле. М., с. 3—14.
Roosevelt and Churchill on the question of the second front.— Problems of the contemporary World, N 3, p. 92—108; То же на нт. и фр. яз.
Рец.: Дипкурьеры: Очерки о первых советских дипломатических курьерах. М., 1970. 271 с., 4 л. илл.— Кн. обозрение, 25 дек., № 52, с. 2.
- 1971 Воспоминания советского дипломата, 1925—1945. М. 711 с., 1 л. портр.
Пер. на нем. яз. Берлин, 1973, 885 с.
Рец.: Генри Э.— Звезда, 1973, № 3, с. 202—207; Иoffee А. Е.— Новая и новейшая история, 1972, № 6, с. 183—185.
Из дальних лет (1908—1912 гг.: Воспоминания и размышления).— В кн.: Ежегодник германской истории, 1970. М., с. 345—404.
Испания и СССР.— В кн.: Проблемы испанской истории. М., с. 9—18.
К истории советско-финских отношений.— В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., с. 394—400.
Невмешательство.— Дипломатический словарь. М., т. 2, с. 367—370. Статья без подписи.
Поединок в Лондоне. (О сов.-англ. торговых переговорах 1932—1934 гг.: Интервью б. посла СССР в Англии).— Журналист, № 6, с. 71, 74—75.
Член ред. колл.: Проблемы испанской истории. М. 399 с.
Член ред. колл.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М. 472 с.
Рец.: Ежегодник германской истории, 1969. М., 1970. 512 с.— Новая и новейшая история, № 5, с. 165—166.
- 1972 Георгий Васильевич Чичерин: [К 100-летию со дня рождения].— Новая и новейшая история, № 6, с. 122—129.
Мюнхенская драма. М., Изд. АПН. На англ. яз. 86 с.; на исп. яз. 88 с.; на нем. яз. 103 с.; на пол. яз. 87 с.; на словац. яз. 79 с.; на фр. яз. 80 с.; на чеш. яз. 79 с.

Ученые прозревают.— Лит. газ., 22 марта [XX век. Наука и общество].

Lehren der Geschichte und europäische Sicherheit: Die Bedeutung der öffentlichen Organisationen.— Weg und Ziel, Wien, N 7/8, S. 265—266.

Член ред. колл.: Европа в средние века: экономика, политика, культура: Сб. ст. к 80-летию акад. С. Д. Сказкина. М. 446 с.

Член ред. колл.: Проблемы британской истории, 1972. М. 335 с.
Рец.: Ж и в к о в а Л. Англо-турецкие отношения, 1933—1939 гг. С., 1971. 217 с.— Новая и новейшая история, № 3, с. 174—176.

1973

Дипкурьер Шефер.— В кн.: Дипкурьеры: Очерки о первых советских дипломатических курьерах. 2-е изд., доп. М., с. 95—98.
Из воспоминаний о Бернарде Шоу и Герберте Уэллсе. М. 64 с.
Из записок первого редактора.— Звезда, № 12, с. 159—164.
Люди. События. Факты. М. 215 с., 1 л. портр.

Рец.: Тур А., Тур П.— Лит. газ., 1974, 16 янв.

О советских дипкурьерах первых лет революции.— В кн.: Дипкурьеры: Очерки о первых советских дипломатических курьерах. 2-е изд., доп. М., с. 1—5.

Член ред. колл.: Проблемы британской истории, 1973. М. 294 с.

Рец.: Гонцы революции. [О кн.: Дипкурьеры: Очерки о первых советских дипломатических курьерах. 2-е изд., доп. М., 1973. 304 с., 4 л. илл.].— Кн. обозрение, 31 авг., № 35, с. 1, 3.

Составитель Н. Я. Крайнева

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	3

I

<i>С. П. Пожарская</i> АКАДЕМИК ИВАН МИХАЙЛОВИЧ МАЙСКИЙ (страницы творческой биографии)	5
<i>В. Ф. Неганов</i> АКАДЕМИК И. М. МАЙСКИЙ — ДИПЛОМАТ, ИСТОРИК И МЕМУАРИСТ	18
<i>А. Г. Судейкин</i> АКАДЕМИК И. М. МАЙСКИЙ И ГРУППА ПО ИЗУЧЕ- НИЮ ИСТОРИИ АНГЛИИ	57
<i>Савва Дангулов</i> ПОСОЛ МАЙСКИЙ И ПИСАТЕЛИ	65
<i>А. А. Майская</i> ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР	94
<i>А. И. Кондратович</i> И. М. МАЙСКИЙ В «НОВОМ МИРЕ»	98
<i>Е. А. Таратута</i> ДОМИКИ ИЗ СПИЧЕК	105
<i>Александр Казанцев</i> И ОН ЛЮБИЛ ФАНТАСТИКУ	110

II

Академик <i>М. В. Нечкина</i> ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КУЛЬ- ТУРЫ	113
Академик <i>Н. М. Дружинин</i> ВОСПОМИНАНИЯ О М. М. ЧЕМОДАНОВЕ	128
<i>П. В. Волобуев</i> СОВЕТСКАЯ РОССИЯ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕН- ЦИИ	134

<i>В. Л. Мальков</i>	
ОТ ИНТЕРВЕНЦИИ К ПРИЗНАНИЮ: ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В США ПО ВОПРОСУ О НОРМАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1917—1933)	149
<i>З. С. Белоусова</i>	
НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ И ДИПЛОМАТИЯ ПАРИЖА	191
<i>Л. В. Поздеева</i>	
КАНАДО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1939—1945) . .	208
<i>Н. Д. Смирнова</i>	
ПОЛИТИКА США В ГРЕЦИИ (К истории появления одного документа госдепартамента)	231
<i>О. В. Савинова</i>	
ФРАНКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ (1928—1929)	245
<i>Л. Г. Бондаревская</i>	
АНГЛИЙСКИЕ ПЛАНЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ИРАНЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ФОРМА КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	264
<i>В. В. Суховерхов</i>	
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГАСПАРА ДЕ ХОВЕЛЬЯНОСА КАК ЛИТЕРАТОРА-ПРОСВЕТИТЕЛЯ («севильский» пе- риод)	282
ТРУДЫ И. М. МАЙСКОГО	294

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ В НОВОЕ и новейшее время

К 100-летию
со дня рождения
академика И. М. МАЙСКОГО

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Н. Ф. Лейн

Художник
Н. А. Седельников

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Э. Л. Кунина

Корректоры
Е. Н. Белоусова, О. В. Лаврова

ИБ № 28591

Сдано в набор 13.01.84
Подписано к печати 27.04.84
Т-02384. Формат 84×103¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 16,9 Уч.-изд. л. 19,1
Усл. кр. отт. 16,9 Тираж 6400 экз.
Тип. зак. 3622
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10